АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1983

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
О. Н. ТРУБАЧЕВ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Очередной том ежегодника содержит исследования в области этимологии, исторического словообразования и лексикологии. Большая часть статей посвящена этимологизации славянской лексики.

В критико-библиографический отдел входят рецензии на новейшие публикации в области славянской этимологии.

Рецензенты: *Л. В. Вялкина*, *Э. Г. Шимчук*

Этимология

1983

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художественный редактор *Г. П. Валлас*. Технический редактор *А. М. Сатарова*
Корректор *М. В. Борткова*

ИБ № 29356

Сдано в набор 08.02.85. Подписано к печати 22.11.85. Формат 60×90[1]/16.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,5,
Усл. кр. отт. 14,75. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 2250 экз. Тип. зак. № 128. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Э $\frac{4602000000-419}{042(02)-85}$ 325-85-III

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ПРАСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ПАМЯТИ ФЕДОТА ПЕТРОВИЧА ФИЛИНА

В нынешнем году, можно считать, исполнилось десять лет с того момента, как было выдвинуто понятие праславянской лексикографии [1]. Реализация нашего замысла праславянской лексикографии совпала с последними годами жизни покойного ученого; не будучи его собственным делом, она как бы пересеклась с его путями и мыслями, не однажды отпечатавшись в них. Поэтому показалось полезным напомнить здесь и сейчас о понятиях и идеях, стоящих за термином праславянская лексикография, а также затронуть при этом (разумеется, со всей краткостью) несколько самых общих вопросов, которые должны интересовать тех, кому небезразлично русское и славянское языкознание. Вот уже почти десять лет публикуются продолжающиеся труды: наш Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 1—11: А — К (М., 1974—1984) и краковский «Słownik prasłowiański», t. I—V: A — D (Wrocław etc., 1974—1984). Кроме этих двух основных словарей, начавших издаваться одновременно в декабре 1974 г.[2], другие, в общем немногочисленные, словарные публикации последних десятилетий, главным образом в Чехословакии, хотя и прибегают также к праславянской лексической реконструкции, в целом преследуют более широкие, сравнительные цели, восходящие еще к традициям неоконченного словаря Бернекера начала века, поэтому мы не будем здесь обращаться к этим другим словарям [3].

К тому же, нас сейчас интересует русистский аспект проблемы, что отнюдь не означает утраты интереса к прочим аспектам. И материал, и новые задачи его изучения напоминают нам, что для русистики важно очень многое из того, что традиционно к русистике не относится.

Абстрактно-хронологически выглядит так, что словарь праславянского периода (скажем, наш Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд) открывает собой серию словарей славянского, в нашем случае — русского языка; за ним следуют исторические словари, словарь XVIII в., словари современного языка, диалектные словари. Люди, знавшие и слышавшие Ф. П. Филина, помнят, что он любил прибегать к этому образу фронта словарей в своих публичных выступлениях. На самом же деле праславянский словарь как бы завершает пирамиду словарей любого

славянского языка, он опирается на опыт, в частности, всей русской лексикографии. Он не случайно выходит позже всех этих словарей.

Думаю, что выход трудов по праславянской лексикографии — не односторонний акт, а ответ на обозначившуюся потребность более глубокого познания праславянского языка. Что значит познать язык? Исследовать системы его фонологии, морфологии, словообразования явно недостаточно, это дает лишь знание схемы, скелета, тогда как требуется знание языка. Аналогично судил В. В. Виноградов: «Что такое знание древнерусского языка? Морфологические схемы эволюции древнерусских именных, местоименных и глагольных парадигм, общий каркас характерных синтаксических конструкций — форм сочетаемости слов и типов образования предложений в их историческом движении нам более или менее известны. Однако это еще не дает полного знания языка» [4]. Поскольку в мировой науке уже ставится вопрос именно о лексикографе как посреднике между языкознанием и обществом [5], ясно, что на специалиста по праславянской лексикографии (а не на специалиста по праславянской фонетике — фонологии, грамматике и даже словообразованию) ложится главная тяжесть поставщика информации о праславянском языке, его семантике и, как сейчас говорят, картине мира. Эти две последние категории познаваемы почти исключительно из реконструкции праславянской лексики и ее происхождения. При вспомогательной роли таких лингвистических дисциплин как фонетика и морфология здесь приобретают важность и нелингвистические дисциплины, например, археология, в сотрудничестве с которой лексикология (этимология) и лексикография праславянского языка рассматривают проблемы религии, погребального обряда, хозяйства, домостроительства, общественных отношений древних и древнейших славян, их географическую среду обитания.

В глазах современного исследователя, вообще — нашего современника ситуация праславянского языка и его словарного состава двойственна. С одной стороны, это — мертвый язык, но, с другой стороны, он продолжает в преобразованном виде жить в нашем языке и его лексиконе. Если верно, что каждый мертвый язык ценен и поэтому не мертв для человечества, то это вдвойне верно о нашем языке — предке для нас. Стремясь глубже понять его, мы готовы к более глубокому осмыслению собственного языка. И все же поучительно заметить, что в то время как у нас судьбы славянского праязыка занимают умы считанных специалистов, а широкую культурную общественность эта проблема вряд ли задевает, в современной Франции, например, о мертвом языке напряженно размышляют поэты и беллетристы, ср. заголовки статей «Любовь к мертвому языку», «Языки и смерть», «Поэзия и древние языки» в специальном выпуске «Action poétique» № 80, 1979 [6]. Здесь говорится о недостаточной релевантности противопоставления живого языка языку мертвому, вводится существенное различение мертвых, но дошедших до нас языков, и языков исчезнувших, умолкнувших без следа; теплые слова посвящены любителю мертвых языков, который вдыхает в них жизнь,

приостанавливает разрушения смерти. Есть французские поэты, которые и сейчас пишут стихи по-латински. Здесь, далее, говорится об отчаянии, в которое впадаешь перед молчащими письменами, но и о сомнениях по поводу кажущейся бесполезности мертвого языка. Есть даже такие слова: «. . . и любовь к нашему собственному языку, ведущая нас к тому языку, из которого вышел наш, открывает нам смысл нашего выбора: именно потому, что мы любим его, живой язык, и его лексику и его синтаксис, мы стремимся узнать тот, другой язык, который предшествовал ему. . .» [7]. При моем переводе неизбежно пропал женский род французского *la langue* 'язык', поэтому чувства поэта как бы потускнели, и все равно тут есть чему позавидовать нам, русским, славянам. Французский праязык — латынь зафиксирован в богатейшей литературе и лексикографии, а слова нашего славянского праязыка (о текстах я уж не говорю) доступны нам лишь в наших — временами спорных — реконструкциях, поэтому нам бы не мешало перенять у «беспечных» французов хотя бы часть этого святого беспокойства. Мое отступление преследовало одну цель — показать общественную важность серьезных занятий праязыком.

Таким образом, ясно без лишних слов, что праславянская лексикография — это разновидность праязыковой лексикографии [8]. В этой связи кажется естественным, чтобы заглавное слово (лемма) словарной статьи в таком словаре давалось в праязыковой (обычно реконструированной) форме, как в нашем Этимологическом словаре славянских языков (далее — ЭССЯ) или в польском «Праславянском словаре» (далее — ПС). На практике прибегают и к иным приемам, ср. опыт «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна, где обычно заглавным служит слово о д н о г о из тюркских языков, а также характерный подзаголовок этого словаря: «О б щ е тюркские и м е ж тюркские основы». Вопрос о пратюркских основах или лексемах в сущности здесь прямо не ставится. В таких случаях бывает трудно понять, в чем причина разности трактовки — в неразработанности праязыковой стадии языка в науке или в некотором консерватизме терминологии, которая давно обслуживает вполне современные научные представления, как например в случае с франц. slave commun, англ. Common Slavic, в сущности — 'общеславянский', термин, который передает идею праязыка менее адекватно, чем наше *праславянский* или нем. Urslavisch.

Обозначение праязыковой стадии всех пятнадцати славянских языков — живых и мертвых — как общеславянской в современной науке не принято, потому что оно имплицирует идею единства, не соответствующую действительному положению вещей. Раньше, во времена господства теории родословного древа, понятие праязыка, действительно, синонимизировалось с понятием единства, или попросту подменялось последним. Так, немногие появлявшиеся тогда праязыковые словари носили название «словарных составов языкового единства», например: Wh. Stokes und A. Bezzenberger. Wortschatz der keltischen Spracheinheit (4. Auflage. Göttingen, 1894); Hj. Falk und A. Torp. Wortschatz der germanischen Spracheinheit

(4. Auflage. Göttingen, 1909). Но и таких опытов было мало, а более новые за ними не последовали. Возможно, настораживали возросшие симптомы древнедиалектной сложности, несовместимые с понятием исходного единства? Праязык, трудно сводимый к единству (пример: балтийский, где западнобалтийский тяготеет в ряде случаев не к восточнобалтийскому, а к славянскому или другим индоевропейским), ex silentio считался малоподходящим объектом для праязыковой лексикографии (не было необходимой гарантии первоначального «единства»), хотя в нашем представлении здесь противоречия нет. Перечень лакун праязыковой лексикографии можно продолжить. Нет настоящего праиранского словаря (таковым нельзя считать «Altiranisches Wörterbuch» Бартоломэ по письменным древнеперсидскому и авестийскому, но с полным отсутствием праязыковой реконструкции средне- и новоиранских лексических данных), еще не написан и не скоро будет написан праиндоарийский словарь в современном понимании.

А, может быть, и нам рано браться за праславянскую лексикографию? Сама собой, казалось, напрашивается мысль, что пока не закончено лексикографическое описание русского языка и его диалектов, преждевременно решать праязыковые проблемы. Примерно такой обмен мыслями у меня состоялся давно с одним коллегой, нашим известным славистом, который говорил, что есть дела и более насущные. Конечно, важны полные описания языка, его лексики, говоров. Значит, лучше отложить реконструкцию праславянского словаря еще на 15—20 лет в ожидании большей полноты фактических данных? Нет, думаю, не будет лучше, нельзя безнаказанно слишком долго откладывать подготовку обобщающих трудов. Только они могут внести принципиальную методологическую ясность там, где мы ее не скоро еще дождемся (или не дождемся вовсе) на пути одного накопительства фактов. Мы сейчас давно пожинаем плоды того ущерба, который проистекает от слишком запоздалых обобщений по праславянскому языку. Упрощенческий образ первоначально бездиалектного единства — славянского, восточнославянского и т. д. — пронизывает современные исследования. Помню, я тому коллеге тогда ответил, что нельзя ставить в зависимость изучение проблем индоевропеистики от состояния изученности коломенских говоров. Теперь я склонен ставить вопрос более остро: верное понимание эволюции коломенских (и любых других) говоров требует незамедлительной разработки праязыковых — праславянских, праиндоевропейских проблем. И это не парадокс. Взять хотя бы тот факт, что к идее изначальной диалектной региональности словарного состава первыми пришли индоевропеисты. А ведь эта идея должна быть нашим общим достоянием, она касается любого праязыка, в том числе праславянского; это, так сказать, праязыковая универсалия. Я не скажу, что все индоевропеисты думают так; есть ученые, которым обязательно требуется какой-нибудь terminus post quem, ну, хотя бы 3000 лет до н. э., которыми они датируют начало диалектного деления прежде единого индоевропейского праязыка. Этим ученым эта дата нужна, что называется, для спокой-

ного сна. Возможно, привычному сознанию психологически вместить идею изначальной диалектной множественности (свидетельств чему предостаточно) — это все равно, что вместить идею о бесконечности вселенной.

В индоевропеистике идея древнего диалектного членения раньше прижилась, раньше представилась как самоочевидная, поскольку за диалекты вынужденно принимались целые большие группы языков; ни одна попытка сведéния их к одному уровню не давала и не могла дать картины исходного единства. Труд В. Порцига о членении индоевропейской языковой области увидел свет в немецком оригинале еще в середине нашего века (1954 г.) [9]. А в частных филологиях упорно держится один из мифов сравнительного языкознания — о «додиалектном» единстве каждого праязыка. До сих пор продолжает жить иллюзия «удивительного единообразия» праславянского языка, ср. так буквально В. Маньчак: «. . . język prasłowiański jest zdumiewająco jednolity» [10]. Приходится признать, что все это лишь свидетельствует о плохом нашем знании праславянского языка, причем именно по части словаря — лексикологии и лексикографии. Бывает, что даже первоклассные специалисты по славянскому языкознанию не принимают серьезно в расчет древнедиалектного членения языка праславян в лексике, склоняясь к идее изначальной однородности праславянского лексикона. Мне вспоминается беседа на эту тему на семинарском занятии проф. Ф. В. Мареша в Венском университете весной 1978 г. Разговор велся в присутствии нескольких студентов, которые слушали нас внимательно. Иллюстрируя свою противоположную точку зрения, я прибег к примеру бесспорно праславянской еще диалектной чересполосицы глаголов с фундаментальным значением 'продолжаться, длиться, упорствовать': праслав. диал. **trъvati* (чеш., слвц., польск.; в укр. и блр., видимо, на правах полонизмов) и праслав. диал. **trajati* (ю.-слав. языки и заодно с ними — оба серболужицких, при переходной позиции чешского). Остается добавить, что собственно русские восточные славяне не знают и, по-видимому, никогда не знали ни одного, ни другого из приведенных выше достаточно древних диалектных славянских слов с особыми соответствиями в других индоевропейских языках [11], но выражали эти важные понятия иначе. Перед нами формы, делившие на своеобразные ареалы славянское языковое пространство практически всегда. Речь идет о случае ярком, но в общем известном нашей науке. То обстоятельство, что данный случай, при всей очевидной важности глагольных слов и весомости стоящего за ними фондового понятия, а также рельефной географии, все же продолжает пребывать в тени и не заинтересовал еще славистов должным образом, далее, вероятие целого ряда других подобных случаев, наконец, актуальность их выявления, собирания и исследования — все это уже дает нам в руки если не программу, то направление работы праславянской лексикологии (этимологии) и лексикографии.

Можно сказать, что славистика и русистика обязаны сравнительному индоевропейскому языкознанию, во-первых, идеей древнего

диалектного членения (и древнего диалектного словарного состава) и, во-вторых, гармонично дополняющей ее идеей волнообразного распространения инноваций через сложившиеся границы диалектов. Без этих двух идей не может плодотворно работать не только праславянская лексикография, но и лингвистическая география. Важность понимания волнового продвижения инноваций (в том числе лексических) показывает еще недооцениваемые подчас потенции древнего междиалектного общения и относительность (проницаемость) диалектных границ — главные условия существования наддиалектных слоев языка и словаря.

Работа в области праславянской лексикографии есть работа над проблемой с о с т а в а п р а с л а в я н с к о г о с л о в а р я (л е к с и к и), в первую очередь, как это следует из предыдущего, над соотношением общих и частных, т. е. диалектных, элементов этой лексики. Все эти годы, стараясь не оставлять без внимания и лексики общеславянского распространения, я обращал главные усилия на ту менее исследованную часть праславянской лексики, которую образуют п р а с л а в я н с к и е л е к с и ч е с к и е д и а л е к т и з м ы. Здесь проделана известная работа, начиная с формулировки самого понятия праславянского лексического диалектизма более двадцати пяти лет назад [12] и кончая тем, чему не суждено кончиться, видимо, никогда — выявлением и анализом диалектизмов этого рода. Личный опыт показал, что самое неблагодарное дело в этой области называть какие-то цифры, даже выведенные на основании определенных предварительных подсчетов. Так, если двадцать лет тому назад я называл общую цифру слов праславянского лексического фонда — 5000—6000, то она в общем достигнута уже сейчас, когда написаны 13 выпусков ЭССЯ (А — К), а словарь в целом только перевалил за треть и еще не достиг половины своего объема. Двадцать лет назад это было трудно предвидеть. Ф. П. Филин, который в конце жизни взялся с жаром за подсчеты, уже опираясь на опубликованные первые семь выпусков ЭССЯ, предсказывал нам наш общий окончательный объем — более двадцати тысяч слов праславянского лексического фонда. Интересно будет впоследствии проверить этот прогноз; возможно, он не далек от истины. Так же или еще характернее обстоит дело с оценкой праславянских диалектизмов лексики. Тогда, давно мне казалась новой и смелой моя предварительная оценка их количества в 25 % (четверть) всего праславянского лексического фонда [13]. Редактор «Праславянского словаря» Ф. Славский лет десять спустя указывал, что в 1 томе его словаря на 900 статей приходится около 400 явно диалектных [14]. Ясно, что цифры всегда заслуживают проверки, но знаменательна, как увидим ниже, сама тенденция, стремительная эволюция воззрений на праславянский язык и его словарь, поскольку думается, что не будь такой эволюции — не было бы и таких цифр. А еще через несколько лет Ф. П. Филин, проделав подсчеты на нашем материале в указанном выше объеме опубликованного ЭССЯ, пришел к феноменальному заключению, что в праславянском языке региональных, диалектных слов было больше, чем общеславянских, т. е. б о л е е

половины всего праславянского словарного состава [15]. Можно допустить, что этимолог кладет в основу своего понимания древнего лексического диалектизма более фундаментальные отличия (разные этимологии — разные слова), чем оттенки значений и отклонения в словообразовании, и что в дальнейшем величины будут сбалансированы в сторону уменьшения, но это детали, в остальном же тут есть над чем задуматься привычно мыслящему слависту и русисту. Пестрота и лексическая разобщенность праславянских диалектов — так или иначе — превосходит все прежние ожидания и вероятия. Разумеется, она характеризовала в первую очередь низовые, территориальные диалекты нашего языка-предка. Здесь серьезнейшему испытанию подвергается сама идея существования праславянского языка. Ф. П. Филин пишет так: «. . .Праславяне говорили на близкородственных диалектах, каждый из которых и был реальной коммуникативной единицей, а праславянского языка (в современном понимании термина «язык») не существовало: на нем никто не говорил, а говорили на диалектах» [16]. Правда, уже относительно давно замечено, что к древнему языку, праязыку, будь то праславянский или любой другой, целесообразно подходить как к живому языку. Любой живой язык предполагает и низовые, и средние, и высокие формы общения. Наш праязык тоже, несомненно, имел не только пестрые низовые диалекты, но и наддиалектные формы речи. Наличие этой вертикальной страты праязыка снимает принципиальное различие между праязыком и языком современным, при всех возможных второстепенных различиях. Столь же осторожно мы отнесемся к утверждению, что иных древних форм устной речи, кроме диалектных ее разновидностей, не было [17].

Наддиалектная страта, охватывающая весь праславянский язык (речь), собственно, и может одна нам объяснить такой, в противном случае не объяснимый, феномен, как вырабатывание единого славянского этнического самосознания, которое явствует и из единого самоназвания *славяне* — праслав. **slověne*. Таким образом, любая слишком острая постановка вопроса рано или поздно корректируется, и мы не вправе ничего преувеличивать: ни исконного единства, ни, наоборот, его антитезы — полной якобы изоляции и даже естественного древнего бездорожья.

Междиалектное общение и обмен, межэтническая торговля процветали, вопреки примитивности путей сообщения, с давних пор — с так называемой неолитической революции, выдвинувшей ремесленное производство; с последней, собственно, и ведет свое начало макроэтническая консолидация предыдущих абсолютно изолированных микроэтносов [18].

Наддиалектная лексическая конвергенция возможна даже при различии контактирующих грамматических систем; так, в Африке это явление встречается в масштабах, совершенно невиданных для индоевропеиста [19].

Поэтическая, жреческая лексика, терминология высоких понятий (социальных, моральных и т. д.), вообще многое общеславянское

в праславянском — это и был наддиалект. Название койнэ — ἡ κοινὴ διάλεκτος 'общая речь' — меньше подходит, потому что не передает идею стратиграфически более высокой ступени, а тем самым не объясняет и природу общности. Понятие аристократическая лексика Мейе и его последователей способно ввести в заблуждение, так как включает идею аристократии для эпох, когда последней еще не могло быть, в то время как наддиалект мог развиться как форма высокой речи и при слабой социальной дифференциации. «В известной мере сохранилась лексика только аристократическая; мы почти не имеем сведений о просторечных словах», — писал Мейе об индоевропейском словаре [20]. Сейчас это не может быть принято; «аристократическая», а точнее — наддиалектная лексика (поэтического, высокого языка) есть не что иное как сублимация первоначально народной лексики. Путем этой сублимации, т. е. повышения по стратиграфической шкале, собственно диалектной, низовой лексики вырабатывался наддиалектный словарь при условии междиалектного общения.

В любом наддиалектном, «аристократическом» (а если продолжить этот ряд относительных синонимов, то и общенародном, литературном) слове любого языка поражает как раз возможность разглядеть, в конечном счете, народную, «низкую» диалектную первооснову или, по крайней мере, ее строительные элементы. Вертикальные страты лексики отделены друг от друга четко, но не абсолютно. Между ними постоянно имеет и имело место сообщение — отмеченная сублимация низкого (возьмем слово **pastyrь* — смиренное 'пастух, пасущий стада' в ряде славянских языков и высокое его употребление 'пастырь душ, руководитель людей'), осуществлялось также и опускание, снижение высокого.

Эти лексические страты (локальнодиалектное — общенародное — наддиалектное) только на первый взгляд не перемешиваются, подобно тому как это утверждалось раньше о водных слоях Черного моря; на самом же деле, как и черноморские воды, они неуклонно сообщаются и питают друг друга.

Виды лексической сублимации — метафора, в основе которой часто лежит парабола-притча евангельского образца. Распространен был перенос слова из скотоводческой лексики в религиозную (ср. выше **pastyrъ*), социальную, как например **sǫprǫgъ* 'супруг', дв. ч. м. р. **sǫprǫga* 'упряжка из двух волов' в проникновенном обращении Кирилла к своему брату Мефодию: се, брате, вѣ *соупроуга* бѧховѣ, ѥдиноу браздоу тѧжаща, и азь на лѣсѣ падаю, свои днь съконьчавъ (Жит. Меф. VII). Образ и способ пополнения возвышенной лексики, бесспорно, древний и свойственный для различных языков, ср. др.-груз. *cxoreba*, груз. *cxovreba* (ცხოვრება 'жизнь', первоначально — 'овцеводство') [21] или др.-инд. *gáviṣṭi-* 'бой, битва', первоначально — 'жажда крупного рогатого скота, стремление обладать быками и коровами' [22].

Ономастика (гидронимия и топонимия) также в значительной своей части наддиалектна. Естественно, что наддиалект консервативнее, чем низовые диалекты, поэтому трудно ожидать на уровне террито-

риальных диалектов и их лексики полного совпадения с ономастическими ареалами. Например, давно уже обратили внимание на соответствие целых групп топонимов в Мазовше (Польша) и Поочье[23], однако мы не имеем данных об эквивалентных ареалах западнославянско-вятичских соответствий диалектной апеллативной лексики. Возможно, они тоже существовали, но сгладились раньше.

Консервативность именно наддиалектных форм, будь то ономастика или поэтический, литературный язык, лишний раз укрепляет нас в убеждении, что эти слои очень важно привлекать для праязыковой лексической реконструкции, не ограничиваясь одной лексикой низовых диалектов.

Древний устный наддиалект был наделен чрезвычайной прочностью и устойчивостью, представляя собой отдаленный прообраз литературного языка до появления письменности, ср. уже высказывавшиеся в нашей науке мысли о наддиалектном статусе фольклора и другие близкие идеи [24].

Таким образом, объект нашей праславянской лексикографии исторически реален и вместе с тем сложен: он включает постепенно вскрываемое многообразие лексики древних народных диалектов и перекрывающее его единообразие лексики праславянского наддиалекта. Можно только высказывать предположения относительно длительности формирования этого наддиалекта, отражавшего макроэтническую консолидацию славянства. И то, и другое было, очевидно, длительным процессом. Идеальному осуществлению консолидации праславянского этноса и его наддиалекта должны были противодействовать тенденции дивергентные, которые в конце концов, как известно, взяли верх, что получило выражение в языках славянских народностей. О том, что путь этот был порой зигзагообразным, зависящим от исторических и политических причин, и что существующий состав группы славянских языков и народов не является единственно возможным, имеются достоверные сведения. Не говоря уже о крупных союзах славянских племен, которые растворились (ассимилировались) на греческом Юге Балканского полуострова и на германском Северо-Западе и которые при иных обстоятельствах могли сложиться в самобытные народы со своими полнокровными славянскими языками, известны случаи, когда реальные задатки образования особого славянского народа и, возможно, языка были затем полностью сведены на нет новыми неблагоприятными центробежными тенденциями. Так мог еще сформироваться моравский народ и язык, но до этого не дошло, и теперь только специалисты-историки помнят о раннесредневековой моравской народности [25]. Ясно, что праславянская лексикография опирается на знание этнической истории славянства, но, принимая во внимание, что речь идет о дописьменных эпохах, для которых вступают в силу показания косвенных данных и не в последнюю очередь — лингвистической реконструкции, праславянская лексикография оказывается сама как бы в роли источника по древней и древнейшей этнической истории славян (я имею в виду этимологическое комментирование как инструмент праславянской лексикографии). Конечно, позднее развитие праславянской лексико-

графии сказывается на том, что мы не только плохо еще знаем праславянский язык, но также и эти внелингвистические древности.

И однако, при всех недостатках и небольшом объеме сделанного, разработка праязыковой лексикографии на сегодняшний день наиболее продвинута именно на материале славянской группы индоевропейских языков, что налагает на нас ответственность и повышает теоретический интерес разысканий. Славистика имеет на своем счету не одни только отставания, но и серьезные достижения, выдвигавшие ее на первое место среди других частных филологий, как это было в свое время в области фонологии. Ответственная задача наших праславянских словарей — московского ЭССЯ и краковского ПС — ввести в научный оборот надежные данные о составе и ареалах древней лексики славян.

Вышеизложенное есть одновременно ответ на вопрос, кому и зачем нужна праславянская лексикография, хотя все вопросы исчерпать в кратком изложении трудно, приходится даже на существенном останавливаться выборочно. Говоря об отличиях, нельзя упускать из виду принципиальных сходств. В самом деле — что такое словарь праславянского языка? Это словарь с реконструированным словником, внешне не похожий на другие словари. Но реконструкция — это прежде всего высокая степень обобщения, которое — в меньшей степени — присутствует в других словарях и их словниках. Праславянская лексикография теснейшим образом связана с этимологией (у нас эта связь особо подчеркнута и вынесена в название нашего ЭССЯ, в ПС это меньше выражено), но любой другой словарь в большей или меньшей степени зависит от уровня этимологии, не говоря уж о лексикологии вообще, так что и здесь мы имеем дело скорее с разной степенью признака, чем с его полным наличием или отсутствием. Сказанное непротиворечиво вытекает из наших рассуждений о праязыке: если праязык принципиально ничем не отличается от современного живого многофункционального языка, то и праязыковая лексикография гораздо больше сродни любой другой лексикографии (синхронной, исторической), чем может показаться на первый взгляд. Отсюда неизбежный вывод о том, что *производное слово* — равноправный сюжет и словарная позиция в праязыковой и этимологической лексикографии; именно здесь аналогия со словарем *живого* языка особенно плодотворна. Надо сказать, что на Западе еще мало задумывались над этими кардинальными вопросами, как это видно из недавнего обмена мнениями между М. Майрхофером и Ю. Унтерманом. И ЭССЯ, и ПС давно и положительно решили для себя проблему трактовки производных слов и применяют ее в своей практике.

Но одно дело — фонетическая (фонематическая) и даже лексическая реконструкция: проецировать слово в праславянскую древность, пусть с большей или меньшей дозой гипотетичности, не так уж трудно. Другое дело — *семантическая реконструкция праславянского слова*. С той поры, как мы поставили акцент на автономности и имманентности свойств каждого уровня языка и усомнились в структуралистском тезисе изоморфизма

языковых уровней, мы вступили на трудную стезю. Понимать ли бесхитростно праславянскую семантическую реконструкцию как транспозицию засвидетельствованных значений слов славянских языков? Практика эта целиком повторяла бы в духе изоморфизма упомянутую формально-фонетическую реконструкцию. Так поступают составители краковского ПС: *bujь* 'сильно разросшийся, развитый; мощный, сильный, безудержный, неистовый; неукротимый; бешеный, глупый' (ПС 1, 441). Ниже, в соответствующей статье ПС мы найдем эти же значения при засвидетельствованных словах. Налицо, таким образом, неэкономная тавтология, не говоря о более принципиальных теоретических минусах. Ясно, что назвать это реконструкцией древнего значения нельзя. Все эти значения присутствуют и у нас в обзоре слов, объединенных под праслав. **bujь* (ЭССЯ 3, 84—83), но на тавтологическую транспозицию их в праславянский период мы не идем. Таково же различие между нашими трактовками производной формы **bujьnъ(jь)* и ее значений, как, впрочем, и всех других случаев. Нельзя поручиться, что все столь различные значения — 'пышно разросшийся; буйный; сильный; большой; глупый' — наличествовали у праслав. **bujь* и **bujьnъ* уже в древности как значения одного слова, что они не принадлежали разным диалектам или разным, в том числе поздним, эпохам, как, впрочем, трудно и доказать обратное. Нетрудно заметить, что ПС реконструирует для праславянского также явно вторичные, переносные значения 'безудержный, неистовый; неукротимый; бешеный, глупый', но оставляет в стороне значение 'крупный', в первичном характере и родстве которого этимологическому значению исходного и.-е. **bhou-/*bhū-* 'расти', лежащего в основе этой группы слов, вряд ли можно сомневаться. Для блр. *буйны* значение 'крупный' является основным, и оно едва ли представляет собой инновацию, скорее наоборот. Впрочем, хорошо, что мы точно знаем значение этого блр. слова, в противном случае, если бы нам были даны в ограниченном по объему старом письменном тексте только слова *буйная рагатая жывёла* и зная лишь об этимологическом родстве данного прилагательного прочим славянским словам с перечисленными выше достаточно разнообразными значениями, мы имели бы — в рамках той же этимологии — слишком большой выбор, чтобы можно было поручиться за точность семантической реконструкции. Ничто, например, не мешало принять здесь значение — в согласии со значениями большинства славянских соответствий — 'буйствующая скотина', и это было бы даже правдоподобно, но неточно, потому что мы знаем действительное значение блр. *буйная рагатая жывёла* — 'крупный рогатый скот'. Пример наш поучителен как предостережение для тех случаев, когда мы не знаем действительного значения исследуемого слова и вдохновляемся только знанием значений его этимологических родственников. Ни суммирование известных значений, ни их транспозиция в древнюю эпоху, ни даже оперирование достоверными этимологическими соответствиями не дают, как видим, нам гарантии адекватной реконструкции реального значения слова. Утешать себя тем, что мы даем древнее значение в некотором приближении, можно тоже только до

известного предела, потому что дистанция между нашим реконструктом и реальной семантической величиной может все-таки оказаться слишком большой, как в описанном случае, который, к тому же, не является самым трудным, а напротив, отличается довольно благоприятными условиями. Это сказано не в осуждение этимологического метода семантической реконструкции. Самые хорошие методы имеют свои ограничения, оказываются недостаточно тонкими. Следует иметь в виду, что перед трудностями семантической реконструкции до настоящего времени пасуют все методы. Будет лучше, если мы трезво отдадим себе отчет в том, что этимологический анализ вскрывает основной семантический признак, но не все живое значение. Механический перенос или суммирование способны породить грубые ошибки. На словарном гнезде *bujь мы задержались несколько дольше еще и потому, что оно уже служило предметом анализа таких лексикологов, как В. В. Виноградов и Б. А. Ларин [26], не говоря о более ранних, — анализа, чреватого небесспорными обобщениями и отклонениями.

Вообще почему-то считается, что главную трудность как для этимологии, так и для семантической реконструкции представляют слова затемненной структуры, а с так называемыми «прозрачными» словами никаких проблем нет. Наверное, в этом убеждении залегает все та же подспудная изоморфистская идея о том, что словообразовательно-морфологической производности должна соответствовать такая же семантическая производность или что знание значений отдельных морфем дает нам знание значения всего слова. Определенным шагом на пути преодоления этого можно считать равномерное включение в словники ЭССЯ и ПС как непроизводных, так и «прозрачных» производных и сложений. Первоначальный принцип ПС (Славский) — ограничиваться немотивируемыми словами — открывал свободу для субъективной интерпретации и практически не соблюдается в самом ПС, выполняющем реконструкцию всей лексики праславянского словаря. Можно сказать, что эта старая антитеза этимологической литературы снимается в современной праславянской лексикографии. Но трудности «прозрачных» слов по-прежнему подстерегают исследователя, которому может показаться, что, раз он знает и видит состав слова, он может «прочесть» его значение. Здесь приходит в голову ситуационно очень близкий парадокс с названиями ломбарда. Нем. *Lombard* (откуда рус. *ломбард*) формально-этимологически значит 'ломбардец, житель Ломбардии', франц. *mont-de-piété* и того «прозрачнее», оно буквально значит 'гора благочестия'. Спрашивается, что общего между этой их «прозрачной» структурой и реальным значением обоих слов — 'кредитное учреждение, ссужающее деньги под залог движимого имущества, ломбард'? Не случайно проблеме «прозрачных» слов сейчас посвящаются специальные труды [27], и она в полный рост стоит перед нами в практике праславянской лексикографии.

Впадать в пессимизм, впрочем, тоже не следует, правильное представление относительно наших возможностей и их ограничений — это тоже достижение в таком деле как реконструкция древних значе-

ний. На этом пути мы все-таки можем продвинуться и углубить семантическую историю известных нам слов прозрачной словообразовательной структуры или хотя бы существенные моменты этой истории. Среди этих слов могут быть такие важные социальные термины, как др.-рус. *изгои*. Мои соображения на этот счет оформились уже после сдачи в производство 9-го выпуска ЭССЯ, и включить их туда уже не было возможности, поэтому я пользуюсь случаем, чтобы поделиться ими здесь. Это может также считаться ответом на вопрос: что дает праславянская реконструкция для познания более поздних слов и значений. «Материалы» И. И. Срезневского (I, 1052) предельно кратки, они толкуют слово *изгои* с помощью лат. *exsors* и нем. *friedlos*. СлРЯ XI—XVII вв. (вып. 6, 138) дает, основываясь на Правде Русской (кр.) и некоторых других источниках, весьма обстоятельное толкование: 'человек, оторвавшийся от своего сословия (выкупившийся холоп; князь, потерявший княжество; разорившийся купец и т. п.)'. Это созвучно с толкованием Даля (Даль[2] II, 19): *изгóй* м. стар. 'изверженец? исключенный из счету неграмотный попович; князь без княженья, владенья; проторговавшийся гость (банкрут), не платящий податей'. В нашем привычном сознании *изгой*, действительно, сливается, синонимизируется со словами ряда *отверженный*, *отщепенец*, но определяющим и более ранним значением или признаком было нечто другое. Помня свои собственные предостережения, мы не претендуем на реконструкцию всего живого значения этого слова в древности. Однако семантико-этимологическая реконструкция слова *изгои* может идти по пути более внимательного учета семантики глаголов, непосредственно мотивировавших слово *изгои*: др.-рус. *изжити* 'потратить, израсходовать на существование', особенно — рус.-цслав. *иждивитися* 'израсходоваться', значение которого подкрепляется и другими славянскими (в.-луж. 'прокормить'). Данные по истории общества тоже говорят о том, что изгойство означало определенное о б е с п е ч е н и е, пусть с моментами отделения и ограничения в правах. Эти наблюдения оформились у меня при рецензировании труда историка М. Б. Свердлова «Генезис и структура феодального общества в Древней Руси». Попутно напомню, что и Даль заключает свое толкование слова *изгой* весьма информативным указанием: «н е п л а т я щ и й п о д а т е й». Так что сводить все к прямолинейному толкованию слова и семантики *изгой* как 'изжитый, выжитый (из своей среды)' было бы не вполне точно. Справедливее акцентировать связь *изгои* с активным и поныне социальным термином *иждивение*. Слав. **jьz-gojь*, **jьz-živiti* очень напоминают по структуре греч. ἐκ-τρέφω 'выкармливать, вскормить', ἐκ-τεθραμμένος 'вскормленный (напр. сын)'. Есть ли основания говорить тут о ранней славянской кальке с греческого юридического термина (что может поставить под вопрос праславянскую древность нашего слова), неясно.

Понятно, что проблема реконструкции — главная и всеобъемлющая в праславянской лексикографии. Она обязательно присутствует при решении всех других теоретических и практических проблем, которые встают перед составителями словаря праславянского языка.

Для краткости остановимся на двух важнейших проблемах лексикологии, которые часто встречаются в практике праславянской лексикографии. Первая из них — омонимы в праславянском словаре, вторая — антитеза нарицательных и собственных имен и праславянский словарь.

С омонимами и омонимизацией приходится считаться на всех уровнях исследований по лексикологии и лексикографии — синхронно-описательной и исторической. Существует небезосновательное мнение, что наиболее строгое, однозначное решение об отсутствии или наличии омонимов возможно на уровне непосредственного наблюдения и описания. Но и сама эта точка зрения строится на презумпции в т о р и ч н о с т и процесса омонимизации. Ясно, что история языка и реконструкция должны первым долгом вскрывать природу этой вторичности. Было бы странно механически переносить избыточную подачу омонимов в принципе в словарь диахронического типа, хотя на практике это встречается. Разумеется, праславянская лексикография показывает исходное единство вторично омонимизировавшихся случаев. Более подробно я говорю об этом в работе «О семантической теории в этимологическом словаре (Омонимы подлинные и ложные)». Там, где единства не удается доказать и мы имеем дело с подлинными омонимами, возникает вероятие интересной этнолингвистической ситуации — разнодиалектной их природы, как это вероятно и относительно древних синонимов. Категории лексикологии и лексикографии помогают пролить свет на сложную древнюю диалектную картину, этнические связи. Что касается трактовки омонимов в праславянской лексикографии, она, при всей ясности упомянутых принципов, оказывается разной в двух разных словарях — ЭССЯ и ПС (возможно, если праславянских словарей было бы больше, мы имели бы еще больше разных вариантов трактовки древних омонимов, хотя хочется думать о возможности приближения к наиболее объективной картине действительного состояния). Возьмем один, но достаточно показательный пример. ЭССЯ (5, 119—120) содержит одну словарную статью **drobъ*, в которой объединено довольно много слов отдельных славянских языков с разными, казалось бы, значениями: 'внутренности; кусочки хлеба, накрошенные в молоко, суп и т. п.; осадок, подонки; крошка, мелочь; дробь; мелкие домашние животные'. Однако главное, что их объединяет в одной статье морфологически — это производность или соотносительность с глаголом **drobiti* 'дробить, мельчить, разделять на кусочки'; семантически их объединяет одно основное значение, или два близкородственных значения 'остаток; мелочь'. Именно так — как 'остаток' — можно понять региональные значения 'внутренности; потроха' (болг., сербохорв., словен., чеш., в.-луж., н.-луж.), потому что легкие, сердце, печень обозначены как о с т а т о к после отделения более ценных сортов мяса; осадок, подонки тоже обозначается как 'остаток', но вместе с тем, как это известно по способу обозначения (виноградных) выжимок и дрожжей, — это одновременно и крошево, крошки. Это замечание демонстрирует родство и как бы нейтрализацию трудноразличаемых значений 'остаток/мелочь'. Поэтому понятен способ

обозначения домашней птицы и мелких домашних животных словами *drobъ, *drobь (польск., укр.) — это то, что остается за вычетом крупной скотины. Таким образом, мотивы объединения этого материала в одной словарной статье ЭССЯ как будто ясны. Это единое слово с общим значением лишь вторично употреблено применительно к разным объектам в отдельных славянских языках, общая природа чего видна, и она должна быть выделена при достаточно глубокой реконструкции. ПС поступает непоследовательно с этим материалом. Мы читаем в нем (IV, с. 245—248): *drobъ* 1. 'то, что остается (осадок) после варки пива', затем *drobъ* 2. 'мелкие предметы, мелочь, отходы, остатки, крошки, мелкие домашние животные, птица' (семантическая доминанта 'остатки, отходы после обработки разных материалов' прослеживается и здесь по примерам из живых славянских языков) и, наконец, *drobъ* 3. 'внутренности животных (обычно — сердце, легкие, печень)'. Мы уже знаем (выше), что это — не что иное как вторичная лексикализация разных употреблений одного и того же значения и, чтобы быть последовательным, ПС мог бы выделить еще одно *drobъ* 'мелкие домашние животные и птица', которое в нем включено в одну статью *drobъ* 2. вместе с 'мелкими предметами'.

Поскольку я коснулся тома IV ПС, вскользь замечу, что этот словарь краковских коллег использует свое наметившееся значительное отставание от нашего словаря (ЭССЯ, вып. 5 на D—1978 г.; ПС, т. IV — 1981 г.) для своеобразного рецензирования и комментирования нашего словаря в несколько одностороннем, большей частью критическом духе. Обычно не раскрывая своей аргументации, ПС сообщает свое предельно краткое мнение в ряде случаев, в том числе и по поводу нашего зачисления остатков после варки пива в остатки вообще: «Mało prawdopodobne», вариант — «Nie widać podstaw». Это меня и вынудило выше изложить подробнее эти «podstawy».

К вопросу об антитезе имя нарицательное — имя собственное могу сообщить, что для праславянской лексикографии, в частности для нашего ЭССЯ, она во многом снимается. Речь идет об эпохе или эпохах, когда исконнославянская ономастика (топонимия, особенно — антропонимия) еще не образует четкой антитезы, оппозиции, противостояния в отношении к апеллативному лексикону (сейчас это остаточно сохраняется только в микротопонимии), и это типологически очень интересно. Ведь известно, скольких терзаний стоит упомянутая антитеза лексикографии собственно русского языка. Сказанное делает понятной практику нашего ЭССЯ — давать имя собственное (личное, местное, водное, племенное) со строчной буквы: **bělъgordъ*, **dorgobǫdjь*, **čamyslъ*. Это отвечает их формальной постановке в ряд с апеллативами, из которых они образованы. Правда, этот единый принцип (со строчной, а не с прописной буквы) распространяется нами и на ранние иноязычные включения в праславянский лексикон: **dunajь*/**dunavъ*, *dъněprъ*, **dъněstrъ* и т. д.

Кончая, я хотел бы выразить нашу уверенность, что праславянская лексикография нужна как верный способ и путь к исследованию национально- и международно важных проблем. Достаточно ска-

зать, что только из систематических занятий праславянской лексикографией и лексикологией могут вырасти по-настоящему новые, современные теоретические работы по праславянскому лингвоэтногенезу. С ростом народной культуры жажда самопознания стремительно возрастет, и удовлетворять ее призвана также и праславянская лексикография. Методологические искания языкознания всегда, как известно, находят отклики в смежных науках о человеческом обществе. Кажется симптоматичным, что вслед за лингвистами и их разысканиями древнедиалектного членения праязыка заговорили о диалектологии археологии и диалектологии этнографии. Впрочем, если эти диалекты не находят отражения в антропологии, это тоже по-своему интересно. Стремления во что бы то ни стало моделировать одну науку по другой, один уровень языка по другому и так уже принесли достаточно ущерба.

И самое последнее, что еще нужно сказать: лексикография, словари — это многие годы жизни составителей. Но серьезно заниматься из года в год составлением большого словаря — это не означает привычной р у т и н ы, т е о р е т и ч е с к о г о з а с т о я, как может показаться со стороны (сильно со стороны). Кто знает практику большой лексикографии ближе, тот не сомневается в том, что здесь каждый новый день приносит новое, заставляет ступать на неизведанные пути, решать новые задачи не только практики, а и теории.

Примечания

1 *Трубачев О. Н.* Лексикография и этимология. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, 298.

2 См. о них: *Schuster-Šewc H.* Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. — ZfSl XX, 5/6, 1975, 824 и сл.; *Копечный Фр.* О новых этимологических словарях славянских языков. — ВЯ 1976, № 1, 3 и сл.; *Dickenmann E.* Zu den slavischen Etymologica der letzten Jahre. — Beiträge zur Namenforschung 1976, 3, 321 и сл.; *Ondruš Š.* Tri slovanské etymologické kompendiá. — Slavia XLV, 3, 1976, 296 и сл.; *Aitzetmüller R.* Słownik prasłowiański. T. 1. — AfslPh 9, 1977, 445 и сл.; *Moszyński L.* Dwa nowe słowniki etymologiczne języka prasłowiańskiego. — RS XXXVIII, 1, 1977, 105 и сл.

3 Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1/Sest. F. Kopečný. Pr., 1973; Sv. 2/Sest. F. Kopečný, V. Šaur, V. Polák. Pr., 1980; *F. Kopečný.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Pr. 1981; *L. Sadnik, R. Aitzetmüller.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief. 1—7. Wiesbaden, 1963—1975 (издание прекращено).

4 *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. — ВЯ 1968, № 1, 9.

5 *Malkiel Y.* The lexicographer as a mediator between linguistics and society. — In: Theory and method in lexicography: Western and Non—Western perspectives/Ed. by L. Zgusta. Columbia; Hornbeam press, 1980, 43—58. — Non vidi.

6 *Broda Martine.* L'amour de la langue morte; *Quignard Pascal.* Les langues et la mort; *Liberati André.* Poésie et langues anciennes. — In: Action poétique N 80, 1979.

7 *Liberati A.* Poésie et langues anciennes, 37.

8 *Трубачев О. Н.* Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (опыт параллельного чтения). — В кн.: Этимология. 1976. М., 1978, 15.

9 *Porzig W.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg,

1954. Русск. пер.: *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.

[10] *Mańczak W.* O praojczyźnie Słowian. — In: Etnogeneza i topogeneza Słowian. Warszawa; Poznań, 1980, 14. Ср. еще: *Mańczak W.* Praojczyzna Słowian. Wrocław etc., 1981.

[11] *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, 58 и сл.

[12] См. подробно с дальнейшей литературой, *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, 169.

[13] Там же, 186.

[14] *Sławski F.* Wstęp. — In: Słownik prasłowiański, 1, 10.

[15] *Филин Ф. П.* Проблемы исторической лексикологии русского языка: Древний период. — ВЯ 1981, 5, 12.

[16] Там же, с. 10.

[17] *Филин Ф. П.* О словарном составе языка великорусского народа. — ВЯ 1982, 5, 18.

[18] *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982, 18, 26.

[19] *Mioni Alberto M.* La ricostruzione linguistica in Africa con particolare riguardo al metodo di Guthrie. — In: Problemi della ricostruzione in linguistica. Atti del Convegno Internazionale di studi. Pavia, 1—2 ottobre 1975 a cura di R. Simone e U. Vignuzzi. Roma, 1977, 207.

[20] *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938, 384.

[21] *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, 231.

[22] *Mayrhofer* I, 331.

[23] *Трубачев О. Н.* Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії. — Мовознавство 1971, № 6, с. 7 и сл.

[24] *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, 13—14, 19 («. . . «общегерманский» понимается не как исходное состояние, предшествовавшее дроблению на племенные диалекты, но как своего рода наддиалект, употребление которого было связано с культурными сферами жизни древних германцев»), 26 («Существование таких наддиалектных форм устной речи могло играть роль одного из важных факторов в образовании древнерусской народности, а также в закреплении и поддержании ее единства»), 34 (о фольклоре как сублимированной форме устной народной речи, отличной от речи повседневнобытового общения); *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. М., 1982, 27, 28 (о наддиалектных и междиалектных чертах языка фольклора); *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. 2-е изд. Томск, 1975 (о двусторонних контактах лексики фольклора и диалектов).

[25] *Гавлик Л.* Моравская народность в эпоху раннего феодализма. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, passim.

[26] *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. — ВЯ 1968, № 1, 17; *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977, 83 и сл.

[27] *Ernst G.* Ein Blick durch die durchsichtigen Wörter. Versuch einer Typologie der Wortdurchsichtigkeit und ihrer Einschränkungen. — In: Linguistica XXI. Ljubljana, 1981, 47—70.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(*luna/*lun'a, *setьnъjь и *sotiti, *stopьnъkъ, *telm-/*tolm-/*tъlm-, *trek-/*trok-/*trak-, *tronъka, *zǫbьlь)

*luna/*lun'a

Продолжения этих основ образуют самостоятельное ответвление в рамках этимологического гнезда с и.-е. корнем *(*s*)*leu-* 'слабый, вялый', шире всего представленного в славянских языках в сочетании с расширителем *-t*. Как показал В. Борысь, славянские и германские языки знают параллельные образования с и.-е. *(*s*)*leut-*, различающиеся наличием или отсутствием начального *s-*: ср. болг. диал. *слу́там се=лутам се* 'бродить, скитаться', макед. *лута* и *слута* то же, с.-хорв. *lútati* то же и прилаг. *šljũtav, šljũtast* 'слабый, бессильный' и т. п.[1] В отдельных славянских языках и диалектах находим следы и.-е. *(*s*)*leu-* с подвижным начальным *s-*, но с другим расширителем — *-n*. К отражениям праслав. диал. *(*s*)*lun-* могут быть отнесены некоторые сербохорватские образования: *lȕńa* м. и ж. р. (< **lunja*), обозначение человека с дурным, тупым взглядом (RJA VI, 218), чакав. *lûna* 'плохое, дурное настроение; тупое бешенство; состояние течки' (Hraste — Šimunović, 511: Хвар, Брач), производные *lúnjati se*, *lûnjam se* (Вук, Павлинович) 'ходить, понуро опустив голову', *slūnjät* (Космет) 'бродить, скитаться', прил. *lȕnjav*=ц.-слав. лунявъ 'demissum caput habens' (Skok II, 331). На восточнославянской территории эту основу представляют рус. диал. *луна* 'смерть', *лунь-лунем* 'о растерянном человеке' (Филин 17, 196—197), псков. *луня́вый* 'глупый', *облунеть* 'потерять сознание' и образования с начальным *s-*, подвергшимся озвончению на стыке приставки и корня: псков. *о́злунь* (< **ob-slunь*) 'состояние опьянения, головокружения' [2], твер. *вы́злунь* 'сумасшедший, лишившийся рассудка; слабоумный человек; сумасбродный неуравновешенный, с причудами человек' (Филин 5, 282). На восточнославянской почве рассматриваемая основа с расширителями *-t* и *-n* имеет апофонический вариант с корневым гласным в ступени редукции (Berneker I, 748). Это — рус. *лытать* 'уклоняться от дела, скитаться' и *лынь, лыня́ла* 'лентяй, шатун, бродяга', *лынять, отлынивать* 'уклоняться от дела' (Даль [3] II, 716, 718; Фасмер II, 541; III, 171).

В соответствии с основой, содержащей элемент *-n*, в славянских языках существует и простая основа без этого элемента в болг. родоп. *уд-луявъм съ*, *од-луя съ* 'избежать работы» [3] (< **ot-lu-jati*), построенного по типу глаголов на *-aje*: *ati*. Именно эта основа **lu*(*ja*)*ti*, а не имя **luna* (ср. Фасмер II, 533) является производящей для глаголов с показателем *-nǫ*: ср. ст.-чеш. *lunúti* 'избегать' (Gebauer II, 290) и рус. диал. *лу́нуть* 'умереть, издохнуть' (Филин 17, 196), блр. *лу́нуць*

'погибнуть'. С этими образованиями отношением чередования связаны укр. *лівúти* 'слабеть, уменьшаться', чеш. *leviti* 'облегчить, умерить', гот. *lēwjan* 'изменять, предавать' и др. (Фасмер II, 533).

Все приведенные выше слова этимологически не соотносимы с слав. **lunь* 'vultur'. При объяснении сербохорватских слов Миклошич и Скок исходили из слав. **lunь*, допуская в производных *lúnjati*, *lȕńa* развитие метафорического значения (Miklosich, 176; Skok II, 331). Но для названия птицы vultur — вид сокола белого или серого цвета — определяющим на наш взгляд, был признак цвета, что, в частности, подтверждает и выражение *сед, как лунь*. Именно этот признак — белый, светлый — лежит в основе сближения слав. **lunь* с и.-е. **louksnā*: рус. диал. *луна́* 'зарница, отблеск на небе', *лунь* 'тусклый свет', польск. *łuna* 'отблеск пламени, зарево' и т. п. (Berneker I, 746; Sławski V, 311—312) [4]. Как видим, рассматриваемые нами слав. **luna*/**lun'a* и **lunь* 'vultur' принадлежат к разным этимологическим гнездам.

**setьnъjь*, **setьno* и **sotiti*

Прилагательное **setьnъjь* встречается в основном в южнославянской языковой области и не на всей ее территории, а лишь в восточной части. Болгарский язык и его диалекты образуют область наиболее активного функционирования прил. **setьnъjь* и производных от него наречий **setьno*, **setьnĕ*. В древнейших памятниках болгарской письменности (Супр.) и церковнославянских памятниках русского извода прил. **setьnъjь* характеризует значение 'крайний, чрезвычайный': ст.-слав. и др.-рус., рус.-цслав. сєтьнъ τέλειος finitus, ἔσχατος extremus (Супр., Григ. Наз. XI в., Изб. 1073, Упырь), ср. въ сєтьныихъ зълѣхъ, сєтьными оукоры, нар. сєтьно, сєтьнѣѥ 'совершенно, окончательно' (Miklosich LP 838; Срезневский III, 342—343). Современный болгарский язык и его диалекты, широко представляющие это прилагательное с большим числом производных образований, достаточно последовательно показывают одно значение — 'последний', которое, как можно думать, является производным от значения 'крайний, чрезвычайный', т. е. 'находящийся на самом краю' > 'последний'. Ср. *се́тний* 'последний, крайний', *сетнина́* 'последствие', *се́тнинка* 'в последний раз', нар. *сетнѣ* 'после, потом' (Геров V, 160), родоп. *сѐтанко*, *сетнук* нар. 'после', гюмюрд. *сѐтен* 'следующий, последний', *сѐт'не* нар. 'после того, вслед за', костур. *сѐтне* нар. 'после', *сетнѝна* 'остаток жизни', банат. *се̂тен* 'находящийся на краю, последний' [5]. Ту же семантику имеет и макед. диал. *сетен*: ср. *сетни овчар*, *сетната жена* (Конески III, 187) [6]. Скок (со ссылкой на Рельковича) приводит прил. *nȅsetni* в сочетаниях *svaki*, *sav i nesetni*, *i nesetni*, предполагая изменение *na* > *ne* в начале слова (Skok II, 511—512). На остальной южнославянской территории нами не обнаружены продолжения для этой основы.

Младенов возводил болг. *сетен* к и.-е. корню **se-*: *sō*/*sē*(*i*) 'поздний', который объединяет лат. *sērus*, гот. *seiþu* ср. р. 'вечер', *seiþus* 'поздний', др.-в.-нем. *sîd* 'позднее', н.-в.-нем. *seit*, *seitdem* 'с тех пор'

(Младенов, 579) [7]. Это объяснение принимает Скок в своем словаре. Но еще Ягич отмечал, что слово сєтьнъ не имеет ничего общего с готским словом [8]. На трудности корневого вокализма в этом соответствии обращал внимание Фасмер (Фасмер III, 613—614).

Есть основания думать, что болг. *сетен* и слова, с ним связанные, входят в другую семью родственных слов, которая сохранилась частично в виде небольших изолированных фрагментов в основном в западнославянских языках. Этимологическое истолкование ю.-слав. **setьnъjь*, которое является производным с суф. *-ьn-* от *set-*, определяет сближение с группой чешских наречий и союзов, объединяющей чеш. *setně-sotně* нар. 'едва, еле-еле', *sotva* нар. 'едва, с трудом, чуть', союз 'едва, как только, лишь только, только что', ю.-чеш. *setva*, *setvinka*, ляш. *sotvy*, ст.-чеш. *sotvička*, словац. *sotva*. В словаре Махека указанные чешские слова не получают удовлетворительного объяснения: они довольно искусственно включаются в этимологическое гнездо, объединяющее слова с корнем *sět-*: польск. *sietny* 'бедный, слабый', ст.-слав. сѣтьнъ 'печальный, скорбный', сѣтовати πενθεῖν (Супр.). По мнению Махека, семантика ближайших индоевропейских соответствий — др.-ирл. *sáith*, *sóeth* 'страдание, труд', *sáithar*, *sáethar* 'усилие, страдание, труд' (< **saitu-*, **saituro-*) — хорошо согласуется с тем кругом значений, который характеризует чешское наречие *sotva* 'едва, с трудом, еле-еле'. А в плане словообразовательных отношений, как подчеркивает Махек, ясна соотнесенность глагола **sětovati* с основой на *-u*, засвидетельствованной не только в славянских, но и индоевропейских языках. Махек сам признавал слабые стороны предлагаемого этимологического истолкования: в выдвигаемом им сопоставлении чеш. *setně*, *sotva* ~ слав. *sět-* невозможно объяснить на основе чередования отношение корневого вокализма *e* ~ *o* ~ *ě* (< *oi*) (Machek[2], 568; Фасмер III, 614). Это препятствие побуждает признать истолкование Махека неубедительным и не вполне обоснованным.

Наметить новые пути к пониманию внутренней формы чешских слов помогают приведенные выше ст.-слав. сєтьнъ 'чрезвычайный, крайний', болг. *сетен* 'последний'. Сопоставление южнославянских слов с чеш. *setně*, *sotně*, *sotva* свободно от трудностей фонетического порядка, а в плане семантики чешские слова представляют следующую ступень той семантической эволюции, которая прослеживается в южнославянских языках: 'крайний, чрезмерный' > 'последний' > 'в последней степени' > 'едва, еле-еле', 'как только, лишь только'. Чеш. и словац. *sotva*, чеш. *setně*, *sotně* указывают на сосуществование двух основ — на *-u* и *-i*.

Следующий шаг в продвижении вглубь к раскрытию внутренней формы рассматриваемых слов позволяет сделать сближение с глаголом **sotiti* 'ударить, толкнуть', который представляют в основном западнославянские языки: ср. ст.-чеш. *sotiti*, ляш., вал. *sotiť* 'пихнуть, толкнуть (в болото); ударить', ст.-чеш. *sota* 'рана', *sot* 'truda' (и Klareta), диал. *sotný* 'трудный, затруднительный', словац. *sotiť* 'ударить', морав. *sótať* (*sócať*, *sácať*), *sótnúť* 'толкнуть, ударить; бранить', в также польск. диал. *socić*, *saczać*, *socać* (с приставками

do-, *od-*, *prze-*, *wy-*, *za-* и др.) 'толкать, пихать' и *socać* 'разбрасывать деньги', *fsocać*, *wysocać* 'всовывать, выдвигать' и т. п. (Machek[2], 567; Варшавский словарь VI, 2, 256—257). М. Куцала видит в этом глаголе один из примеров связи говоров юго-западной Малой Польши с чешско-словацкой языковой областью [9]. Этот ряд соответствий дополняет укр. *присота́тися* 'привязать, пристать; прийти, прибрести' (Гринченко III, 440), семантика которого может быть понята как переосмысление исходного значения: 'ударить, побить' > 'прибиться' > 'пристать'. Та же основа предполагается для словен. *sôten*, *sônten* 'сильный' (Bezlaj Eseji, 119). Круг индоевропейских соответствий для слав. **sotiti* составляют лтш. *sitù*, *sist* 'бить, толкать', др.-инд. *çatayati* (< и.-е. **k̂et-*) [10], тох. В. *śats-* 'ударить' (Machek[2], 567).

Дошедшие до нас фрагменты этимологического гнезда с корнем **set-/*sot-* предстают как связанные между собой звенья общей семантической эволюции в направлении 'ударить, толкнуть' > 'ударный, сильный' (ср. словен. *sôten*) > 'крайнее, чрезмерное проявление этого качества' > 'крайний, чрезмерный' > 'в последней степени', 'последний' > 'едва, еле-еле; вслед за' > 'как только', 'и только'. Объединяемые на основе чередования и общей семантической эволюции ю.-слав. **setьnъjь* и зап.-слав. **sotiti*, по всей видимости, составляют лишь часть реконструируемого этимологического гнезда. Исходя из типов славянского аблаута и модели образования глаголов на *-iti* с корневым гласным *o*, можно предположить для праславянского существование глагола с тематическим гласным *e/o* и корневым *e* типа ***sesti*, *setǫ*. Эта глагольная основа, став производящей для **sotiti*, была рано утрачена, но след ее остался в отглагольном прилагательном **setьnъjь*.

**stopьnъkъ*

В диалектах чешско-словацкой языковой группы Махек выделяет ряд однокоренных слов, для которого отсутствуют продолжения в славянских языках. В этот ряд входят чеш. *stonek* 'ствол дерева с отрезанными ветками; обрубок; ветка; дерево, служащее для укрепления поклажи дров или связки плота', ст.-чеш. и морав.-словац. 'пень', перен. 'глупый человек', словац. *stonka* 'стебель; ствол дерева', ляш. *stonek* 'стержень пера', ганац. *stonec* 'молодые перья', а также образования с приставками *ob-* и *ko-*: словац. *kostonok* и *kostonka* 'стебель пера', морав. *ostonek*, *vostenec* 'стержень пера' (='зародыш пера, пробивающийся из кожи'). С другим корневым вокализмом чеш. ю.-в. *štenec* 'молодое птичье перо' и словац. *stínok* 'стержень пера' (Machek [2], 579). Махек восстанавливает для этих образований основу на *-u*, расширенную суффиксом *-kъ*, — **stonъkъ* и приводит в качестве ближайшего соответствия др.-инд. *sthāṇú-* с тем же значением, что и слав. **stonъkъ* — 'стебель; стержень пера; черенок'. Это соответствие допускается при условии, что фонетический облик др.-инд. *sthāṇú-* (ср. *ā*, церебральное *ṇ*) претерпел изменения под влиянием синонимичного *khāṇu-*, для которого предпола-

гается иноязычный источник. Это допущение ослабляет доказательную силу выдвигаемого Махеком истолкования.

Внутренние возможности языка позволяют допустить другое объяснение, более убедительное с нашей точки зрения, основанное на соотнесении чеш. *stonek* со *stopa*. Чеш. *stonek* имеет структуру производного с суф. *-ъkъ*, образованного от прил. **stopьnъjь*, в свою очередь произведенного от **stopa*. Слав. **stopa* входит в апофонический ряд **stopa*: **stepenь*: **stьpь* 'спина; возвышенность; степь' [11]: **stьpenь*. Разветвленная семантика этого этимологического гнезда строится вокруг значений 'основание; отросток, стебель': чеш. *stopa* обозначает ступню, след ноги, а связанное с ним чеш., словац. *stopka* — 'отросток, стебель, черенок'; слав. **stepenь* — это 'степень, градус' и 'ступенька, скамейка' (ср. польск. *stopień*, в.-луж. *stopjeno*), 'лестница' (ср. с.-хорв. диал. *stepènice* — Skok III, 333). Тот же корень **step-*, видимо, в чеш., словац. *stepka*, которое характеризуют те же значения, что и *stopka*. Правда, у Махека чеш., словац. *stopka*, *stepka* рассматриваются в отрыве от *stopa* и путем сложных фонетических преобразований сближаются с лит. *stámbas* 'стебель', что едва ли может быть принято по причинам фонетического характера (Machek[2], 579). Обособление чеш. и словац. *stopka*, *stepka* и выделение их в самостоятельную независимую группу в значительной степени определяется неполным знанием семантики слав. **stopa*, ориентацией лишь на один ряд значений — 'стопа, ступень, основание'. Показательно, что продолжения одного из апофонических вариантов слав. **stьpenь* последовательно представляют значение 'отросток, стебель': чеш. морав. *špeněk*, *špenka* 'отросток', *ošpeněka* 'сухая веточка', ст.-польск. *stpień* 'fibula' (Machek[2], 621). Именно ст.-польск. *stpień* указывает на исходное **stьpenь*. По данным словаря Фасмера, рус. диал. *шпин*, *шпинь*, *шпенек* 'шип; тычек; гвоздь без шляпки', новг. *шпынь*, *шпыни* 'вихор, хохол на голове, чуб, кудри' (Даль[3] IV, 644; Даль[2], IV, 621) заимствованы из польского языка (Фасмер III, 462). Как видим, чеш. *stonek* хорошо согласуется с семантическими возможностями предполагаемого для него этимологического гнезда. Наличие синонимичного образования с корневым *e* (ср. чеш. *štenec*, словац. *stínok* с возможным развитием *e* > *í* в долгом слоге) не противоречит особенностям производящей основы и поддерживается параллелизмом однотипных образований с суф. *-ka* — *stepka*, *stopka*.

**telm-/*tolm-/*tъlm-*

Эти основы с разными ступенями корневого вокализма представляют славянские диалекты западной и восточной групп. В этимологической литературе чередующиеся основы рассматриваются, как правило, отдельно друг от друга, без какой бы то ни было связи. Между тем общие соображения структурно-семантического порядка дают основание для признания этимологического тождества продолжений **telm-*, **tolm-* и **tъlm-*.

Весь ряд чередующихся основ в полном объеме представляют лишь западнославянские языки. Преимущественно чешскими диалек-

тами ограничено распространение основы **telm-* с корневым *e*: ср. *vytlemiti* (*ústa, rty*) 'осклабиться', диал. *zatlemiti* то же (PSJČ VII, 530; VIII, 155), ю.-чеш. *vo-tlemenej*, *roz-tlemenej* 'о грубом, дерзком человеке' (Machek², 645), диал. *votlema* 'ротозей' [12].

Основу **tolm-* продолжают кашуб.-словин. *tłöm̃ic*, *tłöm̃i* 'много есть, быть прожорливым', арх. *tłöm* 'голод, аппетит', *tłömni* 'прожорливый' и т. д. (Sychta V, 355—356), *tłöm* 'масса, множество', *tłömᵘovac* (*są*) 'возиться, неистовствовать' (Lorentz Pomor. II, 3, 573), ст.-чеш. *natlamati se*, морав. *tlámat*, *tl'ámat* 'есть, жевать', отглаг. *tlama* 'губа; пасть, морда', *tlamy žvamy* 'клевета' (Machek², 645; Kott IV, 100), словац. *tlama* 'морда' (SSJ IV, 535) и т. д. Если исходить из нашего понимания, то следует исключить из приводимого Махеком ряда западнославянских соответствий в.-луж. *klama* 'морда, пасть', которое, по всей видимости, соотносится с в.-луж. *klamać*, *klemić* 'дерзить; грубить'. В восточнославянских языках отражением основы **tolm-* можно считать рус. псков. *сýтоломня* 'толкотня, давка; бестолочь' (Даль² IV, 365), сиб. *толом*(*ок*) 'морды из прутьев *толомками* зовут (часть невода)' (Словарь Оби III, 184—185).

И, наконец, ступень редукции в корне содержат кашуб.-словин. *tłüm* 'масса, множество', **tłüm̃ic* в сложении *přə̂tłüm̃ic* 'давить, жать' (Lorentz Pomor. II, 3, 575), польск. *tłum* 'толпа, скопище', *tłumić* 'подавлять; прекращать; заглушать', словац. *tlmit'* 'умерять интенсивность, приглушать' (SSJ IV, 537), а также рус. диал. *толми́ть*, *то́льмить* 'твердить, долбить; упорствовать' (Фасмер IV, 72).

Словац. *tlmit'* и польск. *tłumić*, вынесенные Махеком в отдельную статью и таким образом отграниченные от родственных им слов, этимологически сближаются с лит. *stel̃bti* 'подавлять, заглушать (когда сильные растения заглушают слабые)', *stil̃bti* 'слабеть, гибнуть (о растениях)'. Махек считает, что самым точным соответствием слав. **tьlmiti* был бы литовский фактитив **stьlbinti* 'ослабить' при условии *s*-mobile и мены в корне *b*/*m*. Но вероятность этой этимологии ослабляет 1) допущение нерегулярных изменений и 2) отсутствие семантического тождества в литовско-славянском соответствии — условия, обязательного для этимологической концепции Махека. Действительно, наблюдается глубокое расхождение в семантике сопоставляемых слов. Разнообразные значения, характеризующие слав. **telm-*/**tolm-*/**tъlm-*, имеют в качестве исходного значение 'биться; давить; толпиться', по отношению к нему вторичны экспрессивно окрашенные значения 'жрать, есть' и 'морда', 'склабиться'. Совершенно очевидно, что лит. *stel̃bti* 'заглушать, умерить силу' имеет другую семантическую природу.

Махек выделяет в самостоятельную группу чеш. *tlama* и некоторые близкие ему слова (морав. *tlámat*, *tl'ámat*, диал. *vytlemiti se* и т. п.) и объясняет на основе мены *p* > *m* как родственные *tlapati* и *tlaskati* < *tlap-skati* (Machek², 645).

Наметить внутренние связи между указанными выше словами и определить этимологию помогает предложенная в свое время Брюкнером реконструкция польск. *tłum* в виде **tъlp-m-* (Brückner, 572).

Эта этимология принимается Фасмером и для рус. *сутоломня.* О. Н. Трубачев [13] вносит некоторые уточнения в реконструкцию, полагая излишним и искусственным производить польск. *tłum* из **tŭlp-m*. Он считает, что в праславянском наряду с основой **tŭlp-* самостоятельно существовала основа **tŭlm-*. Обе основы со всеми апофоническими вариантами принадлежали этимологическому гнезду, которое объединяет рус. *толпа*, лит. *telpù*, *telpaũ*, *tìlpti* 'помещаться, входить', лтш. *tìlpt*, *tęlpu*, *tilpstu*, *tilpu* 'помещаться, входить, доходить', др.-инд. *tálpas* м. р., *talpà* ж. р. 'ложе, седалище', ирл. *tallaim* 'нахожу место' (Фасмер IV, 74; Fraenkel, 1094). В. Н. Топоров включает в это же гнездо рус. диал. *телепáться* 'болтаться, мотаться', рус., укр. *телепень* 'болван', 'вялый ребенок; неуклюжий человек', которые в целом характеризуются как обозначающие «неупорядоченное, разнонаправленное движение, нечто отличающееся большими размерами и/или множественностью» [14]. Вся эта группа слов вместе с лув. *taluppi-* 'ком, глыба', хетт. *ᴰTelepinuš*, по мнению В. Н. Топорова, изначально была связана с мифологией и культом пчел.

**trek-/*trok-/*trak-*

Основание для реконструкции этих основ дают данные лексики двух языков — русского и болгарского. В русских диалектах находим *трёкать* ворон. 'кряхтеть и стонать', волог. 'бить, колотить, вбивать, заколачивать; стучать' (ср.: Не мог вчера *дотрекаться* у вас, т. е. достучаться; Гвоздь так *затрекан*, что не добудешь, т. е. вбит — Даль² IV, 428), ирк. 'говорить (о пустых, неосновательных высказываниях)' (Иркутский словарь III, 68), *трёкнуться, трёхнуться* 'вдруг сообразить, понять' (там же), сиб. 'отречься, отказаться, отступиться, отпереться' (Даль² IV, 428), 'упасть' (Словарь говоров Оби 3, 187), шадр., великоуст. 'удариться, треснуться' [15], влад. *затрёкать* 'спрятать, убрать в потайное место', вят. *затрóкаться* 'зайти, заехать в грязь, в топкое место' (Филин 11, 105, 107) и далее волог. *трека* 'большая деревянная колотушка, мóлот' (ср. у Даля Колья *трекой* вбивают). От этих слов следует, видимо, отграничить близкий по форме морской термин *трёкать* 'петь в ритм при перетаскивании и поднятии корабельных грузов', который считается заимствованием нидерл., н.-нем. *trekken* 'тащить' (Фасмер IV, 97). Осмысляя происхождение русских диалектизмов, Даль уверенно говорит об исконности только рус. *трека* 'колотушка'. Что же касается *трекать* и его производных, то вопрос для него остается открытым: то ли они тождественны заимствованному морскому термину, то ли это исконное образование. Русский и шире — славянский материал разрешает сомнение Даля в пользу исконно славянского происхождения рус. *трекать* в значении 'бить, колотить' (> 'убиться', 'упасть' и 'вбить в голову', ср. просторечное *мне стукнуло* 'пришло в голову' > 'сообразить, понять' и т. п.). Ту же исходную основу **trek-* можно предположить и для некоторых русских диалектизмов, изолированных в словарном составе русского

языка. Это рус. олон. *треколье* 'обноски, худое платье, ветошь, тряпье', 'худое, старое платье' (Даль[2] IV, 428; Опыт, 232) и образования с экспрессивным изменением $k > x$: олон. *трехáлье*, *трехóлье* 'рубище; худая одежда, ветошь, тряпье' (Даль [3] IV, 837), *трехавый* 'взъерошенный, склоченный' (ср. Борода *трехава*). Даль затрудняется в определении родственных связей и потому неуверенно, со знаком вопроса ставит рядом с *трехавый* два возможных соотносительных глагола — *трясти*? или *трепать*?

Чередующиеся основы **trek-/*trok-* представляют болгарский язык и его диалекты: ср. *трéква*, *трéкнува*, *трекне ми* в значении 'приходить на ум', 'вздуматься' (Геров V, 352), хасков. *трòкъм* 'бить друг о друга' [16]. Болгарский материал как будто бы указывает и на существование варианта с корневым *а*: ср. *тракам* 'стучать, хлопать, щелкать', 'тарахтеть, трещать', родоп. *трàкам*, *трàкне* 'высекать огонь с помощью кремня', *тракàчка* 'небольшой медный звонок', перен. 'болтун' и др.[17] Лишь на этимологическом уровне можно говорить о родстве болгарских образований с основами **trek-* и **trak-*. В плане семантических отношений значение 'приходить на ум', устойчиво характеризующее глаголы *треква*, *трекне*, является производным от основного значения 'бить, колотить'.

Для славянских основ прослеживаются родственные связи в балтийских языках. В литовском языке находим разветвленное гнездо слов с развитыми семантическими отношениями, в составе этого гнезда ближе всего славянским образованиям лит. *trẽkti* 'портить, уничтожать, разрушать', *trikti* 'толкать; запинаться, заблуждаться', *trãkas* 'бешеный, ненормальный' и *trãkas* 'место, где сжигают дрова', *trãknas* 'раздавленный, сломанный', *trãknys* 'разодранная солома; сенные отходы' (Fraenkel, 1116, 1122). При сопоставлении семантики славянских и балтийских слов наблюдается некоторая общность в реализации исходного значения 'бить, колотить' в направлении 'разбитый, сломанный' и 'плохие вещи, отходы', но в балтийских языках эта линия семантического развития вытеснена более активными семантическими процессами, которые утвердили новый ряд значений 'бить, колотить' > 'сбитый с толку', 'непонятный' (ср. лтш. *traks*) > 'сумасшедший, бешеный'. Исходную глагольную основу **trek-* с тематическим гласным *е/о* (ср. лит. *trẽkti*) славянские языки переводят в класс глаголов на *-aje: ati*.

tronъ(ka)

Основы **tronъ* и **tronъka* выступают в некоторых славянских диалектах в функции имени со значением 'крошка, малость' и в функции наречия 'мало, немного'. Областью наиболее активного употребления этих основ является болгарский язык: ср. *трóнца*, *трóнинка*, *трóнка* 'мало, немного', поясняемые в словаре Герова синонимами *мрьва*, *троха*, *трошка* (Геров V, 357), страндж. *трòнка*, *тронин'ко* 'совсем мало, недостаточно', ботевгр. *тронá* в сочетании *една трона* 'совсем мало', самоков. *трòнка* 'очень мало', костур. *тролùнка* 'малость' (с диссимиляцией *н* ~ *л*) [18], неврок. *трънка* то же (ср. тòі *трънката* дето е ф ок'ото на другѝте е видіува), гевгел. *трòничък*

'маленький, дробный'[19], а также отыменные глаголы *трóнѫ, -ишь* 'лущить кукурузу' (Геров V, 357), врач. *трòна* (*са*) 'осыпать(ся)'[20]. В македонских диалектах отмечено нар. *трóнѕе* 'мало'[21].

Единичными примерами засвидетельствована эта основа в восточнославянских языках: укр. *тріньки* 'немножечко' (Гринченко IV, 284: Полтав., Харьк., Екат.), рус. дон. *троньки, трóнечки* 'немного' (Дон. словарь III, 162), а также, видимо, смол. *тронка* 'орлянка' (Гребнер 1877)[22], если принять во внимание, что при игре в орлянку подбрасывалась мелкая монета.

Очень ограничены следы основы **tronъ* в западно-славянских языках. Ее представляют кашуб.-словин. *v tròn, v tròně* 'совершенно, до тла', 'на куски' (Sychta V, 389—390) и *tron* 'пепел, зола', ср. v sǫm *tron* pᵘob'ic 'in Schutt und Asche vewandeln' (Lorentz Pomor. III, 1, 602).

Слав. **tronъ*(*ka*) имеет структуру изолированного образования с затемненной внутренней формой. Ст. Илчев пытается объяснить ботевгр. *трона* из *трохна* < *трохьна*, но последнее по всем правилам должно дать **трошьна*. Предполагаемое развитие **troxьna* > **trona* не поддерживается другими славянскими аналогиями, поэтому едва ли может быть принято во внимание. Между тем нетрудно заметить, что слав. **tronъka* сохраняет в семантике вполне очевидную связь с гл. **terti*, **tьrǫ*. Слав. **tьronъ*, будучи производным от гл. **terti*, полно представляет все ступени мотивационной зависимости от исходной глагольной основы: 'тереть' > 'лущить (кукурузу)' > 'труха, крошки, пыль' (ср. особенно кашуб.-словин. *tron*) > 'малость, нечто незначительное'. Становление значения 'мало, немного' обусловлено грамматикализацией основы в наречной функции. Слав. **tronъ* дополняет круг выявленных образований с редким архаичным суффиксом *-onъ* (лит. *-anas* < и.-е. *-ono-*), показателем nomina actionis (ср. **bobonъ*: *boboniti*, **gomonъ*: *gomoniti* и т. п. — Słownik prasłowiański I, 132—133) и расширяет состав именных производных с корнем **ter-* (ср. **truna*, **truxa* и т. п.).

Реконструкция для праславянского основы **tronъ*(*ka*), соотносительной с гл. **terti*, **tьrǫ*, помогает определить происхождение некоторых этимологически трудных слов, к числу которых относится с.-хорв. чак. *trõńcov* прил. 'разорванный' (Hraste—Šimunović, 1259), содержащее в своем составе суф. *-ьc-* и *-ov*.

**zǫbьlь*

Этимологические словари выделяют в особую самостоятельную группу лексемы славянского Юга с корневым *zub-*: с.-хорв. *zȕblja* (Вук, Черногория) 'лучина, факел; полено', словен. *zubja* (XV в.) 'факел', *zúbelj* 'пламя' (Skok III, 663—664; Miklosich, 404). А. Е. Супрун обратил внимание на интересное соответствие в полесских говорах, которое меняет наше представление о географии этого слова[23]. В полесских говорах приспособление для подкуривания пчел обозначается словами *зу́бéль, зу́бяль, зу́бля, зу́блэнь, зубы́ло*[24]. Известны две этимологические версии для южнославянских лексем. Миклошич связывал с.-хорв. *zublja*, словен. *zubelj* с лит. *žiburys*

'свет, факел', родственным *žibėti* 'блестеть, излучать свет'. Петерссон восстанавливал для них и.-е. корень **ĝhu̯ei-* 'светить' с расширителем *-bh-* [25]. Скок строит свое объяснение на сопоставлении с лит. *žãbas* 'ветка', *žabà* 'прут', др.-исл. *kafli* 'полено', нов.-в.-нем. *Kabel* 'грубо отесанное дерево' < и.-е. **ĝebh-* 'кусок дерева'. Оба истолкования сопряжены с большими трудностями корневого вокализма. В одном случае возникает необходимость допущения чередования **ĝoub-*: **ĝoib-* [26], в другом — чередования **ĝoubh-*: *ĝebh-*. «Независимо от и.-е. этимологии, — пишет А. Е. Супрун, — полесско-южнославянское схождение представляет интерес для реконструкции праславянского лексического фонда».

На наш взгляд, два момента осложнили поиски этимологического решения: 1) неверный выбор исходного значения и 2) ориентация на морфему с корневым *-u*. Неверная семантическая установка ('факел' или 'кусок дерева') увела внимание исследователей в сторону от очень ясных, прозрачных, очевидных этимологических связей со слав. **zǫbъ*. При вскрытии внутренней формы южнославянских слов исходили не из конкретных особенностей реалии, обозначаемой основой *zub-*, а из семантики, отражающей уже факт функционирования слова. Не последнюю роль здесь сыграла и ограниченность этнографических, письменных свидетельств, касающихся этого слова. Значение восточнославянских материалов в том, что они не только отмечают функционирование слова, но и дают описание приспособления, представляют его устройство. По данным полесских материалов *зубель* это не только головешка, но и еловые ветки или намотанное на палочку тряпье. В русской терминологии пчеловодства в той же функции выступает слово *зубень*. Конкретные сведения об устройстве этого приспособления дают «Материалы для русского сельскохозяйственного словаря»: «*Зубень* — так называют толстую палку из трухлявого дерева, на одном конце крестообразно надколотую. Конец этот расщепляют клинышком, кладут в расщеп трут и употребляют для подкурки пчел». Словарь русских народных говоров дает еще одно пояснение: «*Зубень* — это палка, расщепленная на конце на четыре клина» (Филин 11, 359). Судя по описаниям, приспособление для подкуривания пчел имело форму палки с острым, зубчатым завершением, что и определило название этого устройства.

Такому пониманию мотивационных отношений не противоречит словен. *zubelj* с корневым *u*. Для словенского языка типичным считается отражение *ǫ* в виде *o*, но в некоторых диалектах, в частности нотраньских и диалекте Краса, наблюдается развитие *ǫ* > *uo*, *u*: ср. *zǫb* > *zûp*, *mǫžь* > *mûš* и т. п.[27] В словаре Плетершника среди помет, сопровождающих слово *zubelj*, есть и указание на территорию его распространения: слово *zubelj* представлено в Красе.

Таким образом, все данные свидетельствуют в пользу происхождения ю.-слав. и вост.-слав. слов от **zǫbъ*.

Примечания

[1] *Boryś W.* Na tropach słowiańskich reliktów leksykalnych. — RSl XLII, cz. 1, 1981, 25—27.

[2] Картотека Псковского областного словаря. Межкафедральный словарный кабинет филол. ф-та ЛГУ.

[3] *Стойчев Т.* Родопски речник. — Родопи № 11, 1976, 25.
[4] Мало вероятными, очень неубедительными представляются попытки объяснения слав. **lunь* из **lupnь* от *lupiti* (Фасмер II, 534). Трудно согласиться и с мнением Потебни, считавшего, что слав. **lunь* имеет исходное значение 'разрывающий' и на этом основании родственно др.-инд. *lunāti*, *lunōti* 'режет, отрезает' (Преображенский I, 478).
[5] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, 265; *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, 84; *Шклифов Б.* Речник на костурския говор. — БД VIII, 307; *Стойков Ст.* Лексиката на банатския говор. София, 1968, 214.
[6] Ср. еще: *Конески Б.* Материјали за Преспанскпот говор од збирката на С. Н. Томиќ. — МЈ VIII, 2, 1957, 191.
[7] См.: еще: *Младенов Ст.* Старите германски елементи в славянските езици. — СбНУ XXV. София, 1909, ч. 2, с. 106—107.
[8] *Jagić V.* Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, 10.
[9] *Kucała M.* -*sacać* (-*socić*) -'suwać' (-'sunąć'). — JP XXXV, 4, 1955, 268—270.
[10] *Cop B.* Etyma Balto-Slavica. — SR 5—7, 1954, c. 227—237. В. Н. Топоров принимает это сопоставление и признает его удачным. См.: *Топоров В. Н.* Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений. — ВСЯ 3, 1958, 153.
[11] *Меркулова В. А.* Заметки по истории и этимологии слов. — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, 86—91.
[12] *Vydra B.* Popis a rozbor podřečí hornoblanického. Pr., 1923, 124.
[13] *Трубачев О. Н.* Заметки по лехитской этимологии. — В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, 304.
[14] *Топоров В. Н.* **Tel-p-n*, **Tal-p-n* в свете ностратической перспективы. — В кн.: Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. М., 1972, с. 78—81.
[15] *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми и третье полногласие. — Изв. ОРЯС, т. VII, кн. 2. СПб., 1902, 348.
[16] Ср. еще: *Божкова З.* Принос към речника на софийския говор. — БД I, с. 269; *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 179; *Кънчев И.* Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско.— Изв. Ин-та за български език, кн. IV. С., 1956, 241 и др.
[17] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД V, 212.
[18] *Горов Г.* Странджанският говор. — БД I, 145; *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика. — БД I, с. 203; *Шапкарев И.* и *Близнев Л.* Речник на самоковския градски говор. — БД VIII, 281; *Шклифов Б.* Речник на костурския говор. — БД VIII, 318.
[19] *Мирчев К.* Принос към словаря на Неврокопското наречие. — МПр VIII, 2, 132; *Милетич Л.* Към особеностите на гевгелийския говор. — Там же, 69.
[20] *Хитов Хр.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско. — БД IX, 330.
[21] *Каровски Л.* Зборови от Тиквешко. — МЈ II, 3, 1951, 93.
[22] Картотека словаря русских народных говоров. Ин-т языкознания АН СССР. Л.
[23] *Супрун А. Е.* Из полесско-южнославянских изолекс. — В кн.: Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, 61—62.
[24] *Анохина В. В.*, *Никончук Н. В.* Полесская терминология пчеловодства. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 333; Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982, т. 2, 168.
[25] Библиографија од 1914—1922 (1923). III. Словенске етимологије. — ЈФ III, 1922—1923, 217.
[26] *Bezlaj F.* Zajednička problematika južnoslavenske leksike. Рукопись, 12.
[27] *Sławski F.* Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. W-wa, 1962, 51—53.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XII*

(*(s)kъrbati и *kъrban'ь, *kъrbačь; *pъlkati; *plęsti и *priplętь; *sujь; *tružiti)

*(s)kъrbati и *kъrban'ь, *kъrbačь

В ляшских говорах чешского языка зафиксирован глагол *krbat'* с двумя значениями: 'тараторить, болтать' и 'идти мелкими шагами, семенить' (Bartoš, 162). Махек счел этот глагол этимологически неясным (Machek [1], 291). Точное соответствие для чеш. *krbat'* представлено в польском языке — диал. *karbać* (и *karbić*) 'болтать, молоть чепуху, нести вздор'. В этимологических словарях польского языка это слово не рассматривается, а составители Варшавского словаря сопроводили статью о глаголе *karbać*, *karbić* указанием на лит. *karbëti* 'говорить' (Варшавский словарь II, 261). Что касается литовского глагола, то он обычно рассматривается как генетически связанный с гнездом и.-е. **kel*(*ə*)- 'звать, кричать, звучать', исконно звукоподражательным (Pokorny I, 549; Fraenkel 207—208).

Соответствие чеш. *krbat'* — польск. *karbać* дает основание для реконструкции исходного праслав. **kъrbati*. Родство его с лит. *kalbëti* исключить полностью трудно, но в то же время оно явно достаточно необязательно для того, чтобы попытаться найти другие генетические связи славянского глагола. В этих поисках можно, кажется, опереться на семантические модели чешских глаголов, синонимичных с *krbat'*, а именно — *drmoliti* 'тараторить' и 'дробить, мять (пальцами)', *drobčiti*, *zdrobna* kráčeti 'идти мелкими шагами'. В обоих случаях первичной является семантика 'дробить' и связь с гнездом **der-* 'драть, сдирать, расщеплять'. Учитывая эту модель, можно предположить связь реконструированного праслав. **kъrbati* с гнездом праслав. **ščьrb-*, которое восходит к и.-е. *(*s*)*ker*(*ə*)- 'резать' с расширением *b*(*h*).

Типичными представителями гнезда **ščьrb-* в славянских языках являются **ščьrbъ*, **ščьrba*, **ščьrbina* (ст.-слав. штрьбъ 'mancus', штрьбина 'fragmentum', болг. *щърб*, *щръб* 'зазубрина, щербина; дыра; черепок, обломок', словен. *ščŕba* 'зазубрина, щербина; черепок', чеш. *štěrbina* 'щель, трещина', польск. *szczerb*, *szczerba* 'зазубрина', рус. *щербина*, *ущерб* и т. д.), **ščьrbi ti* болг. (*ущърбя* 'выщербить, выломать', рус. *щербить* и т. д.). Представляется, что значения типа 'черепок, обломок', отмеченные у продолжений праслав. **ščьrbъ* / **ščьrba*, свидетельствуют о наличии в семантике гнезда элемента 'ломать, отламывать', что могло

стать начальным звеном семантической цепи 'ломать' → 'крошить, дробить' → 'тараторить' и 'идти мелкими шагами', которая предполагается как источник для праслав. **kъrbati* в семантическом плане.

Введение **kъrbati* в гнездо **ščьrb-* возможно и в формальном плане. Правда, преобладающей формой корня в рассматриваемом славянском гнезде является именно **ščьrb-*, но есть в этом гнезде имена прилагательные, структура которых свидетельствует о существовании праславянского морфонологического варианта корня **kъrb-*: это чеш. валаш. *krbatý* 'выщербленный (о горшке)' (Bartoš 162) и с.-хорв. диал. (Космет) *kȑbav* 'щербатый'. Скок считал сербохорватскую форму следствием утраты начального š в исходном начальном сочетании *škr-* (Skok III, 402), но наличие чеш. *krbatý* позволяет толковать оба слова как продолжение праславянской формы корня без начального *s* и с вокализмом непереднего ряда. Косвенным подтверждением возможности такой огласовки являются родственные образования в балтийских языках: лтш. *skar̃bs* 'шершавый, жесткий', *skarba* 'осколок' (Fraenkel 801, *sker̃bti*), хотя здесь, разумеется, исходный полный вокализм — **skorb-*. Более отдаленным семантически славянским образованием этого гнезда с вокализмом в ступени редукции непереднего ряда может быть слав. **skъrbь*, которому соответствует лит. *skurbė̃* 'тоска, грусть' (Pokorny I, 943; Младенов 586; Фасмер III, 650—651).

В словенском и сербохорватском языках широко распространены образования гнезда праслав. **ščьrb-* с начальной группой *šk*, ср.: словен. *škȓba* 'зазубрина, щербина', *škŕbiti* 'зазубривать (топор)', *škŕbati* 'скрести, царапать', с.-хорв. *škȑba* 'щербина, зазубрина', *skȑbiti* 'крошиться'. Часто формы с начальным *šk* имеют параллели в виде форм с начальным *št*, которое является закономерным рефлексом праслав. **šč*: ср. с.-хорв. *škȑba* = *štȑba*, *škȑbast* = *štȑbast*. Еще от Миклошича идет традиция истолкования форм на *šk* как результата преобразования *šč* или *št* (Miklosich 300; Skok III, 402). Но уже Покорный видел в словен. *škȓba* продолжение слав. **skъrba* < балтослав. **skurbā* (Pokorny I, 943). Действительно, несмотря на параллелизм форм с *šk* и *št*, тождественность их источника (*šč*) сомнительна. Скорее *š* перед *k* — следствие вторичного развития, представленного, кстати, и в праслав. **skъrbь* > с.-хорв. диал. (Лика) *škȓb* (Skok III, 269). Подобное развитие известно в ряде случаев и другим славянским языкам, в их числе — и чешскому языку: см. *škopek* < **skopъkъ*, *škrabati* — к **skrebti*, *škvařiti* < **skvariti*, *škaredý* < **skarędъ*. Все это дает основания видеть в формах с начальным *šk*, принадлежащих к гнезду праслав. **ščьrb-*, рефлексы варианта корня **skъrb-*. Если вспомнить о значении чеш. *krbat'* 'идти мелкими шагами, семенить' (принадлежность которого к гнезду **ščьrb-* обосновывается выше), то можно предположить такой же генезис и для чеш. ляш. *škrbat se* 'тащиться, медленно идти, шаркая ногами' (откуда, вероятно, и *škrbál* 'старый башмак' — Kott III, 896). Махек связал *škrbat se* (хотя и с сомнением — «nejasné»!)

со *škrabati se* (Machek[2] 613). В конечном счете и слав. **ščьrb-* и слав. **skreb-* (> чеш. *škrabati se*) принадлежат к одному и тому же гнезду и.-е. **(s)kerb(h)-/*(s)krebh-*. Но структура чеш. *škrbat se* побуждает связывать его прежде всего со **ščьrb-* — как рефлекс праслав. **skъrbati sę*. Исходная семантика может быть определена как 'драть' (ср. рус. *удрать*, *чесать* 'идти, бежать').

Итак, чеш. *krbat'* 'тараторить, болтать; идти мелкими шагами', польск. *karbać* 'болтать, молоть вздор' и чеш. *škrbat se* 'тащиться' позволяют реконструировать в гнезде праслав. **ščьrb-* глагол **(s)kъrbati* с исходной семантикой 'ломать, дробить; драть'. Эта семантика не сохранилась в глаголах, но косвенным подтверждением ее являются значения производных от них имен. Как таковые могут быть истолкованы с.-хорв. диал. *kȑbav* 'щербатый' и чеш. валаш. *krbatý* 'выщербленный (о горшке)' (см. выше), хотя, вероятно, между глаголом **kъrbati* и прилагательными исторически было еще промежуточное звено в виде имени ***kъrbъ/**kъrba*.

К гнезду **ščьrb-*, как непосредственно связанное с **kъrbati*, должны относиться и чешские диалектизмы *krbaň* 'старый горшок' и *krbač* 'поврежденный горшок или кувшин'. Махек связал их с группой названий сосудов, имеющих исходную основу *k-r-b*, но при этом оговорился, что «все остальное неясно» (Machek[2] 291). Все сказанное выше о семантике и структуре производных праславянского гнезда **ščьrb-* дает вполне однозначную ориентацию в истолковании этих названий сосудов: в приведенных диалектизмах *krbaň*, *krbač* непременным элементом значения является признак ветхости (старости или повреждения); в гнезде **ščьrb-* регулярны обозначения и повреждений вследствие выщербливания, и самих поврежденных сосудов (ср. чеш. *vyštěrbit* (kosu, hrnec) 'выщербить, наделать зазубрин', ганац. *(v)otščeřopené* (hrnec) 'облупившийся, треснувший' — Machek[2] 624; укр. *щербань* 'посуда с надбитым краем' — Фасмер IV, 503); чеш. валаш. *krbatý* 'выщербленный (о горшке)' обнаруживает идентичное с *krbaň*, *krbač* соединение формы корня (**kъrb-*) и семантики; наконец, чеш. диал. *krbaňa* 'черепок' (Bartoš 162) [1], будучи структурно тождественным с *krbaň* 'старый горшок', семантически явно принадлежит к гнезду **ščьrb-*. Следовательно, чеш. *krbaň*, *krbač* происходят из гнезда праслав. **ščьrb-*, в котором по форме они ближе всего к чеш. *krbat'*, так что вероятно образование имен от глагола. Однако отсутствие в чеш. *krbat'* прямого значения 'ломать', обусловившего семантику производных имен, заставляет отнести словообразовательную связь *krbat'* и *krbaň*, *krbaňa*, *krbač* к праславянскому состоянию, то есть допустить наряду с праслав. **(s)kъrbati* еще и **kъrbanʼь/*kъrbanʼa*, **kъrbačь*.

**pъlkati*

Глагол *полкать* зафиксирован в русских говорах Сибири, с различиями в ударении, но с тождественной семантикой, ср.: сиб. *полка́ть* 'шататься, слоняться, таскаться, рыскать туда и сюда;

бездельничать' (Даль [2] III, 202); иркут. *полкáть* 'рыскать' (Опыт 167); *полкáть* краснояр. 'бегать; долго где-то быть; шататься, слоняться туда и сюда, рыскать, бегать попусту, без дела' (И ч'о ты *палкаш* в'ес' д'ен' па д'ер'ев'н'е? Где ты *полкала* целый день? У него только и на уме, што по гулянкам *полкать*), южн.-сиб., томск. 'рыскать, бегать сломя голову, ездить' (У ево только дела и работы, што на вершных *полкать* за волками по степе!) (Картотека СРНГ); *пóлкать* 'слоняться без дела, бездельничать' (Девки по деревне *полкают*. — Новосиб. словарь 413). В русской лексике этот глагол не имеет явно близкородственного окружения. Но возможность для его этимологизации появляется при сопоставлении рус. *полкать* 'слоняться' со словац. диал. *opálat'i* 'качаться при ходьбе' [2]. Этот последний глагол входит в славянское этимологическое гнездо с корнем **pel-* и исходной семантикой 'толчком, рывком махать, качать, колебать из стороны в сторону' [3]. Ср. со словац. *opálat'i* продолжения принадлежащего к гнезду **pel-* итератива **palati*: чеш. *pálati*, *opálati* 'очищать зерно от примеси: зерно набирается в деревянный ковш, быстрым движением встряхивается — и ветер сдувает плевелы, сор', польск. *pałać*, *opałać* то же, словац. *opálat'* 'провеивать зерно; махать, качать', рус. диал. *палáть* 'вывеивать зерно, подбрасывая его в корытце', укр. *палати* 'провеивать', блр. *палаць* то же и *палать* ребенка 'качать больного ребенка перед раскаленной печью' [4]. Семантическое развитие 'качать' → 'качаться при ходьбе' → 'слоняться' минимально гипотетично (ср. рус. *шатать* — *шататься*) и надежно вводит рус. *полкать* в гнездо **pel-* с точки зрения семантической мотивировки. Что касается структурных отношений, то в гнезде **pel-* представлено **polkati* / **polskati* (ср. укр. *полóкати* 'полоскать', с.-хорв. *плáкати* 'полоскать, обмывать', словен. *plákati* 'прополаскивать', чеш. *plakati* 'полоскать, плескать', в.-луж. *płokać* 'стирать' [5]). Рассматриваемое рус. *полкать* может быть продолжением праславянской основы с тем же расширением *k*, что и **polkati*, но с вокализмом в ступени редукции (что закономерно в глагольной основе на *-ati*) — **pъlkati*.

Древний характер реконструированного праслав. **pъlkati* можно аргументировать фактом наличия его продолжений не только в русском, но и в чешском языке. Здесь представлен (в ганацких и моравских говорах) глагол *plkati* с основным значением 'болтать, говорить глупости' (и с вариантами *plkonit*, *plkotat*, *plchtat*, *prkotat'*). Махек истолковал чеш. *plkati* как продолжение праслав. **plъkati*, родственного с лит. *plùkas* 'болтун' и лтш. *plukstēt* 'болтать' (Machek[2] 461) [6]. Не отрицая правомерности данного сближения, хочу, однако, обратить внимание на возможность происхождения чеш. *plkati* не только из **plъkati*, но и из **pъlkati*, так что с формальной точки зрения чеш. *plkati* отождествимо с рус. *полкать*. В семантическом плане возможность генетического единства этих глаголов и их общего происхождения из гнезда праслав. **pel-* 'махать качать, колебать из стороны в сторону' определяется сосуществованием моделей 'качать, колебать' → 'говорить, болтать' и 'качать, колебать' → 'скитаться, слоняться' в едином гнезде: ср. в гнезде праслав. **bъlkati*:

польск. *bełkać* 'болтать (жидкость), волновать', рус. диал. *болка́ть* 'делать движение из стороны в сторону или взад и вперед', *бо́лкать* 'болтать'; в гнезде **bъltati*: слвц. диал. *beltac* 'мешать, мутить', польск. *bełtać* то же, укр. *бо́втати* 'взбалтывать', рус. *болта́ть* 'приводить в движение жидкость, мутить; делать, производить чем-либо движения из стороны в сторону, взад и вперед; пустословить, суесловить', болг. диал. *бълтам* 'скитаться', *бл̥там* 'идти с трудом', *бълта́ӑ сѫ* 'суетиться', блр. *бовта́ць* 'колыхать, двигать; взбалтывать какую-либо жидкость; говорить вздор' (ЭССЯ 3, 117—118 и 119—120); в гнезде **polskati*: рус. *полоскать*, словен. *plâskati* 'хлопать, бить; кричать', чеш. *plaskati* 'плескать, хлопать; болтать вздор' (Фасмер III, 315).

Таким образом, чеш. *plkati* 'болтать' может быть, как и рус. *полкать* 'слоняться', продолжением праслав. **pъlkati* — глагола гнезда праслав. **pel-* 'махать, качать, колебать'. Ситуация осложняется, однако, тем, что для чеш. *plkati* в мистршицких говорах отмечено, наряду с 'болтать', значение 'нести (яйца)', например: Ti slépki, husi, kačeni ňe letoz máu̯o vajec *plkajú* (=nesou) [7]. Выводимо ли значение 'нести (яйца)' из семантики праслав. **pel-* 'махать, качать, колебать'? Представляется, что присутствие в семантике **pel-* элемента толчка, рывка позволяет допустить развитие значения, близко к 'бросить' (='выплеснуть'?), а ведь семантика плодоношения часто базируется на представлениях о бросании, метании, выливании, вытряхивании: ср. рус. *помет*, *скинуть*, диал. вологод. *вы́плыш* 'маленький ребенок' (Филин 5, 329) и особенно диал. и просторечн. *вы́трястись* 'родить' (Филин 6, 43), *раструситься*, *растрястись* то же (Даль[2] IV, 79). Представленная в последней группе глаголов модель семантического развития 'вытрясти' → 'родить' может быть приложима и к случаю отношений чеш. *plkati* 'нести (яйца)' со слав. **pel-* 'махать, качать, колебать', поскольку встряхивание, потряхивание есть частный случай колебательного движения (ср. чеш. *pálati* 'очищать зерно от примеси в с т р я х и в а н и е м его в ковше').

Итак, и материально-структурные характеристики, и семантика допускают толкование рус. *полкать* 'слоняться' и чеш. *plkati* 'болтать; нести (яйца)' как продолжений праслав. **pъlkati*, входящего в гнездо праслав. **pel-* 'махать, качать, колебать'. Теперь следует возвратиться к предложенному Махеком сопоставлению чеш. *plkati* 'болтать' с лит. *plùkas*, которое, кстати, значит не только 'болтун', но и 'мот'. Это литовское слово и лтш. *plukstēt* 'болтать' связывают с гнездом лит. *plùkti* 'набухать, пропитываться', *plū́kauti* 'плавать по воде, парить в воздухе', *plū̃koti* 'плыть или двигаться по воде', *plaũkti* 'плавать, парить' и вместе с ними далее возводят к и.-е. **pleu-* 'течь, плавать' (расширению и.-е. **pel(ə)-* 'лить, наполнять; течь, плыть' — Pokorny I, 837, Fraenkel 631). Славянское гнездо **pel-* 'махать, качать, колебать' также иногда толкуют как ответвление и.-е. **pel(ə)-* 'лить' (Pokorny I, 798 — ст.-слав. *polъ* 'черпак'), но существует и гипотеза о родстве славянского гнезда с группой лат. *pellō* 'толкать, колебать, приводить

в движение', греч. πάλλω 'размахивать, потрясать, раскачивать; скакать' [8], которые возводятся к и.-е. *pel(ə)- 'толкать, двигать' (Pokorny I, 801; впрочем, греч. πάλλω Покорный включил в гнездо и.-е. *pel(ə)- 'лить', отметив возможность его принадлежности, как и других лексем со значением 'качать, трясти', к и.-е. *pel(ə)- 'толкать, двигать' — там же). Последнее толкование генезиса слав. *pel- явно более семантически мотивировано (хотя, как справедливо заметила Л. В. Куркина, славянские глаголы развили на базе исходной семантики специфическое техническое значение 'веять хлеб' [9]). И балтийская группа — лит. *plũkas* 'мот; болтун', лтш. *plukstēt* 'болтать' — кажется, лучше согласуется семантически с и.-е. *pel(ə)- 'толкать': ср. 'болтать, болтун' в балтийских словах и лат. *pellō* lyram 'бряцать на лире', *pellō* fores 'стучать в дверь' [10]; понятие мотовства (лит. *plũkas* 'мот') также логично обозначается как связанное с размахиванием, растрясанием (ср. рус. *швырять* деньги, *сорить* деньгами, *растрясти* кошелёк). Структура же балт. *pluk- может быть производной как от и.-е. *pel(ə)- > *pleu- 'течь', так и от и.-е. *pel(ə)- 'толкать'. Следовательно, и балтийская группа возводима, как и праслав. *pъlkati, к одному гнезду с лат. *pellō*, греч. πάλλω.

Семантическая близость праслав. *pъlkati и балтийской группы очевидна. Структурное же различие заключается в расширении *u*, присутствующем в прабалт. *pluk- (ср. слав. *pъlk-), так что если праслав. *pъlk- предполагает присоединение форманта *k* к корню *pel-, то прабалт. *pluk- — присоединение такого же форманта к основе *pelu- [11]. Впрочем, чеш. *plkati*, как уже было сказано, может восходить равно как к праслав. *pъlkati, так и к *plъkati, что тождественно прабалт. *plukt-. Но существование рус. *полкать* побуждает и в близкородственном чеш. *plkati* видеть *pъlkati. Во всяком случае, славянские и балтийские лексемы сводимы к одному корню (причем лит. *plũkas*, лтш. *plukstēt* оказываются отделенными от гнезда лит. *plũkti*, *plaũkti*).

*plęsti и *priplętь

Польский диалектный глагол *pleść się* 'вертеться; бродить, бездельничать' с родственным (производным) *plątać* 'путать, смешивать, вмешивать', *p. się* 'путаться, заплетаться (о ногах, о языке); кружиться; вертеться; вмешиваться' (Варшавский словарь IV, 235, 226) обычно толкуется в генетическом отношении как вариант глагола *pleść* (Brückner 417). Очевидно, это вполне надежное отождествление, но существен вопрос о хронологическом уровне расхождения этих глаголов. Брюкнер привел в качестве аналогии к отношениям рассматриваемых глаголов пары *pach-/pąch-* и *stop-/stąp-*, но эти пары вряд ли хронологически равнозначны: в случае *pach-/pąch-* представлена, вероятно, собственно польская вторичная назализация, а пара *stop-/stąp-* отражает параллелизм двух родственных индоевропейских основ, различающихся по признаку назализации (ср. др.-инд. *sthāpáyāti* 'ставить', лит. *stapìnti* и греч. στέμβω 'топтать',

лит. *stem̃bti* 'выпускать стебель' и т. д. — Pokorny I, 1011—1013).

В. Махек, рассматривая польск. *plątać* в связи с ганац. *plantati* 'плести', ляш., словац. *pľantat'* 'мотать, плести; болтать' (которые, вероятно, являются польскими заимствованиями. — *Ж. В.*), охарактеризовал всю группу как преобразование глагола *plesti*, не ставя вопроса о хронологии процесса (Machek² 454).

Для определения степени древности параллелизма польск. *pleść*/*pleść* важны два рода фактов. Один, представляющий собою прямое свидетельство хронологических отношений *pleść*/*pleść*, — это факт наличия или отсутствия точных соответствий для польск. *pleść*, *plątać* в других славянских языках. Приходится признать, что такие соответствия отсутствуют, поскольку упомянутые выше чешские и словацкие формы слишком похожи на полонизмы.

Факты другого рода — это структура и распространение производных от *pleść*, *plątać* образований. Уже давно предполагается родство с польск. *plątać* восточнославянской лексической группы с корнем **plǫt-*: рус. *плут*, *плутать*, укр. *плýтати* 'путать', блр. *плутáць* то же, укр., блр. *плутня́* 'путаница' и т. д. (Фасмер III, 287). Огласовка в ступени **o* корня **plǫt-* характеризует соответствующие образования как производные от глагола с корнем **plęt-*, причем производные праславянского периода. Следовательно, польск. *pleść* должно быть продолжением праслав. **plęsti*. Восточнославянская территориальная принадлежность лексем с корнем **plǫt-* свидетельствует о функционировании этой производящей праславянской основы **plęsti* в более широкой языковой области, нежели лехитская (> польск. *pleść*).

Еще одно слово, производное от праслав. **plęsti*, обнаруживается в русских говорах Сибири: это новосиб. *приплять* м. р. 'бездельник, никчемный человек', ж. р. 'всякий сброд, тунеядцы, прихвостни' (Новосиб. словарь 437), *при́плять* то же (Картотека СРНГ). При учете значений польск. *pleść się* 'вертеться; бродить, бездельничать', *plątać się* 'путаться, вертеться, вмешиваться' возможность образования рус. *приплять* от праслав. **plęsti* представляется несомненной. А поскольку в русском языке до сих пор не зафиксирован глагол, продолжающий праслав. **plęsti*, русское *приплять* может толковаться как праславянское производное, возможно — диалектизм праславянского периода. Характеризующий его корневой вокализм в ступени **e* достаточно регулярен в старых *i*-основах: ср. **jьzgrebь*, **postelь*, **ščelь*. Как и **plǫtъ*, **plǫtati*, русский диалектизм *приплять*, восходящий к праслав. **priplętь*, производному от **priplęsti*, свидетельствует о бытовании глагола **plęsti* в тех диалектах праславянского языка, продолжениями которых стали восточнославянские языки.

**sujь*

Лексическая группа, возглавляемая прилагательным **sujь*, в сущности весьма ограничена в славянских языках: помимо ст.-слав. соуи μάταιος, vanus (и въсоуѥ μάτην), др.-рус. *суи* 'пустой, незначи-

тельный, напрасный, ложный, случайный', рус. и болг. *суета* и, может быть, серб. *sujta* 'страх' (Miklosich 328), здесь представлены лишь вторичные производные типа рус. *суетный*, чеш. *sujný* 'напрасный' и сложения с *суе-* в первой части типа рус., болг. *суеверие* (вероятно, церковнославянского происхождения).

Прилагательное **sujь* имеет несколько этимологических толкований: его связывают с лит. *sáuja* 'горсть' или с группой др.-инд. *çūnyás* 'пустой', лат. *cavus* 'пустой, полый' (Фасмер III, 797). В обоих случаях толкование предполагает для **sujь* первичное, этимологическое значение 'пустой'. Но следует обратить внимание на то, что значение 'пустой=порожний', собственно cavus, для слав. **sujь* не зафиксировано: это прилагательное нигде не употребляется как определение при названиях материальных объектов — предметов, которые могут характеризоваться как полые, порожние, пустые. Единственный известный мне случай, где можно было бы заподозрить следы первичного значения 'пустой' по результату его дальнейшего развития — 'постный' (='без жира'), — это болг. диал. *су̀етен* в контексте: Едѐм са̀мо *су̀етен* бо̀п [12]. Но в другом контексте (в том же диалекте) это прилагательное имеет значение 'живущий на суше': *Су̀етен* смо̀к [13]. Поэтому можно и в первом случае предполагать первичное значение 'сухой' и связь прилагательного *су̀етен* с *сух* (а не с **sujь*).

Зафиксированное в памятниках (старославянских, церковнославянских, древнерусских) значение прилагательного соуи — 'напрасный, незначительный, ничтожный, ложный'. Оно встречается как определение (или именная часть составного сказуемого) при словах крѣпость, богъ, словеса, моудрость (Miklosich LP 902), извѣстиѥ, сѫди, требы (Срезневский III, 613—614), причем содержанием контекстов с соуи является как правило характеристика умственной или духовной деятельности. Производное от соуи существительное др.-рус. *суета* значит 'тщета', 'обман', *суѥтиѥ* — 'тщета; обман' и 'пустые заботы' (Срезневский III, 610—611), в контекстах, также подразумевающих деятельность. Не случайно семантическое развитие слова *суета* в русском языке пришло к значению 'беготня, излишняя торопливость в движениях, в работе'. Не является ли это значение порождением этимологического значения прилагательного **sujь* — значения, которое в самом прилагательном было скрыто вторичными наслоениями? И нельзя ли в таком случае предположить генетическую связь **sujь* с глаголом **sovati*, **sujǫ*?

Семантической базой для введения **sujь* в гнездо **sovati* может быть представленное в последнем значение 'суетливый, опрометчивый': ср. рус. диал. *сóвкий* 'суетливый, опрометчивый' (Даль[2] IV, 254), посóва 'бестолковый и суетливый человек, который везде суется, мечется' (там же III, 338), а также родственное лит. *šáutis* 'метаться'. Формирование значения **sujь* реконструируется тогда как цепь 'мечущийся, суетливый' → 'блуждающий, заблуждающийся, не достигающий цели' → 'тщетный, ложный'. Такой путь

развития семантики представлен в гнезде греч μαίομαι 'обследовать; добиваться' — μάτη 'блуждание, пустая затея; заблуждение' — μάταιος 'пустой, вздорный, напрасный'. Примечательно, что именно лексемы этого гнезда переводятся образованиями гнезда *sujь: μάταιος — *соуи*, ματαιότης — *соуѥта*, μάτην — *соуѥ*.

В славянской лексике довольно близкую аналогию к предполагаемому семантическому развитию *sujь представляет *napras(ь)nъjь: дело в том, что значение 'тщетный' это прилагательное приобрело лишь в русском языке, но ср. др.-рус. *напрасьныи* 'внезапный, скорый; вспыльчивый', укр. *напрáсний* 'внезапный', ст.-слав. напраснъ δριμύς, αἰφνίδιος, болг. *напрáсен* 'скоропостижный, внезапный'. С реконструированными выше для *sujь семантическими изменениями прилагательное *naprasьnъjь сближается наличием семантики, отражающей характеристику стремительного движения.

Что касается структурных отношений *sujь с глаголом *sovati, *sujǫ как потенциальной производящей базой, то *sujь может быть производным от основы настоящего времени. Ср. аналогичные образования от структурно близких основ настоящего времени других глаголов: *obkuja (словен. *ókuja*, чеш. *okuje* мн. ч. 'шлак, огарки') — от *kujǫ (к *kovati), блр. диал. *снýйка* 'приспособление из колышков для навивания основы' (Сцяшковiч 462) — от *snujǫ (к *snovati).

*truziti

Глагол *trużyć* польские лексикографы характеризуют как архаизм со значениями 'мучить' (Myśmy tu przyszli grzeszne ciało *trużyć*), 'мешать, препятствовать' (Варшавский словарь VII, 131). Источником глагола считают процесс обратного словообразования на базе заимствованного из русского языка слова *trużenik* (Brückner 577) или контаминацию *trudzić* и *nużyć*, с допущением влияния со стороны *trużenik* [14]. Изложенные точки зрения, несомненно, заслуживают самого пристального внимания, тем более, что, расходясь в деталях, они обе согласуются в трактовке глагола *trużyć* как позднего образования, так или иначе связанного с русским заимствованием.

Представляется, однако, что вопрос о происхождении польск. *trużyć* требует дальнейшего исследования. Поводом для него является фиксация очень близкого глагола в болгарских юго-западных говорах — это *трýжа* 'лущить (кукурузу); чистить (рыбу)' [15], ср. также *истрýжвам*, *истрýжа* 'обмолотить, вылущить; до конца счистить чешую с рыбы' [16]. И болгарский глагол изолирован в болгарской лексике, но сопоставление этих глаголов друг с другом обнаруживает и материальное тождество, и семантическую близость, допускающую предположение об исходном единстве: ср. семантические отношения в паре родственных славянских имен *mǫka 1 'farina' и *mǫka 2 'supplicium'. Можно думать, что значение 'мучить' (польск. *trużyć*) базируется на семантике конкретного действия (производственного процесса?) — обдирания, лущения плодов, семян, зерна.

Таким образом, польск *trużyć* и болг. *тружа* взаимно поддерживают друг друга как исконные в соответствующих языках славянские образования и позволяют предполагать в качестве их общего предшественника **tružiti* со значением, близким к 'обдирать, лущить'.

Учитывая предполагаемую семантику **tružiti* и структуру глагола, можно в качестве этимологического источника его обратиться к гнезду и.-е. **ter*(*ə*)- 'тереть': в образованиях этого гнезда соседствуют значения трения, обмолота, обдирания и мучения, ранения, ср. принадлежащие сюда слав. **terbiti* (рус. *теребить* лен), рус. диал. *отóра* 'мякина, отходы после молотьбы', лат. *triticum* 'пшеница' (*'обмолоченное зерно'), др.-рус. *съпьрѣти* 'сокрушать, печалить' (Пандекты Антиоха — Срезневский III, 848), греч. τρίβω 'тереть, растирать, толочь, молоть; уничтожать, истреблять; изнурять, мучить', τιτρώσκω 'ранить, повреждать', τραῦμα 'рана, повреждение; поражение', слав. **tьrzati*. Особенно существенно наличие в гнезде и.-е. **ter*(*ə*)- образований с основой **treugh-*: греч. τρύχω 'истреблять; мучить, терзать', τρύχος 'лохмотья, рубище', др.-ирл. *trōg*, *truag* 'жалкий, несчастный' и нек. др. (Pokorny I, 1073). Значения их явно близки к анализируемым болг. *тружа* 'лущить, чистить' и польск. *trużyć* 'мучить'. Существование в славянских языках подобной же основы (то есть **tružiti*) тем более вероятно, что здесь есть однокоренная основа **truti*, от которой реконструируемое **tružiti* отличается лишь расширением *ž*.

О. Н. Трубачев обратил мое внимание на возможность связи с анализируемыми глаголами также группы чеш. *trýzniti*, словац. *trýznit'*, польск. *tryźnić* 'мучить, притеснять'. Действительно, указанное основное значение этих глаголов позволяет сближать их с польск. *trużyć* 'мучить'. Кроме того, есть у этих глаголов значения, которые можно было бы связать с семантикой болг. *тружа* 'лущить (кукурузу); чистить (рыбу)': это значение чеш. морав. *trýzniti* 'сыпать, рассыпать (зерно)' и польск. *tryźnić* 'тратить (зря, попусту)'. Развитие семантики реконструируется следующим образом: 'обдирать, лущить' → 'рассыпать (шелуху или зерно)' → 'тратить'. В. Махек в своем этимологическом словаре разделил чеш. *trýzniti*[1], морав. 'сыпать' и *trýzniti*[2] 'мучить': первое вместе с польск. *tryźnić* 'тратить' толкуется как производное от имени с суф. *-znь*, образованного, в свою очередь, от *tryti*; второе вместе со словац. *trýznit'* и польск. *tryźnić* 'мучить' объясняется как производное от имени с корнем **trū-* и суф. *-znь*, зафиксированного в чешском и словацком языках (причем в чешском *tryzeň* отмечено в памятниках раньше, чем глагол), и сопоставляется далее как родственное с греч. τρύχω 'мучить, истреблять, расточать' (Machek[2] 656). Но если учесть материальное тождество корня в обоих случаях и тождество суффикса, а также принадлежность греч. τρύχω к гнезду и.-е. **ter*(*ə*)- 'тереть', из которого происходит и слав. *tryti*, то становится очевидным, что в разработках Махека имплицитно содержится признание генетического тождества чеш. *trýzniti*[1] 'сыпать' и *trýzniti*[2] 'мучить', как и польск. *tryźnić* в различных значениях, на базе их общего происхождения от слав. *tryti*, через посредство имени на *-znь*.

Возвращаясь теперь к предположению о родстве реконструированного выше слав. **tružiti* (польск. *trużyć* 'мучить; мешать, препятствовать', болг. *трỳжа* 'лущить; чистить') и слав. **tryzniti* (чеш. *trýzniti*, словац. *trýzniť*, польск. *tryźnić* 'мучить'), следует рассмотреть соотношение конечных согласных обеих основ с точки зрения возможности генетического отождествления не только корней (поскольку для *tru-* и *try-* это очевидно, ср. слав. **truti* и **tryti*), но и собственно основ. Начнем с **tružiti*. Предлагаемая реконструкция непосредственно отражает структуру польск. *trużyć* и подразумевает предположение о происхождении болг. *тружа* (1 л. ед. ч.) < **trugję*. Но болгарская форма может восходить также и к **truzję*. В этом случае появление *ž* в инфинитиве (польск. *trużyć*) объяснимо аналогическим выравниванием инфинитивной основы по основе настоящего времени. Таким образом, для **tružiti* можно углубить реконструкцию, допустив его происхождение из ***truziti*, **truže*. Эта последняя структура уже весьма близка к **tryzniti*. Приглядимся теперь к структуре **tryzniti*. Махек, как было упомянуто выше, предполагал образование этого глагола от имени с суф. *-znь*. Имя даже зафиксировано: это чеш. *trýzeň*, но какой в нем суффикс? Наряду с суф. *-znь* праславянский язык знал также суф. *-nь*, присоединявшийся непосредственно к корням глаголов: ср. **bornь* (от **borti*), **danь* (от **dati*) и особенно **kaznь* (от **kazati*). Достаточно вероятно поэтому, что имя **tryznь* генетически представляло собою не **try-znь* (как думал Махек), а **tryz-nь*, то есть производное с суф. *-nь* от глагола с корнем *tryz-*, исторически являющимся основой, производной от *try-*. Следовательно, **tryzniti* восходит в конечном счете к глаголу с основой **tryz-*, который связан вокалическим чередованием *u/y*, характерным для основ гнезда и.-е. **ter(ə)-* > слав. **ter-/*tru-*, с глаголом ***truziti*, **truže* (> **tružiti*). Можно, кстати, обратить внимание на приведенный Коттом словацкий вариант глагола *trýzniť* — *trúzniti* (Kott IV, 215; Калал приводит этот вариант со ссылкой на Котта, см. Kálal 728).

Чередование основ **truz-/*tryz-* позволяет ввести в реконструируемую ветвь этимологического гнезда слав. **tru-* еще один лексический осколок, обнаруживаемый в русских диалектах: это *натры́жный* перм. 'наглый, бесстыжий, наянливый' (Даль[2] II, 486), забайкал. 'настойчивый' (Элиасов 238), урал. *натры́жной*[1] 'натасканный (о собаке)', *натры́жной*[2] 'навязчивый, наглый, нахальный', *натры́житься* 'обнаглеть' (Сл. Сред. Урала II, 189).

Значения 'обученный, натасканный' и 'наглый, настойчивый' хорошо согласуются с семантикой гнезда и.-е. **ter(ə)-* и слав. **terti* (с производной основой **tru-*) и находят соответствия среди их регулярных производных: ср. *натрыжный* в значении 'обученный, натасканный' — рус. *натореть* 'обучиться, приобрести навык, сноровку', *потереться* среди людей 'понасмотреться, набраться опыта, навыков' и др.-ирл. *trebar* 'умный' (Pokorny I, 1071), а *натрыжный* в значении 'наглый, настойчивый' — укр. *насте́рти(ся)* (*насте́рло* 'припало, приспичило, захотелось'; «Це вже я *нестерся*, щоб більшу (хату) робили» — Гринченко II, 523), чеш. диал. *dotřít se* k něčemu

'добиться чего-нибудь хитростью, пронырством' (Bartoš 63) и др.-исл. *þreyja* 'требовать; тосковать' (Pokorny I, 1073). Следовательно, с точки зрения семантики вполне возможно родство русских диалектизмов с группой **tružiti*, **tryznь*, **tryzniti*.

В структурном отношении (вокализм *ы*) рус. *натрыжный*, *натрыжиться* стоят ближе всего к тому глаголу с корнем **tryz-*, от которого было образовано имя существительное **tryznь*. При этом *натрыжиться* не может быть (даже с допущением вторичного характера *ž*, как в **tružiti*) прямым продолжением этого глагола, поскольку для праславянских глаголов (не отыменных) с основой на *-iti* не характерен вокализм в ступени продления редукции (или в ступени редукции). Эта огласовка возможна в корневой основе инфинитива (ср. **gryzti*), в основе на *-nǫti* (ср. **vyknǫti*) и *-ěti* (ср. **kypěti*). Судя по семантике реконструируемого глагола — *'драть', 'мучить' (ср. производное от него имя **tryznь* 'мучение'), основа на *-nǫti* наименее вероятна. Более точно определить тип основы глагола затруднительно. Глагол *натрыжиться* может быть результатом позднейших преобразований первичной структуры этого глагола. Что касается прилагательного *натрыжный*, то оно должно быть производным от того же глагола, но при наличии *натрыжиться* в русских говорах трудно исключить возможность образования прилагательного уже на русской почве, как производного от преобразованного, позднего варианта глагола.

Примечания

* Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология. 1978, Этимология. 1980, Этимология. 1982. М., 1980—1984.

1 См. также: *Svěrák F.* Karlovické nářečí. Pr., 1957 (= Sborník vědeckých prací Vyšší ped. školy v Brně, sv. 2), 120.

2 *Matejčík J.* Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972 (ротапринт), 355.

3 Так реконструирована семантика праслав. **pel-* в последнем исследовании об этом гнезде — см.: *Куркина Л. В.* Славянские этимологии /(**korda*, **moldъjь*, **pelti*, **peljǫ* и **pelti*, **pelvǫ*). — В кн.: Этимология. 1981. М., 1983, 11.

4 Там же.

5 Там же, 14.

6 В первом издании своего этимологического словаря Махек определил чеш. *plkati* как звукоподражательное образование (Machek[1] 377).

7 *Malina I.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 10), 85.

8 *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le Verbe. P., 1966, 299.

9 *Куркина Л. В.* Указ. соч., 12.

10 *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976, 737.

11 Было бы заманчиво объяснить прабалт. **pluk-* как отражение ступени редукции основы **plek-*. Однако, во-первых, *u* как рефлекс ступени редукции предполагается лишь в некоторых, иногда оспариваемых случаях (типа лит. *ùpė*, *ugnìs*) и не в положении после сонанта, см.: *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsö, 35. Во-вторых, в корнях типа **plek-* (так называемые samprasāraṇa) исконная ступень редукции предполагается в виде слогового сонанта (*r̥*, *l̥*, *m̥*, *n̥*) с последующим развитием в балтийских (и славянских языках) в *ri*, *li* и т. д. (типа лит. *išplečiu*, *išplěsti*: *splìsti*), см.: *Kuryłowicz J.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, [1956], 221; *Idem*: Indogermanische Grammatik. Bd II. Akzent. Ablaut. Heidelberg, 1968, 238; *Stang Chr. S.* Op. cit., 33.

[12] *Хитов Х.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско. — В кн.: БД IX, 327.
[13] Там же.
[14] *Otrębski J.* Życie wyrazów w języku polskim (=Prace Komisji filologicznej, t. XII, z. 2). Poznań, 1948, 355.
[15] *Шклифов Б.* Речник на костурския говор. — В кн.: БД VIII, 318.
[16] Там же, 247.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XIV*

(укр. диал. *укро,* слав. **prikrъ;* с.-хорв. диал. *лéвити,* болг. диал. *лêвя;* рус. диал. *мерати,* с.-хорв. *мéрати*)

Укр. диал. *укро,* слав. **prikrъ*

В Словаре украинского языка Б. Д. Гринченко отмечено редкое наречие. Ссылка дается лишь на один диалектный источник — гуцульский (В. Шухевич) *ýкро* 'трудно, тяжело' (Гринченко IV, 332). Насколько нам известно, оно еще не этимологизировалось и нуждается в интерпретации.

Как в формальном, так и в семантическом отношении оно представляется сопоставимым с укр. *прúкро*, которое среди прочих имеет и идентичное с *ýкро* значение 'трудно, тяжело' (там же, III, 421). Слав. **prikrъ(jь)* (**prikro*) известно, кроме украинского (*прúкрий*), в польском (*przykry*), чешском (*příkrý*), словацком (*príkry*), белорусском (*прыкры*) и диал. (зап. и сиб.) русском (*прúкрый*) языках. Относительно происхождения данного слова существует несколько версий, однако, по мнению М. Фасмера, все «имеющиеся сближения недостоверны» (Фасмер III, 364). Одна из гипотез, согласно которой слав. **prikrъ* (якобы из **pikrъ*) сравнивается с греч. πικρός 'острый, горький', а также с лит. *peĩkti*, *peikiù* 'ругать', *pìktas* 'злой, сердитый' и др. (Holub—Kopečný 301, Machek [2] 493) [1], неприемлема прежде всего с формальной точки зрения, так как, с одной стороны, допущение трансформации **pikrъ* > **prikrъ* представляется достаточно произвольным, а, с другой, если греческое слово возводится к и.-е. **peiḱ-* (Boisacque 783), это исключает его родство со славянской лексемой, так как последняя не может восходить к данной праформе. Не является убедительной и версия о контаминации славянского **pikrъ* (чеш. *příkrý* и др.) со словами типа чеш. *příkoří* 'обида, несправедливость' и т. п. (Holub—Kopečný 301). Невозможно также принять сопоставление славянского **prikrъ* с лит. *prikliti*, *priklībė*, которое мы находим у Ф. Миклошича (Miklosich 264), в связи с тем, что, согласно Литовскому этимологическому словарю, лит. (жемайт.) *priklytis* 'испытывать отвращение', *priklýbe* 'отвращение' являются заимствованиями (с диссимиляцией) из польск. *przykry*, рус. *прикрый* (Fraenkel 655 со ссылкой на Брюкнера). Что

касается объяснения лексемы **prikrъ*, данного Петерссоном, которое наряду с другими толкованиями также отвергается М. Фасмером, то оно заслуживает самого пристального внимания. В соответствии с ним праслав. **prikrъ* по происхождению — сложение с предлогом, первоначально имевшее, по-видимому, локальное значение. Второй член этого сложения остается неясным, поэтому образование квалифицируется как очень древнее (**pri-qro-*), оно возводится к и.-е. **qer-* 'резать' [2]. Гипотезу Петерссона поддержал и развил О. Н. Трубачев, который дополнил ее сопоставлением **pri-krъ* (польск. *przykry*) с **pri-krь-no* (польск. диал. *przykrzno*) и далее — с **jьz-krь-nъ* [3]. Данная интерпретация представляется убедительной. В пользу связи прилагательного **prikrъ*, с и.-е. корнем с семантикой 'резать' свидетельствуют его разнообразные, однако легко выводимые именно из этого первоначального этимона, значения. Основные из них следующие: '(о береге, горе) крутой, отвесный' (польск., чеш., словац., укр.), 'крепкий, жесткий' (рус.), '(о вкусовых ощущениях) острый; терпкий; горький, приторный; неприятный, противный' (польск., чеш., словац., рус., укр., блр.), 'неприятный, досадный' (польск., словац., укр.), 'надоедливый, докучливый, несносный' (польск., блр.), 'трудный, тяжелый; плохой' (рус. стар., польск.), 'грозный, страшный' (польск. стар.), 'злой, сердитый' (укр. диал.), 'резкий, суровый, строгий; грубый' (чеш., словац.), '(о цвете) резкий; оранжевый' (укр. диал.), 'сильный, крайний' (укр.), 'внезапный, неожиданный, резкий, сильный' (чеш.). Показательно, что известны примеры, восходящие к другим и.-е. корням, обозначающим то или иное разрушительное действие, и демонстрирующие аналогичную славянскому **prikrъ* семантическую гамму. Так слав. **l'utъ*, возводимое нами к и.-е. **leu-* 'отрезать, отделять', имеет такие общие с **prikrъ* значения, как 'злой, сердитый, жестокий; строгий; твердый; сильный, резкий; трудный, тяжелый; внезапный; (о вкусовых ощущениях) острый, горький', а также, возможно, 'отвесный, крутой'; см. еще рус. диал. *люто* 'много, сильно (прилежно)' [4] и укр. *при́кро* 'усердно, горячо; очень, сильно' (Гринченко III, 421).

Можно предположить, что значения наречий **prikro* и **ukro* восходят к первоначальным 'при крае; у края'. См. показательные в этом отношении значения украинского наречия *при́кро*: *прикро одрубати*, *одрізати* 'гладко, близко к к р а ю отрубить, отрезать', а также 'к р а й н е, резко' и 'совершенно' (собственно 'совсем, до конца, д о к р а я'?). Ср. словен. *isker obrezati* 'гладко обрезать' (Pleteršnik I, 297), с помощью которого О. Н. Трубачев реконструирует для славянского **jьzkrь* первоначальное значение 'в обрез, вровень, впритык' (ЭССЯ 9, 38). Думается, что значение 'в обрез' или 'до краев' может лежать и в основе семантики русского диалектного наречия *вскрень* (тамб. твер.) 'о жидкости в посудине: полно, вровень с к р а я м и, вздрочь, в с к р а й' (Даль [3] I, 650), ср. рус. диал. *вскрай* 'полно, доверха, вровень с краями (наливать, наполнять и т. п.)', а также укр. диал. *вщерть* 'до краев, доверху', выводимое Фасмером из **въз-чьрть* (Фасмер IV, 348), которое, однако, кажется правильнее связывать с — **ščьrtь*, далее — к **(s)ker-* 'ре-

зать'. Если *вскрень* самостоятельное, параллельное наречию того же значения *всклень* (*всклен*, *всклянь*) образование [5], а не его звуковая трансформация (*л* > *р*), то оно, очевидно, сопоставимо с **jьz-krьnъ*, **pri-krьnъ* и должно реконструироваться как **vъz-krьnь* (кроме указанных выше *вскрай* < **vъz-krajь*, *вщерть* < **vъz-ščьrtь*, см. еще новг. *вздрочь* 'всклень, полно, с краями, вровень' < **vъz-dročь*, ср. *вздрочить* '. . . взбить, заставить подняться' (Даль [3] I, 478) или, что менее вероятно, как **vъ-sъkrьnь* или **vъ-(s)krьnь*, см. ст.-слав. скрань 'ο πλησίον (Преображенский I, 274—275).

Что касается лексем, приведенных в Словаре Срезневского — *укръ* 'край, граница' (Срезневский III, 1191, 1184) и Словаре Востокова *оукрь* 'граница' (Востоков II, 501), то они были бы для нас чрезвычайно интересны, как непосредственно связанные с украинским *укро* (**ukro*), если бы не приходилось считаться с вероятностью их вторичного характера — см. ремарку Срезневского о наличии в разных списках двух вариантов *на украѣ* и *на укрѣ* (Срезневский III, 1184), из которых второй может быть, на наш взгляд, результатом опущения на письме буквы *а*: *на украѣ* → *на укрѣ*.

И еще одно замечание. Наибольшую семантическую разветвленность лексема **prikrъ* демонстрирует в украинском, польском и чешском языках, несколько меньшую — в белорусском. См. богатый набор значений, представленный у наречия *прикро*, в частности, в украинском: 'неприятно; горько, обидно; тяжело, трудно; круто; крайне резко; гладко, близко к краю; усердно, горячо; очень, сильно; совершенно', *прикро дивитися* 'смотреть не сводя глаз, настойчивым резким взглядом' (Гринченко III, 421). Причем показательно, что в украинских говорах отмечены уникальные, отсутствующие в других языках значения, см., например, на Буковине 'оранжевый' и 'злой' [6]. См. также большое число формально отличающихся образований с основой **pri-kr-* в значении 'крутой, отвесный', отмеченных М. В. Никончуком в ареале Правобережного Полесья: *пр́икрий*, *пр́икри*, *пр'ікри'*, *пр'ікр'і*; *пр́икрийний*, *прикр́итний*, *пр́икрен'* [7]. Что касается русского языка, то здесь лексема *прикрый* семантически резко сужена и означает 'противный, дурной, терпкий на вкус', стар. 'трудный, недоступный' (Даль [2] III, 420), 'крепкий, жесткий' (Опыт 177). Кроме того, данное слово в русском локально ограничено, Даль поместил его в своем словаре с пометой «польск. запд. и сиб.» (Даль [2] III, 420). На основании всего этого можно предположить, что в русском *прикрый* (*прикро*) скорее всего заимствование из украинского или белорусского языка (далее из польск.?).

В заключение подчеркнем, что выявление украинского диалектного наречия *укро*, являющегося, по-видимому, старым, праславянским образованием, и объединение его на правах родства со слав. **prikro* (**prikrъ*) дает лишний аргумент в пользу однозначной интерпретации *pri-* и *u-* в качестве префиксов, что окончательно обесценивает попытки толкования **prikrъ* из гипотетического **pikrъ*.

С.-хорв. диал. *лéвити*, болг. диал. *лêвя*

До сих пор было принято считать, что праслав. **lěviti*, продолжающее и.-е. **lēu-* 'nachlassen', представлено в славянских языках лишь украинским *лiвити* 'слабеть, уменьшаться' и чешским *leviti* 'облегчить, умерить' (Berneker I, 715; Pokorny I, 682—683; Фасмер II, 533; Machek² 329). В последнее время Л. В. Куркина указала болгарское продолжение праславянского **lěviti* (*sę*) — родоп. *из-лêв'ам са* 'становиться плохим, дурным; обманываться', однако присоединение ею сюда же словенского *lệviti se* 'сбрасывать с себя кожу, линять'[8] кажется неоправданным, так как его связывают с другим индоевропейским гнездом — **lē*(*i*)- 'nachlassen', слав. **lě-*, **li-*, куда включаются, в частности, многочисленные лексемы именно в значении 'линять': слав. **lin'ati*, словен. *lệniti* 'линять, сбрасывать кожу' (**lěniti*), причем *-v-* в **lěviti* и *-n-* в **lěniti* интерпретируются как суффиксальные элементы (Miklosich 168, 170; Berneker I, 722 и др.), а не корневые, как то наблюдается в случае с глаголами, восходящими к и.-е. **lēu-* (укр. *лiвити*, чеш. *leviti*).

Кроме того, континуантой корня **lēu-* можно, очевидно, считать и болг. диал. (Банско) *лêвя* 'ходить тихо, искать внимательно' (СбНУ XLVIII, 474 — извлечения из Софийских архивов, сделанные О. Н. Трубачевым). Наше предположение основывается на следующих фактах. В Словаре Покорного корень **lēu-* 'nachlassen' объединяется с корнем **(s)leu-* 'слабый, вялый; обвисший', а в состав слов, возводимых к этому последнему, включаются славянские примеры с основами **lut-*, **lyt-* (Pokorny I, 682—683, 963), семантически чрезвычайно близкие болгарскому *лêвя*. Это прежде всего словен. *lútati* '(с большим) трудом, тщательно разыскивать; медленно идти; тяжело, медленно и безуспешно что-либо делать' (Pleteršnik I, 538), а также с.-хорв. *лỳтати* 'бродить, блуждать', диал. 'о человеке больном и слабом, который не умирает и не выздоравливает; о слабом (бессильном) человеке, который ходит с трудом или вяло работает' (RJA VI, 229), болг. *лутам се* 'бродить; блуждать, долго искать' (БТР³ 428), макед. *лута* 'бродить, скитаться, блуждать' (И-С 246); сюда же рус. диал. *лытáть* 'лениться, лодырничать' и болг. *лы́там* (*лытнѫ*) 'лытать, шляться, бродить' (Геров III, 28); см. Фасмер III, 542, Berneker I, 748.

В сербохорватском языке следы праславянского **lěviti* до настоящего времени не были выявлены. Однако в опубликованной несколько лет назад работе «Говор Љештанског» М. Тешич зафиксировал на северо-западе Сербии глагол *лéвити* 'терять время, бездельничать'[9], который, очевидно, может рассматриваться как продолжение праславянского **lěviti*. Следует заметить, что значение 'бездельничать, лодырничать; лентяй' широко представлено среди славянских и германских лексем, восходящих к и.-е. **lēu-*, **(s)leu-*: рус. *лытáть* 'лениться, лодырничать', др.-швед. *loter*, *lotter* 'ленивый', ср.-в.-нем. *slūn* 'лентяй', *slūren* 'быть ленивым' (Pokorny I, 962—963).

Итак, по-видимому, есть основание констатировать континуанты

праславянского **lěviti* не только в украинском, чешском и болгарском языках, но и в сербохорватском (диал.).

Рус. диал. *мерати*, с.-хорв. *мéрати*

В статье «Этимологические заметки по славянской лексике. I»[10] нами был рассмотрен сербохорватский (Лика) глагол *мéрати*, *мêра̄м* 'бить, колотить (вальком белье при стирке)' (RJA VI, 6), который составители словаря поместили без этимологического комментария. Этот глагол сопоставим с др.-исл. *merja* 'бить, ударять'[11], хетт. *marriattari* 'делаться разбитым', а также др.-инд. *mṛṇáti* 'дробит, крошит, размалывает, толчет, стирает, разрушает'[12], далее все — к и.-е. **mer-*, **merə-*, для которого, очевидно, следует предполагать, наряду со значениями 'растирать, уничтожать; грабить', как то у Покорного (Pokorny I, 735—736), также 'бить, дробить'.

Обращает на себя внимание своим разительным (как формальным, так и семантическим) сходством с указанной сербохорватской лексемой русский диалектный (новгородский) глагол *мерати* 'колотить (белье вальком)', приведенный без указания ударения в Словаре русских народных говоров (Филин 8, 113). Конечно, единичная запись слова всегда вызывает сомнения в правильности его фиксации, однако, так как у нас нет фактов, непосредственно свидетельствующих о неточности регистрации, следует считаться с существованием русского диалектного глагола *мерати*. Следовательно, с некоторой долей осторожности можно констатировать сербохорватско-русскую изоглоссу, очевидно, праславянского характера, *мéрати* — *мерати* 'бить вальком белье (при стирке)'.

Примечания

* Статьи I—XIII этой серии помещены в томах ежегодников «Этимология» за 1972—1982 гг. и «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования» за 1972 и 1974 г.

1 См. также: *Machek V.* Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina.— ZfSl I, 1956, 36.

2 *Petersson H.* Zur slavischen Wortforschung. — AfslPh XXXVI, 1916, 143—144.

3 См. этимологические комментарии О. Н. Трубачева по поводу польск. диал. *przykrzno* в Праславянском словнике для Картотеки польского языка Сектора этимологии и ономастики Института русского языка.

4 *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике X* (слав. **l'utъ*). — В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, 44—47.

5 См.: *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V. — В кн.: Этимология. 1975. М., 1977, 37, где *вскрень* интерпретируется как вариант наречия *всклень* с иным консонантизмом.

6 Матеріали до словника буковинських говірок. Чернівці, 1979, 6, 422.

7 *Никончук М. В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (правобережне Полісся). Київ, 1979, 33.

8 *Куркина Л. В.* Славянские этимологии III. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, 42.

9 *Тешић М.* Говор Љептанског. — СДЗб XXII, 1977, 276.

10 *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. I. — В кн.: Этимология. 1972. М., 1974, 81—90.

11 Согласно П. Скоку (*Skok* II, 407), это сравнение предложено Маценауэром.

12 *Solmsen F.* Über einige slavische Wörter mit dem Wurzelelement *mar-*. — Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. B., 1908, 580.

А. Е. Аникин

СЛАВ. **SĘG(A)TI*: ГЕРМ. **SINK^WAN* И ДР.

При установлении индоевропейских соответствий слав. **sęg(a)ti*, **sęgnǫti* (ср. ст.-слав. присѧшти, присѧгати, болг. *посягам*, *сягам*, макед. *сега*, *сегне*, с.-хорв. *sȅgnuti*, *se*, *ségnuti*, *poséći*, *sȇzati*, словен. *sẹ́gati*, *sẹ́či*, *sẹ́zati*, *sẹ́gnuti*, чеш. *sahati*, *sahnouti*, словац. *siahat'*, *siahnut'*, польск. *sięgać*, *sięgnąć*, н.-луж. *segaś*, *segnuś*, в.-луж. *sahać*, *sahnyć*, словин. *sãgac*, *sĩgnǫ́u̯c*, рус. диал. *сягать*, *сягнуть*, укр. *сягати*, *сягнути* и др. в значениях 'протягивать руку, чтобы схватить; дотянуться; схватить; ловить; прикоснуться; хватить' и проч.) необходимо иметь в виду ряд родственных славянских фактов, которые в силу своего семантического своеобразия весьма существенны для этимологизации указанных праславянских лексем (и, шире, **sęg-*, а также **sag-*, см. ниже). В первую очередь именно эти факты и позволяют расширить круг возможных индоевропейских соответствий слав. **sęg-*(**sęg(a)ti*, **sęgnǫti* и др.)[1], а именно, сравнить славянские факты с герм. (общегерм.) **sink^wan*, продолжения которого обнаруживают значения 'опускаться; оседать; погружаться (в воду); идти на дно; заходить (о светилах); исчезать из виду; увязать; вязнуть; проваливаться; вонзаться', ср. гот. *sigqan*, др.-в. нем. *sinkan*, англосакс. *sincan*, др.-сакс. *sincan*, др.-исл. *søkkva*, дат. *synke*, норв. *søkka*, швед. *sjunka*, голл. *zinken*, англ. *sink* и др. (ср. еще каузативы нем. *senken* '*sinken lassen*', гот. *sagqjan*, др.-в.-нем. *senken*, англо-сакс. *sencan* и проч. (общегерм. **sank^wian*) и интенсивы нем. *sacken* '*sinken*', дат. *sakke*, норв. *sakka*, англ. *sag* и др. (**sakk^wōn*), см. Kluge—Mitzka [21], 709, 704, 618; Falk—Torp II, 1128, 1231, 944, здесь же об индоевропейской этимологии [2]).

Представляется, что с указанными германскими фактами наиболее явно перекликаются в славянском рус. волог. *осягаться*, *осяжаться*, арханг. *осяжать* 'оседать', укр. (*о*)*суга* 'осадок в растительном масле' (праслав. **o*(*b*)*sęgati sę*, **o*(*b*)*sęžati* (*sę*), **o*(*b*)*sǫga*), ст.-чеш., чеш. диал. *osuhlý* 'пасмурный', польск. *osęgły* 'дождливый' (праслав. **o*(*b*)*sǫg*(*ъ*)*lъ*, ср. рус. *оседать* : *осадки*), словац. *osuhel'*, *osuha* 'иней; сырой туман', блр. *асуга* 'иней; пот' (праслав. **o*(*b*)*sǫga*) [3], ср. например, употребление нем. *sinken* в контекстах типа der Nebel *sinkt* 'туман, мгла оседает, опускается' (ср. . . . der erdisch dunst. . . wart sô dick, das er sich zuo der erden *sankt* 'земной пар. . . стал столь тяжел, что опустился к земле' и под., K. v. Megenberg, см. Grimm DW 10, 1, 592). С учетом нередких для рассматриваемых германских фактов значений 'вязнуть; погрузиться; проваливаться (в грязь, песок и др.)' (ср. нем. in den Schlamm *sinken*, швед. *sjunka* i dyn 'вязнуть в грязи', дат. *synke* ned i sandet 'погрузиться в песок', англ. *to sink* in quicksand, marshy ground 'погружаться в зыбучий песок, болотистую почву' и под.) в данной связи может быть привлечено, как будто, польск. *sągwa* 'glista płaska. . .; nemertes' (Варшавский словарь 6, 39), ср. *Nemertes* (по имени морской нимфы, одной

из Нереид) как наименование разновидности морских червей, прячущихся в илистом, песчаном дне [4] (ср. *sągwa* < **sǫgъva*). Ввиду существования контекстов типа нем. *einen pfal sencken* 'вкапывать, вбивать столб' (Grimm DW 10, 1, 592, ср. англ. *to sink the poles* и под.) здесь же допустимо привлечь и польск. *posąg* 'статуя' (< **posǫgъ* 'вертикально закрепленный в земле деревянный столб'? ср. Brückner, 483 [5]). Дат. *synke sammen* 'твердеть, затвердевать (о бетоне)' [6] сопоставимо с болг. диал. *с'азва са*, *с'ази са* 'скисать; сгущаться' [7], *сезѫ*, *сезявамся* (*да ся сезѫ*) 'о яйце или чем-то другом, что из жидкого стало рыхлым', ср. *сезено яйце* 'яйцо всмятку' (Геров 5, 157) (праслав. **sęzati* (*sę*), **sęziti* (*sę*), см. ниже).

Не исключено, что отношение вроде нем. *senken* (в значении 'хоронить', ср. eine Leiche in die Erde *senken*, см. Grimm DW 10, 1, 592): ц.-слав. посагати, др.-рус. *посагати*, *посѧгати* 'выходить замуж' (ср. Фасмер III, 328 [8]) укладывается в известную схему «последовательного параллелизма одних и тех же слов в похоронном и свадебном обрядах», ср. отчасти родство прус. *abglobte* 'род свадебного венка с платком, надеваемого на невесту во время свадебной церемонии' (∾лит. *ap-glóbti* 'обнять; обхватить'): лтш. *ap-glabāt* 'хоронить' (сюда же нем. *Klafter* 'сажень', ср. праслав. **sęg*(*a*)*ti*: **sęžьnь*, см. Топоров. Прус. яз. *A—D*, 48—49).

Следует признать верным сближение со славянскими фактами (ср. особенно с.-хорв. *осуга* 'лента; тесьма', рус. диал. *ся́га* 'веревка, на которой стягивается с поперечной стороны поезд, плавная сеть') нем. *sencke*, *senke* 'рыбацкая сеть', ср.-в.-нем. *senkel* 'шнурок; тесьма' ('якорь; невод' [9], ср. др.-в.-нем. *senchil* 'якорь; невод') [10], чему, как видно из сказанного выше, не препятствует сближение указанных немецких слов с нем. *senken* 'sinken lassen' (см. Kluge—Mitzka [21], 674). Сопоставлению прагерм. **sink*^{u}*an* и слав. **sęg*(*a*)*ti* (resp. известных балтийских и других соответствий славянских фактов, см. Pokorny I, 887—888, см. также далее) едва ли могут помешать и характерные для германских слов значения 'тонуть; погружаться в воду; спадать (о воде)', ближайшим образом связанные со значениями 'оседать; опускаться; увязать'. Во всех случаях речь идет о движении (как правило, сверху вниз), характер которого определяется средой, где осуществляется это движение, в зависимости от чего в соответствующих контекстах данное движение обозначается словами с семантикой 'тонуть (вода); вязнуть; оседать (болото, грязь, топь, непрочная почва и под.); вонзаться; врывать (твердая поверхность)' и др. Герм. **sink*^{u}*an*, **sank*^{u}*ian*, **sakk*^{u}*ōn*, как мы полагаем, обозначали в первую очередь движение объекта, нуждающегося (или как бы нуждающегося) в з а к р е п л е н и и, опоре (обычно на поверхности, на виду, на весу); такое движение как раз и могло заключаться в постепенном отходе от состояния з а к р е п л е н н о с т и (утрате такого состояния), чему и соответствуют значения 'вязнуть; тонуть; оседать; опускаться'.

Упоминавшиеся же выше значения рефлексов слав. **sęg*(*a*)*ti*, **sęgnǫti* ('протягивать руку, чтобы схватить; ловить; прикоснуться') уже давно были вполне удовлетворительно объяснены в связи с лит.

sègti 'прикреплять; привешивать' и др. со ссылкой на семантические параллели нем. *fangen* 'ловить': лат. *pangō* 'вбивать; вколачивать; вонзать', греч. πήγνυμι то же и др. (и.-е. **păg'-/*păk'-*, см. подробнее Pokorny I, 787—788), греч. ἄπτω 'завязывать; прикреплять': ἅπτω 'достигать; прикасаться; дотрагиваться' и др.[11] Таким образом, реконструкция и.-е. **seg-*, **seng-* 'heften; anheften', куда обычно относят слав. **sęg(a)ti* [12], как мы полагаем, должна быть заменена (в виду германских фактов), на и.-е. **seg*ᵘ̯*-*, **seng*ᵘ̯*-* 'прикреплять; привешивать; фиксировать' (с помощью прибивания, пронзания, прокалывания, привязывания, пристегивания [13], схватывания рукой и под.; отсюда — названия таких объектов, как застежка, пряжка, петля, скрепа, гвоздь, веревка, силки и др.[14]), но и 'оседать; вязнуть; опускаться; погружаться' (вследствие отсутствия или утраты закрепленности, опоры) [15].

С указанным и.-е. **se(n)g*ᵘ̯*-* представляется возможным сравнить также некоторые иранские (осетинские) факты [16], что, однако, нуждается в предварительных замечаниях. Согласно В. И. Абаеву, ирон. *axsyn*, дигор. *axæssun* 'ловить; схватывать; занимать; свертываться (о молоке, крови); створаживаться' (ср. *axsæn* 'сычуг') восходят к иран. **ā-hag-s-* (*ā* — преверб, *s* — инхоативный суффикс), ср. **āhags-* > **āhaks-* > **āhaxš-* > *axæss-* (ср. дигор. *axæssun*). Беспревербная основа **hag-s-* обнаруживается в дигор. *xæssun* 'вязнуть; вонзаться', ср. еще ирон. *nyxsyn*, дигор. *nixæssun* то же (< **ni-hags-*), ирон. *ræxsyn*, дигор. *ræxæssun* 'наживлять; наметывать; плести обувь арчи' (< **fra-hags-*). Иран. **ā-hags-* сопоставлялось В. И. Абаевым с авест. *haz-* 'овладевать; захватывать в бою; победить', *hazah* 'власть; сила; мощь' (см. Bartholomae, 1795), греч ἔχω 'держать; владеть; иметь' и др. (см. Абаев I, 92—93). Однако это объяснение, основывающееся, как представляется, главным образом на авестийском материале, едва ли может быть принято хотя бы в силу не так давно доказанной фиктивности авест. *haz-* 'овладевать' [17]. За вычетом же несуществующей глагольной основы *haz-* обнаруживается, что рефлексы и.-е. **seg'h-* (> авест. *hazah*, греч. ἔχω и др., см. Pokorny I, 888—889) едва ли имеют что-либо общее с семантикой 'ловить; хватать' осет. *axsyn* (не говоря уже об ирон. *nyxsyn*, дигор. *xæssun* 'вязнуть; вонзаться', ирон. *ræxsyn* 'наживлять, наметывать'), обнаруживая семантический комплекс 'мощь; сила; несокрушимость; победа' (ср. нем. *Sieg*) [18].

Вместе с тем, весьма правдоподобным представляется предположение о наличии в осет. *axsyn* 'ловить: схватывать; створаживаться; свертываться (о молоке, крови)' (и, видимо, в дигор. *xæssun* 'вязнуть; вонзаться', ирон. *nyxsyn*, дигор. *nixæssun* то же) инхоативного суффикса *-s-* (ср. к семантике этого форманта отношение *tavyn* 'греть': *tæfsyn* 'согреваться' и под.[19]). Осет. *axsyn* 'створаживаться; свертываться (о молоке, крови)' уместно сравнить с несомненно содержащим инхоативное *-s-* осет. *rğævsyn* 'зябнуть; коченеть' (< 'быть схваченным (холодом)', см. так: Абаев II, 406—408), ср. тот факт, что идеи 'замерзания, холода' и 'свертывания молока' (с общим семантическим стержнем 'уплотняться; твердеть; скреп-

ляться') нередко передаются близкородственными словами или даже одним словом, ср., например, греч. πηγάς 'изморозь; иней', πῆγμα 'скрепление; смерзлость; фермент; створаживающее вещество' (πῆγμα τοῦ γάλακτος, Arist. Hist. Animal. 516ª4), τυροὺς πήγνυσθαι 'приготовлять сыры, створаживая молоко' (Luc. Ver. Hist. I, 24), τὸ γάλα πήγνυται 'молоко свертывается' (Arist. De part. animal. 676ª14) и проч. (ср. выше греч. πήγνυμι, а также словац. *osuhel'*, *osuha* 'иней', блр. *асуга* то же при болг. *с'азва са*, *с'ази са* 'скисать, о молоке'). Правдоподобность наличия в ирон. *axsyn*, дигор. *xæssun*, *nixæssun*, ирон. *nyxsyn* инхоативного суффикса *-s-* заставляет скептически отнестись к другому объяснению этих слов, предложенному В. И. Абаевым (ср. выше об и.-е. **seg'h-*), а именно, предположению о связи с глаголом *xæssyn* 'нести; уносить; уводить', который не содержит инхоативного суффикса *-s-* (*xæssyn* 'нести' и др. < иран. **karš-* 'тянуть; тащить' [20]). Мы не говорим уже об отсутствии данных, которые давали бы основания для сближения значений 'вязнуть; вонзаться', с одной стороны, и 'нести; уводить; тащить' — с другой [21].

В то же время родство ирон. *axsyn*, дигор. *axæssun* 'ловить; хватать; свертываться (о крови, молоке); створаживаться', дигор. *xæssun* 'вязнуть; вонзаться; колоть', ирон. *nyxsyn*, дигор. *nixæssun*, *næxsun* то же подтверждается семантическими параллелями и наличием очевидных переходных звеньев между значениями указанных слов. К связи значений 'схватывать; ловить' и 'вязнуть; вонзаться' ср. хотя бы ишкашим. *γrəfs*, язгулям. *γ^ərafs* 'застревать' (< иран. **grafs-* 'схватываться', инхоатив на *-s-* от **grab-* 'хватать', сюда же осет. *rğævsyn* 'зябнуть', ср. выше). Ср., далее, дигор. *xæssun* 'вязнуть' в контексте *tog nixxæstæj* 'кровь свернулась; стала вязкой' (см. Абаев I, 93). Аналогию связи значений осет. *axsyn* 'ловить; скисать; свертываться (о молоке, крови)' дают продолжающие праслав. **loviti(sę)* (ср. рус. *ловить* : *ловиться*) укр. диал. (буков.) *ловитися* 'браться; хвататься; скисать; густеть (о молоке)' [22], *ловитися* 'отстаиваться (о молоке); загораться (об огне)' [23], *ловитиса* 'скисать; делаться густым; отстаиваться (о молоке)' [24], а также болг. *с'азва са*, *с'ази са* 'скисать, сгущаться' (праслав. **sęzati* (*sę*), **sęziti* (*sę*), см. выше), родственные болг. *сягвам*, *сягам* 'протянуть руку, чтобы схватить' (*Геров* 5, 316).

Указываемые ниже параллельные славянские и иранские факты, как представляется, составляют часть материала, позволяющего сближать осет. *axsyn* 'ловить' и близкородственные осетинские слова с упомянутым и.-е. **se(n)g^u-*:

осет. *ax yn* 'хватать; ловить'	болг. *сягам*, *сягвам* 'протягивать руку, чтобы схватить'
осет. *axsyn* 'свернуться (о молоке, крови); створожиться', ср. *æxsyr bacaxstī* 'молоко створожилось'	болг. диал. *с'азва са*, *с'ази са* 'скиснуть; сгуститься', ср. *млекото се е сязило* [25]

Принимая и.-е. **se(n)g^u-* за исходный пункт эволюции осет. *axsyn* и родственных слов, мы, в сущности, не меняем собственно праиранских реконструкций, предлагавшихся для указанных слов

В. И. Абаевым, который, однако, исходил из и.-е. *seg'h- (см. выше): ирон. *axsyn*, дигор. *axæssun* 'ловить' и др. < иран. *ā-hag-s-; *nyxsyn*, дигор. *nixæssun* 'вязнуть; увязать' < иран. **ni-hag-s-* (ср. др.-инд. *ā-saj-*; *ni-saj-*; см. *Grassmann*, 1149); дигор. *ræxæssun*, *ræxsun* 'прошивать; плести обувь арчи' < иран. **fra-hag-s-* (ср. др.-перс. *frāhaⁿ-ǰam/* < *fra-ahaⁿjam/*, см. выше) [26]. При этом, предполагаемые осетинские продолжения и.-е. **se(n)gᵘ-* [27] семантически ближе всего стоят, как будто, к германским фактам [28]. Дигор. *xæssun* (< **hag-s-*), *nixæssun*, ирон. *nyxsyn* 'вязнуть; увязать' (например, в болоте, грязи, ср. *calx næxstæj* 'колесо вязло' и под., см. Абаев II, 222) семантически точно соответствуют, например, упоминавшимся употреблениям рефлексов герм. **sinkʷan* в контекстах типа in den Schlamm *sinken* (см. выше), а те же осетинские слова в значениях 'вонзаться' (ср. *kard fæxxæstæj* 'нож вонзился' [29]) также упоминавшимся употреблениям германских фактов вроде англ. *the dagger sank* 'кинжал вонзился' [30]. С осет. *axsyn* 'скисать (о молоке); свертываться (о крови)' сопоставимо дат. *synke sammen* 'твердеть, о бетоне' (ср. выше; ср. рус. *раствор схватился* и под.). Не случайны, возможно, переклички дигор. *c'irt-axsæn* 'тарелка, в которую выжимают творожный сыр' [31]: англ. *sinker* 'a weight for pressing cheese' [32] и даже осет. x_0*yssæg mæ axsy* 'мне хочется спать' (='сон меня ловит', см. *Абаев* I, 92): нем. *in den Schlaf versinken*, швед. *sjunka i sömn*, англ. *to sink into a sleep* 'погружаться в сон' и под.

Несколько замечаний о прус. *seggīt* 'делать'. Для объяснения этого слова уместно допустить [33], что его семантическая эволюция ('привешивать; прикреплять' > 'делать') осуществилась под влиянием италийского языкового элемента [34] или, по крайней мере, была сходна с семантической эволюцией лат. *facere* 'делать' (< **dhē-* 'ставить; делать' [35]).

Ввиду нередкой отнесенности лит. *sègti* к венку (ср. *vainiką sègti* prie kasų и под., см. LKŽ 12, 298) следует учесть факт очевидных связей венка с солнцем (а отчасти также луной, звездами) и соответствующими мифологическими персонажами в латышском фольклоре [36], ср., в частности, нередко описываемую ситуацию, когда из воды (моря, реки; к мотиву погружения дочери солнца в воду см. ниже) виднеется только венок (или волосы) дочери солнца (лтш. *Saules meita*), ср. BW 33970: *Saules meita jūŗā brida,/ Vaiņadziņu vien redzēja. . .* 'Дочь солнца брела по морю, / Веночек только было видно. . .', ср. еще BW 33969, 1, 2; 33968, 1 и др. С солнцем и его дочерью (дочерьми) или женой (невестой) Яниса (ср. лтш. *Jānis* как эквивалент Ивана Купала) часто соотносятся такие украшения, как застежка, брошь, нередко обозначающиеся продолжениями и.-е. **se(n)gᵘ-*. Существенно при этом, что венок (корона) или брошь (а также пояс, кольцо) как украшения дочери солнца или солнца изготовляются небесным кузнецом (ср. *Debess kalējs*); ср. BW 33728, 33730 и др. Вместе с тем, есть более или менее прямые свидетельства того, что *Debess kalējs* выковывает и сами светила (солнце и луну), ср. *Kal, kalēj, ko kaldams/Nokal divus ritentiņus* 'Выковывай, кузнец, что пожелаешь, Выковывай два колесика'; вообще допустимо полагать,

что постоянно повторяющийся мотив сыплющихся с неба во время работы небесного кузнеца углей (*Kalējs kala debesīs, / Ogles bira. . .*) связан в первую очередь именно с выковыванием им солнца [37].

Как известно, образ солнца в виде колеса (ср. выше *Nokal di- rus ritentiņus*) представляет бесспорное индоевропейское наследие и находит множество разнообразных (языковых, мифологических ритуальных) параллелей в различных традициях [38]. Особенно показательны (в частности, в силу своей многочисленности) древнеиндийские (ведийские) факты [39]. Существенно при этом, что с колесом солнца в первую очередь соотнесен Индра, ср. RV 4.28.14, а также 1.174.5; 1.175.4 и др. Не исключено, что и в приводимом ниже контексте, содержащем продолжение и.-е. **se(n)gᵘ-* (ср. ниже *ā́sajad*, т. е. *ā́sajat*) под солнечной формой (др.-инд. *rūpá-* 'вид; облик; форма; символ' и др.) имеется в виду именно колесо солнца, ср. RV 10.124.7: *kavíḥ kavitvā́ diví rūpám ā́sajad* 'Поэт (Индра) с помощью поэтического искусства прикрепил (*ā́sajat*) к небу солнечную форму' (*rūpám*) [40]. Так это или нет, идея некоей солнечной формы (облика, подобия, «вида» солнца, ср. колесо солнца) представляется не случайной и должна быть учтена при рассмотрении балтийских данных, ср. отрывок из относящейся к пруссам известной западнорусской (1261 г.) вставки к переводу «Хроники» Иоанна Малалы: Телавели ісгкоузнецю сковавшю емоу сл҃нце ако свѣтиги по земли и ввергшю емоу на н҃бо сл҃нце. . . [41] Очевидное содержательное сходство сопоставляемых фактов дополняется тем, что Телявель в данной ситуации выполнял заказ Перкуна (прус. *Percunis*), выступая в функции, аналогичной функции «небесного кузнеца латышских песен космологического содержания» (*Debess kalējs*) [42], а также, отчасти, доказанной, в частности, именно для продолжений и.-е. **keu-/ *kou-* (ср. выше др.-инд. *kaviḥ* 'поэт' в RV 10.124.7) связью идей выковывания, ковки и обозначения (колдовского) искусства, в том числе словесного [43].

Сказанное, как представляется, дает основание для следующих предположений. Прабалтийский источник лит. *sègti*, лтш. *segt*, прус. *seggit* мог соотноситься с прикреплением (в частности, к небу) объектов, рассматривавшихся как подобие, «вид», образ или форма солнца (луны, звезд) [44], причем, упомянутый эпизод с Телявелем, возможно, дает пример ситуации такого свойства. В этом случае значение 'делать' прус. *seggīt* могло возникнуть вследствие семантического сдвига 'прикрепить (солнечную) форму' > 'сделать солнце', т. е., в конечном счете, 'сделать солнцем солнечную форму'. Именно здесь и могло сказаться италийское влияние (см. выше), ср. тот факт, что для формирования семантики лат. *facere* 'делать' решающую роль сыграло нередкое употребление продолжений и.-е. **dhē-* 'ставить; делать' в конструкциях типа греч. βασιλέα τινὰ θεῖναι, лат. *aliquem regem facere* 'делать кого-то царем', ср. и тот факт, что и.-е. **dhē-* нередко было связано с идеей создания, установления на длительный срок, ср. др.-перс. *bumim ada. . .asmanam ada* '(Ахурамазда) создал землю. ., создал небо' [45].

В контексте сказанного [46] не покажется странным факт возможности родства слова, обозначавшего, согласно высказанному выше предположению, закрепление (на небе, на виду) объектов, рассматривавшихся как «форма» или подобие солнца, с одной стороны, и, с другой — слов, семантику которых ('заход, закат солнца / луны, звезд') можно понимать именно как переход, движение от закрепленности (на небе, на виду) к погружению вниз, за пределы видимости, ср. продолжения герм. *$sink^{w}an$ (нем. *sinken*, англ. *to sink*, швед. *sjunka*, норв. *søkka*) в значениях 'заходить (о светилах)'. Неслучайность и древность такого рода фактов удостоверяется, в какой-то мере, помимо прочего, гот. *saggqs* 'Untergang; Westen; δυσμή' (только в форме dat. sing. *saggqa*), а также рядом параллелей, ср., в частности, лат. *mergō* 'погружать; окунать; топить; вонзать; заходить (о небесных светилах)' или греч. δύω 'погружаться; проникать; заходить, о небесных светилах', ср. δυσμή 'заход; закат; запад' [47].

Следует отметить также тот весьма вероятный факт, что прагерм. *$sink^{w}an$ и близкие формы могли обозначать, помимо прочего, нечто вроде незакрепленности («потопляемости», свойства погружаться в среду, не дающую опоры, например, в воду) каких-то обширных участков суши, например, островов. Ср. известное предание о возникновении острова Готланд, согласно которому этот остров некогда был заколдован так, что каждый день погружался в воду (ср. ниже *sanc*), лишь ночью всплывая на поверхность. Так продолжалось до тех пор, пока человек (по имени Тьельвар, ср. выше о Телявеле) не обошел остров с огнем, и с этого момента Готланд оказался закрепленным на поверхности моря и больше никогда не тонул (ср. ниже *sanc þet aldri*): *þa war Gutland so eluist, at þet daghum sanc oc natum war uppi. En þann maþr (þieluar) quam fyrsti eldi a land, oc si þan sanc þet aldri* (*Guta-Saga*) [48].

Гипотетическое употребление прабалтийского источника прус. *seggīt* для обозначения закрепления на небе солнца (закрепляемого Телявелем, помощником Перкуна, по заказу последнего) [49] может быть сопоставлено с использованием рефлекса герм. $sink^{w}an$ для обозначения погружения в воду острова (закрепляемого с помощью огня [50] на поверхности моря Тьельваром [51]).

В заключение отметим, что с рассматривавшимся выше и.-е. *$se(n)g^{u}$-, как будто, может быть сопоставлено лат. *sīgnum* 'знак', 'отметка', 'значок' (ср. *sīgnum legionis*) 'изображение', 'изваяние', 'фигура', 'печать', 'созвездие' (ср. *Caeli labentia sīgna*, Lucret. De rer. nat. и др.), если *sīgnum* < **segnom* ~ и.-е. *seg^{u}- (ср. Ernout-Meillet [3], 1101—1103).

Примечания

1 Обычное сближение слав. **sęg-* с и.-е. **seg-*, **seng-* 'прикреплять', которое мы здесь не оспариваем, но лишь пытаемся уточнить, см. *Pokorny* I, 887—888.

2 Возможно, что обычно приводимые в литературе индоевропейские соответствия рассматриваемых германских фактов, а именно, арм. *ankanim* 'падать', греч. ἐάφθη 'упал' (см. *Pokorny* I, 906, s. v. *seg^{u}- 'падать', 'опускаться') являются правильными. Важно отметить, что их существование, как будто, не противоречит приводимым ниже соображениям. Ср., вместе с тем, тот

факт, что греч. ἐάφθη представляет собой весьма проблематичное образование: аорист на -θην с не до конца ясным значением (ср. Il. 13.543, 14, 419), неясными внутригреческими связями и не вполне ясным анлаутом (см. *Chantraine* I, 308, *Frisk* I, 433, с дальнейшей литературой). Ср. точку зрения, согласно которой герм. **sinkʷan* не имеет надежных внешнегерманских параллелей (см. *Onians*, 829).

3 О связи приведенных славянских фактов с праслав. **sęg(a)ti* см.: *Варбот Ж. Ж.* Рец. на кн.: *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Pr., 1968. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, 380; *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — В кн.: Этимология. 1976. М., 1978, 42—45.

4 The Encyclopaedia Britannica. N. Y., 1911, XIX, 363.

5 Не исключено, однако, что праслав. **posągъ* могло обозначать нечто обтесанное, вырезанное, ср. наличие у рассматриваемых германских слов (а отчасти и некоторых других, см. ниже) значений 'вонзаться; врезаться', ср. норв. *øksa søkk godt* 'топор врезается глубоко', нем. *der dolch senkte sich*, англ. *the dagger sank* 'кинжал вонзился' и под., ср. еще англ. *sinker* 'one who engraves figures or designs. . .' (The Oxford English Dictionary 9, 93): польск. *posążnik* 'rzeźbiarz' (Варшавский словарь 4, 734).

6 *Vittenberg H. og Bodelsen C. A.* Dansk-Engelsk Ordbog, II. København, 1956, 536.

7 *Илчев Ст.* Към ботевградската лексика. — В кн.: БД I. София, 1962, 203, ср. еще болг. диал. *сязва се, сязи се* то же (БТР, 966).

8 Итератив *(*po)sagati* предполагает праслав. **seg-/*sog-* без носового инфикса, ср. лит. *sègti*, прус. *seggīt* при праслав. **sęgati*, ср. *Kuiper F. B. J.* Die Indogermanische Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937, 195.

9 К географии разных значений нем. (*Schnür*)*senkel* см. *Kretschmer P.* Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache. Göttingen, 1918, 434.

10 См.: *Петлева И. П.* Указ. соч., там же.

11 *Kuiper F. B. J.* Op. cit., 155—156.

12 Ср. тот факт, что слав. **sęgati* предполагает прежде всего движение снизу вверх или в горизонтальной плоскости, ср., например; польск. *woda sięga do pasa*: швед. *vättnet sjunkit* 'вода спадает'. Ср. лтш. *slīkt* 'sich senken' (*Mülenbachs—Endzelīns* III, 95), соотносящееся, в отличие от родственного лит. *sliñkti* 'скользить', с вертикальным направлением движения. Показательна соотнесенность (правда, лишь косвенная) рассматриваемых германских слов с идеей измерения глубины, ср. нем. *mit dem senckbley oder senkel die tieffe abmessen* 'измерять лотом глубины' (*Grimm* DW 10, 1, 588), ср. рефлексы слав. **sęžьnь*; **sęga* (рус. *сажень*) как обозначения меры пространства.

13 Ср. особенно значения лит. *sègti* 'вешать; прикреплять (кнопкой, иголкой и под.); одно с другим подвешивать, связывать, соединять, (пуговицей, застежкой и проч.); вбивая, закреплять, сколачивать; подковывать; брошюровать; подшивать' и др., см. *LKŽ*, 12, 298.

14 Ср. хотя бы лит. *sagà* 'пуговица; петля', *sãgas* 'петля', *sagė̃, sẽgė* 'прикалываемое (*įsegamas*) к одежде украшение', *sagtìs, sãgtis, segtìs, sẽgtis* 'пряжка', *segà* застежка; запонка' (см. LKŽ 12, 4, 8, 294, 303), *pasagà, pãsaga* 'подкова' (*LKŽ* IX, 442), прус. *sagis* 'пряжка; копытный гвоздь' (Эльбингский словарь, 468, 564), лтш. *sakta, sakte, sakts* 'застежка; пряжка; скрепка; брошь', ср. отчасти упоминавшиеся с.-хорв. *осуга* 'лента; тесьма', рус. диал. *сяга* 'род веревки', нем. *Schnürsenkel* 'шнурок' и др.

15 Подчеркнем, что кельтские факты, обычно сближавшиеся с нем. *Schnürsenkel* 'шнурок' и др. (ср. ср.-ирл. *sēn* 'силок', ирл. *suanem* 'канат', валл. *hoenyn* 'силок', см. *Pokorny* I, 887—888), по-видимому, не противоречат их выведению из и.-е. **se(n)gᵘ̯-*, ср., например, возможность ср.-ирл. *sēn* < **seg-no-* < < **segᵘ̯-* (к судьбе и.-е. *-gᵘ̯-* в кельтском в середине слова перед согласным см.: *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, 62—63).

16 К и.-е. **seg-*, **seng-* 'heften'; 'anheften' (вместо которого здесь реконструируется **segᵘ̯*, **sengᵘ̯-*) из индоиранского материала привлекаются, например, др.-инд. *sájati* (перф. *sásañja*) 'прикреплять; привешивать' (к дальнейшему см. *Mayrhofer* III, 419) др.-перс. *frāhaⁿjam* '(я) повесил' (или посадил на кол,

обозначение казни, см. *Bartholomae*, 1743), х.-сакс. *ajs-* 'преследовать' (*Bailey N. W.* Ariaca. — BSOAS, 1953, XV, 3, 537; *Emmerick R. F.* Saka Grammatical Studies. L., 1968, 5, ср. здесь же, с. 121, х.-сакс. *vahaj-* 'accompany' < < **ava-hag-*, к **seg-*). Проблематично авест. *vohunazgō* (*spā*), см. *Kuiper F. B. J.* Op. cit., 195.

17 *Hoffmann K.* The Avesta Fragment Fr. D. 3. — IIJ, 1968, 10, 4, 282—283. Формы типа авест. *zaz(a)-*, на основании которых Хр. Бартоломе постулировал авест. *haz-*, связаны с авест. *zā-* 'оставлять' (< и.-е. **g'hē-* 'verlassen', *Pokorny* I, 418—419).

18 Даже в случае с авест. *hazah* в значении 'разбой' подчеркивается именно идея силы, насилия (в отличие от кражи тайком, ср. *Benveniste E.* Hittite et Indo-Européen. Études comparatives. P., 1962, 113—114). Кажущейся является близость осет. *axsyn* и греч. ἐχύς 'иметь': исходную семантику и.-е. **seg'h-* лучше сохраняет не ἔχω («'avoir'=être á inversé'», см. *Benveniste E.* 'Être' et 'avoir' dans leurs fonctions linguistiques. — BSL, 1960, 55, 123—124), а, например, ἴσχω 'удерживать', ἰσχύς 'сила; могущество'.

19 См. отчасти: *Миллер Вс. Ф.* Язык осетин. М.; Л., 1962, 109.

20 *Benveniste E.* Études sur la langue ossète. P., 1959, 46.

21 Напротив, в принципе допустимой кажется мотивировка сближения с иран. **karś-* 'тащить; тянуть,' осет. *ræxsyn* 'наживлять; наметывать; плести обувь арчи' (<**fra-karš-* 'протягивать (нить через ткань, ремешок через арчи)' см. *Абаев* II, 396, ср. отчасти *Benveniste E.* Études. . ., 46). С не меньшим успехом, однако, можно исходить из первоначальной семантики 'вонзаться; колоть', ср. хотя бы др.-в.-нем. *sticken* 'колоть; вышивать', ср.-англ. *sticchen* 'шить' и др. (Falk-Torp II, 1164). Значение 'плести (обувь арчи)', возможно, стоит ближе к 'хватать' (ср. *axsyn*), ср. осет. *lğīvyn* 'уплотнять тесьму при плетении' (< **graib-* 'хватать', ср. нем. *greifen*, см. *Абаев* II, 43).

22 Цит. по выписке, сделанной В. А. Меркуловой для картотеки ЭССЯ.

23 *Колесник С.* Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини. Рукопись, 81.

24 *Прокопенко В. А.* Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, 438.

25 Ср. определенное семантическое сходство слав. **sę* и иранского инхоативного *-s-*, наличие которого предполагается в *axsyn*, см. выше.

26 Ср. еще дигор. *xæssæn* 'топь; болото' ~ дигор. *xæssun* 'вязнуть'.

27 К возможности существования осетинского рефлекса и.-е. **se(n)gᵘ-* без инхоативного *-s-* ср. осет. *sæxtæg* 'петля в одежде' (*Абаев* III, 97—98).

28 Возможно, стоит отметить словообразовательное отношение осет. *nyxsyn* < <**ni-hag-s-*: др.-исл. *søkkva niðr*, дат. *synke ned*, нем. *nieder-sinken*, норв. *søkka ned* и под.

29 *Миллер Вс. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Л., 1934. Т. III, 1541.

30 Ср., вместе с тем, лит. *sègtis* в значении 'впиваться; вонзаться' (*kulkos. . .segėsi namo sienon* 'пули в темноте впивались в стену дома', см. *LKŽ* 12, 29), при том, что с идеей 'вонзания; прокалывания' соотнесены и другие значения лит. *sègti(s)* и его соответствий, в частности, прус. *sagis* 'копытный гвоздь'.

31 *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, 447.

32 The Oxford English Dictionary, 9, 93.

33 В другом месте будет рассмотрена гипотеза Э. Хэмпа о связи прус. *seggīt* с лит. *žāgaras* 'хворостина'.

34 Относительно возможности западно-балтийско-италийских контактов см.: *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы: Лексическая синонимия. Минск, 1978, 8, 30 и др.

35 О семантике и.-е. **dhē-* см.: *Benveniste E.* Problèmes sémantiques de la reconstruction. — Word, 1954, 10, 2—3, 252—253.

36 Приводимые ниже латышские фольклорные материалы см.: *Biezais H.* Die Himmlische Götterfamilie der alten Letten. Uppsala, 1972, 66, 198—199, 201, 256, 279—280, 419—420, 427.

37 *Biezais H.* Op. cit., 129.

38 См., в частности: *Kuhn A.* Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks: Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indo-Germanen. B., 1859, 14, 54—65; *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache in Indogermanischer Zeit.

Wiesbaden, 1967, 9, 165—169; *Иванов Вяч. Вс.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, 219—222, 225, 236, 240; *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976, 74—76, 112—114.

39 Ср. *Schmitt R.* Op. cit. 165—169.

40 *Renou L.* Études védiques et pāṇinéennes, 14, P., 1965, 30.

41 *Mannhardt W.* Letto-Preussische Götterlehre. Rīgā, 1936, 58—59.

42 Телявель является помощником громовника Перкуна (ср. соответствующую функцию Индры), подобно тому как Тьяльви (Тьельвар, ср. др.-исл. *þjálvi*, *þjelvar*, см. ниже) и Локи — помощниками (спутниками) Тора. Само имя Телявель заимствовано из др.-исл. *þjálvi* (см. *Топоров В. Н.* К балто-скандинавским мифологическим связям. — In: Donum Balticum. To prof. Ch. S. Stang on the occasion of his 70th birthday. Stockholm, 1970, 534—543).

43 *Иванов Вяч. Вс.*, *Топоров В. Н.* Указ. соч., 159—164.

44 В качестве «форм», «подобий» солнца, возможно, выступали и такие объекты, как венок, брошь (сакта), ср., между прочим, идентичность солнца и сакты в тексте BW 32978 (см. *Biezais* H. Op. cit., 356).

45 *Benveniste E.* Problèmes. . ., 252—253; ср. еще ведийское *dhā sūrye jyótir* как обозначение акта установления солнца.

46 Здесь нет места говорить о возможной связи прус. *seggīt* и др. с прус. *saxto* '*rone*' (Эльбингский словарь, 631), 'срубленный ствол дерева', 'дубинка' (см. *Endzelīns J.* Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, 243), ср. возможность *saxto* < < **sag-st-*; к словообразованию (суф. *-st-*) ср. *Endzelīns J.* Op. cit., 53, ср. еще лит. *smaĩg-st-is* 'воткнутая в землю жердь как предупредительный знак': *smeĩgti* 'втыкать; вонзать' (*Fraenkel* 852, 838), ср. выше о польск. *posąg* 'статуя'.

47 Ср. в латышском фольклоре мотив погружения в воду дочери солнца, когда из моря или реки виднеется только ее венок или волосы (см. отчасти выше), ср. еще лтш. *saules noslìkšana* 'заход солнца', собственно, '«потопление» солнца' (см. *Biezais H.* Op. cit., 279—280, 282—283). Заслуживает внимания мотив погружения в воду колеса Балсага (осет. *Balsæǵy calx*, *Ojnoni calx*), в частности, после отрезания ног Созырыко (Сослана).

48 См. *Schröder F. R.* Germanische Urmythen. — AfRW, 1938, XXXV, 205 и след. (здесь же параллели к преданию о «незакрепленном» острове, ср. Делос и др.), *Топоров В. Н.* Указ. соч., 539; *Huth O.* Untersuchungen zum indogermanischen Feuerkult. Leipzig, Berlin, 1943, 146—147.

49 К мифу о прикреплении Телявелем солнца ср., в связи со сказанным, относящееся к Тору и Тьяльви предание, в котором говорится, в частности, о том, как Тор забросил на небо и сделал созвездием замерзший палец (см. *Топоров В. Н.* Указ. соч.).

50 Следует иметь в виду, что Тьельвар, скорее всего, принес на Готланд огонь, доставленный (возможно, похищенный, ср.: *Schroeder L. v.* Mysterium und Mimis im Rigveda. 2 Aufl. Amsterdam, 1974, 273, о нередком тождестве «Feuerbringer»: «Feuerräuber») с неба, т. е., в конечном счете, огонь солнца (ср. др.-исл. *eldr himins* 'огонь неба; солнце').

51 Ср. еще родство мифологического имени *Fjǫrgyn* (имя матери Тора) и прус. *Percunis*.

В. А. Меркулова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. III

закопыриться

Следы древнего индоевропейского названия огня **peu̯ōr-*, *pūr-* сохранились в русском языке в двух лексемах, это тверское название загнетки в русской печи — *пы́рей* и название золы от соломы и торфа — *пурынь* в рязанских, тульских, пензенских, воронежских и саратовских говорах.

Пы́рей, *-я*, м. ʻместо в печи, куда загребают углиʼ: Что-то угарно, должно быть в *пырей* что попало; *Пырей* — это и пазуха и жаровник. Говорят: в *пырей* пихни, стушится быстрей (Калинин. словарь, 214). Слово отмечено в говорах Ржевского, Старицкого, Завидовского и Погорельского районов. *Пырей* м. твер. ʻпорск, жароток в русской печи, загнеткаʼ (Даль[3] III, 1437).

Пуры́нь ʻзола, выбрасываемая из печей, топимых соломоюʼ (пенз., сарат. — Опыт, 184); *пуры́нь* ʻсажа из трубыʼ (тульск. — РФВ LIX, 1908, 307); *пуры́нь* ʻпепелʼ (сарат. — РФВ LXVI, 1911, 206); *пуры́нь* ʻзола от торфа из печейʼ (ряз. — РФВ XXVIII, 1892, 62); *пуры́нь* тамб. пенз. ʻсоломенная зола; соломенные головки, которые носятся по ветру клочьями на пожарахʼ (Даль[3] III, 1414). По-видимому, изменением слова *пурынь* может считаться лексема *пурина* в выражении *жечь пурину* — название обычая, который имеет целью греть ноги покойников (воронеж. — ЖСт., 18, 1, 121).

Описанные выше лексемы восходят к праслав. **pyrьjь*, **puryni*. С огласовкой *-u-* в славянских языках выступает еще лишь сербохорватский глагол *пу̏рити* ʻобжаривать, поджариватьʼ.

И в южнославянских и в западнославянских языках широко представлен глагол **pyriti* с различными приставками, чаще всего с приставкой *za-*. Ср. словен. *zapíriti se* ʻпокраснетьʼ, чеш. *pyřiti* ʻкраснетьʼ, словац. *pyriť sa* ʻкраснетьʼ, польск. *zaperzyć się* то же, в.-луж. *pyrić* ʻтопить, разводить огоньʼ, н.-луж. *pyriś* то же, с.-хорв. *спи́рити* ʻраздувать (огонь)ʼ, *упи́рити* то же.

В русском языке праславянский глагол **pyriti* до сих пор не был отмечен. А между тем в «Северных плачах», собранных Е. Барсовым, записан глагол *закопырилось* ʻзагорелосьʼ (череп. — Барсов II, 321). Примера нет. Этот глагол содержит две приставки: *za-* и экспрессивную приставку *ko-*. Если в большинстве славянских языков глагол **pyriti* выступает в переносном значении ʻкраснетьʼ, то русский глагол сохраняет исходное значение ʻгоретьʼ. Таким образом, в связанной форме сохраняется древнее праславянское образование.

Второй лексемой, относящейся к тому же этимологическому гнезду, является тверское наречие *упы́рко* ʻжаркоʼ (Калинин. Словарь 270). Это наречие предполагает обязательное существование производящих прилагательных ***упыркий* и ***пыркий* ʻжаркийʼ. Прилагательное *пыркий* (по типу *жар — жаркий*) образовано, в свою оче-

редь, от несохранившегося в русском языке имени ***рүгъ* или **рүгь* 'раскаленные угли, жар'. Ср. чеш. *pyř* 'горячий пепел', словац. *pýr*, *pyrina*, польск. *perz* 'горячий пепел'. Праславянское слово **рүгь* м. (Machek[2], 502, Słownik prasłowiański II, 19).

Таким образом, два приставочных образования сохраняют две архаичных лексемы, это несомненные следы того, что когда-то данное этимологическое гнездо было представлено в русском языке значительно шире.

трелюдиться

На территории ярославско-костромских, владимирских и вятских говоров существует глагол *трелю́диться* 'мучить, издеваться'. *Трелюдиться* 'ломаться, самодурствовать, издеваться над кем-нибудь' (Мельниченко 201); *затрелю́диться* 'замучить кого-либо неосновательными или неисполнимыми требованиями, придирками': Пьяный придет, *зътрелю́диццъ* над бабъй-тъ (Мордовск. словарь, 2, 97). В вятских говорах записан, по-видимому, искаженный вариант *трелюбиться* 'высказывать власть, силу' (Опыт, 232). Производный глагол *трелю́дничать* значит 'причудничать; сплетничать' (костром. — Опыт, 232); *трелю́дничать* 'капризничать' (влад. — Бычков, XLIII). Глагол предполагает следующую последовательность несохранившихся форм: ***трелюд* (*трелюда*) → ***трелюдный* → ***трелюдник* → *трелюдничать*.

Соответствия мы находим в белорусском языке: *трылю́да* ж. 'бессмыслица, вздор; пустомеля, болтун', *трылю́дзіць* 'болтать' (Юрчанка 199).

В словообразовательном отношении в имени *трелюда* выделяется частица *тре-*. Эта частица проникла в восточнославянские языки из старославянского языка, где широко использовалась в именах прилагательных для передачи тройственности или высшей степени качества (*треблагий*, *тресвятый*). В русском языке эта частица представлена довольно широко в именах прилагательных и существительных: *треблагий*, *требрылый*, *треволненье*, *трегубый*, *трезвучие*, *трезубец*, *треклятый*, *трелистый*, *треногий*, *тренога*, *треугольный* и т. д. Глаголов всего три: *трезвонить*, *треножить* и *треушить*, все они отыменные. Широко употребляясь в книжной лексике, в научной терминологии, эта частица проникла и в говоры, где мы находим собственно русские образования: *треко́лье*, *трехо́лье*, *тремела́*, *тремелю́дна*, *тремычка*. *Треко́лье*, *трехо́лье* 'старое платье, ветошь' (олон. — Опыт, 232); *тремела́* 'все, что угодно, без разбора, всякая всячина' (Соликам. словарь, 638); *тремелю́дна* 'мелочь, дрянь' (сиб. — Доп. к Опыту, 720), *тремы́чка* 'промежуток' (новгор. — Доп. к Опыту, 720) и др.

Если мы выделяем в словах *трелю́да*, *трелю́диться* частицу *тре-*, то корень слова требует объяснения. Представляется, что ближайшими родственными формами могут считаться украинские лексемы: *трою́да* 'забияка', *трою́дити* 'раздражать, растравлять' (Гринченко IV, 288; житом. — Паламарчук, 32); *строю́дитися*

'встревожиться, затосковать' (полтав. — Гринченко IV, 219); *натрою́дити* 'наговорить неправды или с целью настроить известным образом' (мирг. — Гринченко II, 528).

Если мы предположим, что это единое восточнославянское образование: **trъ-juda*, **trъ-juditi*, то звук *l* в русском и белорусском языках следует рассматривать как результат изменения *j* > *l* в интервокальном положении. Случаи появления *l* на месте *j* мы знаем в начале слова: *ледва* 'едва', *лежели* 'ежели' (Деулинский словарь, 270), *люшка* 'юшка' (Жывое слова, 45).

Праславянские лексемы **juda* и **juditi* отсутствуют в русском языке. Ср. болг. *ю́да* 'злое мифическое существо женского пола, которое живет в горах, у озер и носится вихрем по воздуху' (БТР), *йу̀да* 'сильный ветер' (родоп. — БД II, 176); *йу̀да* 'злой дух, которым пугают детей' (кукуш. — БД III, 326); *йу̀дъ* 'клятва' (БД V, 229), с.-хорв. *jу̏да* ж. растение (РСА VIII, 796), укр. *ю́да* 'род злого духа, нечистой силы' (Гринченко IV, 531); с.-хорв. *jу̏дав* 'плаксивый, раздражительный, болезненный' (РСА VIII, 787). Праславянский глагол **juditi* представлен во всех группах славянских языков, в русском языке его нет. Семантика глагола достаточно богата, она разбивается на следующие семантические сферы: 'манить, обманывать, искушать; наговаривать; кривляться, дразнить, надоедать'. Семантика глагола **trъjuditi* очень близка к семантике глагола **juditi*, хотя полного наложения мы не имеем.

Реконструируемое имя **trъ-juda* означало, по-видимому, то же, что и болгарско-украинское **juda* 'злая сила', а глагол **trъ-juditi* 'мучить, истязать, бередить рану, тревожить'. Ср. *веред* — *вередить* — *привередничать* и т. д. Время возникновения имени и глагола, по-видимому, следует отнести к древнерусской эпохе. Существование в русском языке в связанном виде глагола **juditi* доказывает, что этот глагол был распространен во всех славянских языках.

каманъ

Индоевропейское этимологическое гнездо с корнем **men-* 'думать' очень велико. Его продолжения в славянском представлены глаголом **mьniti* и производными. В русском языке это такие лексемы, как *мнить* 'думать, считать, полагать', *мнение* 'суждение о чем-либо', *мниться* 'казаться', *мнимый* 'воображаемый', *мнительный* 'воображающий опасность там, где ее на самом деле нет', *мнительность*; *помнить* 'держать в памяти, не забывать'; *поминки* 'обрядовый обед в честь умершего', *память* 'способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления' и производные от последнего слова; *сомнение*, *сомневаться* и производные. Значительная часть этой лексики носит книжный характер и восходит к церковнославянскому языку. Русские народные говоры довольно широко сохраняют глагол *мни́ться*, *мли́ться* 'казаться' (вост., тул.), *мне́виться* (смол.) (Даль[3] II, 866).

А между тем материалы картотек и новых публикаций по диалектной лексике дают возможность несколько расширить наше представ-

ление об отражении данного гнезда в русском языке. Так, например, в картотеке «Словаря русских говоров Карелии» есть выражение *выжить из камáни* 'выжить из ума'. Существуют тексты, которые дают широкое поле для толкования, в данном случае — это единственно возможное решение. Следовательно, слово *камáнь* может рассматриваться как имеющее значение 'ум, рассудок'.

При анализе слова мы вынуждены предположить наличие архаичного экспрессивного префикса *ka-*. Это префикс в виде *k-*, *ka-*, *ko-sk-*, *ska-*, *sko-*, *x-*, *xa-*, *xo-* часто присоединяется к основам, начинающимся на губной согласный: *меткий* → *кметкий*, *меть* → *кметь*, *мýторно* → *кмýторно*, *мудá* → *комудá*, *манúть* → *оскоманúть*, *мóйка* → *хамóйка*, и т. д. Если мы примем такую возможность, то слово *камáнь* должно быть расчленено на приставку **ka-* и корень **man-ь*.

Это слово оказывается не изолированным. Наряду с *лихоман* мы находим *злокомóн*, *злокомáн*: *злокомóн* 'злой человек, злодей' (арханг.—Филин 11, 290); *злокоман* 'злой, нехороший человек, тот, кто делает что-либо во вред другим' (олон.); Уж вы *люди-злокоманы*. Вы какую корысть-радость получили, что с милым дружком разлучили (смол. — Там же). В белорусском языке *злыкымáн* 'вораг, чалавек, што жадае зла другому': Мае *злыкыманы* рады, што біда пришла (Бялькевіч 184). Производные — *злокоманный*, *злокоманка*, *злокоманник* представлены как в русском, так и в белорусском языках: *злокомáнный* 'делающий что-либо во вред другим, злой, недоброжелательный' (олон.); 'злорадный, вражеский' (тамб.); *злокомáнка* 'злодейка; эпилепсия; лихорадка': *Злокоманкой* баба болела, ничем вылечить не могли (арх. — Филин 11, 291). В причитаниях, записанных Барсовым: «*злокоманно* их ретливое сердечушко». В белорусском языке: «*Злокоманка* схватила» — лихорадка; *злокомáнный* 'злой, коварный' (Носович, 209).

Важно отметить, что слово *злокомáнка* 'лихорадка' параллельно другому названию лихорадки — *лихомáнка*, что позволяет во второй части сложения *-комон*, *-коман*, выделить экспрессивный префикс *ко-* и корень *-мон*, *-ман*.

Семантика второй части сложения затемнена. В древнерусских текстах мы постоянно встречаем словосочетания: *замышлять зло*: ср. ст.-укр. *на лихо гадати* 'замышлять зло на кого' (1388 г.) *лихого мыслити* (на кого) 'замышлять зло против кого' (1392 г.); блр. *замы́сны* 'злонамеренный, злоумышленный', *ліхадýм* 'зложелатель'.

По этой же модели образованы сложения *лихоман*, *лихорад*, *злокомон*. И, возможно, прав был Потебня, считавший, что *лихоман* 'замышляющий зло', а *лихорад* 'делающий зло' [1]. О персонификации *лихорада* пишет Зеленин: «В уме крестьян *лихорад* представляется каким-то одушевленным, таинственным и грозным существом, которое входит в ушибленное место (при болезни ногтоеда), произнесшего всуе его название (вроде: «Ой, чтобы тебя *лихорад* унес!», «Экой *лихорад* тут!»). От лечения припарками *лихорад* выходит из раны. Т. о. и болезнь ногтоеда называется *лихорадом*: «*Лихорад* сидит» [2].

Итак, такие сложения, как *лихоман* и *злокоман* могут значить ʽзамышляющий зло’. Реконструируемые части сложения **-man*, **-mon-*, соотносятся с глаголом **mьněti* ʽдумать’.

Подтверждением нашей этимологии служит прилагательное *мóнный* ʽзадумчивый’ (амур. — Филин 18, 253), что с неизбежностью предполагает существование имени **monъ* ʽдума, мысль’, ср. *зло-ко-мон*.

Таким образом, мы может предположить, что в русском языке существовали производные имена существительные, образованные от глагола **mьniti* → ***manь* (сохранившееся в связанном виде в слове *кама́нь* ʽум, рассудок’), ***manъ* (сохранившееся в сложении *лихо-ма́нка*) и ***monъ* (сохранившееся в связанном виде в прилагательном *мóнный* и в сложении *злокомóн*) (ср. лит. *iš-monis*). Активность имен **myslь* и **duma* привели к исчезновению древних образований от глагола **mьniti*.

Интересны и некоторые другие имена существительные, сохранившиеся в связанной форме: *вмя́тку* безл. предикат. ʽсохраняться в памяти, помниться’: Рас *вмя́тку* пакуль, расскажу; Мне не *вмя́тку*, я забыла (Псковский словарь 4, 59). Реконструируемое имя **mętъka* уменьшительное от **mętь* ʽпамять’ (ср. лит. *mìntis*). Ср. еще *помяткú* мн. ʽпамять’ (псков., твер. — Доп. к Опыту, 198). На существование имени **zamętь* указывает глагол *заметиться* ʽзабыть, запамятовать’ (ряз. — Диттель 212) [3].

Древние формы глагола **menǫti* (*sę*) (см. Machek [2] 370) сохранились в связанной форме в украинском глаголе *охамену́тися*, *схамену́тися* ʽопомниться, одуматься’ (харьк. — Гринченко III, 78; Гринченко IV, 235). Тот же глагол представлен и в русских донских говорах — *охамену́ться* ʽопомниться’. (Донск. словарь II, 217). Ср. еще *схамяну́цца* ʽспохватиться’ (Расторгуев. Сев.-блр., 151). Реконструируемые формы **ob-xa-menǫti sę*, **sъ-xa-menǫti sę*. Существование экспрессивной приставки *ха-* в глаголе *охамену́ться* подтверждает нашу интерпретацию слова *кама́нь* ʽум’.

Глагол *намяну́ть* ʽнапомнить’ записан в брянских говорах: Т’ип’éр’ как *нам’ану́т* вajнý, oj стрáшна (Картотека Брянского областного словаря).

Представляют интерес следующие диалектные лексемы: *сумни́ться* ʽдогадаться, сообразить’ (Картотека Словаря рязанской Мещеры); *мéньчить* ʽдумать’ (ряз. — Филин 18, 111), *ми́нный* ʽмнимый’ (арханг. — Филин 18, 168).

Итак, в результате анализа современных диалектных материалов мы можем представить себе словообразовательно-этимологическое гнездо глагола **mьniti* (**mьněti*) значительно богаче, чем до сих пор.

обудиться

В картотеке новгородских говоров (Картотека Новгородского ГПИ) записан глагол *обу́диться* ʽстать богатым’ (Волотовский р-н). Этот глагол может быть реконструирован как **ob-uditi sę*.

Глагол *у́дить* до сих пор был зафиксирован только в олонецких говорах (в основе своей новгородских): *у́дить* (о зерне) ʽспеть, зреть,

наливаться, толстеть, набирать тело’: Жито открасовалось, *у́дит* теперь. *У́дное* зерно, т. е. ‘полное, крупное’ (Куликовский 123, Даль [3] IV, 955). Прилагательное *у́дный* должно быть образовано от незасвидетельствованного имени ***udъ*.

Глагол *у́дить* обычно сближается с индоевропейскими названиями вымени (Фасмер IV, 149).

Понятия ‘урожай зерна’ и ‘прибыль, богатство’ тесно связаны у земледельческих народов. Ср. *обилие* ‘хлеб в зерне’ и *изобилие* ‘богатство’, *поре́ть* ‘зреть’ и *спор* ‘изобилие’, *спорина́* ‘прибыль’, *спорынья́* ‘прибыль, избыток’.

Глагол *обу́диться* сохраняет в связанном виде архаичную лексему.

истяблый

В «Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР» приведено слово *истя́блый* ‘худой, тощий’: У нас тилёнък какой-тъ *истя́блый* стал, адна́ кожъ дъ кости; И ф каво ты такая *истяблъя*? Мать у тибя справнъ, атец тожъ, а у тибя рёбры заметнъ. . (Мордовск. словарь 2, 125).

В «Словаре русских народных говоров» такого слова нет.

Перед нами прилагательное, образованное от причастия от несохранившегося глагола ***истябнуть* ‘исхудать’.

Слова того же корня, но с другим префиксом мы встречаем во владимирско-ярославских говорах. Это *отя́бель*, *отя́бленный* парень ‘бесстыжий, наглец, отчаянный, окаянный’ (Даль [3] II, 771), *отя́бель* ‘несуразный, нечесанный; грубый, дерзкий; плут, хитрец’ (ярослав. — Мельниченко 138).

Предполагаемый глагол ***обтябать*, *обтябнуть* в свободном состоянии не отмечен. Следовательно, мы должны реконструировать и форму и значение.

Наименования непослушного, дерзкого, наглого подростка обычно образуются от глаголов со значением ‘бить’. По той же модели иногда образуются и наименования ленивого.

Ср. *обо́й* ‘все, что откололось, отбилось’ (Мельниченко 127); *обо́й* ‘упрямый человек’ (Картотека Новгородского ГПИ); *обо́й* ‘лентяй, увалень’ (казан. — Булич 312); *избо́й* ‘наглец, нахал’ (твер. — Даль [3] II, 17); *облőм* ‘бестолковый, невоспитанный подросток’ (Иванова Подмоск., 238), *обло́м* ‘никудышный человек’ (Картотека Новгородского ГПИ), *обло́м* ‘неспособный, ленивый человек’ (Картотека Псковского областного словаря); *около́ток*, *около́тыш*, *около́тух*, *о́колотень* и *о́колоть* ‘много битый и отбившийся от рук’ (Даль [3] II, 1717). От глагола *отя́пать* производное имя *отя́па* об. ‘неотесанный, неуклюжий человек, болван’ (Даль [3] II, 2001); от глагола *отя́ть* — *отя́той* ‘отверженный, клятой; отъявленный негодяй’. От того же глагола *о́теть* ж. ‘высшая степень лени; лентяй, увалень, лежебок, отбойный тунеяд’ (новг., волог., арханг., сиб. — Даль [3] II, 1878); *о́теть* ‘отъявленная лень, безделье’ (Подвысоцкий 113); *о́теть* ‘околотень’ (арханг., волог. — Опыт 146); *о́теть* ‘лентяй; лень’ (Картотека Печорского словаря); *о́теть* ‘состояние крайней

бездеятельности, лени; крайне ленивый человек' (Словарь Ср. Урала III, 80); *бтечь* 'отчаянный, бойкий, проказник, хулиган' (Мельниченко 137); *бтень* 'крайне ленивый человек' (Словарь Ср. Урала III, 80), *бтень* 'очень ленивый человек' (Словарь Красноярского края, 137).

Две последних лексемы образованы от глагола *отя́ть* 'обсечь, обрубить'(**obtęti* → **obtętь* и **obtenь*).

Можно предположить, что глагол **obtębati*, так же как и **obtęti*, **obtępati*, **obbiti*, **oblomati* значил 'оббить, обсечь, обрубить' и производное имя **obtębělь* (или **obtębelь*) значило 'околотыш' (='отбившийся от рук').

Что касается значений 'худой' у слова *истя́блый*, то оно должно восходить к значению 'тянуть', ср. *истя́жной* 'худой' (Даль [3] II, 151).

Реконструируемый на основе производных глагол **tębti* (**tębati*, **tębnǫti*) должен был значить то же, что и **tęti* 'рубить, бить, резать' и 'тянуть, плести' [3].

скабор

В рязанских говорах существует интересное название растения ежевики *ска́бор* (Картотека рязанской Мещеры). Там же зафиксированы и преобразованные названия того же растения, явившиеся результатом подстройки под устойчивую модель названий ягод — *скӯбари́ка*, *скубарни́ка*. Ежевика, Rubus caesius — колючее растение. Этот устойчивый признак отражен в большинстве ее наименований, ср. **ežina*, **ostrǫžina*, **svьrberina* и т. д. Можно предположить, что и в данном случае мы имеем ту же модель.

Слово **skaborъ* делится на корень *skab-* и суффикс *-or*(*ъ*), ср. с тем же суффиксом такие праславянские лексемы, как **sox-orъ*, **kos-orъ* и др. (Słownik prasłowiański 2, 24—25).

Корень *skab-* наиболее последовательно представлен в белорусском и частично украинском языках в слове *скаба* 'заноза'. Для слова **skaborъ* мы можем реконструировать значение корня как 'острый, колкий'; в этом случае слово значило бы 'колючка'='колючее растение'.

Очень близкое слово, но различающееся по категории рода, мы встречаем в лемковских говорах украинского языка *шкабо́ра* 'щель' < **skab-ora* (Гринченко IV, 498). Процесс перехода *sk* > *x* нашел свое отражение в западнославянских языках, ср. польск. *chabor* 'кость' (Варшавский словарь I, 268), чеш. диал. *chabory* 'растрепанный кочан капусты или салата' (Machek [2], 194; ЭССЯ 8, 9).

Для суффикса *-or*(*ъ*) очень характерна вариативность, ср. такие образования от одного корня, как **kos-orъ*, **kos-erъ*, **kos-yrь*, **kos-arь* и т. д. Украинское гуцульское *шкабе́рка* 'щепка' отражает именно этот процесс (*шкабе́рка* < **skab-era*, ср. **skaba* 'заноза'). В кашубском языке мы находим слово *χaber* м. 'хребтовая кость' (Sychta, II, 18).

С тем же корнем, но с другим суффиксом существует в русском языке слово *скабу́рка* 'сидение, скамейка на салазках или на доске

для катания по льду' (псков., твер.) Фасмер считает слово неясным (Фасмер III, 630). Но это слово означает узкую дощечку, планку, ср. богато представленное в славянских языках слово того же корня, но в другой огласовке *ščebъlo (*skeb-) со значением 'доска, планка, ступенька'.

Интересен в этой связи белорусский материал, где слово *скабу́рка* означает застывшую корку земли: Падмерзло, то як ступіш на ралі — *скабуркі* пад нагамі крышацца (Народная словатворчасць 19). *Скабуры́на* 'ребро у свиней, овец' (Жывое слова 16). И тот и другой пример из говоров Гродненской области.

Очень близко по форме и значению прилагательное *скабристый* 'сильно исхудалый' (кашин). Сюда же белорусское *шка́ба* 'очень худой' (Касьпяровіч 350), польск. *chaby* мн. 'кости, торчащие из-под кожи' (Варшавский словарь I, 268), блр. *скаба* 'ребро', *скабуры́на* 'ребро свиньи, овцы'. Слово *скабристый* может быть реконструировано как *skabъristъjь. Фасмер сравнивает это слово с лтш. *skabrs* 'с занозами, острый' (Фасмер III, 690).

Итак, мы выделили следующие лексемы с корнем *skab-: *skaba 'ребро; заноза, щепка; худой; кость'; *skabura 'планка, доска; корка'; *skaburina 'ребро'; *skaborъ 'колючее растение' (*xaborъ 'кость; растрепанный кочан'), *skabora 'щель', *skabera 'щепка' (*xaberъ 'кость'), *skabrъ (или *skabъrъ) 'худой'.

Мы рассмотрели лишь часть производных от праславянского корня *skab- 'драть, чесать, колоть', ср. лит. *skõbti*, *skabiù* 'скрести, срывать'. Обращают на себя внимание два момента. Повторяемость семантики в разных словообразовательных вариантах: 'кость' — *skaba*, *skaberъ*, *skaborъ*, 'щепка' — *skaba*, *skabera*; 'худой' — *skaba*, *skabrъ* и т. д. Любопытно отметить, если представить картину несколько огрубленно, наличие *sk-* в русском, *šk-* в украинском и белорусском и *x-* (< *sk*) в западнославянских языках.

Специального внимания заслуживает глагол *ха́брать* 'трогать' (Картотека Словаря русских говоров Карелии). Мы видим здесь тот же корень *skab-* с интенсивом *-r-*; семантические отношения те же, что между глаголами *česati и *kosnǫti sę.

говыря

Севернорусская топонимическая экспедиция записала в говорах Архангельской области слово *говы́ря* 'утолщение на дереве'. Соответствий этому слову в других славянских языках мы не находим. Ближайшее родственное образование — слово *го́вор* 'пузырь на воде', отмеченное во владимирских говорах и в древнерусских памятниках: *го́вор* 'пузырь на воде' (влад. — Филин 6, 255); др.-рус. *говоръ* . . . *говоръ* на водѣ погибаеть и памѧть гордаго погибаеть по смрти (Ю р. пр. XIV, 233 — Картотека СДР).

Отношения *говор — говыря* (может быть, из первоначального *говырь*) напоминают отношения *kosorъ — *kosyrь.

Ближайшие родственные слова праславянские *gvorъ, *gura, *gyra, все к и.-е. корню *geu̯- 'гнуть' (см. ЭССЯ 7, 184).

Сюда же следует отнести псковское диалектное *гвырь* 'шишка, желвак, нарыв': *гвырья́* мн. 'нарывы на лице' (Картотека Псковского областного словаря).

Любопытно, что набор форм и значений накладывается друг на друга мозаично, иными словами, во всех апофонических вариантах повторяется одно и то же значение. Так значение 'утолщение, нарост на дереве, сук' отражено в лексемах **govyr'a*, **govorъ*, **gvorъ*, **gura*, **gyra*: ср. словен. *gorjáča* (< *gvor-*) 'узловатая, суковатая палка, дубина', с.-хорв. *гŷра* 'суковатое полено, которое трудно расколоть' (PCA III, 269) [5].

похрад'

В лексических материалах, собранных В. Н. Никончуком в украинском Полесье, содержится любопытный пчеловодческий термин *храд'* ж. р., *по́храд'*, *па́храд'*, *по́хред'*, *по́хріт'* 'часть пустого пространства улья — колоды от верхнего края бокового отверстия до верху': у само́й *храд'е́* пчолі; по́вну *по́храд'* залож'іл'і пчо́лі ме́дом, нема куді лопа́ткі впе́рті (Никончук 207). Этот термин отмечен на очень компактной территории в самой северной части украинского Полесья на границе с Белоруссией. Чертой белорусского языка можно считать наличие в слове твердого *-р-*. Варианты показывают, что мы имеем дело с лексемой **xrędь*, **poxrędь*.

Эта часть улья имеет целый ряд синонимических названий в полесских говорах: *голова*, *верх*, *олек*, *ул*, *хвоз*, *сховозня*, *устёр*, *дупло*, *борт'* и др.

С точки зрения семантической модели, лежащей в основе наименования, все эти лексемы делятся на четыре группы: а) 'верхняя часть' → 'верхняя часть улья': *голова*, *верх*; б) 'пустое пространство' → 'верхняя часть улья': *порожнина*, *пусте місце*, *простор*, *ул*, *дупло*; в) 'остаток' → 'верхняя часть улья': *олек* (< *otъ-lěkъ*); г) 'то, что вырезано, выдолблено' → 'верхняя частья улья' (или 'весь улей'): *борт'*.

Рассматриваемый нами термин относится к четвертой группе. Лексемы **xrędь*, **poxrędь*, **paxrędь* этимологически восходят к **skrędь*, к индоевропейскому корню **sker-* с расширителем *-d-* [6].

Развитие семантики данного слова, по-видимому, было то же, что и у слова **bъrtь* 'вырезанное, выдолбленное отверстие в дереве для добывания меда', 'полое пространство, выдолбленное в живом дереве для пчел', 'полое пространство в колодочном улье'. Возможно, что слово **xrędь* выступало как синоним слова **bъrtь*.

стуга

Среди названий топких болот, трясины на территории Украинского Полесья есть одно очень интересное — *сту́га* (Никончук 52). Это слово отмечено на очень ограниченной территории — шесть пунктов, расположенных очень компактно между двумя небольшими притоками Припяти (Верхнествижские говоры Ровенской

области). Слово *сту́га* в значении 'топь, трясина' в других славянских языках как будто бы не встречается [7].

Но в диалектах сербохорватского языка есть слово *сту̏га* 'колода, выдолбленное внутри бревно' (Риека). Праслав. **stuga* 'колода' восходит к и.-е. **(s)teu-g-* 'колода, ствол', широко представленному в германских и кельтских языках (ср. др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *stoc* 'палка, бревно', англосакс. *stocc* 'ствол, пень' и др., Pokorny, 1302).

О переносе значений 'выдолбленная колода' → 'источник, огражденный колодой' → 'болото с источниками' писал О. Н. Трубачев [8].

Если эта этимология верна, то слово *стуга* 'топь' является еще одним соответствием, связывающим украинское Полесье с говорами сербохорватского языка.

Существование в Полесье лексемы *стуга* 'топь, трясина' (м. б. 'болото, богатое источниками') позволяет предположить еще одну гипотезу о происхождении названия реки *Стугна*, притока Днепра [9].

Предложенная этимология не исключает другой возможности интерпретации слова *стуга*, рассмотрения его как продолжения праславянского **sъtǫga*. В этом случае значение 'топь, трясина' может быть вторичным по отношению к значению 'зарастающий, затягивающийся водоем'.

глебезд

В шестом выпуске «Этимологического словаря славянских языков» есть статья **glebezdъ* (ЭССЯ 6, 118), основанная только на русском ономастическом материале.

В основе статьи лежит имя собственное, вернее прозвище, *Глебезд*: *Иван Глебезд*, рыболов, 1585 г., Псков (Веселовский. Ономастикон, 79). Фамилия, образованная от данного прозвища, записана почти столетием ранее: *Родивоникъ Глебездовъ*, крестьянин, 1495 (Писц. I, 620 — Тупиков, 572). От фамилии образованы названия двух деревень: д. на р. Яхрома б. Дмитровского уезда Московской губернии, д. на о. Перово б. Тверской губернии (Russ. geograph. Namenbuch II, 361).

В статье нет реконструкции значения. О. Н. Трубачев пишет: «Неясно. По-видимому, ступень чередования к **globa*» (ЭССЯ 6, 118).

Дополнительные диалектные материалы позволяют несколько расширить данную статью.

Следует учесть, что наряду с очень распространенным в славянских языках процессом появления *g*-протетического перед плавными [10], имеются случаи и утраты этимологического *g* перед *n* и *l*. См. приводимые в статье И. П. Петлевой примеры: укр. *лазо́к* 'металлическое грузило на сетях' = *глазки* мн. 'железные грузила у невода', укр.-блр. (полесск.) *лухыј* 'глухой', рус. диал. *лы́за* 'большой ком вспаханной земли' и *глы́за* 'ком, кусок, глыба'. Ср. еще *ло́бот* 'частая сеть' (Филин 17, 97) при *гло́бот* то же, *лобо́к* 'кусок руды' при *глоб* 'ком'.

Для слова *глебезд* мы обнаруживаем вариант в костромских говорах: *лебез* 'гвоздь' (Филин 16, 302).

Слова **globъ* и **globa*, относящиеся к тому же этимологическому гнезду, имеют значение 'клин', 'железный клин', 'затычка'. Ср. укр. черниг. *глобá* 'железный клин', лемк. *глобóк* 'клинышек, забиваемый между косовищем и железным кольцом, охватывающим косу и косовище' (Гринченко I, 290), закарп. *глобóк* 'клинышек' (Чучка 314). По-видимому, сюда же относится рус. волог. *лобовúк* 'клинья для бревен, по которым барка спускается в воду' (Филин 17, 96) < **globovikъ*. См. еще болг. родоп. *лòбур* (< **globurъ*) 'толстое полено, палец' (БД V, 186) и словен. *glâb* 'затычка' (Bezlaj I, 143).

От имени **globъ* 'клин' образован глагол **globiti* 'забивать клинья', представленный в украинском, польском, чешском и словацком языках. См. польск. *głobić* 'вбивать клин' (одно из значений глагола), укр. *глобити* 'укреплять клиньями вал в мельнице, конопатить' (Гринченко I, 290); вост.-словац. *hlobic*, *zahlobic* 'укреплять клиньями'. О данном глаголе как инновации определенного ареала пишет И. О. Дзендзелевский [11].

Можно высказать предположение, что и рус. (*г*)*лебез*(*д*) обозначало 'гвоздь; клин'.

С большей степенью осторожности можно привлечь к данному этимологическому гнезду слово *лебезá* 'тупое долото, пробойка или конопатка' (Даль[3] II, 624). В «Словаре русских народных говоров» дается следующее определение слову *лебезá*: 'особого рода железная лопаточка, с помощью которого конопатят лодки и суда' (волж., костром., новг., волог.), 'тупое долото, с помощью которого конопатят стены' (твер., перм.), 'приспособление для пробивания дыр и заколачивания деревянных клиньев при устройстве мельничных жерновов' (перм.) (Филин 16, 302); *лебезá* 'маленькая железная лопатка, употребляемая для конопачения' (Мордов. словарь, К—Л, 118), *лебезá* 'род тупого ножа для конопачения' (А. Ворон. приказ. избы оп. 3, № 876, № 1. 1699 г. — СлРЯ XI—XVII вв., 8, 183).

Слово *лебезá* имеет вариант *лебездá* в ярославских говорах (Филин 16, 303). Ср. имя собственное — князь Василий Глебович *Лебезда* Засекин, середина XVI в. (Веселовский. Ономастикон, 178).

Слово *лебезá* уже подвергалось этимологизации. В. Даль считал его тождественным слову *лебезá* 'подлиза, подхалим', видя в названии инструмента образ: везде пролезет (Даль [3] II, 624). М. Фасмер вслед за Торбьернссоном, связывает слово *лебеза* со словом *лобозина* 'хворостина, палка' (Фасмер II, 471). Тернквист видит в этом слове заимствование из голл. *rabatyser*, *rabatijzer* или **rabijzer* («Slav. rev». 32, № 78, 1953, 143 и след.).

Стоит обратить внимание на семантическую связь слов *лебезá* 'инструмент для конопачения; инструмент для вбивания клиньев' и глагола **globiti* 'вбивать клинья; конопатить'.

Таким образом, мы реконструируем две лексемы **glebez*(*d*)*ъ* 'клин; гвоздь' и **glebez*(*d*)*a* 'инструмент для вбивания клиньев, для конопачения'. Оба слова словообразовательно производны от рекон-

струируемого глагола *glebti 'долбить' (ЭССЯ 6, 133), так же как и *globa, *globъ 'клин'.

Ср. с тем же значением, что и *(g)lebeza, польск. głobidło (Варшавский словарь I, 842).

Примечания

1 *Потебня А. А.* Этимологические заметки. — РФВ VII. Варшава, 1886, 68.
2 *Зеленин Д. К.* Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. — Сб. ОРЯС, 76, 82.
3 О праслав. **zatętь* см.: *Трубачев О. Н.* Рец. на кн.: Български етимологичен речник, св. VIII. София, 1971. — В кн.: Этимология 1972. М., 1974, 178—180.
4 *Меркулова В. А.* И.-е. **ten-* 'тянуть, натягивать, плести' в славянских языках. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 52—64.
5 О сербохорватском *гворило* см.: *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике III. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 47—49.
6 *Меркулова В. А.* Украинские этимологии. I. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 55—58.
7 О полесском *стубла* см.: *Меркулова В. А.* Восточнославянские этимологии I.— В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 8—9.
8 *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 224—225.
9 Название реки *Стугна* имеет несколько этимологий. М. Фасмер связывает *Стугна* с глаголом *стыгнуть* 'стынуть' (Фасмер II, 786), К. Мошинский — с праслав. **sъtǫga* 'лента' или с украинским глаголом *стугнити* 'греметь' (*Moszyński K.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957, 177—178). Но ср. названия рек *Колода*, *Колодна*, *Кринична*, *Криниця* (Словник гідронімів України. Київ, 1979, 263, 289—291).
10 *Петлева И. П.* К вопросу о *g*-протетическом в славянских языках. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, 51—55.
11 *Дзендзелівський Й. О.* Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969, 41.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В статье анализируются восточнославянские метеорологические термины, зафиксированные в каком-либо одном говоре, языке. Почти все они еще не этимологизировались, и этимология их затруднена. Поэтому представляется правомерным указание для каждого слова нескольких этимологических версий. Возможно, при дальнейшем исследовании рассматриваемых слов какие-то из версий отпадут совсем, а какие-то получат дополнительное подтверждение.

вётля

Название гололедицы *вётля* записано в брянских говорах составителями Брянского областного словаря с таким объяснением информанта: «*вётля* — морозить, дошть и слизка» (Брянск. словарь II, 50), и приведено в статье О. Б. Кукушкиной с замечанием, что эти-

мология слова затемнена, и оно, очевидно, «не активно в брянских говорах» [1].

Поиски славянских соответствий слова *вётля* ʽгололедица’ ни к чему не привели; доступный нам балтийский материал не дал возможности утвердительно ответить и на вопрос о заимствовании.

При анализе русского диалектного материала обращает на себя внимание значение псковского глагола *ветить* ʽпогружать в воду’ (?), представленное наряду со значением ʽпопадать в цель’ (Псков. словарь III, 125. Это слово представляется этимологически неясным. Если предположить, что *ветить* ʽпогружать в воду’ и *ветить* ʽпопадать в цель’ не связаны между собой и являются омонимами, то *ветить* ʽпогружать в воду’ можно сблизить с *вётля* ʽгололедица’. Если при этом обратиться к семантической типологии названий гололедицы, то в тех же брянских говорах есть название *обливень* [2], ср. укр. диал. (полесск.) *óбл’ивен’*, *облî́ва*, *аблівáха*, *верхавôдка*, *слизóта*, *слíзен’* (Никончук 119—120), блр. диал. *вóблiў* ʽлед, которым при гололедице покрываются деревья; гололедица’ (Юрчанка 53).

Может быть, и *вётля* ʽгололедица’ и *ветить* ʽпогружать в воду’ можно возвести к предположительному праслав. корню **vet-* в значении *ʽвлажный, мокрый’, который далее восходит к и.-е. **u̯et-* (< и.-е. *au̯(e)-*, ср. также *au̯ed*, *au̯er-* ʽсмачивать, увлажнять, течь’)? К этому же и.-е. **u̯et-* восходит англо-сакс. *wađem* ʽволна’, др.-исл. *unnr*, *uđr*, pl. *unnir* ʽunda’ др.-сакс. *ūthia*, *ūđia*, англо-сакс. *ȳđ*, др.-в.-нем. *undea* ʽволна, прилив’ (Pokorny I, 80). Здесь же, впрочем, Покорный признает, что образований от этого корня **u̯et-* не найдено больше ни в одном из индоевропейских языков (Там же). Далее, слово *вётля* могло бы быть родственно также др.-исл. *vātr*, англо-сакс. *wœt*, англ. *wet* ʽмокрый, промокший’ и т. д., и, наконец, лит. *vandūõ*, слав. *вода* (Там же).

Не ограничиваясь, впрочем, этой трактовкой происхождения слова *вётля*, мы обратились к другой попытке его этимологизации. При этом может быть принято во внимание такое название гололедицы, как астрах. *зачерепица* (Филин 11, 174). Ср. также синонимы *кора*, *череп*, даваемые В. И. Далем при объяснении значения слова *гололéдь*(*ица*) (Даль [3] I, 917). Таким образом, *вётля* может трактоваться как ʽзамерзшая коркой влага’. Поэтому можно попытаться связать наше слово с колым. якут. *ветно* ʽсухая пища’, которое в свою очередь связано, вероятно, со словом *ветхий* и может быть реконструировано как **vetxъnъjь*. Интересно значение польск. *wiotszeć* (минералогическое) ʽутрачивать влагу на сухом воздухе, покрываться мутной и непрозрачной оболочкой (плёнкой), и потом превращаться в массу плохо спрессованную или же вообще рассыпаться в порошок’ (Варшавский словарь VII, 625). Ср. также в брянских говорах *вётлый* ʽдряхлый, разрушающийся’ (Брянск. словарь II, 50).

баячиться

В. И. Даль приводит глагол *баячиться* с пометой безличн., в значении 'собираться тучам к дождю; болоснить, замолаживать, пасмурнеть, хмуриться', без ударения, указания места и со знаком вопроса к слову (Даль[3] I, 143).

Если это не описка вместо *бáлчиться* в аналогичном значении,то слово можно попытаться проэтимологизировать, тем более, что оно еще никем не исследовалось.

Поиски соответствий в других славянских языках приводят нас к польск. диал. *bajaczyć się* 'видеть во сне, грезить, мечтать в мыслях как в сказке' (Sł. gw. p. I, 2, 279), ср. далее *bajać się* 'о сонных мечтах, грезах' (там же, 280) с.-хорв. *бајити* 'спать; убаюкивать' (РСА I, 250), словац. *bájit'* (*si*) 'предаваться снам, иллюзиям, грезить; думать о ком, или о чем с печалью' (SSJ I, 66), восходящие к праслав. **bajati* / **bajiti* 'говорить'.

В русских говорах у глаголов *баять*, *баить* представлены в основном значения 'говорить', 'ворожить', у волог. *обáять* — значения 'заговорить, одурачить' «ЦигАне-то *обАют* вас» [3]. Очевидно, у продолжений праслав. **bajati*, **bajiti* возможен семантический переход: 'говорить' → 'дурачить, туманить голову' → 'усыплять, погружать в грезы'. У тех же продолжений возможно соседство, если не переход значений 'спать, грезить' → 'туманиться, покрываться облаками (о погоде)'.

Индоевропейским языкам известно в одних и тех же этимологических гнездах соседство значений 'облако' и 'сон'. Так, В. А. Меркулова приводит в подтверждение этому такие примеры, как ирл. *néall* 'облако' и 'обморок', лит. *blandà* 'туманная погода' и 'сон', авест. *snaoδa* 'облако' и соответствующее ему лит. *snáudžiu* 'сплю', добавляя сюда же еще рус. *хмара* 'облачность, предгрозовое состояние' и 'сонливость, бессилие' [4]. Кроме того, например, для и.-е. корня **meig-* ею в обобщенной форме сформулированы значения слов, относящихся к его второму значению 'становиться темным' следующим образом: 'становиться пасмурной (о погоде)': 'туман; мелкий моросящий дождь; облако, туча' и 'находиться в состоянии затемненного сознания' (о человеке: 'дремота, забытье; сон; обморок') [5].

О. Н. Трубачев, разделяя *bajati* I 'говорить' и *bajati* (*sę*) II 'тлеть, мерцать' [(в.-луж. *bać so* 'незаметно гореть, тлеть' (Pfuhl 4), н.-луж. *bajaś se* 'тлеть, мерцать' (Muka I, 11)], тем не менее говорит о родственности двух групп на индоевропейском уровне, выводя все из синкретической ономатопеи (ЭССЯ 1, 140). Значение рус. *баячиться* 'собираться тучам к дождю' и польск. диал. *bajaczyć się* — 'видеть во сне, грезить, мечтать в мыслях как в сказке' вполне могли бы быть выведены также из значения 'мерцать'. Ср. с семантической точки зрения относящиеся к и.-е. **mer-* 'блестеть, сверкать' рус. диал. *mar* 'солнечный жар; сон', наряду с укр. *mryj* 'туманный, темный, затхлый' (Pokorny I, 733). Ср. также относящиеся к и.-е. **meig-* 'мерцать, мигать; становиться темным' праслав. **migati*

'мелькать; сверкать', **тъža* 'дремота, забытье', **тъžiti* 'дремать' и т. д.[6]

Не исключается, впрочем, и другая этимологическая версия рус. *баячиться*: связь с глаголом *бояться*, возможно, от незасвидетельствованного ***bojakъ* в неясном значении. Ср. в качестве семантической параллели кашуб. диал. *str'ašåḱi* plt. 'дождевые облака' (Sychta IV, 173), а также *strašnosc* 'непогода, слякоть, холод', *strašnota* то же (там же, 174). Интересно также, что у синонима рус. *боязнь* — укр. *страх* есть значение 'приведение, призрак' (Гринченко IV, 213), ср. кашуб. диал. *stråšk* 'видение, являющийся призрак, дух, обман зрения; бледный огонь' (Sychta IV, 173). У незасвидетельствованного постулируемого ***bojakъ* могли быть аналогичные значения, т. е. 'привидение, призрак', т. е. то, что видится неясно, туманно. Отсюда могло быть и *баячиться* 'собираться тучам к дождю'.

шлёнка

В забайкальских говорах Элиасовым записано слово *шлёнка* в значении 'самая ранняя шуга'. Здесь же приводится контекст: *Шлёнка* прошла, и стали неводить (Элиасов 464). Это слово не встречается в других диалектных словарях русского языка и других славянских языков и еще никем не этимологизировалось.

Здесь сразу же следует оговорить возможность отнесения забайкал. *шлёнка* к глаголу *шляться*, который восходит, согласно Соболевскому, к **sъljati sę*, связанному со *слать* (Фасмер IV, 456). Ср. относящееся сюда же киров. *вшленьки* 'рысью, трусцой' (Филин 5, 243). То есть, может быть, имеется в виду мелкий лед, ранняя шуга, которая движется, проходит. См. контекст: *Шлёнка* п р о ш л а, и стали неводить, приведенный выше.

Ближе всего, однако, на наш взгляд, к этому слову стоит урал. *слён*, астрах. *слень* 'твердая слизь в роде прозрачной кожи, которою рыба покрывается на зиму. Красная рыба на зиму ложится пластами, ярусами в омуты (ятовья), как бы на спячку, и в это время покрывается сленом' (Даль[3] IV, 248). Даль связывает это слово со словом *слюна* (там же), Миклошич, со *слизь, слúзкий*; Фасмер же считает, что это ступень чередования' по отношению к *слúна* 'слюна', «возможно, **сльнъ* или **слънь* (ср. также *глень*, из которого это слово могло быть преобразовано под воздействием слов на *сл-*)» (Фасмер III, 669). По мнению В. Б. Силиной (устное сообщение), *слень* может быть связано с глаголом *слеть* 'не тлеть, не таять, а маяться, нежиться в пару, в сыром тепле или преть, потеть под солнцем' (Даль[3] IV, 276), этимология которого, реконструкция **sьlěti* (к и.-е. **kel-* 'мерзнуть, холодный; теплый'), а также связь со *слота* были предложены мною [7]. К этому же глаголу *слеть* можно отнести еще и смол. *потслéтье* 'пахтанье, полученное при перетапливании масла' [8] (а также, вероятно, курск. *аслеток* (*аслёток*) 'полный, тучный ребенок; бутуз, обреýток, обрюток' — Даль[3] I, 68): здесь — **слетье*, очевидно, масло, которое перетапливают, а *потслетье* — сыворотка, (пахтанье), полученное при его перетапливании.

В заключение следует оговорить *ш-* в анлауте слова *шлёнка* вместо предполагаемого *с-*. Такая мена хорошо известна: ср. смол. *шле́мень* 'слизень' (Добровольский 1004), наряду со *слемень* то же в тех же смоленских говорах; псков., твер. *шлюз* 'слякоть' (Даль IV, 1454), при твер. *слюзь* 'качество зимней погоды во время оттепели' (там же, 277), а также *шля́ча* 'слякоть, снег с дождем, дрябня' (Даль³ IV, 1455), из **slęča*, далее к *сля́коть* (Фасмер IV, 457).

чанцы́

Это слово в значении 'сумерки' приводит Добровольский в контексте: У коляды вечером говорят: «Время работать бросать, чанцы садятся по углам» (Добровольский, 977).

Слово *чанцы* не известно другим говорам русского языка, а также прочим славянским языкам, еще не этимологизировалось. Здесь сразу же следует заметить, что это может быть аллегровым сокращением слова *чернецы*, тем более, что оно существовало в значении 'мрак, сумерки' в смоленских же говорах (Добровольский, 982), ср. укр. *ченці* 'монахи' из *черенці* (Гринченко IV, 458). Сокращение по типу, например, смол. *кстинный* 'относящийся к крестинам, крестинный' (Филин 15, 373).

Не искючая возможности объяснения слова *чанцы* из *чернецы*, можно предположить и другую версию его происхождения. В этой связи представляет интерес нижегор., семипал. *причану́ть* 'прилечь уснуть, задремать' (Даль³ III, 1199); *-чану́ть* в *причану́ть* может быть отождествлено с *-чану́ть* в префиксальном псков., твер., осташ. *почану́ть* 'почать, начать' (Дополнение к Опыту 208), которое далее восходит к праслав. **čęti* 'начать'. Ср. также сербохорв. диал. *отче́нути* 'начать ломать (о грани, о стебле какого-либо крупного растения)' [9], сербохорв. *čenīti* 'разрывать' «allein nur in der Fluchtformel vrag te čeni tē to čeni. . .» [10].

Значение 'драный', может быть, засвидетельствовано и в относящемся сюда же колым. *ча́ный* (от **čęti*): *чаному и драному* 'кому попало' (Богораз 155). Ср. также сербохорв. *на̏чēти*, *на̏чнēм* 'начать; надкусить, надгрызть; подточить (о болезни)'; *начела* га је болест 'болезнь его подточила' (Толстой³ 295); олон. *раскону́ть* 'ушибить, поранить'. Мужика медведь *расконул* (Куликовский 99). Праславянскому **konati* (/*čęti*) известны значения 'умирать, мучиться': ср. укр. *кона́ти* 'умирать, кончаться, отходить; мучиться' (Гринченко II, 277), рус. диал. (волог., псков.) *кона́ть* 'кончать, уничтожать, сживать со свету, мучить, терзать', курск., смол. 'умирать, кончаться' и т. д. Интересно значение словац. диал. *konat'* 'утомлять, преодолевать, пересиливать': sen mi *koná* (Kálal 254). Ср. рус. *дрема долит*.

Значения 'дремать, спать' и 'болеть, приходить к уничтожению', 'умирать' совместимы в одном этимологическом гнезде, у одного и того же глагола: ср. с.-хорв. *дра́мити* (**drěmiti*) (ЭССЯ 5, 109) 'ныть, болеть', рус. диал. *дрема́ть* 'неметь, терять чувствительность (о руках, ногах)' «Ноги пирисидиш, ани и дремлют» (Мордов. словарь 2, 34). В гнезде и.-е. **mer-* 'растирать, тереть, уничтожать' (**mer-k-*) со-

седствуют др.-инд. *markā́* 'смерть', авест. *mərəxš* 'гибель, разрушение', армян. *morč* 'юный, нежный' и лат. *murcidus* 'ленивый, сонный'; ср.-в.-нем. *morgen* 'сонный' (Pokorny I, 737); ср. также в гнезде и.-е. **lē(i)-* 'ослаблять, уменьшать' — лат. *lētum* 'смерть, уничтожение' и лтш. *lē-lis* 'сонный человек' (Pokorny I, 666), сюда же арханг. *лиять* 'дремать или кунять, хотеть спать' [11].

Название *чанцы* 'сумерки', возможно, образовано от *-чану́ть*, представленного в приведенном выше *причану́ть* 'прилечь, уснуть, задремать'; ср., может быть, с семантической точки зрения др.-рус. *влягомо* и *влягоми* в значении 'поздно вечером; в то время, когда ложатся спать': Тотъ днь весь идоша оли до ночи Кърачеву и сташа не дошедше Корачева, и быс‹ть› *влягомо* и приде им вѣсть пс Корачева, оже Стославъ со приятели, оже Изяславъ Мьстиславич идеть на нь (Ипатьевская летопись, 1146 г.). И погорѣ весь Псковъ и церкви священныя, а загорѣлося *влягоми* в суботу к недѣли (Псковская летопись I, 1466 г. — СлРЯ XI—XVII в. 2, 229). Ср. также рус. диал. *до лягова* 'до вечера' (Филин 17, 255). Интересны также употребления типа укр. *облягáти* 'о ночи: наступать' (Гринченко III, 16).

Можно также предположить развитие значения 'смерть, конец жизни' → 'сумерки (закат)' (ср. приведенные выше значения праслав. **konati* и значения праслав. **konъ* 'конец жизни, смерть'). Ср. липец., ворон. *замирáние солнышка* 'затмение солнца' (Филин 10. 247).

укр. *бóвкун*

М. О. Онышкевич в Словаре бойковского диалекта фиксирует слово *бóвкун* в значениях 'удар волн; туча' и 'клуб дыма' [12]. Это слово проэтимологизировано О. А. Могилой как метафора к укр. *бовку́н* 'вол, запряженный в одиночку'; в качестве семантической параллели он приводит рус. диал. *бычки́* 'дождевые облака' [13].

Кроме значения 'вол, запряженный в одиночку', в украинских говорах слово *бовку́н* имеет еще значения 'ярмо для одного вола' [14], а также 'большой сноп камыша (очерету)' (ЕСУМ I, 218), 'коромысло, каким носят наполненные ведра на двух плечах' (Лисенко 34). Составители Украинского этимологического словаря считают слово неясным, приводя также мнение Шаровольского и Циоранеску об образовании слова *бовку́н* от рум. *bóu* (молдав. *бóу*) 'вол', а также мнения Фасмера и Кравчука — об образовании при помощи *об-* от основы глагола *волокти́* (ЕСУМ I, 218—219). В белорусских говорах *бау́ку́н* записано в значении 'ярмо', при фиксации этого слова составителями Словаря белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее границы дается ремарка: ср. лит. *baukė* 'лоб', *baukỹs* 'гололобый' (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 1, 174).

Нам кажется, что укр. *бóвкун* 'туча' следует отделять от *бовку́н* 'вол и т. д.' и что эти лексемы можно считать омонимами, так как значения их расходятся, особенно, если принять во внимание значения *бóвкун* I 'удар волн; клуб дыма'.

Наряду с *бовкун* в значениях 'удар волн; туча; клуб дыма' Опышкевич приводит *бовкоти* 'вспененные, разбросанные волны', которое реконструируется как **bļkotъ* и объясняется как звукоподражательное (Słownik prasłowiański I, 283). Кажется вероятной связь *бовкун* I и *бовкоти* ввиду близости их значений. Интересно, что в Украинском этимологическом словаре приводится слово *бавку́н* 'место в речке, где сильно бьет вода', причем предполагается связь с *бовч* 'яма в устье речки', ст.-польск. *bełk* 'водоворот' (ЕСУМ I, 107).

Таким образом, *бовкун* I непосредственно связано со звукоподражательными глаголами — продолжениями праслав. **bъlkati* (< **bъltati*), такими, как рус. диал. *бо́лкать*, *болкну́ть* 'болтать, болтнуть; молвить глупое слово невпопад' (*Болкну́лось*, сорвалось словечко. — Даль[3] I, 269); *болка́ть* 'делать движения из стороны в сторону или взад и вперед' (Деулинский словарь 62), калин. *бо́лкать* 'болтать, взбалтывать жидкий корм при еде (о животных)' (Калинин. словарь, 33), сев.-двин. *ба́лкать* 'качать в колыбели ребенка' (Филин 3, 77), укр. *бо́вкати* 'звонить отрывисто: ударять (в колокол)', 'говорить необдуманно' (Гринченко I, 78), польск. *bełkać* 'болтать' (Wiatr *bełcze* morze. — Варшавский словарь I, 113), ст.-чеш. *belkám* et *belci -ati* 'мутить, размешивать' (Jungmann I, 91) и т. д. Сюда же, возможно, укр. диал. *шубо́вкнуть*, *щубо́вкнуть* 'неожиданно упасть в воду, погрузиться в вязкую массу' (Лисенко 236), блр. диал. *шчабо́ўкнуцца* 'плюхнуться'[15], а также с.-хорв. *bȗk* 'водопад' (Sławski I, 30) и блр. диал. *бо́ўкацца* 'ковыряться, копаться' (Тураўскі слоўнік I, 76).

Возможно, была лексема **bъlkъ* 'облако, туча'. В этой связи получает иное (не от слова *облако*) объяснение блр. диал. *набо́ўкнуць* 'нахмуриться (о погоде), собраться облакам' (На небе нешта *набо́ўкла* пэўна січас будзіць дождж. — Бялькевіч 272), смол. *набо́лкший* 'покрывшийся облаками', *набо́лкаваить* 'тучится, небо покрывается и затягивается облаками' (Добровольский 429), сюда же, возможно, блр. диал. *бо́вчытыс'* 'смотреть исподлобья, коситься, бычиться'[16]. Это подтверждает также семантический переход 'болтать, мутить' → 'пасмурнеть (о погоде, состоянии человека)'.

бала́мчик

В псковских говорах записано слово *бала́мчик* в значении 'небольшое кучевое облако' (Вишь, нёбо *бала́мцыкам*, облака́, нёбо не пра́зное. — Псков. словарь I, 99). Слово еще не этимологизировалось. Ясно, что здесь мы имеем дело с уменьшительным производным от незасвидетельствованного **бала́м* 'облако', которое, может быть, родственно тверск. *балама́* 'непостоянный, пустой и болтливый человек' (Филин 2, 71). Тверск. *балама́* объясняется О. Н. Трубачевым как усеченное к *баламут* то же и восходящее к глаголу **balamǫtiti*, членимому на **bala* и **mǫtiti* (ЭССЯ 2, 146). Рус. диал. (смол.) *баламу́тить* значит: 'мутить' (Добровольский 21), 'мутить, делать мутной чистую воду' (Васнецов 11). Ср. также калуж. *баламу́тка* 'взбаламученная жидкость, напиток' (Филин 2, 71).

Семантическая модель 'мутиться' → 'становиться пасмурной (о погоде)' подтверждается для этого гнезда существованием в рязанских говорах (д. Деулино) глагола *мутйться* 'становиться пасмурным, хмурым (о погоде)', безличн. *мýтиться* «*Мýт'ицца, мýт'ицца*, а дóж'ж'ику н'ет, фс'о пасохла» (Деулинский словарь, 302). Ср. также близкое семантически, записанное в Волховском районе слово *тускло́* — «говор'а туч'а со фс'их сторóн»[17], родственное сербохорв. *нàтуштити се* 'покрыться облаками' (Фасмер IV, 126). Ср. также донск. *тумáн* 'летняя туча' (Донск. словарь III, 164).

чеклáк

Слово *чеклáк* с пометой «тверское» и значением 'незамерзающая полынья, мáина' приводится В. И. Далем (Даль[3] IV, 1298). Фасмер считает слово темным (Фасмер IV, 325).

Тверское *чеклáк*, как и его синоним *мáйна*, для которого предполагается заимствование из финского *mainas* 'большая полынья' (Фасмер II, 559), может представлять собой заимствование. В украинских говорах (Нижнее Поднестровье) записано слово *чатлак* 'широкая трещина на льду, которая образуется от напора воды, когда ветер нагоняет ее из моря в лиман'[18]. Формальная и семантическая близость твер. *чеклáк* и укр. диал. *чатлáк* очевидна.

Вероятно, слово *чатлáк* в укр. было заимствовано из тюркских языков (крымско-татарского?). Ср. тур., крым.-татар. *чатлаҡ* 'треснувший, лопнувший', 'щель, трещина' (Радлов IV, 1901). В татарских диалектах зафиксировано также *чаклак* 'пропасть в болоте'[19]. Из украинского слово попало в русский язык.

шауш

В. И. Даль приводит слово *шаýш* (*шáуш*) с пометой астрах., в значении 'первый осенний пловучий лед, до рекостава; *шерóшь, шарáшь, шарш, шуга, сало, шуп*' (Даль[3] IV, 1408). В форме *шаущ* представлено слово у Бурнашева со следующим объяснением: «В Астрахани то же, что у нас сало, а в Сибири шуга, т. е. тонкий осенний лед, несомый по реке перед замерзанием» (Бурнашев II, 349). В форме *сауш* с пометой урал. находим слово у Маштакова со ссылкой на Карпова, в значении 'мелкий лед': Когда его много, то под толстым льдом образуется «каша»[20].

М. Фасмер, ссылаясь только на Словарь В. И. Даля, пишет, что слово *шауш* связано с *шáрашь* (Фасмер IV, 414), что едва ли убедительно с точки зрения фонетики. *Шáрашь*, связываемое им вслед за Ильинским с *шарáхнуть* (там же, 408), в действительности этимологизируется как **sьrxъ* и связывается с *шершавый*[21].

Если принять во внимание географию слова *шауш*: астраханские, уральские говоры, а также мену *с/ш* в анлауте, то можно предположить, что это — заимствование из тюркских языков. Такое предположение высказывает Е. Н. Шипова в Словаре тюркизмов в русском языке, приводя татар. (казан.) *шаушак* 'только что образовавшийся лед' (Шипова, 414).

солгу́нный

В Дополнении к Опыту областного великорусского словаря представлено слово *солгу́нный* в значении 'туманный, ненастный' с пометой том. (Дополнение к Опыту, 250). Это же слово приводит В. И. Даль с той же пометой и значением, только с вопросом к значению (Даль[3] IV, 371). Слово *салгунный* в значении 'пасмурный, ненастный' известно также новосибирским говорам: Как заслокатит, замокривица, говорят *салгунна* погода (Новосиб. словарь, 482). В этих же говорах записано слово *салгун* 'пасмурный день': Если солнца нет, морок, то это *салгун*, пасмурный день (Там же). В форме *сангун* то же слово зафиксировано Элиасовым в забайкальских говорах в значении 'прохладный ветерок, дующий с гор': Жара дыхнуть нечем и вдруг *сангун* (Элиасов 366). Представляется возможным к этой группе родственных слов, заимствованный характер которых очевиден, присоединить и забайкал. *салга́* 'морозный воздух, иней, пороша, снег, чуть-чуть покрывший землю' (Там же, 365).

Учитывая географический ареал слов *с(а)лгу́нный*, *сал(н)гу́н*, *салга́*, который охватывает томские, забайкальские, новосибирские говоры, можно предположить, что источником заимствования могли быть тюркские языки.

В Татарско-русском словаре представлены такие, например, лексемы, близкие фонетически и семантически словам *с(а)олгу́нный*, *сал(н)гу́н*: *салкын* 'холод, мороз, стужа; холодный, морозный, студеный; холодно, морозно', *салкынаю* 'становиться (стать) холодным, прохладным; охлаждаться, охладиться; похолодание, охлаждение' [22]. В киргизском современном языке представлено слово *salqьn* 'прохлада; прохладный', *kyzsy gonur salqьn* 'осенняя легкая прохлада' [23].

В Опыте словаря тюркских наречий Радлова представлено слово *салкын* в значениях: алт., телеут., куман. 'сильный ветер', кирг. 'легкий ветерок во время жары; прохладный, холодноватый', тур. 'сырой, прохладный день', казан.-татар. 'холод, холодный' (Радлов 4, 361—362); далее — джаг., таранч. *салкiн* 'прохладный ветер', джаг. *салкун* — 'ветер' и т. д. (Радлов 4, 364).

вра́сень

Подвысоцким записан в архангельских говорах (пинежских, мезенских) глагол *вра́сить* в значении 'индеветь, покрываться инеем (то же, что куржаветь)': «Говорят: на дворе *врасит* — ложится иней». «Отсюда, — пишет он далее, — *вра́сенец* 'иней при ранних морозах, когда еще не выпал снег'; *вра́сень* 'ранний мороз, заморозок'» (Подвысоцкий 22).

Даль дает слово *вра́сень* с пометой арханг. в значении более конкретном: 'ранние морозы, заморозки, которые в р е д я т х л е б у' и приводит еще прилагательное арханг. *вразно́й* 'заиндевелый, куржавый' (Даль[3] I, 634). Эти лексемы известны только архангельским говорам русского языка. Первая попытка их этимологизации (связь

с *вре́сень* 'сентябрь') сделана Далем: «*вра́сень* (отсюда *вре́сень* 'сентябрь'?)» (там же). Это мнение о возможности возведения названия сентября *вересень* к *вра́сень* проникло в популярную биологическую литературу и нашло отражение на страницах журнала «Юный натуралист» в заметке фенолога Д. Зуева, причем сентябрь характеризуется там как «месяц первого инея» [24]. В действительности же и фонетически и семантически затруднительно вывести *вересень* 'сентябрь' из *вра́сень*, тем более, что существует общепринятая точка зрения о том, что *вересень* связано с *вереск*, т. е. это месяц цветения вереска. М. Фасмер предложил иную этимологию *вра́сень*: «Возможно, из *съ-* и *роса*?» (Фасмер II, 360). Эта этимология не лишена известных оснований: ранние морозы, иней (особенно на почве) очень похожи на белую застывшую росу, но нам хотелось бы все же указать иные пути этимологизации этого слова.

Очень заманчиво сближение арханг. *вра́сить*, *вра́сень*, *вра́сенец*, *враснóй* с цслав. *враска* 'морщина' < праслав. **vorska*, восходящего в свою очередь к и.-е. **u̯er-* 'разрывать, царапать' (Pokorny I, 1163), но здесь пришлось бы объяснять исчезновение суффиксального *k* и неполногласие, характерное для церковнославянского. С точки зрения семантики все логично, т. к. ранний мороз, иней, который бывает в сентябре до снега, ложится на почве белыми морщинами.

Мы можем также предположить, что арханг. *вра́сить* — довольно позднее образование, представляющее собой интенсив (или расширение) от незасвидетельствованного **врать*. Ср., например, псков., тверск., осташк. *меркаси́ть* 'заслонять свет, мелькать перед глазами, двигаясь вперед и назад', псков., смол., пенз. 'моросить' (Филин 18, 119, 120) при арханг. *мерка́ть* 'смеркаться' (там же, 119), псков. *моргаси́ть* безл. 'моросить, идти временами (о мелком дожде)', 'о переменной погоде, когда мелкий дождь сменяется мокрым снегом' (Филин 18, 255) при *морга́ть* 'моргать'.

Каковы же этимологические связи постулируемого глагола **врать*, каково его значение и какое отношение он имеет к рус. *врать* 'лгать'?

Ж. Ж. Варбот пишет, что рус. *врать* не имеет точных соответствий в других славянских языках и фиксируется в памятниках с XVI в. На основании этого данный глагол в последнее время рассматривался как новообразование русского языка, восходящее к *вьрѣти* 'кипеть' (версия Хольмера) или *-вереть* 'совать, запирать' (версия Вайяна). Варбот принимает последнюю версию, как наиболее правдоподобную [25].

Исходя из значения *вра́сить* 'индеветь' (< *'*морозить*'), можно предположить, что значение **врать* могло быть также *'*морозить*'. Ср. *морóз* 'иней' (Деулинский словарь 297).

Нам кажется, что **врать* *'*морозить*' и *врать* 'лгать' можно отождествить. Сочетание значений 'лгать' и 'морозить' вполне допустимы. Ср. у Даля *Полно тебе *морóзить* 'лгать, врать или хвастать' (Даль [3] II, 909). Равным образом, и у *вра́сить* 'индеветь' (< *'*морозить*') также могло быть значение 'лгать', на это, возможно, указывает арханг. *врасня* 'ложь, неправда; лгун, враль' (Филин 5,

188), также волог. *вра́сья* 'лгун, лгунья', север. 'говорунья, болтунья; балагурка, рассказчица, шутница' (там же). Интересно, что эти образования распространены в архангельских же и близких вологодских говорах.

Согласно приведенному выше мнению Хольмера *врать* 'лгать' (а мы допускаем у этого глагола еще и значение *'морозить') могло быть новообразованием от *вьрѣти* 'кипеть'. Здесь можно опираться на хорошо известную славянским языкам семантическую модель 'кипеть' → 'морозить'. Ср., например, блр. диал. *кіпун* 'сильный мороз' (Юрчанка. Нар. вытвор. сл. 273), *кі́пенець* 'очень сильный мороз' (Тураўскі слоўнік II, 191), рус. диал. (яросл.) *попали́ть* 'заморозить, переморозить (о растениях)' (Мельниченко 158). Здесь уместно вспомнить приведенное выше значение слова *вра́сень* 'ранний мороз, заморозок, в р е д я щ и й х л е б у'. Ср. также рус. диал. *плит*, говорится о стуже, морозе (Даль³ III, 318), болг. диал. *изгоря* 'поморозить (об инее)', *попарвам* 'морозить (об инее)' [26], наконец, польск. *owarzyć* 'легко охватить морозом' (Варшавский словарь III, 915) и т. д.

Интересны также значения н.-луж. *zewŕeś se*, *zewréś se* 'увариваться, сгущаться, сжиматься, сворачиваться, оседать, скисать (особенно: о молоке); ссedаться, сворачиваться, съежиться, сморщиться от жары или мороза (о цвете и листьях)' (Muka II, 974), восходящего к праслав. **vьrěti* 'кипеть'.

В случае возведения *врать* к **verti*, **vьrǫ* 'запирать, вязать, нужно предположить семантический переход 'вязать' → 'морозить, ('плести, образовывать складки, узоры (на земле)' или же 'вязать' → *'скреплять' → 'морозить'?). Ср., например, блр. диал. *крапу́н* 'мороз' (Янкоўскі II, 115), *крэ́пнуць* 'коченеть от холода' [27].

В архангельских говорах представлено также слово *вараса́* 'ножная боль с опухолью, от стужи, простуды' (Даль³ I, 403; слово приводится с вопросом); возможно, это слово связано с *вра́сить* *'морозить', но в этом случае трудно объяснить расхождения в вокализме слов.

ча́та

Слово *ча́та* в значении 'буран' записано в белорусских говорах Новогрудчины в следующем контексте: У наших краёх *чата* рэ́тко бывая але калі ўжо пачнецца — вельми стра́шно [28]. В значении 'темная туча с дождем и ветром' слово *čáta* встречается также в белорусских говорах на территории Польши (AGWB, рукопись).

Прежде всего следует сказать о том, что наблюдаемое у слова *ча́та* сочетание значений 'буран' и 'темная туча с дождем и ветром' — не единичный факт в славянских языках. Так, в украинском языке слово *туча* имеет следующие значения: 'гроза' (Гринченко IV, 298), буковин. 'град' [29], одесск. 'очень сильный дождь, ливень' [30], закарп. 'буря' (Чучка), правобер.-полесск. 'проливной дождь', *тучни́й дождь* то же (Никончук 104), ср. кашуб. диал. *tǫča* 'радуга; проливной дождь; дождевая туча' (Sychta V, 332), а также рус. диал. (самар.) *буря* 'туча' (Филин III, 301).

В этимологическом словаре польского языка Славского при анализе польск. *czata* 'разведка, стража' (с XVII в.) вместе со словац. *čata* 'рать', укр. *čáta* 'наблюдательный пост, дозоры', словен. *čâta* 'засада' определяется путь заимствования из венг. *csata* 'битва, встреча, толпа, полчище' (вслед за Зарембой) (Sławski I, 114). Р. Смаль-Стоцкий, впрочем, считает, что источником украинского и польского слов является турец. *chàti* 'остов крыши' («если основываться на укр. *лежáти на чатах* 'быть на форпосте'. 'сторожить', *iти, стояти на чати* 'быть, стоять на форпосте'») [31].

Нам кажется, что первая этимология из венгерского *csata* 'битва, встреча, толпа, полчище' более реальна. Нельзя ли присоединить сюда и блр. диал. *чáта* 'буран; темная туча с дождем и ветром'. Во всяком случае, мы не должны исключать для этого белорусского диалектного слова возможности заимствования, тем более, что 'буран' и 'битва' — значения, близкие между собой.

Нельзя, однако, исключать и возможности других этимологий для блр. диал. *чáта*. Так, не исключено, что его можно связать со смолен. *ачáта* 'гурьба': Пайдуть хлопцы *ачатыю* (Добровольский 17), ср. с точки зрения семантики польск. диал. *wataha*: vataχa to duža, ćęška χmara [32]. Это смоленское слово также может примыкать к украинскому, польскому, словацкому и словенскому словам, заимствованным из венгерского, ср. слвц. *čata* 'рать'. Но известно и толкование из праслав. **četa*, «первоначально группа определенного количества» (ЭССЯ 4, 92).

Наконец, можно исходить для блр. диал. *чáта* из хорошо известной славянским языкам модели: 'недомогание' → 'плохая погода'. Ср. рус. диал. (нижегор.) *хилинá* 'ненастье', а также, например, словен. *mrlẹ́ti* в значениях 'чахнуть' и 'моросить' (Хостник, 119). При этом обращает на себя внимание ср.-обск. *чать* 'болезнь огурцов: желтые пятна на огурцах' (Словарь Оби 3, 220), с которым, видимо, связано блр. диал. *чáтніць* 'чахнуть; хиреть; приходить в упадок', *чáтнінне* 'чахлость, хилость', *чáтніцца* безл. от *чáтніць* (Юрчанка, 219), *зачатнівaць, зачатнівацца* 'начинать хворать, слабеть, худеть': Як прываліўся пад лёд, посьлі тога і стаў *зычáтнівыць*, ён дужа пірікалеў тады (Юрчанка. Нар. вытвор. сл. 227). Сюда же, вероятно, польск. диал. (кочев). *čačńec, čačn'eje* 'о картофеле и овощах: увядать'. Comp. *vičačńeć* 'высохнуть, увять; о жидкостях: выветриться, улетучиться' (Sychta. Słown. kociewskie I, 77).

В связи с невыясненной до сих пор этимологией приведенных выше слов любопытен тот факт, что с.-хорв. *čȁjēt čȃjīm* 'томиться, тосковать, исчезать' Праславянский словарь (Краков) и Этимологический словарь славянских языков — О. Н. Трубачев (Москва) относят к праслав. *čajati* 'ждать' (Słownik prasłowiański II, 107—108, ЭССЯ 4, 11), причем, в последнем словаре оговаривается оригинальность семантического развития сербохорватского слова. Нельзя ли предположить возможность семантического развития: 'ждать, тосковать' → 'сохнуть, исчезать' → 'чахнуть'? Говорят: «Она по нем *сохнет* (*чахнет*)». т. е., тоскуя, чахнет. В связи с этим интересно также значение псков. *зачайться* 'излечиться' (Филин 11,

171). В статье о праслав. **čaxnǫti*, которое отождествляется с праслав. **čaknǫti* 'ударить, сломать', О. Н. Трубачев в качестве семантической аналогии приводит лит. *džiáuti* 'ударять; сушить', этимологически родственное лтш. *ĝaugtiês* 'надеяться, ожидать' (ЭССЯ IV, 14). Этот пример любопытен также тем, что демонстрирует соседство значений 'сушить' и 'надеяться, ожидать' в одном этимологическом гнезде.

Все сказанное выше, как нам кажется, позволяет отнести наше **čatьnĕti* 'сохнуть, увядать, чахнуть, хиреть, слабеть, приходить в упадок' к праслав. **čajati* 'ждать', тем более, что авторами Краковского Праславянского словаря выделяется также праслав. форма **čati* (наряду с **čajati*). Возможно, **čati* также могло иметь значение 'чахнуть', от него могли быть образованы и **čata* 'недомогание, чахлость, хилость' и **čatь* 'болезнь огурцов: желтые пятна на огурцах'. На существование праформы **čati*, возможно, указывает и арханг. *ча́тый* (*чатое дело*) 'чаянное, ожиданное' (Даль[3] IV, 1291).

Примечания

[1] *Кукушкина О. Б.* К истории слов гололедица, гололед, колоть, ветля, обливень.— В кн.: Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971, т. 452. Брянские говоры, 31.
[2] Там же.
[3] *Паникаровская Т. Г.* Диалектная глагольная лексика общеславянского происхождения в говорах Вологодской группы севернорусского наречия. — В кн.: Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980, 75.
[4] *Меркулова В. А.* Украинские этимологии I. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 58—60.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] *Горячева Т. В.* Этимологические заметки (Некоторые продолжения праслав. **kъrz-*; русск. диал. *слеть*). — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, 61—63.
[8] *Иванова А. И.*, *Кустарева М. А.*, *Моисеев Б. А.* Материалы для «Смоленского областного словаря». — В кн.: Учен. зап. Смоленск. ГПИ. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958, IX, 121.
[9] *Тешић М.* Говор Лештанског. — В кн.: Српски дијалектолошки зборник. Расправе и грађа. XXII. Београд, 1977, 281.
[10] Картотека ЭССЯ. Выписка для картотеки сербохорватского языка В. Михайловича (без указания источника).
[11] *Горячева Т. В.* Этимологические заметки. — В кн.: Этимология 1981, М., 1983, 76.
[12] *Онышкевич М. О.* Словарь бойковского диалекта. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, 84.
[13] *Могила О. А.* Ареальна і структурно-семантична характеристика назв хмар у говорах української мови. — В кн.: Українське мовознавство. Київ, 1981, т. 9, 122.
[14] *Приймак J. J.* До особливостей місцевої лексики північнозахідних районів Сумської області (Матеріали до словника українських говорів). Нова Каховка, 1957, 7.
[15] *Трухан Т. М.* З дыялектнай лексікі роднай вёскі. — В кн.: Жывое слова. Мінск, 1978, 150.
[16] *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 21.
[17] Диалектологический атлас русского языка (Ин-т рус. яз. АН), картотека.
[18] *Дзендзелівський И. О.* Словник специфічної лексіки говірок нижнього Подністров'я. — В кн.: Лексикографічний бюлетень, Київ, 1958. вып. VI, 53.
[19] *Борһапова Н.*, *Якупова Г.* Диалектологик сүзлек. Казан, 1953, 213.

[20] *Маштаков П. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 100.
[21] Картотека ЭССЯ. Реконструкция В. А. Меркуловой.
[22] Татарско-русский словарь. М., 1966, 464—465.
[23] *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1940.
[24] *Зуев Дм.* Месяц первого инея. — Юный натуралист, 1982, N 9, 48.
[25] *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен IV (**tipati*, **piščati* II и **piščalь* II, **vьrati* и **varati*, **sokorъ* и **sočiti* II). — В кн.: Этимология 1977. М., 1976, 39—41.
[26] *Зеленина Э. И.* Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. — В кн.: БД X, София, 1981, 71, 80.
[27] *Яўневіч М.* З лексікі вёскі Кліны. — В кн.: Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы/Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, 32.
[28] *Аляксейчык Г. М.* З дыялектнай лексікі Навагрудчыны. — В кн.: З народнага слоўніка. Мінск, 1975, 73.
[29] *Прокопенко В. А.* Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, 466.
[30] *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, 72.
[31] *Смаль-Стоцький Р.* Українська мова в етимольогічному словарі Е. Бернекера. — Slavia 5, 1926, 25.
[32] *Kupiszewski W.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław etc. 1969, 21.

Р. Мароевич *

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ. 3—4

3. О праславянском суф. *-ъjь* и прилагательном *božъjь*

1. Праславянский язык, как отмечает Мейе, унаследовал из индоевропейского языка суффикс прилагательного **-jo*, **-ijo*. Различие в значении прилагательных, образованных с помощью суф. *-jь* и *-ъjь* (которые по происхождению являются вариантами одного и того же суффикса), Мейе сформулировал так: суф. *-jь* служит для образования прилагательных, которые обычно означают принадлежность отдельному лицу, а не коллективу, тогда как прилагательное с суф. *-ъjь* часто имеет более широкое значение [1].

По мнению М. Бродовской-Гоновской, суф. *-jь* и *-ъjь* в старославянском языке были функционально идентичными. Можно констатировать формальное различие между ними, а также их различную продуктивность (большинство зафиксированных примеров с формантом *-jь*) [2].

Проблему соотношения суффиксов прилагательных *-jь* и *-ъjь* на материале древнерусских памятников пыталась решить С. В. Фролова. Ее основные выводы таковы.

Первое. В кругу прилагательных, образованных от нарицательных существительных, которые обозначают существа («со значением

одушевленности»), *-jь* и *-ьjь* не самостоятельные суффиксы, а варианты или «компоненты» одного и того же суффикса; односложные существительные в древнерусском языке XI—XIV вв. образуют прилагательные с помощью «компонента» *-ьjь*, а неодносложные — с помощью «компонента» *-jь* [3].

Второе. «Словообразовательный компонент *-j* укрепился в образованиях от собственных имен, видимо, еще в общеславянский период; это дает основание считать его самостоятельным притяжательным суффиксом в старшую пору древнерусского языка» [4].

И третье. «Самостоятельность же компонента *-ьj* как суффикса с родо-притяжательным значением оформляется в период XIV—XV столетий, т. е. в период, когда в кругу образований от нарицательных имен существительных со значением одушевленности компонент *-ьj* окончательно возобладал над компонентом *-j*, с которым до этого времени он делил свои словообразовательные функции» [5].

Объяснение Фроловой не кажется нам убедительным ни в целом, ни в частностях.

Первое. Не рекомендуется рассматривать формант *-jь* то как самостоятельный суффикс (в категории monina propria), то как вариант суффикса (в категории nomina appellativa). Суф. *-jь* тем самым выделяется из системы суффиксальных посессивных категорий древнерусского (и праславянского) языка. Известно, что суф. *-ovъ* и *-inъ* также образуют прилагательные и от нарицательных и от собственных существительных со значением лица. Семантические различия между прилагательными, образоваными от собственных и нарицательных существительных, обусловлены не разной природой суф. *-jь*, *-ovъ*, *-inъ* этих двух групп прилагательных, а различием двух типов существительных. Nomen appelativum наряду с конкретным лицом может обозначать и лицо вообще.

Второе. Фролова оставляет без внимания семантическую сторону проблемы. Основное значение прилагательных, образованных с помощью суф. *-ьjь*, категориально-притяжательное: они означают принадлежность множеству лиц или свойство, присущее категории лиц или животных. Эти прилагательные семантически гораздо ближе прилагательным, образованным с помощью суф. *-ьskъ*, вместе с которыми они составляют категорию относительно-притяжательных прилагательных. Первоначальное значение посессивного суф. *-jь* индивидуально-притяжательное. Прилагательные с этим суффиксом, произведенные от нарицательных существительных, в процессе исторического развития могли получать и получали и категориально-притяжательное значение.

Для прилагательных на *-ьjь* в праславянском языке не было характерно индивидуально-притяжательное значение. Однако Фролова, чтобы доказать, что между прилагательными на *-jь* и прилагательными на *-ьjь* нет никаких семантических различий и что прилагательные на *-ьjь* имеют лично-притяжательное значение, если существительное, от которого они образованы, имеет «единичное, конкретное значение», приводит два примера. 1) Прилагательное *божии* имеет значение лично-притяжательное в выражении *сынъ божии*,

связываясь с существительным *богъ* в значении 'бог-отец'. 2) Лично-притяжательное значение русского диалектного *мужий* Фролова иллюстрирует примерами: баба продает *мужью* лапоть, *мужья* тут могила.[6] Прилагательное *мужий* — диалектное слово недавнего происхождения, что допускает и Фролова. Употребление относительных прилагательных в притяжательном значении — результат позднего развития категорий в русском языке[7]. Прилагательное же *божии* требует специального объяснения (см. далее раздел 2).

Третье. Отсутствие суф. *-jь* в односложных именах существительных мужского рода объясняется по-другому: конкуренцией со стороны суф. *-ovъ* [8]. Сформировавшийся на славянской почве, суф. *-ovъ* имел индивидуально-притяжательное значение, находясь в оппозиции к суффиксу с категориально-притяжательным значением *-ьjь*. Так, например, прилагательное **lьv-ovъ* значило 'который принадлежит льву как отдельному животному', а прилагательное **lьv-ьjь* (*львии*) имело значение 'который относится к львам, который принадлежит львам, льву как виду'. Это различие между прилагательным *бычии* < **byč-ьjь* (не ѣмъ мясъ *бычии* /Изб. 1073/) и прилагательным *быковъ* (чюдившиеся смрти *быковѣ*/ГА XIII—XIV/) заметила сама Фролова: «. . .раннее проявление противопоставления образования с *-ов* как выражающего принадлежность единице образованию на *-ии*, *-ье*, *-ья* как выражающему категориальную принадлежность» [9].

Сделаем выводы. Суф. *-jь* и *-ьjь*, по нашему мнению, функционально различались уже в праславянском языке до того, когда из него выделились отдельные славянские языки. Первый суф. *-jь* присоединялся к сингулятивной именной основе, образуя прилагательное с основным значением принадлежности отдельному лицу. Такое прилагательное особым образом входило в парадигму имени, от которого оно произведено [10]. Другой суф. *-ьjь* присоединялся к именной основе множественного числа, образуя прилагательное со значением принадлежности многим лицам или свойства, им присущего. Прилагательное на *-ьjь* не входило в парадигму имени, от которого оно было образовано. Такое толкование суффикса прилагательного *-ьjь* подтверждают и праславянские акцентные типы, которые реконструировал В. А. Дыбо: **bȁbьjь*, **bȁbьja*, **bȁbьje*, **božьjь*, **božьjá* **božьjé* [11]. Место ударения в прилагательных на *-ьjь* совпадает с местом ударения в косвенных падежах множественного числа соответствующего существительного.

2. Специального объяснения требует прилагательное *božьjь*, которое, хотя и образовано с помощью суф. *-ьjь*, имеет индивидуально-притяжательное значение.

Прилагательное *božьjь* < **bog-ьjь*, образованное в праславянском языке от нарицательного существительного *bogъ* с помощью относительно-притяжательного суф. *-ьjь*, в языческую эпоху многобожия могло иметь только относительное и категориально-притяжательное значение. От имен отдельных божеств (сложения с *-bogъ*) образовывались притяжательные прилагательные с помощью суф. *-jь* (см. далее пункт 3). С принятием христианства как монотеисти-

ческой религии nomen appellativum *bogъ* стал nomen proprium *Bogъ*. А относительно-притяжательное прилагательное *božьjь*, которое в языческую эпоху значило 'который имеет отношение к богам, который свойствен или принадлежит богам', получил значение 'который принадлежит Богу, который имеет отношение к Богу'. Это прилагательное и после принятия христианства не означало 'который принадлежит богу-отцу', как то утверждает Фролова. Часты примеры, в которых *božьjь* значит 'который принадлежит богу-сыну, т. е. Христу'.

Этот специфический, до сих пор не отмеченный, языческий элемент принят христианством, потому что слово *božьjь* уже в эпоху язычества приобрело отчетливо выраженный сакральный оттенок.

3. Прилагательное, образованное от нарицательного существительного *bogъ* с помощью индивидуально-притяжательного суф. *-jь*, не засвидетельствовано. На реальность прилагательного **božь* < < **bog-jь* указывают следующие моменты.

а) Имена отдельных божеств в сложении со вторым компонентом *-bogъ* — бог солнца *Дажьбогъ* и бог ветра *Стрибогъ* [12] — образовывали притяжательные прилагательные с помощью суф. *-jь*: погибашеть жизнь *Даждь-Божа внука* (Сл. о. п. Иг., 16—17); въстала обида въ силахъ *Дажь-Божа внука* (Там же, 19); се вѣтри, *Стрибожи внуци*, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъки Игоревы (Там же, 12).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что прилагательные *Дажьбожь* и *Стрибожь* в эпоху создания Слова о полку Игореве (конец XII в.) были в живом употреблении.

б) Сложные существительные со значением лица со вторым компонентом *-bogъ*, судя по патрониму *Молибожичь* (придоста Лазоръ Домажирець и Иворъ. *Молибожичь*. два безаконьника /ЛИ ок. 1425, л. 266 (1240)/), образовывали прилагательные на *-jь* в древнерусском языке и в первой половине XIII в.: патроним *Molibožičь* создан с помощью суф. *-ičь* от основы притяжательного прилагательного *Molibožь* < **Molibog-jь*, а это прилагательное образовано с помощью суф. *-jь* от личного имени *Molibogъ*.

в) Сербохорватское *божић* < *božićь* в патронимическом значении с словообразовательной точки зрения членится на основу притяжательного прилагательного **božь* и суф. *-ićь*. Прилагательное же **božь*, засвидетельствованное только в составе приведенного патронима, образовано с помощью суф. *-jь* от существительного *bogъ*. (Подробнее о сербохорватском *божић* см. в следующей заметке).

4. С.-хорв. *božićь*

Вук Караджич считал, что *божић* — деминутив от *бог* [13]. Такого же мнения был и Даничич (RJA I, 567). Это толкование развил далее Скок: «Христианство восприняло понятие доброго бога, на его основе образовался деминутив на *-ić* <. . .> *božić*, m. '* маленький бог > > *Иисус Христос' <. . .> в названии праздника *natale Christi* 'Рождество Христово'. В романских языках опустили дополнение *Christi* —

и Рождественский праздник стали обозначать только одним словом *natale*». На основе этого факта Скок пытался объяснить и происхождение сербохорватского слова *божић* в значении религиозного праздника: «. . . в речи народа утрачено выражение *rođenje božića* и одно лишь слово *božić* ⟨. . .⟩ стало обозначением Рождества» (Skok I, 179).

Славский в Праславянском словаре приводит западно- и южнославянские параллели и делает вывод, что *božitь* 'сын божий' произведено от *bogъ* с помощью суф. *-itь*, что его первоначальное значение 'маленький Бог', из которого позднее, в эпоху христианства, развилось значение 'Рождество Христово' (Słownik prasłowiański 1, 344).

Трубачев считает, что **božitjь* «производное с суф. *-itjь* (патронимикон, с указанием на происхождение) от **bogъ*» (ЭССЯ 2, 228).

Согласно нашему толкованию, комплекс значений сербохорватского *божић* (и соответствующих южно- и западнославянских параллелей) — результат семантико-грамматического развития двух праславянских слов.

I *božićь* 'Богов сын', существительное-патроним

От существительного *bogъ* сначала было образовано притяжательное прилагательное **božь*, не засвидетельствованное в славянских языках (см. предыдущую заметку). От основы же притяжательного прилагательного **božь* с помощью (патронимического) суф. *-ićь* < **-itjь* был образован патроним *božićь* в значении 'сын божий' (условно сформулируем его как 'Богов сын', чтобы подчеркнуть значение индивидуальной принадлежности). Согласно этому основное (именное) значение праславянского **božitjь* патронимическое, а не деминутивное, на что указал О. Н. Трубачев. Эта модель по которой в праславянском образовывались патронимы, — основа притяжательного прилагательного + патронимический суф. **-itjь* — лучше всего представлена в древнерусских памятниках XI—XIV вв.

Патроним *božićь* можно проиллюстрировать стихами из песни-колядки:

Домаћине, коледо, господине, коледо! ⟨. . .⟩
Додај нама крај гајтана,
на чем ћемо бога молит
за старога — за Бадњака,
за младога — за Божића [14].

Исходя из того, что *божић* — деминутив, Даничич дает следующее семантическое ограничение в отношении приведенного и других примеров: «. . .в песнях, которые поются на Рождество, речь идет о младенце Иисусе Христе» (RJA I, 547). Однако ни в одном из примеров, которые приводит Загребский словарь (RJA), *божић* не имеет значения 'младенец Иисус', а значит просто 'Христос, бог-сын'.

II *božićь* 'принадлежащий сыну Бога, Христов', притяжательное прилагательное от патронима

На вопрос, какими грамматическими средствами выражалась притяжательность в случае, когда в роли субъекта выступает патроним на **it-jь* < **iti̯os*, мы дали достоверный ответ: притяжательные

прилагательные от патронимов образовывались с помощью суф. -ь, что привело в исторический период к омонимии патронима и притяжательного прилагательного мужского рода [15]. На основе этого можно объяснить грамматическую и семантическую природу слова *божић* в значении религиозного праздника.

От патронима *božićь* с помощью суф. -ь образовано прилагательное **božićь*, **božića*, ***božiće***. В тот период, когда зависимое слово в синтагме **božićь* (= *божићев*) *dьnь* еще воспринималось как прилагательное, произошла утрата существительного *dьnь*. Когда же суф. -ь стал мертвым, субстантивированное прилагательное *božićь* (= *божићев*) окончательно вошло в разряд существительных, перестав осознаваться как прилагательное.

Наша словообразовательно-семантическая реконструкция устраняет кажущееся различие между названиями религиозных праздников типа *Николь дан и Божић*.

Замечания

1) Когда притяжательный суф. -ь стал мертвым, прилагательное *božićь* было вытеснено прилагательным *božićevъ*: *Божићеве* три сестре. Цркву гради *Божићева* мајка (RJA I, 568).

2) В связи с приведенным выше объяснением Скока нужно подчеркнуть, что в славянских языках была возможна утрата зависимого члена синтагмы (ср. русское *рождество Христово* → *рождество*), однако опущение единственного независимо склоняемого члена синтагмы было невозможно, следовательно, существительное *божић* не могло возникнуть в результате выпадения существительного *рођење* в синтагме *рођење божића*.

3) Деминутив *božićь* 'божок' в сербохорватском, очевидно, вторичное производное, образованное с помощью уменьшительного суф. *-ićь* непосредственно от существительного *bogъ*. Примеры употребления этого существительного приведены в Загребском словаре под значением 1: 'языческий божок', с XVI в. В качестве иллюстрации даем только один пример: У народу се прича да су Срби имали неке засебне кућанске *божиће*. — 'В народе говорят, что сербы имели каких-то особых домашних божков' (RJA I, 567).

Примечания

1 *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, 286—287.
2 *Brodowska-Honowska M.* Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków etc., 1960, 29—30, 50—51.
3 *Фролова С. В.* История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом *-j*, *-ьj* по древнерусским письменным памятникам XI—XVII вв. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та 27, 1959, 194—195, 314—318.
4 Там же, 319.
5 Там же.
6 Там же, 268, 273.
7 *Маројевић Р.* Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развитку и данас). Београд, 1983, 114—115, 150.
8 См. объяснение там же, 27—43.
9 *Фролова С. В.* Указ. соч., 305; *Она же.* История образования притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом *-ов/-ев* в русском языке. — Учен. зап. Куйбышев. пед. ин-та 38, 1963, 44.

[10] О специфичности категории притяжательных прилагательных в праславянском языке и на начальных этапах развития отдельных славянских языков см.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. 3. Об изменении значения и заменах существительного, 385—386, 410; *Трубецкой Н. С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка. — В кн.: Зборник лингвистичких и филолошких расправа. А. Белићу о четрдесетогодишњици његова научног рада. Београд, 1937, 16; *Фролова С. В.* К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та 32, 1960, 326; *Ревзин И. И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, 44—46; *Маројевић Р.* Указ. соч., 7—14.

[11] *Дыбо В. А.* Ударение притяжательных прилагательных на -ьj- в праславянском. — В кн.: Лингвотипологические исследования. М. 1973, т. 1, ч. 1, 205—220; *Он же.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981, 158—170.

[12] См.: *Виноградова В. Л.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л., 1978, т. 5, 237—238 и цитируемую здесь литературу.

[13] *Караџић В.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. 2 изд. Беч, 1852, 34—35.

[14] Српске народне пјесме В. Караџића. Беч, 1841, књ. 1, 190.

[15] *Маројевић Р.* Прасловенска adiectiva possessiva типа *Tvorimiřičь* (од патронима типа **Tvorimiřičь*), њихова судбина и трагови у словенским језицима. — ЈФ XXXVIII, 1982, 89—109.

Авторизованный перевод с сербохорватского И. П. Петлевой

И. Г. Добродомов

ЕЩЕ РАЗ О СЛАВЯНСКИХ ВАРИАНТАХ **sabja, *šabja*

По поводу этимологического толкования русского и других славянских наименований холодного оружия в виде однолезвийного меча с изогнутым стальным клинком типа *сабля*, *шабля* и т. п. существует большая и противоречивая литература, в которой зачастую выводы делаются на весьма ограниченном материале, иногда даже без достаточного рассмотрения отношений между формами внутри славянского языкового мира.

На славянской почве русская форма (*сабля*) вместе с южнославянскими (болг. *сабя*, макед. *сабја*, с.-хорв. *сабља*, словен. *sâbja*) четко противопоставляется западнославянским формам (польск. *szabla*) вместе с украинско-белорусской (*шабля*). Это противопоставление базируется на различии начальных согласных *с-*, *ш-*, пока еще не получившем достаточно убедительного объяснения. Западноевропейский и венгерский материал в силу его вторичности и производного характера от славянского источника едва ли может дать что-нибудь ценное для этимологии.

Противопоставление рус. *сабля* болгаро-македонским формам *сабя — сабја* позволяет для более древнего состояния реконструировать праформу **sabja* с рефлексами так называемого *l*-epentheticum на восточнославянской почве, а также в ряде южнославянских язы-

ков (сербскохорватском, словенском). Если и для украинско-белорусской формы *шабля* также допустить развитие *l*-epentheticum в праформе **šabja*, то западнославянские формы придется признать украинско-белорусскими заимствованиями, поскольку на западнославянской почве *l*-epentheticum в этой позиции обычно не развивался.[1] Данное предположение на базе хорошо известной фонетической истории слова в корне противоречит обычным суждениям о заимствовании формы *шабля* из польского языка в связи с сильным влиянием польского языка на украинский и белорусский [2]. В случае неприятия тезиса об украинско-белорусском происхождении западнославянских названий с начальным *ш*- последние придется самым решительным образом отделить от форм с начальным *с*-, что представляется, однако, бесперспективным. Следовательно, славянский материал настоятельно диктует необходимость реконструкции двух параллельных праформ **sabja* и **šabja*, вероятно, восходящих к одному языку-источнику с недостаточным противопоставлением согласных *s* и *š*, представляющих собой в нем, вероятно, две факультативные разновидности (вариации) одной и той же фонемы. При поисках потенциального источника заимствования также весьма важно учесть, что конечный гласный реконструируемых славянских праформ представляет собой окончание, которое могло возникнуть и на славянской почве. В силу этих обстоятельств конечный гласный *-а* при поисках первоисточника может и не учитываться.

К. Г. Менгес для объяснения славянских слов обращается на Ближний Восток: «Первоисточник славянских, а с ними и всех других форм, семитский — араб. *сайф*, арам. *сайпā* 'меч, сабля', восходящий к егип. основе *шф-т* (ж. р.), при вокализации, вероятно, *шефет* 'каменный нож', отсюда исследователи выводят также греч. ξίφος 'меч; нож, кинжал', в современном также 'сабля; рапира, шпага'» [3]. Однако пути движения в Европу этого бродячего слова остаются неясными, поскольку следов этого слова в старых языках Восточной Европы не обнаружено, если не считать сравнительного нового заимствования *сäйф* в турецком и чагатайском языках (тур. *seyif*). Однако это сугубо книжное слово, не очень хорошо отраженное в живых языках даже тюрков-мусульман, едва ли может претендовать на роль непосредственного источника для славянских слов, особенно для форм с начальным *ш*-.

К. Г. Менгес также обратил внимание на казахское название кинжала *сапы*, которое он считал изолированным и этимологически неясным и на основании которого не решился сделать какие бы то ни было выводы, хотя еще полтора десятка лет тому назад мне удалось на основании «Опыта словаря тюркских наречий». В. В. Радлова (т. IV, СПб. 1911, стб. 981) найти более или менее подходящую параллель — «восточно-туркестанское» и турецкое *шап* 'прямой меч' [4]. Это сопоставление вполне закономерно, поскольку на казахской почве имел место переход старого тюркского *ш* в *с*, затронувший также и старые заимствованные слова казахского языка.

В дальнейшем проверка по тюркским языкам помогла найти еще несколько внутритюркских соответствий и значительно увеличить

ряд: казах. *сапы* 'кинжал' (өткір кішкене қылыш, қанжар); кирг. *шап* 'сабля меч' (эки миздүү канжар); узб. (устар.) *шоп* 'меч, сабля' (учи орқага қайрилган тиғли қилич); новоуйгур. *шап*. 'кинжал' [5].

Не вдаваясь в некоторые несоответствия между двусложным характером казахского слова и односложным в других тюркских языках Средней Азии, а также не обращая внимания на некоторые расхождения в показаниях двуязычных и толковых словарей (последнее легко видеть из сопоставления русских переводов с толкованиями), необходимо подчеркнуть, что все эти названия следует считать заимствованиями, поскольку начальный согласный *ш-* тюркским языкам был когда-то чужд и появился в них лишь в составе заимствований и в результате вторичных фонетических процессов [6]. В качестве источника, вероятно, выступали иранские языки, где, например в афганском языке, встречаем подходящее слово *шāб* или *шāп* со значением 'холодное оружие; кинжал, обоюдоострый клинок' [7].

Пока трудно сказать, было ли принесено это иранское слово в Восточную Европу тюрками (казах. *сапы*) или носителями северо-восточной ветви иранских языков скифами, сарматами, аланами. Скорее всего следует склониться в пользу второго предположения, несмотря на отсутствие этого слова в потомке скифо-сармато-аланских языков — осетинском. Во всяком случае, в Восточную Европу попало слово в двусложной форме, которая представляется более архаичной для иранских языков.

Вероятно, в основу славянского термина *сабля — шабля* было положено несингармонизированное (поэтому исключается тюркское посредство) скифо-сармато-аланское слово **sabi* ~ **šabi* с добавлением славянского окончания *-а*: **sabi+a* > **sabi̯a* > **sabja* > *сабля*; **šabi+a* > **šabi̯a* > **sabja* > *шабля*. Характерное для осетинского языка колебание в произношении переднеязычных сибилянтов от *с*, *з* до *ш*, *ж* в весьма широких пределах и непротивопоставление свистящих щипящим может быть перенесено в глубь истории, хотя греческая графика скифо-сарматских собственных имен точного ответа на вопрос о противопоставлении шипящих и свистящих у скифов и алан не дает [8].

Вопрос об отношении восточноиранского слова к семитскому (араб. *сайф*) пока остается открытым; во всяком случае, восточно-иранское слово гораздо ближе к славянским фонетически, чем семитское. Без восточноиранского материала, независимо от его происхождения, сейчас этимологию славянского термина, вероятно, решать нельзя.

В заключение представляется целесообразным еще раз вернуться к моей статье «Из булгарского вклада в славянских языках. II», где сделана попытка объяснить колебания между формами *сабля* и *шабля* с опорой на соответствие *с-* ∾ *ш-* между большинством тюркских языков и булгарско-чувашским (ср. общетюркские и чувашские формы типа *сазан* ∾ *шаран* 'карп', *су* ∾ *шу* 'вода')[9]. Вероятно, эта попытка в свете новых данных теперь не может быть признана наиболее вероятной и вполне удачной в силу большого числа предполо-

жений и вынужденной опоры большей частью на реконструированные формы, которые выведены преимущественно лишь из славянского материала, хотя приходится считаться с большей обычностью начального *ш-* на булгарской почве при его экзотичности в прочих тюркских языках. Однако отдельные наблюдения, сделанные в этой статье, помогли обоснованию новой этимологии, которая соответствует общему историческому движению слова и предмета с востока на запад. Отдельные уточнения способна сделать лингвистическая география слова и историческая лексикология на основе текстового материала.

В связи со словом *сабля — шабля* в славянских языках стоит упомянуть еще об одном западнославянском загадочном названии меча, имеющим параллели в иранских языках. Речь идет о старочешском *šaršún*, имеющем старопольскую параллель *szarszun* в XVI в., причем предполагается, что польская форма зависит от чешской (Machek [2], 603; Brückner, 541). Близкие по звучанию слова с той же семантикой есть в иранских языках: курд. *şemşîr* [шӓмшир] 'меч', перс. *шӓмшир* 'сабля, шашка; меч, шпага, рапира', афг. *шамше́р* 'меч, сабля, шашка' [10].

Есть это слово и в ряде современных тюркских языков: новоуйг. *шәмшәр*, *шәмшир* 'меч, сабля; шпага'; узб. *шамшир* 'клинок, меч, сабля, шпага'; кирг. *шамшар* 'меч, сабля; кинжал'; каракалп. *семсер* 'меч, сабля', казах. *семсер* 'сабля, меч', причем последнее слово в «Казахско-русском словаре» Х. Махмудова и Г. Мусабаева (Алма-Ата, 1954, с. 298) помещено не на своем алфавитном месте.

Некоторое сходство с этими словами обнаруживает суахилийское *sansuri* 'большой тесак с тупым лезвием' [11].

Вместе с тем встает вопрос о связи иранского *шӓмшир* и западнославянского (чешско-польского) *šaršún* со значением 'меч', а также загадочного термина *шерешир҄* «Слова о полку Игореве», поскольку последний гапакс представляет собой своеобразную фонетически промежуточную форму между иранским и западнославянским названием меча: *шӓмшир — шерешир҄ — šaršún*, но этот вопрос требует дополнительного рассмотрения. На западнославянской почве слово *šaršún* могло преобразоваться фонетически в результате контаминации с ср.-в.-нем. *burdûn* 'кинжал' (< ст.-франц. *bourdon* 'копье'), которое на польской почве стало звучать *burderz* 'кинжал, рапира' под влиянием ср.-в.-нем. *burderîe* 'рыцарский турнир' [12]. Этот же германизм на сербской церковнославянской и древнерусской почве имел орфографический вид *брьдунъ* 'вид меча', что читатется по-разному (Срезневский I, 184; СлРЯ XI—XVII вв. I, 330; Фасмер I, 152), но этимология поддерживает для древнерусского языка чтение *бордунъ* < *бърдунъ*. На чешской почве есть также близко звучащее по исходу слово *bodoun* 'клинок, рапира' (ср. ст.-чеш. *bósti*, *bodu* 'колоть'). См.: ЭССЯ, 2, 154.

Даже если не принимать в расчет загадочный древнерусский гапакс из «Слова о полку Игореве» *шерешир҄*, то поражает удивительная близость западнославянских и иранских форм, на что когда-то на основе другого материала обратил внимание О. Н. Трубачев [13].

Примечания

[1] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 1951, ч. 1, 209.

[2] См., например: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968, 603—604.

[3] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, 202. — Однако араб. *сайф* иногда рассматривают как грецизм, прошедший арамейское посредство: *Brünow/Fischer.* Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftsteller. Leipzig, 1960, 61.

[4] *Добродомов И. Г.* Из булгарского вклада в славянских языках. II. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 192—194.

[5] Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954, 289 (однако см.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. IV, 404: *сапы* 'род кинжала, шашка'); Толковый словарь казахского языка. Алма-Ата, 1961, т. II, 246; *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965, 901; Толковый словарь киргизского языка. Фрунзе, 1969, 727; Узбекско-русский словарь. М., 1959, 545; Толковый словарь узбекского языка. М., 1981, т. II, 425; *Наджип Э. Н.* Уйгурско-русский словарь. М., 1966, 540.

[6] *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, 155.

[7] *Асланов М. Г.* Афганско-русский словарь. М., 1966, 537—538.

[8] *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. — В кн.: Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970, 555—556; Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 329.

[9] Этимология 1968. М., 1971, 192—194. Впоследствии попытка уточнения с опорой на афг. *шāб*, *шāп* была предпринята мной в докторской диссертации «Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках» (М., 1974), см. с. 20 автореферата, но и это уточнение сейчас требует коррективов, как и ряд положений в статье: *Добродомов И. Г.* Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (Соответствие *s—š*). — Советская тюркология, 1971, № 2, 81—92. Однако это предмет особого разыскания.

[10] *Курдоев К. К.* Курдско-русский словарь. М., 1960, 700; Персидско-русский словарь. М., 1970, т. II, 114; *Асланов М. Г.* Афганско-русский словарь, 552.

[11] Суахили-русский словарь. М., 1961, 350. Однако привлекать это слово сюда представляется преждевременным, как и амхарское название шпаги *šamla* для объяснения слова *сабля*. Русско-амхарский словарь. М., 1955, 918. Этому препятствует территориальная удаленность, неясность истории этих слов и опасность случайных созвучий.

[12] *Vasmer M.* Zum altpolnischen Wortschatz. — ZfslPh, XXVIII, 1, 1958, 118.

[13] См.: *Трубачев О. Н.* Из славянско-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, 81.

Э. Я. Гребнева

НЕКОТОРЫЕ ТЕМНЫЕ МЕСТА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СВЕТЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

I

Что такое *въсрожить?*

«Влъци грозу *въсрожатъ* по яругамъ». Эта фраза с загадочным словом *въсрожатъ* встречается в описании половецкой степи, когда князь Игорь вступает в нее со своим войском, и больше это слово уже ни разу не повторяется. Больше того, оно не встречается и в известных памятниках древнерусской литературы, так что И. И. Срезневский, зарегистрировав его в «Материалах для словаря древнерусского языка», ссылается только на «Слово о полку Игореве», приводя этот единственный пример, который тоже ничего не объясняет. (Срезневский I, 420).

Таким образом, *въсрожить* — это одно из загадочных слов «Слова о полку Игореве». Правда, данное место памятника все же читается, хотя с приблизительным, но все же вероятным смыслом, ибо имеющиеся в предложении слова *гроза* и *волки* подсказывают, что ничего хорошего это не сулит.

Но все же, что такое *въсрожатъ*? Этот вопрос вставал перед многими русскими переводчиками и комментаторами «Слова».

Современная книга, которая должна быть ключом к объяснению «Слова о полку Игореве», на этот вопрос ответа не дает: в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» [1] против слова *въсрожить* стоит вопросительный знак. Различные исследователи предлагали свои поправки, считая, что *въсрожатъ* — это результат искажения какого-то другого слова. Словарь-справочник предлагает эти поправки: И. Снегирев предлагал исправить на *върожатъ*, Ф. Е. Корш — на *ворожать*, Вс. Ф. Миллер — на *въгражать*, А. А. Потебня и за ним А. С. Орлов и Д. С. Лихачев предлагали *въсрашаютъ* (к этому же мнению присоединилась в 1968 г. и В. П. Адрианова-Перетц: «въсрожатъ — возможно вместо въсрошать» [2]). Л. А. Булаховский предложил — *въссрожити*.

Больше всего, таким образом, оказалось сторонников у *въсрашати*, которое соотносится с современным *взъерошить*. По приведенным в Словаре-справочнике примерам, его значения — 'взъерошить; поднять дыбом' [3].

В соответствии с таким толкованием и в некоторых переводах появляется слово *поднимают*. Интересно сопоставить, как переводили эту фразу различные переводчики, исходившие из разных толкований. Вот далеко не полный список переводов [4].

1. А. И. Мусин-Пушкин — «волки по оврагам вытьем своим страх нагоняют».
2. В. В. Капнист — «волки по оврагам напастьми угрожают».

3. В. А. Жуковский — «и волки угрозою воют по оврагам».
4. Н. М. Карамзин — «звери ревут в пустынях».
5. М. Д. Деларю — «волки бури ждут по оврагам».
6. А. Н. Майков — «воют волки по крутым оврагам».
7. К. Д. Бальмонт — «по оврагам волки воют».
8. С. В. Шервинский — «накликают грозу по оврагам неведомым волки».
9. Г. Шторм — «волки грозу манят по оврагам».
10. И. Новиков — «волки по оврагам выкликают грозу».
11. В. И. Стеллецкий — «волки грозу накликают по оврагам».
12. Н. А. Заболоцкий — «по оврагам волки завывают».
13. Д. С. Лихачев — «волки грозу подымают по оврагам»; и в объяснительном переводе — «волки (воем своим) грозу подымают по оврагам» [5].

Из этих переводов видно, что слова *гроза* и *въсрожать* переводчики понимали по-разному, многие передавали их как поэтическую метафору, где слова употребляются в переносном значении.

Но метафора ли это?

Сопоставим еще переводы этой фразы на родственные славянские языки — чешский, словацкий и польский. В чешских переводах: «vlci hrůzu nahaňejí v roklích» (пер. Йоз. Юнгмана)[6]; «vlci hrůzu vsroží po roklinách» (пер. В. Ганки)[7]; «vlci hrůzu stužují po jarkách» (пер. М. Гатталы)[8]; «vlci hrůzu vzbuzují po výmolech» (пер. К. Я. Эрбена)[9]; и в словацком переводе Я. Коморовского[10] «vlci po jaminách hrôzu nahaňaju». Во всех этих переводах мы видим одно и то же слово — чеш. *hrůzu* и словац. *hrôzu*, которое является переводом слова *грозу*, однако значение этого слова в современном, как и в древнем, чешском и словацком языках — *страх*, *ужас*. Такие же значения слова *гроза* отмечает Срезневский в древнерусском языке: Взыде гроза ихъ надъ всеми людьми; гроза мя обходить; и примеры из «Слова о полку Игореве» — грозы твоя по землямъ текутъ, грозою бяшетъ притрепал (Срезневский I, 595). Отмечаются и вторичные, переносные значения — 'ад' и 'явление природы'. Последнее значение в современном русском языке стало главным, первым значением, однако при переводе с древнерусского языка следует учитывать именно древнее его значение и ему подбирать эквивалент. В чешском и словацком языках сохранилось древнее значение слова *гроза*, и там оно употребляется в его прямом значении, без всякой метафоризации [11]. Этим и объясняется такое единодушное употребление его у всех переводчиков на чешский и словацкий язык.

Иначе обстоит дело с глаголом-сказуемым в переводе этой фразы. *Въсрожатъ* чешские переводчики, как и русские, передают приблизительно, по общему смыслу фразы: волки ужас (страх) нагоняют (nahaňejí, словац. nahaňaju), возбуждают (vzbuzují), усиливают (stužují) и въсрожатъ (vsroží) — Ганка это слово не переводит совсем. Это объясняется тем, что ни этого слова, ни однокоренных с ним слов чешские переводчики в своем языке не нашли.

Обратимся к польским переводам. В польских переводах читаем: «wilci groźnie się srożą po jarugach» (пер. А. Белевского)[12]; «wilk

wyje groźno po jarugach» (его же стихотворный перевод); «wilki po jarugach grozą srożą» (пер. А. Брюкнера) [13]; «grożą srożą się wilki ponuro» (пер. Ю. Тувима) [14]; таким образом, *гроза* входит в состав однокоренных слов, *jarugi* и поныне в польском языке, и у всех переводчиков — *srożą*.

А. С. Орлов приводит мнение С. Гедеонова («Варяги и Русь», 1876 г.), который, «высказавшись за присутствие западнославянских слов в разных русских памятниках домонгольского периода, нашел такие речения и в «Слове о полку Игореве» (например: *въсрожити* и др.) [15]. А. С. Орлов решительно не высказывается в поддержку такого утверждения, хотя считает, что западнославянская стихия в лексике «Слова» есть. Однако в своем комментарии к «Слову о полку Игореве» А. С. Орлов не упоминает о таком мнении и дает только известные уже варианты толкования *въсрожити*, которые упомянуты нами выше [16].

Л. А. Булаховский, предполагая первоначальное *въссрожить*, выдвигает новую гипотезу: «Высказываю еще одну догадку — слово, может быть, родственно польскому *srogi* в его значениях «суровый, жестокий, страшный, ужасный»; ср. глаголы *srożyć się*, *srożeć*, *nasrożyć*. Приходится предполагать при этом, что в «Слово» эта форма проникла (ср. и рус. *строгий*) в ее полонизированной оболочке, а не в соответствии старославянскому *срагъ*» [17]. Гипотезу свою Булаховский поддерживает лишь одним примером из украинского языка XVII в.: «Срожатсѧ и звѣрове, але кгды сѧ наедѧт скромнѣйшими бываютъ».

Употребление польского слова *srożyć* для передачи *въсрожить* в нескольких польских переводах, сделанных на протяжении столетия, является убедительным доказательством того, что польское *srożyć* и русское *въсрожити* — это одно и то же слово, но только в «Слове» употребленное с приставкой.

Такие глаголы с близкими приставками *въ* и *въс* (*въз*) встречаются в памятнике многократно: тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце; конець копия въскръмлени; тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень; невеселая година въстала; въстала обида въ силах Дажьбожа внука; въступила дѣвою на землю Трояню; въсплескала лебедиными крилы; жены рускыя въсплакашась; а въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми; притопта хлъмы и яругы, възмути рѣки и озеры; всю нощь с вечера босуви врани възграяху; коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбивает; възлелей, господине, мою ладу къ мнѣ; въсшуми трава; Игорь князь въврьжеся на бръзъ комонь.

Ясно, что и *въсрожить* относится к приставочным образованиям этого типа.

Теперь обратимся к гнезду глагола *srożyć* и его значениям.

В словаре польского языка С. Б. Линде мы находим подробное объяснение этого слова, которое имеет ряд значений. Одно из них документируется такими примерами: w prawą Scyla, w lewą Charybda srożeją (справа Сцилла, слева Харибда грозит (угрожает); nie każdy śmiały, co się swierzchnie sroży (смел не всякий, кто с виду страшен

(грозен); w takim mu srożeniu się z ust iskry padają (в таком гневе у него из уст искры летят) (Linde, V, 420).

В этимологическом словаре польского языка приводится состав этого гнезда: *srożyć się*, *srożeć*, *srogość*, которые возводятся к праславянскому **sorg* (Brückner, 511). «В русском языке, — указывает здесь Брюкнер, — есть только *строгий* со вставным *т*, в чешском языке этого слова нет».

Сопоставления, следовательно, показывают, что в русском языке этот корень с у щ е с т в у е т, но только в несколько фонетически измененном виде — со вставным звуком *т* между согласными *с* и *р*.

Такое вставное *т* — не редкость в фонетических системах славянских языков. В русском языке мы встречаем, например, *срам* и *страм* с пометой «народное» (Преображенский, II, 368), *встреча* при ц.-слав. *срѣтение* (название церковного праздника).

Целое гнездо слов этого корня приводит И. И. Срезневский: *сърѣсти*, *сърѣстися*, *сърѣтати*, *сърѣтение*, *сърѣтити*, *сърѣтъ*, *сърѣчати* (все в современном русском языке означают 'встреча, встретить, встретиться' и т. п.) (Срезневский, III, 818—819), но не отмечена современная форма — *встреча*. Видимо, вставное *т* является элементом более позднего происхождения. Ср. также укр. *стрінути*, *стрити* — 'встретить' и ст.-чешск. *střětnúti*, польск. диал. *pośratać* — 'приветствовать при встрече' (Фасмер, III, 740).

Можно провести еще межъязыковые сопоставления, отражающие эту же фонетическую закономерность: рус. *середина* — польск. *środek* — чеш. *střed*, рус. *среда* — польск. *środa* — чеш. *středa*, рус. *серебро* — польск. *srebro* — чеш. *stříbro*.

Таково же соотношение между польским *srożys*, *srogi* и русским *строгий*. Фасмер указывает, что слово *строгий* обычно считают заимствованным из польского (Фасмер, III, 779). В. Махек считает, что чешское *strohý* является новым заимствованием из русского (есть чешский синоним — *přísný*) и перенесено в область нравственных понятий (Machek[2], 582), кроме значения 'строгий', имеет значения: 'сжатый, краткий, скупой' (strohá čísla úředních zpráv — скупые цифры официальных сообщений); польское *srogi* — 'жестокий' (Фасмер, III, 779).

Словарь польского языка Линде дает возможность установить промежуточные, переходные значения от *srożyć* 'угрожать' к современному значению слова *srogi* 'строгий': *srogi* может означать и 'srogim się stawić' ('выглядеть грозным, строгим') и '*srogo* postępować' — 'поступать строго' (Linde, V, 420); значения *srogi* — 'surowy, nieużyty, nieludzki, straszny, jątrzący się' ('яростный') (Linde, V, 417).

Таким образом, из сопоставления с польским словом srożyć устанавливается общность корня и значений как с современным *строгий*, так и с древнерусским *въсрожить*.

Въсрожить не однозначное слово, оно, видимо, имело целую шкалу оттенков, которые объединяются в группу родственных и близких понятий — от значения польского *srożyć* 'угрожать' до 'предостерегать', ибо вся эта группа слов сближается со *стерегу*, *сторож*,

указывает Фасмер со ссылками на Шахматова и Преображенского (Фасмер, III, 779); к этой же группе относится и чеш. *vystraha* 'грозное предупреждение'.

Из всего сказанного мы делаем вывод, что в слове *въсрожитъ* никаких поправок делать не следует, что его значение следует соотносить с существующим в польском языке *srożyć*, а также со значениями слов этой группы, имеющимися в русском и чешском языках.

Что же касается перевода этой фразы, то мы склоняемся в пользу старших авторов, давших наиболее близкий по смыслу перевод: первого издания — *волки вытьем своим страх нагоняют*; В. В. Капниста — *волки по оврагам напастьми угрожают*; В. А. Жуковского — *и волки угрозою воют по оврагам*.

Но вместе с тем, поняв, что такое *въсрожатъ*, мы считаем, что лучше, чем в «Слове», сказать невозможно: *волки восрожат* — 'угрожают, воют, пугают, предостерегают' — все в одном слове. Это тот случай, когда любой, самый точный перевод, слабее оригинала, потому что многословнее.

После того как настоящая работа была сдана в печать, Г. Н. Моисеевой была обнаружена в Праге на полях рукописи перевода В. Ганки (рукопись хранится в Национальном музее, публикацию см. в прим. 7) против слова «въсрожатъ», которое Ганка не понял и просто переписал чешскими буквами, пометка карандашом, сделанная рукой Й. Добровского, показывающая, что Добровский возводил это слово к польскому *srożyć*, *srogi*. Однако Ганка в печатном издании даже полемизировал с Добровским: «не может быть *srogi*, потому что в русском *строгий*». Так и получилось, что замечание Й. Добровского осталось неизвестным миру, а слово «въсрожить» было непонято.

Замечание Й. Добровского будет опубликовано в готовящейся к печати книге Г. Н. Моисеевой и М. М. Крбец «Памятники русской культуры XI—XVIII веков и чешский славист Иозеф Добровский».

II
«Усобица княземъ на поганыя погыбе»

Эта фраза — одно из ключевых мест «Слова о полку Игореве», от правильного прочтения которого зависит и перевод.

Как определил К. Маркс, «смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов» [18]. Но в художественной ткани произведения содержится не только призыв как таковой, но показаны и последствия междуусобиц и забвения общих интересов Русской земли ради интересов узких — только своего рода или княжества. Собственно, произведение создано для того, чтобы показать гибельность раздоров и феодальной раздробленности. Призыв к единению является уже естественным выводом автора «Слова».

Однако лаконизм и афористичность языка «Слова», древние формы и их значения, которые к нашему времени уже значительно изменились или наполнились иным содержанием, зачастую затрудняют

понимание текста памятника. Так случилось и с фразой «усобица княземъ на поганыя погыбе».

Главную трудность здесь представляет понимание значения предлога *на*, ибо с помощью предлога устанавливается зависимость между словами, а по ней — смысл всего словосочетания.

У предлога *на* множество значений, все они перечисляются в соответствующей статье, посвященной этому предлогу в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» [19]. Предлог *на* в рассматриваемой фразе отнесен к значению *против*. Этим было определено понимание, что усобица *против поганых*, а *погыбе* определяется как 'прекратиться, исчезнуть', и в доказательство приводится эта же фраза [20]. Из такого понимания и возникает перевод: «борьба князей против поганых прекратилась» [21], «война князей с погаными к концу пришла» [22], и даже «война с погаными князьями не удается» [23]. А между тем в этой же статье Словарь-справочник приводит и другие значения слова *погыбе*: 'подвергнуться разрушению, гибели, умереть' [24]. Но они оставлены в стороне, потому что принято значение 'против' у предлога *на*. Согласно такому прочтению, приходится и значение слова *усобица* как-то принoровить, в результате чего получается 'борьба' и 'война'.

И переводчики не заметили, что такое толкование вступает в противоречие с контекстом, где дальше автор разъясняет: рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша князи про малое се великое млъвити, а сами на сѣбѣ крамолу ковати: а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую [25].

О какой же войне или борьбе идет речь? Автор ясно сказал — о междуусобной: «усобица князем на поганыя погыбе».

Неверное прочтение этой фразы идет традиционно от перевода А. И. Мусина-Пушкина, где читаем: «Перестали князья нападать на неверных, брат брату стал говорить: сие мое, а то мое же. Начали князья за малое будто бы за великое ссориться и сами на себя крамолу ковать» [26]. И хотя многие прочтения, принадлежащие Мусину-Пушкину, уже пересмотрены, исправлены, это осталось нетронутым. И мало кто заметил, что такой перевод противоречит идее «Слова». Идея — призыв к единению, к борьбе против половцев, а здесь заявляется, что борьба прекратилась. Такой перевод противоречит и исторической правде, ибо на самом деле она не прекращалась, а только велась разрозненными силами.

Чтобы установить истинное значение этих слов, надо проанализировать каждое слово в отдельности и отношения между ними.

Начнем со слова *усобица*. Это не 'борьба' и не 'война' с половцами, потому что против половцев были 'рати', 'плъкы' («то было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано»).

И. И. Срезневский указывает только одно значение слова *усобица* — 'междуусобие' (Срезневский, III, 1269), подтверждаемое примерами из древнерусской литературы, в том числе и данным примером из «Слова». Подобное же значение этого слова, сохранившееся в диалектах, указывает В. И. Даль: усобный, междуусобный или усобич(щ)ный, относящийся до усобицы, до взаимной домашней

вражды, драки, до раздора среди народа, в семье (Даль [2], IV, 513). Примеры, приводимые Далем, точно соответствуют тому значению, которое мы имеем в «Слове о полку Игореве»: усобица царства не устроит; в усобице брат на брата руку подымает (ср.: «рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же»).

Со словом *усобица* сочетается *князем*ъ в форме дат. пад. мн. числа. *Усобица княземъ* можно перевести двояким способом: *усобица для князей* или с притяжательным прилагательным — *княжеские усобицы*.

Далее — *на поганыя*. Уже в начале статьи мы обратили внимание на важность понимания значения предлога *на*. В «Материалах» Срезневского среди многих значений этого предлога приводится и значение причины, которое иллюстрируется примером: не могуще разлучитися *на* мнозѣ слезъ их и едва разлучистася (Срезневский, II, 265) — не могли разлучиться *из-за* слез и едва разлучились. Предлог *на* с подобным же значением приводится и в Словаре-справочнике: А имъ же уимется умъ, или *на* чернѣи кручинѣ падеть, или бѣсуется, то ни приходящаго къ собѣ терпить врача, но выгонитъ или самъ бегаетъ [27].

Подобное значение этого предлога мы встречаем и в украинском языке — значение причины или основания действия: не треба ся *на* дівчат бити (Гринченко, II, 461) 'не следует *из-за* девушек драться'. Значение причины имеет этот предлог и в болгарском языке: *на* что мя боли глава (Геров, III, 112) 'отчего у меня болит голова'. В польском и чешском языках предлог *на* и доныне сохранил причинное значение: в польском umrzec *na* tyfus [28] — 'умереть от тифа'; в чеш. zemřiti *na* tuberkulozu [29] — 'умереть от туберкулеза'.

Сопоставление показывает, что причинное значение предлога *на* наблюдается в ряде славянских языков, следовательно, оно было явлением общеславянским, поэтому вполне закономерно его наличие и в древнерусском языке. В современном русском языке оно вытеснено другими, более употребительными значениями, поэтому и не принималось во внимание переводчиками и исследователями. Л. А. Булаховский не был согласен с традиционным пониманием разбираемой фразы, потому что пытался добраться до ее смысла путем поправок. «Перед нами несомненное искажение первоначального текста», — пишет он.[30] Предполагая порчу текста, он пытается найти другие варианты, например: вместо *не* было ошибочно написано *на*, пропущено слово *нас*, и тогда смысл был бы: 'усобица у князей подвинула (навела) на нас поганых'. Или другой вариант: *погыбе* — недописанное слово, и если читать 'усобица князем не поганым погибель', то получится более приемлемый смысл. Но все это, подчеркивает Булаховский, только «в большей или меньшей мере смелые догадки, за пределы которых нам не выйти» [31].

Булаховский был очень близок к истине, мешало ему только непонимание предлога *на*. Принимая причинное значение этого предлога в данной фразе, мы получаем ключ к ее пониманию.

Последнее слово фразы — *погыбе*. В той форме, как оно написано в имеющемся у нас тексте «Слова», его принимали за глагол в форме аориста 3 л., ед. ч. Отсюда и понимание *усобица погыбе* — 'перестала,

прекратилась[7]. Мы, как и Булаховский, предполагаем, что это было слово *погыбель*, но последние две буквы были либо выносными над строкой, поэтому их могли не заметить при расшифровке текста, либо они могли оказаться перенесенными на другую строчку и уже не осознавались как принадлежащие этому слову, потому что *погыбе* — тоже полноценное и значимое слово, но оно воспринималось уже как глагол. Подобное написание можно увидеть и в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку [32] (расположение строк соблюдается как в оригинале):

и сказаша имъ свою погыбе
ль они же слышавше поидо
ша къ нимъ. . .

Эти перенесенные две буквы могли быть утрачены при какой-то переписке, а могли быть потеряны и при расшифровке. Но если читать восстановленное слово *погыбе*(*ль*), то данная фраза читается: *усобица князем҃ъ на поганыя погыбе*(*ль*), что переводится: *княжеские усобицы — от половцев погибель.*

Еще одним фактом в пользу нашей поправки служит, на наш взгляд то, что И. И. Срезневский в «Материалах» под словом *погыбе* не приводит этот пример из «Слова о полку Игореве», хотя во всех других случаях примеры из «Слова» приводятся обязательно. Следовательно, Срезневский не был уверен, что в данной фразе надо видеть глагол *погыбе*.

За предлагаемое прочтение этой фразы говорят и исторические факты.

Б. А. Рыбаков, рассматривая памятник XIII в., посвященный усобицам — «Слово о погибели Рускыя земли», пишет: «Автор „Слова о погибели“ откровенно принял историческую схему „Слова о полку Игореве“: после благополучных лет Ярослава (Мудрого) начались годы крамол и усобиц, началась „болезнь“, продолжавшаяся до Владимира (Мономаха); „болезнь“ проявилась и при нынешних князьях (для автора 1185 г. — при Игоре, а для автора начала XIII в. — при сыновьях Всеволода Большое Гнездо). „Болезнь“ не связана ни с половецкой угрозой, ни с татарским нашествием; болезнь, ведущая к погибели, — внутренний разлад, разъедающий „светло-светлую и украсно-украшенную землю Руськую“» [33].

Сопоставляя переводы этого фрагмента «Слова о полку Игореве» на славянские языки, мы обратили внимание на тот факт, что, начиная со слов *рекоста бо братъ брату* и до конца фразы, все переводчики единодушны — понимают и переводят одинаково. Первые же слова *усобица князем҃ъ на поганыя погыбе* не у всех нашли одинаковое понимание. Некоторые эту фразу не поняли, но не приняли и толкование А. И. Мусина-Пушкина, поэтому опустили ее совсем. Так, Данило Медич перевел на сербский язык следующим образом:

Несложни су сви кнезове,
И не љубе свога рода,
Сваки држи опште благо
У својије лични згода.

Још брат брату тако прича:
«То је моје, а не твоје».
И ратују међу собом.
Од немиле туђе руке
Руска земља пада, гине,
Међутиме как кнезови
За мале се ствари брине [34].

Д. Медич ничего не говорит здесь о том, что борьба князей против половцев прекратилась: недружны все князья и не любят своей отчизны, каждый видит общее благо только в том, что ему на пользу. И в конце строфы: от чужих, поганых рук русская земля приходит в упадок, между тем как князья затевают ссоры из-за мелочей.

В двух переводах Ю. Тувима также нет речи о том, что князья прекратили борьбу против половцев [35].

Переводчики на чешский язык П. Папачек [36] и Ф. Кубка [37] перевели эту фразу не по Мусину-Пушкину, а в соответствии со своим пониманием. Поскольку им известно причинное значение предлога *на* в родном языке, они увидели такое же значение и в древнерусском тексте. П. Папачек перевел: Mezi knížaty spory a nám hynouti od pohanů, neboť řekl bratr. . . (между князьями споры, а нам погибель от поганых, ибо сказал брат брату. . .); Ф. Кубка: Knížecí svár — nám od pohanů zhouba (княжьи усобицы — нам от поганых гибель).

Примечательно, что А. Майков, специально занимавшийся изучением «Слова о полку Игореве», пришел к такому же пониманию: «от усобиц княжьих — гибель Руси» [38].

Эта афористическая фраза, четкая и глубокая, как формула, ниже троекратно раскрывается автором «Слова»:

1) . . . рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша князи про малое се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую;

2) А князи сами на себѣ крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле съ двора;

3) Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которóю бо беше насилие отъ земли половецкыи.

Таким образом, из идеи произведения, из его контекста, на основе сопоставительного анализа переводов вытекает, что и первая, и последняя фраза этой части «Слова», посвященной бедствиям русской земли, содержат одну и ту же мысль: «из-за усобиц ведь настало насилие от земли половецкой» (пер. Д. С. Лихачева) [39].

Эта мысль, троекратно повторенная, — не просто констатация факта, а грозное предупреждение. Такое понимание подчеркивает идею, заложенную автором в «Слове о полку Игореве».

Примечания

[1] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Под ред. Виноградовой В. Л. М.—Л., 1965, вып. 1, 149 (далее — Словарь-справочник).

[2] *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л, 1968, 79.

[3] Словарь-справочник, вып. 1, 149.

[4] Все переводы взяты из издания: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Л., 1967.
[5] «Слово о полку Игореве» / Под ред. Адриановой-Перетц В. П. М.; Л., 1950, 57, 79.
[6] Slovo o pluku Igorově: Ruský text v transkripcí, český překlad a výklady J. Jungmanna z R. 1810 vydal a úvodem opatřil Francev V. A. v Praze, 1932.
[7] Igor Svatoslavič, hrdinský zpiev s připojením českého a nemeckého přeložení od Wáclawa Hanky, v Praze, 1821.
[8] Slovo o pluku Igorově / Přel. Martin Hattala. Praha, 1858.
[9] Dvě spěvů staroruských, o vypravě Igora a Zadonština. Vydal K. J. Erben, v Praze, 1869.
[10] Slovo o pluku Igorovom / Prel. Komorovsky Jan. Bratislava, 1960.
[11] *Kopečný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Academia, Praha, 1981, 124, где указано, что *groza* (*hrůza, hrôza*) во всех славянских языках, кроме русского, имеет значения *страх, ужас* (Schrecken, Schander), в восточнославянских языках *гроза* — 'явление природы', в болгарском только прилагательное *грозен* — 'отвратительный'.
[12] Wyprawa Igora no Połowców: Poemat sławańsky wydany przez Augustina Bielowskego. Lwów, 1833.
[13] *Brückner A.* Hystoria literatury rosyjskiej. Lwów — Warszawa; Kraków, 1922, 1, 144.
[14] Słowo o wyprawie Igora / Przeł. Julian Tuwim, Kraków, 1928.
[15] *Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. М. Л., 1946, 202.
[16] Там же, 99—100.
[17] *Булаховский Л. А.* «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. статей под ред. Адриановой-Перетц В. П., М.—Л., 1950, 151.
[18] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, 122.
[19] Словарь-справочник, вып. 3, 130.
[20] Словарь-справочник, вып. 4, 105.
[21] Слово о полку Игореве / Под ред. Адриановой-Перетц В. П. М., 1950.
[22] Слово о полку Игореве. М.: Просвещение, 1981, 186.
[23] Слово о полку Игореве. М.: Просвещение, 1965.
[24] Словарь-справочник, вып. 4, 105—106.
[25] Древнерусский текст цитируется по первому изданию: Ироическая песнь о походе на половцев Игоря Святославича. М. 1800, 19.
[26] Там же.
[27] См. Словарь-справочник, вып. 3, 135.
[28] См. Польско-русский словарь, М., 1963, 288.
[29] См. Чешско-русский словарь. М., 1959, 303.
[30] Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. статей под ред. Адриановой-Перетц В. П., 159.
[31] Там же.
[32] См.: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. — В кн.: Хрестоматия по истории русского языка Обнорского С. П. и Бархударова С. Г. М., 1952, 132, строка 47.
[33] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, 80.
[34] Слово о полку Игоревом: Превео и објаснио Данило Медиħ у Светом Петрограду, 1870, 38.
[35] Słowo o wyprawie Igora: Przeł. J. Tuwim. Kraków, 1928. Słowo o wyprawie Igora: Przeł. J. Tuwim. Wroclaw, 1950.
[36] Ottova svétová knihovna; Príseň o vypravě Igorově, přeložyl a úvod napsal Papaček Pavel. Pr., 1926, 35.
[37] Slovo o pluku Igorově. Pr., 1946.
[38] Цит. по кн.: Слово о полку Игореве. М.: Детская лит-ра, 1975, 118.
[39] Там же, 39.

М. Ф. Мурьянов

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДР.-РУС. *ХОМѢСТОРЪ*

Находящийся в Изборнике 1073 г. зооним *хомѣсторъ* не раз привлекал внимание историков языка; словарная статья ЭССЯ отличается наибольшей основательностью и дает решение двоякой задачи: в ней определен зоологический вид и объяснено собственно слово (ЭССЯ 8, 67—68.).

Трудность проблемы, противоречивость толкований обусловлены прежде всего тем, что Изборник, памятник переводной, именно для того произведения, где упомянут *хомѣсторъ*, греческого первоисточника не называет, не идентифицировано оно и в исследовательской литературе об Изборнике. Назвать этот первоисточник — значит существенно продвинуться от догадок к фактам, поскольку соотношение слов и вещей на материале греческого языка известно несравненно детальнее, чем на материале языка древних славян. Идентификация всего произведения, занимающего лл. 156—157 Изборника — вопрос, в рамки «Этимологии» не вмещающийся, он будет рассмотрен в другом месте. Что же касается узкого контекста, фразы, в которой находится интересующее нас слово, то никто не обратил должного внимания на то, что ее фактически опознали первые исследователи состава Изборника А. В. Горский и К. И. Невоструев, когда они высказались по поводу содержания лл. 156—157: «излагается объяснение на Притч 30, 15 <. . .>, а затем объяснение и на все последующие стихи до 31 включительно» [1]. Соответственно этому фраза хомѣсторъ роукама сѧ опираѩ · и оудобь оулавѩѥмъ · тъ живеть въ полатахъ цѣсарьскыихъ (Изборник, л. 157) является переводом из Септуагинты: καλαβώτης χερσὶν ἐρειδόμενος καὶ εὐάλωτος ὢν κατοικεῖ ἐν ὀχυρώμασιν βασιλέως (Притч 30, 28). Это — слова «Агура сына Иакеева, массаита», т. е. члена арабского племени потомков Массы (Быт 25, 14); данных о времени написания этой главы Книги притч не существует [2]. Здесь καλαβώτης представляет собой не вызывающее в классической филологии никаких разногласий название ящерицы (Chantraine, I, 123), название народное, засвидетельствованное в языке Аристофана («Облака» 170), причем как раз в таком контексте, который снимает недоумение относительно образа жизни ящериц: если на широтах Киевской Руси они сторонятся человеческого жилья, то в Средиземноморье дома́ ими кишат, в комедийной сцене ящерица сидит на карнизе мыслильни, над разинувшим рот Сократом. Этимологически неясному καλαβώτης соответствует в Вульгате *stellio* (<*stella* ʽзвезда’), в чем находят признак конкретной разновидности ящерицы.

В древнееврейском оригинале Библии, Масоре, словам εὐάλωτος ὢν нет соответствия, они добавлены греческими переводчиками, тогда как переводчики коптские сделали иное добавление, означающее, что это существо не ʽлегко поймать’, а ʽлегко убить’ [3], последнее не очень хорошо вяжется с греческим пониманием, с тем, что писал

Иоанн Златоуст: «никто не обижает его», οὐδεὶς λυμαίνεται τοῦτον [4]. Возможно, что не о лапках этого существа, или его 'руках', для которых в Изборнике применено двойственное число против греческого множественного (это является обычным грамматическим преобразованием в практике старославянских переводчиков [5]), в древнееврейском оригинале идет речь, здесь смысл скорее всего иной: это существо так крохотно, что человек его может взять руками, и все же оно знает, как проникнуть в царский дворец [6]. При переводе с иврита синтаксис перестроился, таким текстом Притч 30, 28 довольствовалось европейское средневековье, ящерица получила свое скромное место в системе символов [7].

Лютер, подвергнув ревизии текст Библии, заменил 'ящерицу' на 'паука', вследствие этого Библия на языках стран, принявших Реформацию, называет в Притч 30, 28 паука (нем. *die Spinne*, англ. *the spider*, франц. *l'araignée*), но на католическом юге в этом стихе осталась ящерица (итал. *il ramarro*, исп. *el estelion*). Новгородская Геннадиевская библия 1499 г. и первопечатная Острожская библия 1581 г. тоже говорят о ящерице, но в послепетровскую эпоху русская церковь, на словах всячески отмежевываясь от протестантизма, не устояла перед искушением поставить в русском синодальном переводе Притч 30, 28 паука, тогда как в синодальной церковнославянской Библии здесь значится *ѩщерица*, с подстрочным примечанием: «евр: паѹкъ» [8]. Сам факт простановки разночтения не в критическом, а в официальном церковном тексте необычен, таких подстрочных примечаний в синодальной Библии очень мало. В данном случае оно к тому же филологически несостоятельно и опять-таки покорно следует за движением мысли Лютера. Лютер полагал, что улучшает библейский текст, приближает его к букве и духу древнееврейского оригинала. На самом же деле он в данном случае выразил лишь точку зрения провансальского раввина Леви бен Герсома (1288—1344 гг.) на Притч 30, 28, одну из нескольких в раввинистической традиции.

В тексте Масоры здесь стоит ивритский гапакс *šᵉmāmīt*, для доказательного истолкования которого данных у ученых раввинов не было, как нет их и в современной семитологии [9]. Вместо паука-раввин Абен Езра находил здесь обезьянку, а Саадия бен Иосиф, он же Саид ал-Файюми (892—942), творец арабского перевода Ветхого завета — ласточку [10]. Сейчас у Леви бен Герсома обнаружен единомышленник, о котором, впрочем, Лютер знать не мог, — анонимный иранский переводчик Книги притч, который «в целом хорошо понимал текст» и употребил в интересующем нас стихе сущ. *prstwr* [11], ученым издателем памятника включенное в «список слов, отличающихся от слов классического персидского языка своими формами или значениями» и сопровождаемое толкованием: 'паук' [12].

Со временем даже протестантская наука признала, что достаточного основания для замены ящерицы на паука у Лютера не было, геттингенская знаменитость эпохи Просвещения Иоганн Михаэлис, впервые поставивший библейскую филологию на прочный семитологический фундамент, в своем «Немецком переводе Ветхого завета

с примечаниями для неподготовленных» вернулся к мысли о южных ящерицах, ядовитых гекконах, добавив: «У нас их нет вовсе; следовательно, я — слава богу! — не могу предложить никакого немецкого названия» [13].

В отличие от этого творцы киевского Изборника 1073 г. отшутиться от стоявшей перед ними переводческой головоломки не могли и должны были выбрать один из двух путей — либо, как это случалось позже, передать καλαβώτης через *калавотисъ* (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 32), что еще более затемнило бы и без того трудный текст, либо совершить подстановку другой, понятной заказчику рукописи князю Святославу зоологической реалии. Выбор пал на хомяка. Между прочим, это проливает свет на одну — пусть незначительную, но живую — черточку славянского домашнего быта, на неизвестный из иных древних источников обычай содержать хомячков в неволе, в качестве комнатного украшения.

Почему хомяк в Изборнике называется *хомѣсторъ*? Возможно, этимологи чрезмерно усложняют толкование этого слова, притягивая все даже отдаленно похожее фонетически, вплоть до звуков, издаваемых самим хомяком, и забывая о существовании абсолютно точного латинского соответствия — сущ. *comestor*, или **chomestor* (форма, реконструируемая по аналогии с множеством случаев засвидетельствованных равноправных написаний *co-* и *cho-* [14]). Такое славянское название грызуна (и его производное *хомяк*), как бы давно оно ни возникло, можно было бы отнести к книжному влиянию, идущему с запада; его восточный диалектный синоним — *карбыш* (Филин 13, 82; 14, 312). Семантически лат. *comestor* 'обжора' подходит к природе хомяка достаточно хорошо, норы этого полевого вредителя, в которых находят до центнера зерна, запасенного на зимний период, всегда доставляли немало хлопот земледельцам. Обычно это слово относилось к людям определенного склада или к нахлебникам (*comestor panis* или слитное *paniscomestor* [15]), но применимость такого названия к саранче и грызунам засвидетельствована в поздне-античной латыни — у Иеронима и Тертуллиана [16].

Нем. *Hamster*, по консонантизму совпадающее с лат. **chomestor* и засвидетельствованное в письменности не позже киевского Изборника, по предложению Лескина считается славянским заимствованием. Однако оно могло возникнуть и непосредственно на латинской основе. В пользу славянского посредства говорит только один серьезный аргумент — направленность распространения зоологического вида, двигавшегося от славянского востока на запад, до Рейна, который перейден хомяками не был.

Примечания

[1] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859, т. 2, ч. 2, 377—378.
[2] *Torrey C. C.* Proverbs. Chapter 30. — Journal of Biblical Literature, 73, 1954, 93—96; *Eissfeldt O.* Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1964.
[3] *Barucq A.* Le Livre des Proverbes. P., 1964, 226.
[4] Patrologia Graeca, 64. P. 1862, 737; *Иоанн Златоуст.* Творения, СПб., 1906, т. 12, ч. 3, 1136.

[5] *Шульга М. В.* К истории грамматического выражения значения парности в русском языке. — В кн.: ОЛА. 1982. М., 1985.
[6] *Alonso Schökel L.* Proverbios y Eclesiastico. Madrid, 1968.
[7] *Bauer J.-B.* L'exégèse patristique créatrice des symboles. — In: Sacra pagina: Miscellanea biblica. Paris; Gembloux, 1959, vol. 1, 180—186.
[8] *Глаголев А. А.* Комментарий на Книгу притчей. СПб., 1907, 91.
[9] *Haag H.* Bibel-Lexikon. Tübingen, 1968, 368, 1755.
[10] *Toy C. H.* A critical and exegetical commentary on the Book of Proverbs. Edinbourgh, 1959, 535; *Mac Kane W.* Proverbs. A new approach. L., 1970.
[11] *Mainz E.* Le Livre des Proverbes en judéo-persan. — Journal Asiatique, CCLXVIII, 1/2, 1980, 71, 105.
[12] *Mainz E.* Vocabulaire judéo-persan. — Studia Iranica, 6, 1. Leiden, 1977, 75, 88.
[13] *Michaelis J. D.* Deutsche Übersetzung des Alten Testamentes mit Anmerkungen für Ungelehrte. Göttingen, 1778, Bd. 7, 102.
[14] Mittellateinisches Wörterbuch. Berlin, 1971, Lfg. 14, 540—550.
[15] Lexicon mediae et infimae latinitatis Polonorum. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, 12, 633.
[16] Thesaurus linguae latinae, Leipzig, 1911, vol. 3, col. 1781.

Г. Н. Лукина

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП В СФЕРЕ КОНКРЕТНОЙ ЛЕКСИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Изучая культуру того или иного народа, представители исторической науки обычно делят ее на три области: материальная, духовная и социальная. Именно таким образом построены фундаментальные монографии историков древнерусской культуры по домонгольскому периоду [1] и более поздней эпохе XIII—XV вв.[2] В них, наряду с описанием состояния той или иной области культуры, рассматриваются иногда также и соответствующие названия самих предметов, реалий. Лингвистов же в первую очередь интересует лексика, в той или иной степени соотносящаяся с определенной областью культуры народа. Поэтому ввиду неодинакового объекта исследования, лексика, которая содержится в работах историков, и лексика, извлекаемая лингвистами из памятников письменности, в большинстве случаев не совпадает. А между тем сопоставление различных групп лексики иногда приводит к некоторым наблюдениям, в частности, и об их сравнительной хронологии, что в конечном итоге может представлять интерес и для истории народа в широком смысле.

Анализируя лексику, связанную с историей материальной культуры русского народа, следует прежде всего обратиться к ее раннему состоянию, т. е. тому, которое представлено в древнейших письменных памятниках. Именно этот период условно принимается нами, как это сделано в Словаре древнерусского языка XI—XIV вв., за один синхронный срез [3].

Для исследования лексики материальной культуры чрезвычайно плодотворным оказался метод изучения лексико-семантических групп слов. В настоящей работе в таком плане были рассмотрены некоторые группы слов, отражающие лексику материальной культуры древнерусского народа. Это — слова с конкретно-бытовым значением: названия тканей, одежды, головных уборов, обуви, мехов, украшений, сосудов, различной утвари.

Изучая подобную лексику, удалось заметить, что помимо отношений внутри той или иной лексико-семантической группы слов (о чем неоднократно писалось) существуют еще определенные системные отношения между отдельными группами лексики в пределах более широкого лексического пласта. В частности, обнаружен целый ряд семантических связей между отдельными лексико-семантическими группами. Причем такие связи затрагивают не только лексику, связанную с материальной культурой народа (сам предмет исследования), но и другие группы лексики: названия частей человеческого тела, растений, животных, метрологические термины, названия денег.

Так, уже раньше было замечено, что некоторые славянские названия (впрочем, не только славянские) мер длины являются терминами антропометрического происхождения: **dolnь* и др. Это, например, относится к древнерусскому *локъть*. Первичное значение этого слова 'локоть руки, рука': *локъти* своя устремляеть на вретено (ЛЛ 1377, 26, 980). Вторичное значение — мера длины — широко представлено в ранних памятниках: ст҃ославъ. . . умысли съзьдати цр҃квь камяну ст҃ыма и съзьдавъ еѣ доо (так) · п҃ · *локътъ* възвыше преставися (СкБГ XII, 22 г.); А се мостьнику уроци. помостивъше мостъ. взяти о/т/. і҃. *локотъ* по ногатѣ (РПр 1280, 625 г.); кождо камень имыи *локотъ* · г҃ · въ ширыню, а въ долготу // *локоть* · ѕ҃ · (ἀνὰ πηχῶν . . . ἀνὰ πηχῶν) (ГА XIII—XIV, 119б—в).

У реже употребляющегося слова *лакъть* зафиксировано только вторичное значение: камень бяше исходя предъ ц҃рквью *лакатъ* семьдесятъ (СбТр XII/XIII, 43 об.); .з҃. *лакотъ* имуща копье (ἑπτάπηχυν) (ГА XIII—XIV, 85а); и затворися в печерѣ. в едином улици въ кельици малѣ, яко четырь *лакотъ* (ЛЛ 1377, 64 об., 1074). В литературе известны также некоторые другие названия конечностей, получившие значение мера длины: *пьрстъ*, *пядь* и др. Некоторые материалы на эту тему можно, например, почерпнуть в книге Г. Я. Романовой [4].

Вторичными по происхождению названиями являются также некоторые наименования видов пищи. В языке древнерусских письменных памятников наиболее многочисленны названия видов пищи растительного происхождения: *бобъ*, *горохъ*, *груша*, *гръздовие*, *гръздье*, *дыня*, *капуста*, *кропъ*, *лукъ*, *макъ*, *овьсъ*, *орѣхъ*, *дыня*, *пьпрь*, *пьшено*, *пьшенъка*, *ривифъ* (*ривифь*), *рьдька*, *рѣпа*, *слива*, *смокъвье*, *смокы*, *сочиво*, *сочивица*, *фюникъ*, *чесновитъкъ*, *чесновитьць*, *чеснъкъ*, *ячьмы*, *ячьмыкъ*. В определенном контексте название растения (и совпадаю-

щее с ним название плода) получает значение ʻвид пищи’. Приведем некоторые примеры: подобаеть ѣсти брашьна. в҃. едино съ зелиемь. а другое съ *сочивъмь*. устроено обое. съ дрѣвянымь маслъмь и съ *лукъмь*. довъльно и съ зелиемь. яко съ кропъмь и чябръмь (УСт XII/XIII, 205); ядяхомъ мя/с/а *лукъ* и хлѣбы да сыти (ЛЛ 1377, 32, 98б); кождо же носящеть себѣ пищю. яко же можаше и хотяше овъ мало хлѣба. овъ же *смокви* инии же *фюникы* (СбЧуд XIV, 59в); и ямы мангерию съ *сливами* безъ масла. и *капусту* (ПНЧ XIV, 197б); и засляхуть лю/д/е моисѣови. о/т/ неядении мясъ. и *чесновитьца* (Пал 1406, 140в). Это — тот тип значения, который существует и в современном русском языке, но лишь спорадически фиксируется в словарях. См., например, в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: «горох. . . 1. Огородное и полевое бобовое растение. 2. собир. Зерна этого растения, употр. в пищу» (Ушаков I, 604).

Аналогичные значения можно также выделить при рассмотрении древнерусских названий видов пищи животного происхождения. Здесь название животного получает значение ʻвид пищи’: на обѣдѣ же служьба бѣ многа. съсуди златьмь съковани. и сребръмь. брашьно много // и различьно. *тетеря. гуси, жеравие. ряби, голуби. кури. заяци. елени. вепреве* (СбТр XII/XIII, 3 об. — 4). Круг таких существительных был сравнительно узок ввиду существования в языке данного периода продуктивной модели с суф. *-ина/-овина* со значением ʻмясо определенного животного’. В текстах отмечены не только *говядина* и *свинина*, но и *бобровина*, *вѣверичина*, *давленина*, *дичина*, *заячина*, *звѣрина*, *звѣроядина*, *конина*, *медвѣдина*, *мьртвьчина*, *мьщина* (от *мьскъ*), *пьсина*, *тетеревина*, *удавленина* (ср. также образование от названия рыбы *осетрина*). В ходе истории языка количество подобных наименований уменьшалось, а способ переноса ʻназвание животного’ → ʻвид пищи’ сохранился, что отчасти фиксируется словарями современного русского литературного языка, например Словарем под ред. Д. Н. Ушакова: «курица. . . 2. Мясо курицы или петуха, как пища». (Ушаков I, 1553). В итоге можно сказать, что в древнерусском языке, помимо собственно названий блюд растительного происхождения, таких, как *афира*, *каша*, *коврига* (*ковригъ*), *коврижька*, *крупичьникъ*, *кысель*, *магерия* (*мангерия*), *пирогъ*, *посмагъ*, *хлѣбъ*, *хлѣбьць* и др. в значении ʻвид пищи’, употребляются также названия многих съедобных растений. Такие же процессы характерны и для формирования названий пищи животного происхождения.

Другой семантический перенос наблюдается в группах слов, обозначающих названия тканей и видов одежды. Здесь довольно регулярно первичное название ткани получает значение ʻодежда из данной ткани’. В памятниках XI—XIV вв. представлено большое количество подобного материала. К названиям льняных тканей, встретившихся в значении ʻвид одежды’ относятся слова *льнъ* и *платьно*: мы же пло/т/ свою питае/м҃/ и *льномь* и *шелкы* одѣвае/м҃/ (ГБ XIV, 99б); сложи вѣнець и багряницу платна паучины хужща сия вмѣнивъ /ЖВИ XIV—XV, 128а/. Слово *понява* (*понева*) обозна-

чает одежду из полотна, главным образом, погребальную: азъ. . . вълѣзохъ // въ гробъ и съвлѣкохъ и . . . оставивъ на нем. одину тъчию *поняву* (ПС XI, 51 об.—52). Названия тонкого полотна грецизмы *вусъ* и *вусинъ* также наблюдаются в значении 'вид одежды': и въ перфирѣ, и въ *вусѣ* питающеся, и въ глубинѣ убожья истьляющеся (ἐν βύσσῳ) (Пч. к XIV, 117 об.); и видѣвъ люди издалеча Александръ въ бѣлахъ ризахъ, иерѣемъ же престоящемъ въ *вусинѣхъ* (ГА XIII—XIV, 28 г).

Почти все названия шерстяных тканей, отмеченные в памятниках письменности XI—XIV вв., встретились в значении 'вид одежды', например, *сукно*: травою питати/с/ и *сукны* и власяницами одѣватися (τριχίνοις ῥακίοις) (ГА XIII—XIV, 268а). Группа синонимичных существительных, обозначающих дорогую шерстяную ткань багрового цвета, также может образовывать значение указанного типа (*багръ* и *прапрудъ*, *прапруда*, *прапрудь*): тъ богато на земли живяше. въ *багрѣ* и въ паволоцѣ хожаше (СбТр XII/XIII, 3 об.); и облѣченъ бы/с/ въ *прапрудъ* новыи и дивныи (πορφύρα) (ГА XIII—XIV, 238б). Сюда же относится грецизм *порфира* с вариантами *перфира* и *парфура*: въ ругателную *порфиру* облеченъ и вѣнчеваемъ (πορφύρωσιν) (ФСт XIV, 52а).

Из названий шелков в значении 'вид одежды' может употребляться термин с более общим значением *паволока* и существительные *шьлкъ*, *брачина*: паучина приносимъ на *паволоку* ц(с)рьску (ПНЧ XIV, 102а); мы же пло(т) свою питае(м). и лномь и *шелкы* одѣвае(м) (ГБ XIV, 99б); раби его прѣди текуще мнози въ *брачинѣ* и въ гривьнахъ златых (СбТр XII/XIII, 3 об.). Подобное значение находим и у грецизмов *акинфъ* и *оксамитъ*: иерѣемъ же престоящемъ въ вусинѣхъ, . . . архиерѣю же иже въ *акинфѣ* и въ златѣ красотѣ (ἐν ὑακίνθῳ) (ГА XIII—XIV, 28г); ты ныне в *оксамитѣ* стоиши. а князь нагъ лежить (ЛИ ок. 1425, 208 об., 1175).

Несмотря на то, что указанный тип значения распространен также и в современном русском литературном языке, оно не всегда фиксируется словарями: см., например, слова *сукно* и *лён* в толковых словарях. Лишь для слова *шелк* отмечено употребление 'изделие, одежда из такой ткани', которое в Словаре современного русского литературного языка приводится с пометой «разговорное» (ССРЛЯ, 17, 1333).

Семантические взаимоотношения между группами слов со значениями 'вид ткани' и 'одежда' являются двусторонними. Для языка ранних древнерусских памятников характерен также другой переход: 'название одежды' → 'название ткани'. Круг этих слов ограничен образованиями с суф. *-ица*: *багряница*, *чьрвленица* (на основе цветового прилагательного) и *понявица* (на основе существительного): и начати древодѣльство дѣяти злато и сребро. и мѣдь и синету *багряницю*. и *червьленицю* (Пал 1406, 132г); аще кто обиеть е (камение) *понявицею*, и держить над огне/м/. то руку обожьже(т) *понявица* же без вреда пр(е)бывае(т) (Там же, 139а).

Регулярно образуют вторичные значения слова со значением 'вид сосуда'. Как неоднократно отмечалось исследователями, эти

названия развивают терминологическое значение 'мера объема'. В качестве примера можно привести древнерусские наименования *вѣдро* и *кадь*: вирьнику взяти. з҃. // *вѣдеръ* солоду на не(д҃)лю (РПр 1280, 616б-в); и купляху *кадь* ръжи по .д҃. грвнѣ (ЛН XIII—XIV, 37, 1170). В отличие от приведенных слов, которые употребляются в текстах и в своем первоначальном значении, довольно многочисленная группа исконных названий сосудов встретилась в языке памятников XI—XIV вв. лишь в значении 'мера объема'. Это — существительные *дежька*, *кадъка*, *коробъ*, *коробья*, *къбьлъ*, *лукъно*, *мътра*, *пузъ*: пятьнадеся (так) *дежекъ* овьса (ГрБ № 219 XII—XIII); (у) милослава поставило .д҃. *кадце* пшенице (ГрБ № 196 XIII—XIV); имати по .в҃. векши. о(т) лодье. и о(т) воза. и о(т) лну. и о(т) хмелна *короба* (ГР 1264—1265, 1, новг.); а наима даи *коробию* ржи (ГрБ № 191 XIII—XIV); се погъбе пьшеница по пяти тысущь (так) *къбьлъ* (ПС XI, 59 об.); а солоду дадять ему одину. і҃. *луконъ* (РПр 1280, 625 г.); купи по срѣбренику *мътру* вина. и пришьдъ в аньтиохию. и продасть ту же *мътру* (корчагу — ПрЮр XIV, 96в) по златнику (Пр н. XIV, 80б); доняти на тои земли. . сороковъ бѣ(л) да два *пуза* ржи сѣмянныи (Гр XIII—XIV).

Нередко образованное в пределах той или иной лексико-семантической группы слов вторичное значение в свою очередь является базой для возникновения еще одного или нескольких значений. В этом смысле показательны древнерусские названия мехов, которые регулярно образуются путем метонимического переноса из названий пушных зверей: *бобръ*, *вълкъ*, *лисица*, *пьсьць*, *соболь* и др. Более узкая группа названий беличьих и куньих мехов получает дальнейшее семантическое развитие (*бѣла*, *бѣлъка*, *вѣверица*, *вѣкъша*; *куна*, *куница*). Например, у слова *куница* развивается новое значение третьего порядка 'вид пошлины': и с нашего монастыря островъского *куници* не брати а никакихъ пошлинъ (Гр. ок. 1399, 5, полоцк.). Широкую картину всех возможных в данном случае семантических переносов представляет древнерусское слово *куна*: 1) 'пушной зверь'; 2) 'шкурка куницы' и 'одежда из таких шкурок'; 3) 'денежная единица'; 4) мн. 'деньги'. Примеры из памятников: вѣроваху бо . . . на елура рекше в *куну* (ГА XIII—XIV, 45в); володимиръ повелѣ метати людьмъ *кунами* же и скорою и паволокы (СкБГ XII, 25в); ты же облачиши ся и ходиши въ паволоцѣ и въ *кунахъ* (СбТр XII/XIII, 15 об.); въдале есмь гюрьгевицу безъ девяти *кунъ*. в҃. гривьнѣ (ГрБ № 119, 10—13 XII); и *кунами* тому давъ отъпусти и (ЖФП XII, 43в).

В пределах описываемой сферы лексики встретились также некоторые семантические связи между отдельными группами слов, не имеющие регулярного характера. Например, название растения или его плода получает значение 'вид сосуда', как это произошло, например, со словом *тыкы*: и прия *тыкъвь*. и взятъ въ неи чтьную кръвь и воду (ПрЛ XIII, 10а). Аналогичное значение наблюдается также у однокоренных *тыкъвьць* и *тыкъвица*: и видѣдѣ (так) беса идуща

мимо себе. въ образѣ члвци. имяше же ризу космату и у коегождо косма висяху *тыковца* (*тыквице*) (Пр. н. XIV, 189а) (ПрЛ XIII, 142 об.) по утренници же взимая всѣхъ черноризець *тыквици (тыкъви)* (Пр. н. XIV, 209б) и корчаги ходяше к рѣцѣ и почерпаше воду (ПрЮр XIV, 297в).

В качестве другой нерегулярной семантической связи между группами слов можно привести слово *льнъ*, являющееся исконным названием растения. Оно в древнерусском языке получило значение 'ткань из льняных нитей', а затем 'одежда': мы же уродьствуе/м/ себе одежею мяккою и ткущею и иже *лну* и червлени въздушными тканьи (ГБ XIV, 99б).

Кроме собственно семантических связей между отдельными лексико-семантическими группами слов большой интерес представляют взаимоотношения между такими группами, проявляющиеся в семантико-словообразовательной сфере. Так, например, некоторые древнерусские названия украшений являются производными от наименований частей тела. Причем, подобное явление наблюдается не только в русском языке, но этот общий принцип зачастую неодинаково реализуется в разных славянских языках: ср. рус. *ожерелье*, чеш. *náhrdelník*, словац. *náhrdelník*, бол. *огърлие*, серб.-хорв. *дгрлица*, словен. *ogrlica*.

К таким производным относится название украшения *пьрстень* от *пьрстъ*: мужь прѣмудръ. . . съньмъ *прьстень* свои иже ношаше на руку (ПС XI, 168 об.). Известна также история слова *гривьна* (производное от *грива*): 1) 'шейный обруч, служащий украшением или знаком отличия'; 2) 'мера веса'; 3) 'денежная единица'. К числу префиксально-суффиксальных образований от названий частей тела относятся также наименования *попьрсьць* 'нагрудное украшение', *ожерелье* 'украшение, надеваемое на шею' и *обручь*: на красоту же ему и на лѣпоту мѣдяны *обручи* прекова и мнози *поперсьци* (λῶροι) (ГА XIII—XIV, 210б); а то есмь да/л/ дчери своеи фетиньи. дї. *обручи* и *ожерелье* мтри ее (Гр 1327—1328, 1, моск.). Лексема *ожерелье* является точкой взаимодействия разных лексико-семантических групп, так как кроме указанного имеет еще значение 'воротник, деталь одежды': отяша има поясы и *ожерелия* и обнажена бывша ризъ своихъ (ПрЛ XIII, 43а).

Слово *обручь* имело первоначальное значение 'украшение на руке', как в приведенном выше примере. Другие значения этого слова в древнерусском языке: 'предмет в форме обода; часть воинского вооружения; венец вокруг светила'. Впоследствии в ходе развития языка первоначальное значение утратило свою мотивированность, и в современном языке слово *обруч* обозначает 'украшение в виде кольца, надеваемого на голову'. Это же относится и к ряду других славянских языков, где в значении 'украшение на запястье руки' употребляются иноязычные заимствования. Но в словац. и чеш. языках отмечены славянские образования: *náramnica* и *náramek* (производные от корня **ram-* также со значением части тела). В южнослав. языках наблюдаются образования, соответствующие **grivьna*: болг. *гривна*, серб.-хорв. *гривна*.

В более поздних памятниках русского языка представлены также другие названия украшений, образованные по указанному типу: *запястье* 'браслет', *напалок* 'перстень', *ушники* 'серьги' (ср. блр. *завушніца*, словац. *náušnica*, серб.-хорв. *наушница*).

Довольно многочисленны в древнерусском языке наименования отдельных предметов и частей одежды, также образованные от названий частей тела. Таковы, в частности, производные образования *рукавъ*, *рукавица*: свитѣ же завязавъ *рукава*. и сию вземъ грече на кладязь и ту нальявъ воды (ПКП 1406, 201в); Тиуну на вълчъцѣ. дати *рукавицѣ* (Гр 1229, сп. А). К подобным относятся префиксальное образование *окрилъ* 'одеяние, облачение' от *крило* — 'крыло' → → 'пола одежды', суффиксальное образование *пазушиница* и префиксально-суффиксальное *подъпазушье* 'верхняя часть одежды, прикрывающая грудь' от *пазуха* 'грудь': измлада бви осщнъ из утробы. и съ окриломь вда(н) олтарю (μετὰ διπλοιδος) (ГБ XIV, 174г); Облещися достоини на(дъ)брони пазушиници (χιτῶνα) (Пч. к. XIV, 82); сти/х/рь .е. ис(т)каная на нб(с)и прапруда. а *подъпазушье* нешвеная ребреная ѣзва (ЗЦ к. XIV, 31а). К аналогичным наименованиям примыкает также *оплечье* 'часть воинского доспеха', встретившееся лишь в образном употреблении: изясла(в) бяше посаженъ на лукахъ княжити. и о(т) литвы *оплечье* новугороду и тамо преставися (ЛН XIII—XIV, 1198).

Некоторые древнерусские названия обуви представляют собой суффиксальные наименования, также образованные от названий частей тела: *плесньць* (*плесна* 'нижняя часть ноги, стопа') и *копытьце* (от *копыто*, как *окрилъ* от *крило*): да будеть же и *плесньци* тѣхъ. глубоци же и высокы пяты имуща (УСт XII/XIII, 225); еще же и рукама своима дѣлахуть дѣло. ово ми *копытьца* плетуще и клобукы и ина ручьная дѣла строяще (ЖФП XII, 36а). Сюда же можно отнести также некоторые диалектные наименования, исследованные Г. В. Судаковым, в частности, префиксально-суффиксальные *прикопыты*, *паголенки* [5].

Довольно регулярно встречаются наименования деталей одежды, которые образованы от названий частей тела при помощи приставки *на-* и различных суффиксов: *ногогъва*, *наплечька*, *наплечьникъ*, *наплечьница*, *нарамьникъ*. Эти производные могут восходить к соответствующим предложно-падежным сочетаниям. Приведем материал из памятников письменности: подобаеть же имъ. ни въ наричяемых *наногъвахъ* ходити (УСт XII/XIII, 224); бугаи соболии и *наплечки* (Гр ок. 1339, 1, моск.); и пояс подобно к .а.-му поясу състегновену, еже *наплечникъ* и ефудъ наре(ч)ть(с) (ἐπωμίς) (ГА XIII—XIV, 27а); егда убо иерѣи хотяше въпросити ба, привязываше наплечницю посредѣ персии (ἐν τῇ ἐπωμίδι) (Там же, 27в); и вси вношаху проповѣданое имъ. . . овъ злато. инъ сребро. се же каменье драгое на *нарамникъ* (ГБ XIV, 205а)

Подводя итоги наблюдениям над некоторыми лексико-семантическими группами конкретных существительных из языка письменных памятников XI—XIV веков, можно сделать следующие заключения.

1) Древнерусские названия сосудов довольно регулярно приобретают значения мер объема.

2) Названия животных, употребляемых в пищу, являются семантической основой появления в определенном контексте значения — 'пища, вид, пищи, блюдо'.

3) Наименования пушных зверей образуют названия мехов и далее (окказионально) ряд производных значений.

4) Наблюдается регулярный семантический переход: 'название съедобного растения' → 'название вида пищи'. Из нерегулярных соответствий наблюдаются следующие: 'растение' → 'ткань' и 'растение' → 'сосуд'.

5) К регулярным соответствиям следует отнести также в соответствующем контексте семантический переход типа 'ткань' → 'одежда'. Здесь нами отмечено также и наличие обратной связи (в ограниченных словообразовательных рамках).

6) Отмечаются также старые семантические модели: 'часть тела' → 'мера длины' (и 'мера объема' — ср. **gъrstь*).

7) Названия частей тела служат также основой при образовании целого ряда наименований одежды и украшений.

8) В результате сопоставления различных лексико-семантических групп словарного состава можно, вероятно, говорить о выделении более старых пластов лексики: названия животных, названия растений, названия сосудов, тканей и, конечно, названия частей человеческого тела.

9) Таким образом, можно сказать, что древний характер имеет не только лексика, связанная с отражением мира природы (живой и неживой) и человека, но и некоторая лексика, отражающая материальную культуру народа: наименования сосудов, тканей.

10) Многие из указанных выше семантических процессов (речь идет об образовании того или иного типа значения) начали происходить, возможно, еще в общеславянский период (например, 'название животного' → 'название меха'), а некоторые, возникнув в древнейший период, до сих пор являются живыми для современного русского языка (например, 'название ткани' → 'название одежды'). Лишь в одном случае можно с уверенностью сказать, что имевшая место регулярная связь 'сосуд' → 'мера' была поколеблена под действием внеязыкового фактора — утраты народной системы мер.

11) Можно выявить особое базовое значение лексики частей тела, которая легла в основу при образовании по крайней мере нескольких групп наименований.

Примечания

[1] История культуры древней Руси: Домонгольский период. I. Материальная культура. М.—Л., 1948.

[2] Очерки русской культуры XIII—XV веков: Материальная культура. М., 1970.

[3] Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.: Введение, нструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. Аванесова Р. И. М., 1966, 11.

[4] *Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.

[5] *Судаков Г. В.* Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). М., 1983, 58.

Г. Ф. Одинцов

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ НАЗВАНИЙ СТРЕЛ

Метательное оружие в виде древка с заостренным наконечником, пускаемое из лука, обозначалось уже в древнейших русских текстах праславянским термином *стрѣла* (< **strěla*): ср. ст.-слав. (Супр) стрѣла βέλος, sagitta, болг. *стрелá* 'стрела, игла', макед. *стрела* 'стрела', с.-хорв. *стриjѐла*, словен. *stréla* 'молния, стрела', польск. *strzała* 'стрела' и производные значения, например, диал. 'нижняя часть плуга; малый лемех у плуга', астрон. *Strzała* 'созвездие в северном полушарии', ст.-польск. *strzała* 'стрела', 'писарский знак в виде стрелы', словин. *strâula* 'луч', в.-луж. *třěła* 'снаряд', н.-луж. *stśěła* 'стрела', чеш. *střela* 'патрон', 'нога дикого животного', также символ быстроты, словац. *strela* 'стрела, пуля, снаряд', рус. *стрелá*, помимо основного значения, 'ловушка на волков, лисиц' (сиб.), 'леса, козлы для подъема и ставки мачт', *стрéлы* 'воспаление легких, жестокое колотье' (арханг.) и ряд других производных значений, укр. *стрілá*, блр. *стралá*.

Слово *стрѣла* индоевропейского происхождения [1], ср. не заимствованные из славянского лтш. *strę̂la* 'стрела, метательный снаряд; полоса, порыв ветра, струя', лит. *strėla* 'стрела', др.-в.-нем. *strâla*, ср.-в.-нем. *strâle*, нем. *Strahl* 'луч', др.-англ. *strǣl*, *strǣle*, ср.-англ. *strale*, норв. диал. *strīla* (Фасмер III 774; Buck 1389—1390).

Слав. *strēla* не заимствовано из германского, вопреки Я. Пейскеру, предполагавшему западногерманский источник **strēla* (др.-в.-нем. *strâla* и др.-англ. *strǣl* имели первоначально корневое *ē* [2]): заимствование из германского ввиду славянской интонации невероятно (Trautmann 289; Фасмер III 774) [3].

В. Махек объясняет слав. *strěla* и все его и.-е. соответствия как заимствование из «праевропейского» субстрата (Machek[1], 479).

Др.-рус. *стрѣла* впервые зафиксировано уже в XI в.: Помысли о оубогыхъ, каплами яко стрѣлами пронажаеми. Изборник Святослава 1076 г., л. 42 (Срезневский III 568). Определенно в качестве названия вида оружия *стрѣла* упоминается в Договоре Игоря с греками (945 г.): да посѣчени будуть мечи своими. ѿ стрѣлъ и ѿ иного оружья своего. Лавр. л., ок. 1377 г., л. 11. — Картотека СДР.

Семантика термина *стрѣла* 'метательное оружие, пускаемое из лука' одинакова при употреблении его в текстах как книжно-славянских (тогда Иаковъ напрягъ лоукъ, испоусти стрѣлоу и оустрѣли его въ десныи съсець, и абие оумре. Г. Амарт. XIII—XIV вв., л. 59 г. — Картотека СДР), так и народно-литературных ([1095 г.]: Ѡльбегъ Ратиборичь. приима лукъ свои и наложивъ стрѣлу оудари Итларя в срдце. Лавр. л., л. 76). При этом в памятниках того и другого типа слово *стрѣла* нередко указывает на оружие конного воина (Ипат. л. под 1252 г., л. 273—273 об., ок. 1425 г.; Геогр.

1710 г., 67. — Картотека ДРС), что закономерно: «При стрельбе из лука с лошади дальность (прицельной стрельбы. — *Г. О.*) увеличивалась на 30—40 процентов» [4].

Семантика оружейного термина *стрѣла* не претерпела существенных изменений с XI в. по начало XVIII в., ср.: 1) и истрасну рожаникъ ('лук'. — *Г. О.*) твои. . . и стрѣлы твоа. Библ. Генн. 1499 г. Иезек. XXXIX, 3, где словом *стрѣла* переведено греч. τόξευμα; 2) *саита* — стрела, *саитес* — стрелы. Алф. 446. XVII в., л. 204. Картотека ДРС; *саита*, стрѣла. Азбуковник, 182 (по соединенному списку словариков XVI и XVII вв. [5]), где *саита*, полагаем, из ср.-греч. σαΐτα 'стрела' (Du Cange. Gloss. graec., 1317), которое само из лат. *sagitta* 'стрела' [6]; 3) *стрѣла*, sagita, Pfeil. Кониевск. Номенклатор, 1700 г., 115. — Картотека Сл. XVIII в.; 4) *стрѣлá* βέλος, sagitta. Ф. Поликарпов. Букварь. Собр. имен, 1701 г., с. РИІ (118). — Там же.

Другие, не военно-терминологические значения др.-рус. *стрѣла* отмечаются у Срезневского (III 568): 'стрела в перен. значении, удар' (Глагола Господь: съберу на ня злая и стрѣлы моя сконьчаю на нихъ. Кир. Тур. Сл. о слеп. 62. — Таких употреблений этого слова в книжно-славянских текстах XI—XIV вв., по данным Картотеки СДР, много: Ж. Ф. Студ. XII—XIII вв., л. 144—144 об.; Ефр. Кормч. XII в., л. 212б и т. д.); *громовая (громьная) стрѣла* 'сплавленный молнией песок'; *стрѣла* 'молния'. Мин. 1097 г., 88, — в этом значении слово известно в народных говорах — арх., волог., новг., олон.; 'крюковый знак'.

Сущ. *стрѣла* было единственным родовым названием данного вида оружия в древнерусском языке, в отличие от церковнославянского, в котором Л. Нидерле отмечает два однозначных синонима — стрѣла и шипъ [7], или чешского, где также два равнозначных синонима — *střela* и *šíp* [8], или польского, где русскому *стрела* соответствуют два термина — *strzała* и *grot* [9].

Как единственное родовое название сущ. *стрѣла* дало ряд составных производных древнерусских терминов; они указывают то на стрелу определенного размера: *стрѣла недомѣрокъ* (.к҃. стрѣлъ недомѣрков. Роспись оруж. казне ц. Алексея Михайловича, 1647 г. [10]); *широкая стрела* (ездит. . . татарин Максимко Лязга с одною стрелою без лука, а стрела широкая. . . Сибир. гр. 1630 г. [11]), — то на материал, из которого она изготовлена: *стрѣла березовая*. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 177 об., 179, 180 [12]; *стрѣла желѣзная* (Два лука. . . Сто восмъдесятъ стрѣл желѣѕных иные в них бес перьа. Описн. кн. Кир.-Белозер. мон. 1668 г., л. 743 [13] (здесь речь идет о стрелах с железным наконечником, так как вряд ли в XVII в. был клей, надежно скреплявший птичье перо с металлом. Собственно же железные стрелы упоминаются в Переписной кн. Оруж. Палаты 1687 г., но не в качестве названия оружия: Пять стрѣл желѣзныхъ болших по два аршина по пяти вершков что ставятца на круглых башнях, л. 181); *стрѣла индейского дерева*. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 175 об.; *камышная*. Там же, л. 177; *кед-*

ровая. Там же, л. 176; *кипарисная.* Роспись оружию 1682—1688 г., л. 2 [14]; *немецкого дерева.* Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 179; *тростяная.* Там же, л. 178; *чипрасовая.* Росп. оруж. 1662 г., л. 20 [15], также Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 177; *яблоновая.* Там же, л. 174. Имелись составные термины, фиксировавшие разновидности стрел по месту их изготовления: *стрѣла кизылбашская* 'персидская'. Росп. оруж. 1662 г., л. 4 [16]; также Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 176 об.; *калмыцкая.* Там же, 1687 г., л. 180 об., 182; а также по их функции: *стрѣла луковая* — в противоположность *самострѣльной.* Кн. отводная Соловецк. мон., л. 5, 1711 г. [17]; *стрѣла нарядная* 'вероятно, имеющая помимо основной дополнительную функцию — не только поразить цель, но и воспламенить ее': безпрестанно стрѣляли, и зажигательными ядрами и нарядными стрѣлами многажды въ городѣ и въ острогѣ зажигали. 1633 г. [18]; На пороховом погребѣ 446 стрелъ нарядныхъ ветхихъ. Кн. пер. Новг. № 324, 1698—99 гг., л. 35 об. — Картотека ДРС; *стрѣла огнен(н)ая* (*огнистая*) 'зажигательная, предназначенная обычно для стрельбы из самострела или из пушки': Роспись. . . 43 пушки. . . 50 ядеръ по полуторѣ гривенки ядро, 750 стрѣлъ огненыхъ. 1661 г. [19]; Наук какъ прѩмые огненые стрелы дѣлати. Возми пят ѳѹнтов селитры ѳѹнтъ сѣры горѩчие полѳѹнта ѹголя истолки повыроти все вмѣсте да положи в то олѣѹ бенедиктум сиі рѣчь масло свтое да горѩчего вина сколко пригож и ѹчинити с того состава что тѣсто да. . . положи то на деревцѣ в теплоі печи чтоб гораздо подъсохло и твердо стало потом вымі тое стрелѹ вон скреби еѣ || и отачиваі ножем какъ еі быти да ѡбдеі тое стрелу невеликим чистым платом и ѹвежи еѣ нитми и потом омочи стрелѹ гораздо в ростопленѹю сѣру горѩчѹю да в сѣрѹ простѹю. XVII в. [20]; иногда вместо словосочетания *огненная стрѣла* употреблялась в том же значении только вторая его часть: іс пѹшекъ в городъ стрѣлами и гранаты мѣтали. XVII в. [21]; «Еще одно ружье, или самострѣлъ, которой выстрѣливаетъ стрѣлы огнистыя, велми потребноя есть въ морскихъ бояхъ; которыя выстрѣленыя, зацѣпятся въ межуткѣ парусовъ и веревокъ и въ моментъ зажгутъ корабль». Перевод с объявления, каково учинил инженер-барон Бланленберг послу Матвееву, 1707 г. — Письма и бумаги Петра I, т. VI, 580. — Картотека Сл. XVIII в.; *стрѣла пращьная* 'предназначенная для стрельбы из метательных машин — пращей': съ огражденїемь стрѣлъ пращьных (βελοστάσεως). Библ. Генн. 1499 г. Иезек. XVII, 17. — Картотека ДРС; *стрѣла-ратница* 'воинская стрела (в противоположность охотничьей)'. Роспись имущ. М. М. Строганова. 1627 г. [22]; *стрѣла самострѣльная.* Соловец. м. 1649 г. [23]; Кн. отводн. Соловец. м. 1662 г., л. 5. ЦГАДА, ф. 1201/1, № 475; Росп. оруж. 1662—1664 гг. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 52091 и т. д.; *стрѣла чемерита* (*съ чемеремь*) то же, что *стрѣла ѩдовита* (этот составной термин засвидетельствован в особенно древних текстах): видѣнье женьско стрѣла есть чемерита оустрѣли дшю. и ѩдъ испоусти. Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 199г.; ср. в Сб. Троицк. конца XII—начала XIII в., л. 150: женьскыи оубо възоръ

стрѣла юсть ıадовита; в Сб. Увар. XIV в., л. 74: оуже напраглъ юси стрѣлу съ чемеремь и сѣрою горачею на голову свою. См. еще: Зл. цепь, л. 6а—б, к. XIV в. — Картотека СДР.

Еще один составной термин указывал на способ изготовления оружия — *каленая стрѣла*: летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы. Сл. о п. Иг., ок. 1188 г. Существуют два объяснения этого термина. Во-первых, считают, что речь идет о стрелах со стальными (а не с простыми железными) наконечниками [24]. Однако в таком случае неясно, почему калеными именуются стрелы и никогда — наконечники стрел. Кроме того, термин *каленая стрела* резко отличается от всех других приведенных выше составных обозначений тем, что он встречается только в фольклоре [25] (или в текстах, стилизованных под фольклор, см., например: Озеров. «Дмитрий Донской», д. I, явл. 3) и в «Слове о полку Игореве», где элементы фольклора используются широко. Вероятно, перед нами древний народный термин, ставший с определенного времени народно-поэтическим. Поэтому представляется более верным другое толкование: «Древко д о р о г и х (разрядка наша. — *Г. О.*) стрел было составное: оно склеивалось из нескольких пластинок дерева рыбьим клеем и т щ а т е л ь н о п р о с у ш и в а л о с ь (скорее всего, на печи или даже на огне. — *Г. О.*), выверялось на прямизну. . . Такие стрелы назывались калеными» [26].

При этом объяснении становится возможным истолковать редкое народно-поэтическое словосочетание *паленая стрела* как не ошибку, а реальный синоним по отношению к термину *каленая стрела*: «. . . тугие луки переломал (Вольга Буслаевич), / И шелковые тетивочки перервал, / И паленые стрелы все повыломал». Пес. Рыбн. I, 5—6. — Картотека ДРС. Ср. еще: *кале́на стрѣла*, с т а р. вероятно, от ожога, закалки деревянной стрелы (Даль² IV, 344).

Из представленного материала явствует, что оружейный термин *стрѣла* широко употреблялся в древнерусской письменности на разных территориях (др.-киевск., моск., новгор., кир.-белозер., соловец. уральск., сибирск. и — ниже — астрах. памятники) и в разных жанрах (письменность деловая, народно-литературная, церковнославянская, книжная военно-научная), что говорит о его большой освоенности в русском языке.

У Срезневского (III 569) имеются следующие производные от сущ. *стрѣла*: *стрѣлити* ʻпустить стрелу с лука', *стрѣлıати*, *стрѣлолюбьць*, *стрѣлъка*, *стрѣльна* ʻбашня в укреплении', *стрѣльныи* прил. от *стрѣла*, *стрѣлıаи* ʻперестрел, расстояние, измеряемое полетом стрелы'. Сюда же, по материалам Картотеки ДРС, отнесем сущ. *стрѣлье* (3 воза стрельев да 2 воза огненного ружья. Булав. восст. 1708 г., 185) и ц.-слав. стрѣлиѧ ʻрасстояние места, сколько стрелою из лука достать можно'. Прол.: Ноябр. 20 (Miklosich LP, 896) [27].

Интересно нередкое в деловой письменности уменьш. *стрѣл(ъ)ка* ʻнебольшая стрела'. (Саадак Осиповской малой, дитячей, лук — московское дѣло с костми, лубье левкашено. . . в колчане 17 стрелок простых, тохтуй миткалин(н)ой. 10 саадаков людских с луки. . .

и стрелами. Роспись имущ. М. М. Строганова. 1627 г.[28]; ·г҃· гнезда тамариков гнездо северег недомѣрков. . . стрѣлка перевиванаы черным де(р)(ево). Росп. оруж. 1662—1664 гг.[29]), а также церковнославянское *стрѣлѧніе* τόξευμα 'стрела' (1 пят. чет.) [30].

В деловых памятниках XVII в. оружейный термин *стрѣла* стал все чаще употребляться применительно к оружию не русских воинов, а башкир, татар, народов Сибири и т. д., — вероятно, в связи с возрастанием у самих русских роли ручного огнестрельного оружия: Взяли у того башкирца за убитую голову 2 лошади, да 10 лисиц, да 2 стрелы, которыми он того малого убил. 1623 г.[31]; ранили *де* ево Ѳедку якутцкие люди на бою стрелами. Якут. а., к. 2, № 3, сст. 23. 1639 г. — Картотека ДРС; и на тех де станех те вагуличи и тотарове стружут стрелы и железца стрельные делают. Туринск. гр. 1625 г.[32]

Применительно к русским же слово *стрѣла* стало часто указывать на оружие крестьян, бедноты, использовавшееся, конечно, и на охоте: А живота. . . нашего взяли. . . восмь луковъ да пять туловъ со стрелами. А. Холм. и Уст., 3. Явка крестьян о разбое. 1632 г. — Картотека ДРС; Спрятали мужики луки и стрѣлы, торьговать со мною стали, — медведенъ я у нихъ накупилъ. Аввак. Жит. XVII в. — Картотека ДРС.

Но встречаются упоминания стрел и как оружия русских воинов: .л҃. стрел красного дерева под Ригою были ж (т. е. в походе под Ригу. — *Г. О.*). Росп. Оруж. пал. 1662 г.[33]; ср. еще приведенное выше *стрела-ратница* (1627 г.) и тексты типа: чтоб русские люди с астараханскими татары. . . стрелами не торговали. Астр. ак. № 884, Наказ. 12—13. 1625 г. — Картотека ДРС.

В XVIII в. оружейный термин *стрѣла* в основном употребляется или условно (на стрѣлы и мечи҆, на пꙋшечныѧ громы и мушке́тныѧ молнїѧ себѐ предста́ви. [О Петре I]. Г. Бужинский. Слово о победе под Полтавою. СПб., 1720, л. 10—10 об. — Картотека Сл. XVIII в.), или как историзм (Князь воїнство свое въ лѣсахъ. . . поставїлъ, оттуду находящее французское воїнство конное стрѣлами отогналъ. Пуфендорф. Введ. в гисторию европейскую. СПб., 1718, 119), или как название охотничьего оружия, и, кроме того, представлен в ряде пословиц, записанных в XVIII в.: в дрꙋге стрела что во пне, а себѣ так в ср҃дце. Посл., Собр. Пауса, нач. XVIII в.[34]; в камень стрѣлять только стрѣлы терять. Кург. Письм. I. 124. 1790 (1769). — Картотека ДРС; кончанъ (так!) пригожъ стрѣлами, а обѣдъ пирогами. Барсов. Собр. росс. пословиц, 1770, с. 104. — Картотека Сл. XVIII в. Ср. еще фигуральное народное *в стреле* 'наготове'. Наумов, 1874 г., а также *стрела* 'казак'. Архив АН СССР, ф. 9, № 16. — КСРНГ.

Об исключительной важности терминов *стрела* и *стрелять* в системе оружейной лексики (старо)русского языка мы судим по наличию в нем (с середины XVIII в.) обобщающего составного термина *огнестрельное оружие*, тогда как в украинском такое словосочетание — редкость, в польском ему соответствует выражение *broń palna*, аналогично — в чешском. Наличие словосочетания *огнестрельное*

оружие в соответствующих огласовках в южнославянских языках можно в значительной мере объяснить влиянием русского языка, особенно в связи с подъемом освободительного движения на Балканах против турок в XIX в.

Оружейный термин *стрѣла* оказался очень устойчивым и активным в русском языке на протяжении всей его истории, полностью оттеснив начавший было проникать тюркизм *ук* 'стрела', приводимый А. П. Сумароковым [35], но не обнаруженный ни в одном другом русском тексте XI—XX вв., по данным важнейших словарных картотек и словарей. Термин *ук* не смог бы соперничать с русским сущ. *стрѣла*, и внутриязыковые факторы (наличие глагола *стрѣлять* наряду со словом *стрѣла*, отсутствие иного, пусть даже исконного синонима родового названия *стрѣла*, в отличие от польского и чешского языков, повсеместная территориальная и жанровая употребительность термина, его нейтральная стилистическая окраска и т. д.) здесь, наверное, играли весьма значительную роль. Соврем. рус. *стрела́* активно употребляется лишь как спортивный термин: метание стрел из лука — один из популярных видов спорта.

Помимо родового названия стрелы, древнерусские памятники письменности содержат в себе и видовые ее названия, в том числе исконные, среди которых — *желѣзница* 'железный наконечник стрелы' (с. 1683 г.), 'стрела с железным наконечником': Сто восемьдесять стрѣлъ желѣзницъ. Кн. описн. Кир.-Б. м. I, 42. 1668 г.; Его де ранили подъ лѣвую пазуху желѣзницею. ДАИ VII, 30. 1676 г. (Сл. РЯ XI—XVII вв., в. 5, 81).

В первом значении *желѣзница* представлено в Сл. РЯ XI—XVII вв. с более поздней датировкой, чем во втором. Этот парадокс объясняется тем, что хоть авторы Словаря не располагали в то время иным материалом, но справедливо полагали, что направление номинации шло от наконечника к стреле, а не наоборот. Действительно, все остальные известные нам исконные названия стрел (см. ниже) возникли именно в связи с особенностями наконечника этих стрел, то есть процесс номинации шел в том же направлении. Кстати, недавно нами обнаружено употребление слова *желѣзница* 'наконечник стрелы' уже в памятнике 1662 г., то есть более раннего времени, чем употребление этого же слова, по данным Сл. РЯ XI—XVII вв., во втором приведенном там значении (1668 г.): .҂а҃. стрѣ*л* самострѣ*лних* да *з* желѣзницами самострѣ*л*них же .л҃. стрѣл. Отводн. книга Соловецк. мон-ря 1662 г., л. 5[36], что поддерживает построение словарной статьи *желѣзница* в Сл. РЯ XI—XVII вв. и в чисто формально-хронологическом плане.

Слово *желѣзница* 'стрела (реже копье) с железным наконечником' сохранилось вплоть до XIX в., но лишь как диалектное (ярен., волог. 1852 г.; енисейск. 1865 г. — КСРНГ), начиная со Словаря Академии Российской 1789—1794 гг., оно отсутствует в этом значении в русской лексикографии.

Два видовых названия стрелы *свистъ* и чаще *свищъ* (<**svisti̯o-*, от **svistъ*. — Фасмер III 582) не отмечаются ни одним из русских

словарей и ни в одной из академических словарных картотек русского языка (Москва и Ленинград).

1) Л8къ по ало*и* кпбити. . . пя*т* древокъ. . . || пя*т* гнѣзд з свисто*в* (так!) ј в то*м* числѣ гнѣздо свистовъ серебрены*х* четыре гнѣзда костяны*х* два гнѣзда тамарико*в* чипрасовыхъ тамарики серебреные. Росп. оружейн. казне. 1666 г.[37] Возможно, под свистом здесь подразумевается наконечник стрелы («свисты» либо «серебреные», либо «костяные»), однако в этом же контексте упоминаются тамарики не только деревянные («чипрасовые»), и тогда как будто речь идет о стрелах, но и серебряные, и, стало быть, эти же тамарики указывают как будто на наконечники стрел, т. е. переход от названия наконечника к названию стрелы в приведенном контексте очень легок. Возможно также, что серебряными или костяными названы свищи-стрелы, имеющие соответственно серебряные или костяные наконечники. Других употреблений термина *свистъ* мы не знаем.

2) Стрелы (:) | ·л· стре*л* киѕы*л*баских. . . | ·к· стре*л* береѕовы*х*. . . ·д· гнѣзда свище*г* ·в· гнѣзда тамаро*в*. . . Росп. Оруж. пал. 1662 г.[38] Здесь *свищъ* — 'стрела'; аналогично: Стрелы (:) | . . . ·ли· стрѣл. . . || ·д· гнѣзда свище*и*. . . ·в· гнѣзда тамаро*в*. . . 1662 г.[39]; Стрѣлы (:) | . . . гнездо северe*г* малехо*н*ки*х* чинаров(ых) 8шки и наконешники рыбе*г* ѕу*б* свяска тамарико*в* и свище*г* мае*н*к(их) (бере)ѕовы*х* | ·к· стрѣлъ ѧбл*о*новы*х*. Росп. оруж. 1662—64 гг.[40]; ·ке· стрѣлы и сѣверги и срезни и тамарики и свищи и желѣзца сталные. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 17а об.

Вероятно, *свищъ* — 'стрела, производившая свист в полете с целью указать воинам направление стрельбы, наподобие современных трассирующих пуль и снарядов'. Такие стрелы использовались в древности в Средней Азии и в переводе исторических источников названы Н. Я. Бичуриным *свистунками*: «Модэ сделал свистунку и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову. . . Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно не стрелявшим в аргамака отрубил головы. . . Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюя Туманя. Таким образом, Модэ, убив Туманя, . . . объявил себя Шаньюем» [41].

Возможно, обычай использовать такие стрелы пришел к русским от скифов или с Востока (известно маньчжурское *ǰoro* 'стрела с пятигранным костяным наконечником, с дырочками в каждой грани, издающими свист', заимствованное из монгольского диалектного **ǰorō-*, соответствующего монгольскому *ǰoruγa*[42]). Свистящие стрелы были известны монголам, туркам, скифам [43].

По описанию Э. Ленца, наконечники подобных свистящих русских стрел были такие же, как у срезней, «но под наконечником приделаны еще пустые костяные шарики, имеющие с двух сторон продолговатые скважины, нижние края которых срезаны косо, как у на-

них простых свистков»[44]. О сибирских трехперых наконечниках стрел с круглыми или треугольными отверстиями, сделанными для того, чтобы стрела издавала свист, и о подобных бурятских стрелах писали Д. Н. Анучин и Э. Ленц, полагавшие, впрочем, что такие стрелы использовались с целью наведения, вследствие их свиста, страха и смятения у противника[45], хотя весьма вероятно, что такой эффект был лишь побочным.

Сомнительно ничем не аргументированное толкование А. Вельтманом слова *свищъ* — 'охотничья стрела'[46]: свистящее оружие на охоте вряд ли целесообразно, да и цитированные выше источники показывают, что речь идет о воинской стреле, использованной, например, в военном походе под Ригу.

Словом *свищъ* называли не только свистящие стрелы, но и уток (Anas penelope), «названных от полету, свист производящего» (САР[1] V, 1794, 366). В каком значении слово стало употребляться раньше, трудно сказать.

Слово *срѣзень* (*срезень*) 'вид стрелы', как оно определяется и у Даля (IV[2] 306) с пометой «стар.», встречается уже в Росписи оружейной казне царя Алексея Михайловича 1647 г.: Стрѣлы (:) ·п· стрѣ*л* ѩблоновы*х* да гнѣздо срѣзне*і* березовыхъ пе*ря* белохвосцово || Стрѣ*л*ные желѣзца (,) ·в· желѣзца бѹла*т*ны*х*[47].

К стрелам в самом тексте отнесены «срезни березовые» и в Росписи оружия 1662—64 гг.[48] Очевидно, в XVII в. был вполне определенный по величине стереотип срезней, судя по словосочетанию «срѣзни мѣрные» (1666 г.)[49].

Происхождение названия можно связывать с особенностями наконечника стрел-«срѣзней».

Известен факт, что чем далее к востоку от центра Европы, тем железные наконечники стрел «представляют все более вариаций и переходят в самые разнообразные формы».

Острие наконечника может быть ромбообразным, но может образовывать «все более и более тупой угол и наконец переходит в лезвие» (см. рис. 1).

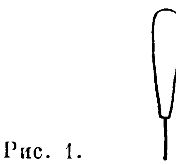

Рис. 1.

«Такие обратно-треугольные наконечники с лезвием, — пишет Д. Н. Анучин, — были в употреблении и у монголов, индусов, персов, . . . и к ним, вероятно, относится в старинных (русских. — *Г. О.*) описях оружия название стрелок «срѣзней». . . . Действительно, они не колют, а режут, срезывают. Лезвие в таких «срѣзнях» может быть слегка угловатым или выпуклым. . . или. . . вогнутым. Вогнутость эта может увеличиваться, и стрела получает наконец 2 острия или развильчатый наконечник.

Подобные находим на Кавказе, в Сибири и в Европейской России, особенно в восточной ее половине» [50] (см. рис. 2).

«Секторовидные срезни» (по Д. Н. Анучину, «обратно-треугольные») отмечает среди древнерусских наконечников стрел с IX в. и А. Ф. Медведев [51].

Таким образом, *срѣзень* — это 'стрела с плоским или вогнутым режущим наконечником'. Слово образовалось с помощью суф. *-ень* от глагольной основы *срѣз-* аналогично древнерусскому названию боевого ножа *сторчень* (от *сторчити*).

Рис. 2.

В XVIII в. этот термин вышел из употребления. Едва ли не в последний раз он встречается в Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. (напр., л. 17а об.), если не считать ее позднейших копий.

В Словаре Академии Российской (ч. V, 1794, 259) *срѣзень* приводится только в значении 'краюха срезанного хлеба'; в последующих словарях *срѣзень* 'вид стрелы' сопровождается пометой *устар.* Неупотребительно это название стрелы и в народных говорах.

Выйдя из активного употребления, слово известно в современном русском языке у археологов как научный оружейный термин.

Из заимствованных названий стрелы два зафиксированы уже в XV в.: Да Муртоза бакшей ограбилъ Осташкова сына Рязанцева, а взялъ саблю. . . да сорокъ стрѣлъ, десятокъ по десяти алтынъ, да пять *аргичей*, да два *ташлыка*, да ножъ долгой. . . — Жалобы на насилия московских людей в Крыму. Крм. д. I, 230. 1496 г.[52]

Оба эти названия встретились нам в древнерусских текстах еще лишь один раз: . . .доро*д*нъ*і* молодѣцъ ѡседлаетъ своего добра коня. . . и остегнѣтъ на себя сво*и* по*л*ны*і* садакъ а в нѣмъ ·т҃· стрелъ по*л* ·р҃· кибирег ·о҃· *аргичевъ* ·п҃· *ташлыковъ* ·л҃· сверѣгъ оприченно надобныхъ (т. е., по А. Маркову, таких, которые всегда наготове, всегда могут понадобиться) стре*л*. А всѧкаѧ стрела мор'скаѧ трость. — Отрывок из старинной былины (сказки?) о некоем молодце, коне и сабле. Из рукописной книги подьячего Троицкого монастыря А. Шешкова. 1695 г. [53]

В этих контекстах слова *аргичъ* и *ташлыкъ* имеют значение 'вид стрелы'. После их упоминания в 1496 г. они засвидетельствованы только через 300 лет в приведенной записи старинной б ы л и н ы; они отсутствуют в старорусских описях оружия XVI—XVII вв., в текстах XVIII—XX вв. и в народных говорах, значит, уже в XVII в. это были редкие, если не устаревшие, слова.

Первый контекст с употреблением слов *аргичъ* и *ташлыкъ* относится к событиям в Крыму; что касается отрывка из былин, то еще

А. Н. Пыпин обратил внимание на обилие в ней «татарских» (тюркских) слов [54], сделав даже отметку на рукописном экземпляре Румянцевского музея: «через казачество». По-видимому, оба названия — тюркизмы.

Ташлыкъ сопоставимо с тур. и татар. *tašlyk* 'каменистый, каменистая земля' (Радлов III 941). гагауз. *ташлык* 'каменистая местность', 'каменный карьер' [55], караим. *ташлы* 'каменистый, каменный' [56], баш. *ташлыҡ* 'каменистое место, каменистый берег' [57], узбекским *тошли* 'каменистый; имеющий камни, на камнях' [58], чагат., вост.-тюрк., таранч. *tašlik* 'каменный, каменистый; каменистая почва; зоб птиц' (Радлов III 941—942); ср. еще *Ташлык* — распространенное название рек, в частности на территориях, в прошлом подвластных Крымскому ханству или близких к нему (левый приток Южного Буга, в бывшей Херсонской губ.; левый приток Тясмина, бассейн Днепра), первонач. «Каменка» (Фасмер IV 30); ср. далее чагат., кирг., татар., кыпч., др.-тюрк. *taš* 'камень' (Радлов III 931—933, 939), тюрк. **taš* ($<$**tāľ*) 'камень (в разных значениях)' [59], др.-тюрк. *tašla* — 'бросить (камень)' [60], *таша-* 'побить камнями', *ташла-* 'забрасывать камнями' [61].

Из возведения др.-рус. *ташлыкъ* к тюрк. *ташлык* можно попытаться хотя бы предположительно конкретизировать семантику др.-рус. термина.

1. Не исключено, что *ташлыкъ* означало: 'стрела с каменным наконечником' (название стрелы нередко возникает по названию ее наконечника; с другой стороны, каменные наконечники стрел «продолжали употребляться и в течение металлического периода», и «в России их находят (археологи. — *Г. О.*) иногда рядом. . . с железными» [62]). При такой семантической версии легко объяснить раннее появление этого термина в древнерусских текстах и раннее исчезновение его из русского языка, а также отсутствие его в современных тюркских языках: менее совершенный наконечник с течением времени заменили в воинских стрелах более совершенным — металлическим.

2. Известно, что на заднем конце древка стрелы, приставляемом к тетиве, обычно делается вырезка, для того чтобы стрела не спадала с тетивы. Если эта вырезка довольно глубока, задний конец стрелы представляет два выступа; «такие выступы называются в старинных русских описях «ушками», они делались иногда из слоновой кости, «рыбьего зуба» (моржовой кости. — *Г. О.*), или в них вставляли бирюзу и драгоценные камни» [63]. Например, ушки особо дорогих стрел делались из светящегося камня «тирона» [64]. Как сообщает А. Р. Вельтман, в Сибири этот камень имеет свойство светиться в темноте; «он вставлялся в стрелы, чтобы отыскивать их ночью». «Украшались ушки стрел и другими каменьями» [65]. В одной из сказок о Дюке Степановиче говорится о стрелах, у которых «в ушах поставлено по тирону, по каменю по дорогу самоцветному» [66]. Приведенный же нами отрывок старинной былины, где встречается название стрелы *ташлык*, представляет собой фрагмент былины именно о Дюке Степановиче [67].

Таким образом, в одном из текстовых вариантов этой былины (сказки?) мы имеем слово *ташлыкъ* 'вид стрелы с камнем', в другом — описательную характеристику такой стрелы (у нее «в ушах поставлено по тирону»). Вторая версия как будто более вероятна, так как она опирается, в отличие от первой, на три текста, а не на два.

Другой термин, встречающийся в обоих контекстах, — *аргич*(*ъ*). В деловом контексте сказано, что если обычных стрел было сорок, то «аргичей» — всего пять, в былинно-сказочном же тексте из трехсот разных стрел упомянуто 70 «аргичей». В данном случае целесообразнее опираться на деловой текст, из которого видно, что «аргичи» — вид сравнительно редких стрел.

Возможно, *аргич*(*ъ*) заимствовано из др.-тюрк. *arγiš*, которое помимо значения 'караван', имело семантику 'вестник, гонец', 'послание, весть' [68] (сюда же — тат. *аргы* 'дальный' [69], ногайск. 'тот; дальний, находящийся вдали' [70]), и означало в таком случае вестовую стрелу, предназначенную для передачи определенной информации [изменение *š'* > *č'* при заимствовании др.-рус. *аргичь* из тюрк. *arγiš* можно было бы объяснить аналогией: в «Материалах. . .» И. И. Срезневского (I—III), полностью отраженных в книге Index a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Sreznіewskiego (авторы: Dulewicz I. и др., Warszawa, 1968, 301—303), слов, оканчивающихся на *-ичь* — 141, в том числе такие существительные, как *кирпичь*, *куличь*, *бичь*, *кличь* (ср. еще отчества типа *Кузьмич*), слов же на *-ишь* всего 9, из них только одно существительное — редкое название ткани *брюкишь* (и *полубрюкишь*)]. Такие стрелы вообще существовали, ср.: «Принесли к ним те казаки стрелу, а на ней нарезано 11 шайтанов с рубежи, а поперек шайтаны резаны, а железо стрельное терто. . . наперед сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены. . . и они де тое изменную стрелу послали к сосвинским остяком, велели с ними о измене договориться допряма». Тобольск. 1609 г.[71]

В одной из сибирских грамот от 1630 г. упоминается подобная же стрела (с определением ш и р о к а я), служившая знаком к восстанию среди татарского населения [72].

Такие вестовые стрелы должны были обладать, в противоположность другим, особенно большой дальностью полета, и потому внешне отличались от обычных стрел. Для более дальнего полета предназначались стрелы «с более широким наконечником и многоперые» [73], что соответствует описанию в 1630 г. подобной стрелы. Таким образом, *аргичами* могли называться вестовые стрелы — многоперые, с широким наконечником, предназначенные обычно для дальнего полета для передачи информации.

В следующем контексте обнаруживаем еще два названия стрел: 8 стрѣлъ Крымскихъ въ 4 пера. 3 *томары*. 3 *кайдалики*. Оруж. Бор. Год. 1588 г., 24 (Срезневский I 1179; III 976).

Слово *кайдалик*(*а*) известно в этом единственном употреблении; оно отсутствует в народных говорах. В Сл. РЯ XI—XVII вв. (в. 7, с. 26) дано его толкование: 'вид стрелы'. П. фон Винклер без аргу-

ментации определяет: 'стрела с плоским железным острием' [74]. Загадочное слово.

Второй приведенный термин имел начальную форму не *томара* ж. (которая из «Материалов. . .» И. И. Срезневского перекочевала в этимологическую литературу), а *томаръ*, м.; ср.: два томара, одинъ маленкоі. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 185 об.; .л҃. томаров. Отводн. кн. оруж. казны Солов. мон. 1649 г.[75]; три томара. Отводн. кн. оруж. казны Солов. мон. 1697 г.[76]; ср. еще уменьш. производное, отсутствовавшее до сих пор в картотеках и словарях *томарикъ* — уже в памятнике 1627 г.[77] и далее в ряде текстов XVII—XVIII вв., при отсутствии ст.-рус. *томарка*.

Томаръ и *томарикъ*, во-первых, имели значение '(костяной) наконечник стрелы': Ящикъ. . . а в немъ 6 стрѣлъ с томорами костяными. . . 20 стрѣлъ с копьями (здесь: 'наконечниками'. — *Г. О.*) желѣзными. Оп. им. Матв. 1677 г. — Чт. ОИДР, 1900, кн. 2, смесь, 15; гнѣздо стрѣлъ томаровъ шефранныхъ недомѣрковъ съ бѣлохвосцовыми перьями, томарики костяные; . . . 10 гнѣздъ стрѣлъ томаровъ и срезней. 1685 г.[78]

Во втором контексте наряду с сущ. *тамарикъ* 'наконечник стрелы' имеем слово *томаръ* 'вид стрелы (с костяным наконечником)', как и в следующем случае: Да сверхъ прежнихъ кн҃гъ обѧвилос два томара одинъ маленкоі ушки и накосточки ('наконечники'. — *Г. О.*) рыбеи зѹб перьѧ белохвосцовое. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 185. *Тамарикъ* также могло указывать на стрелу (вероятно, меньших размеров, чем «томаръ»), иногда с серебряным наконечником: Два гнезда томариковъ чипрасовыхъ одно гнездо маленко ѹшки и накосточки серебряные золочены. Там же, л. 184 об. Здесь «накосточки» указывают не на кость, а на какую-то особенность наконечника. Возможно, *томары* и *томарики* в этом и подобных случаях указывали на стрелы с тупым или типа шарика наконечником, как сибир. *томáр* м., *томáрка* ж. 'стрела с костяным тупым наконечником для боя соболя, куницы, горностая' (Даль[2] IV 414). Такой наконечник или деревянная, а также костяная шишка вместо железного острия приделывались, чтобы не повредить шкурки ценного пушного зверя (Опыт, 1852 г.). Ст.-рус. *томаръ* могло также указывать на деревянную стрелу без наконечника: Девять томаров без желѣѕа. Отводн. кн. Солов. м. 1711 г.[79]

Но были случаи, когда ст.-рус. *томаръ* определенно обозначало о с т р ы й наконечник и соответственно стрелу с таким наконечником: Въ дому потребенъ токмакъ, томаръ стрѣлный. Кар. Ист. Букварь. 1693 г., 41[80]; на таблице XXXV этого же букваря изображен острый наконечник стрелы и подписано: «томáръ». Это вполне соответствует костромскому *томáр*, *томары́* — 'длинные, заостренные деревянные гвозди' (Варн. Костр. Этн. сб. II, 132. — Картотека БАС). Ср. еще олон. *томáр* 'стрела' (без указания на характер наконечника). Куликовский 98.

Как видим, др.-рус. *томаръ* означало: 'стрела без железного наконечника (с костяным наконечником или деревянным острием

на конце)', а также 'костяной наконечник'. Такие стрелы, в противоположность тем, которые имели железный наконечник, быстро затуплялись и использовались преимущественно не воинами, а охотниками.

После завоевания Сибири (1589 г.) такие стрелы, вероятно, стали регулярно намеренно затупляться при невиданном расширении масштабов охоты на ценного пушного зверя.

Эти факты истории слова *томаръ* делают малоубедительным в плане семантическом объяснение его у В. К. Штейница как заимствования из тюрк. *tomar*, *tomyr*, *tomor* 'что-то круглое, тупое, например кочка', шорск. *тамар* 'круглая стрела с шишкой на конце', *томар* 'пень, кочки в болоте', вост.-туркм. *tomur ǰabqan bura ȯq* 'тупой наконечник стрелы' (с объяснением куманд. *tomar* 'детская стрела', вопреки В. В. Радлову (III 1236), не как заимствования из рус. *томаръ*, а как его источника [81]). В. К. Штейниц, однако, убедительно доказал невозможность выведения рус. *томаръ* из финно-угорских или монгольского языков [82].

В связи с русским *томаръ* еще в XIX в. было сделано любопытное сближение: «*томар* — санскр. *тóмара* 'дротик, палица'». I, 153. Петров, 1852. — КСРНГ.

В. И. Абаев сближает рус. *томар* с осет. дигор. *tomar*, арийск. **taumara* 'стрела; дротик; копье', др.-инд. *tomara-* 'дротик; копье', добавляя: «В русском слово не может быть оригинальным: из и.-е. **teumero-* ожидали бы **тумеръ*. Поэтому приходится думать о заимствовании из скифского или сарматского» [83].

Вероятно, перед нами действительно древнее заимствование: из всех видовых заимствованных названий стрел оно оказалось наиболее освоенным и самым активным на Руси, будучи представленным, (как и уменьш. *томарикъ*) в литературном языке XVIII в., например, в Материалах к «Российской грамматике» [84], а в XIX—XX вв. — широко в народных говорах; ср., кроме основного, другие диалектные фонетические варианты: *тама́р* 'тупой конец стрелы, стрела без копейца; тупая стрела' (Сибир. Дополнение к Опыту, 1858 г.), *тумар* 'тупая стрела, употребляемая инородцами для охоты за белками' (Юго-зап. Томск. г. Этн. сб. VI, 34. — Картотека БАС), *та́мор* 'стрела с шишкою на конце' (Енисейск. Кривошапкин, 1865 г. — КСРНГ), а также производное *тамаро́к* м. 'игра, состоящая из стрельбы луком по бабкам' (Томск. Басс. ср. течения р. Оби. 1964. — КСРНГ); наречие *томаро́м* 1) '(выйти) без повил (черных праздничных онуч)'. (Пенз. Гвоздев. Тр. Пост. ком. диалектол. рус. яз. 1928, IX, 85. — Картотека БАС); 2) 'быстро, поспешно, без оглядки' (Сибир. Доп. к Оп. 1858 г.).

Наиболее ранние фиксации названия стрелы *северга*, по данным Картотеки ДРС, относятся к 70-м годам XVII в.: 1) «Федька Северга» (антропоним). Отп. Ртищева, 1670—71 гг., 18; 2) луки и северги. Арх бум. Птр. I. 1674 г., 10; 3) 5 гнѣздъ северегъ и въ томъ числѣ 3 гнѣзда яблоновыхъ. Заб. Б. I. 1675, 727.

Слово употреблялось и раньше: 1) Потап Лихачов прозвище Северга. 1646 г. [85]; 2) .з҃. гнѣздъ северег ꙗблоновы(х) и бꙋковых...

Росп. Оруж. пал. 1662 г.[86]; 3) Стрѣлы | .кп. стрѣл березовые... .д. гнезда северег яблоновых | гнездо северег индѣиского дерева... (нако) — | сточки и ушки рыбег зуб. Росп. оруж., 1662—64 гг.[87].

Все эти контексты не дают возможности определить лексическое значение слова *северга* более конкретно, чем 'вид стрелы'. Помогает обращение к уменьш. *северeжка*, засвидетельствованному в документе 1627 г., указывающему косвенно на наличие слова *северга* уже в первой трети XVII в.: ящик бѣлой, а в нем 100 стрѣл ратниц. Ящик зелѣной, а в нем 53 стрѣлы ратниц(ы ж северeжки). Да десять северeжек, 23 томарики Росп. имущ. М. М. Строганова [88] (в скобках дан вариант текста по другому списку документа). «Северeжки» здесь отнесены к боевым стрелам, в отличие от томариков, которые уже в ту пору в ряде случаев могли быть охотничьими стрелами — с тупым наконечником или без наконечника (противопоставление слов *северга* (а также *северeжка*) и *томаръ* (*томарикъ*) в пределах минимального контекста — явление нередкое: гнѣздо северег самыхъ мѣрныхъ | пят гнѣздъ тамариковъ столничьих. Росп. оруж. 1666 г.[89]; Стрѣлы (:) | .г. гнезда тамариков гнездо северег недомѣрков. Росп. оружию. 1662—64 гг.[90]; гнѣздо тамаров сандалныхъ да гнѣздо чинаровых... .з. гнѣздъ северег jаблоновы... Росп. Оруж. пал. 1662 г.[91]

В таком случае «северги» (и «северeжки») указывали на в о и н с к у ю стрелу — с о с т р ы м наконечником, хотя и похожую отчасти на «томары» (могли иметь костяные наконечники, см. контекст выше). Недаром оружиевед-историк П. фон Винклер утверждал, что северги — «обыкновенные стрелы с у з к и м железом» (наконечником) [92].

И в связи с тем, что сущ. *северга* имело значение 'воинская стрела (с острым узким наконечником)', оно в условиях петровской европеизации армии исчезло из русского языка за ненадобностью, в отличие, например, от названия охотничьей стрелы *томаръ*. Действительно, *северга* отсутствует в литературном языке XVIII—XX вв. (по данным словарей и картотек), нет его и в народных говорах, по материалам КСРНГ, где отмечено только слово *сиверга́* 'резкий зимний ветер' (сибир. Ильин, 1916 г.), с которым связывают наречие *си́верко* 'прохладно' и которое можно связывать с сущ. *сѣвер(ъ)*.

Слово забылось: у Даля *северга́* приводится с пометой *стар.* и с толкованием «род стрелы?», причем стоит вопросительный знак и добавлено: «не казарга ли?» (т. е. 'род лука для стрельбы глиняными пулями', из татарского. Даль[2] II, 73), после чего отмечено переносное значение *северга́* 'торопыга, нетерпеливый' (пск.) (Там же IV, 169). Ударение на последний слог вполне определенно здесь отнесено к случаю с переносным значением, а не с семантикой 'род стрелы', которую с а м ж е Д а л ь о с п а р и в а е т, хотя его сравнение оружейного термина со словом *казарга* предрасполагает к допущению такого ударения. Других данных о месте ударения в слове *северга* 'род острой стрелы' нет. Ср., впрочем, фамилию *Севергин*.

Возможно, др.-рус. *северга*, как и *севрюга*, заимствовано из тюрк. *söwrük* 'острый, остроконечный, продолговатый' (ср. др.-тюрк. *сювре* 'острый', алт. *сюрю* 'остроконечный', кирг. *сюйрю* 'продолговатый, конусообразный'), откуда каз.-тат. *söirök*, тар. *sürük* 'Acipenser stellatus, стерлядь' (Фасмер III, 589 [93]): «так эти рыбы были названы по своей острой морде» [94].

О. Н. Трубачев отмечает, что «форму *севрига* упоминает уже Герберштейн (1525 г.)» (см.: Фасмер, там же). Эта дата является более ранней, чем датировка основной формы *севрюга* у Срезневского» (1585 г.), что интересно ввиду большой фонетической близости именно формы *севрига* слову *северга*.

В плане семантической типологии любопытно, что слово *желѣзница* известно в истории русского языка не только как название стрелы с железным наконечником (см. выше), но и в значении 'Clupea alosa', «рыба, к роду сельдей причисляемая, в великом множестве из Каспийского моря в Волгу входящая; величиною она крупнее обыкновенной сельди» (САР[1] II, 1099; Слов. Ак. 1847 г. I 838 и т. д. — Картотека БАС). Эта рыба отличается проворностью и быстротой движения, подобно летящей стреле, и называется также *бешенка*, *веселка* (Берг. Рыбы пресн. вод. I, 80, сн. 2. — Картотека БАС). При этом ударение в *желѣзни́ца* 'вид стрелы' и *желѣ́зница* 'вид рыбы' не совпадает.

Древнерусское *кибирь*, по Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 7, 118, 'стрела с железным наконечником' (ср. нерчинск. *киби́рь* то же; сев.-байкал. *кибúри* мн. ч. 'наконечники стрел'. 1965 г. КСРНГ) известно лишь в цитированном выше отрывке из былины о некоем молодце, коне и сабле (1695 г.): «пол .р. кибирей», — и в составе имени собственного: Кибирь Козловской. Польск. д. III, 409. 1566 г.

Так как, кроме охотничьих и некоторых других, стрелы на Руси в XVI—XVII вв. были обычно с железными наконечниками (в чем можно убедиться, обратившись к семантике старорусского родового термина *стрѣла*, см. выше), то определение *кибирь* 'стрела с железным наконечником' остается довольно широким.

Возможно, конкретизировать семантику этого термина поможет обращение к старорусскому производному *полукибирье* (*полукибирь*?), встретившемуся единственный раз — в перечне стрел и наконечников: стрѣлы и северги и срѣзни и тамарики и свищи и желѣзца сталные и полукибирьи бѹлатные розны*х* дѣ*л* и стрѣлы жъ что бываю*т* по*д* прапарами на хорома*х*. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 17а об.

Полу- добавлялось к старорусским названиям оружия, отличавшегося большими размерами — *полусписы*, *полупики* (*списами* и *пиками* именовались длинные копья), *полубайданы* 'короткие кольчуги'. Сравнивая *полукибирье* (*полукибирь*?) и *кибирь*, предполагаем у последнего семантику 'стрела больших размеров (с железным наконечником)'. Судя по всему, *кибирь* — восточное заимствование; ср. тур. (из арабского) *kebir* 'великий; взрослый, возмужалый, старый, престарелый; важный, знатный', далее *kebire* 'тяжкий грех' [95],

татар. (также из арабского) *кибер* 'огромность; высокомерие, надменность' [96], кирг. *кибир* 'медлительный человек, копуша, мямля' (по-видимому, фигуральное переосмысление из 'надменный, важный').

Хотя эти тюркские слова — арабизмы, далеко не все они, например, в турецком, имели книжный характер, иначе непонятно, как они могли быть заимствованы в качестве именно разговорных слов из турецкого в болгарский; ср., например *кибáр*, прил. неизм. разг. (араб.-тур. *kibar*) 1. 'гордый, важный', 2. 'знатный, благородный' (Речник РОДД, 204), а также *кибúр* 'важный, «большой» человек, гордый' (Геров—Панчев, 162: =«кибар, големец, горд») и т. д.

Еще одно название разновидности стрелы, а также ее наконечника — *болтъ* (с определением *самострельный*): ·ѳ· самострѣлов... ки. стрѣл ·л· болтов самострѣл(ных). Росп. оруж. 1662—64 гг. [97]; четырнатцат болтовъ самострѣлных в том числѣ три болта с костми да четыре болта бес перев. Кн. пер. Оруж. пал. 1687 г., л. 460; самострѣлы и коловраты і стрѣлы и болты самострѣлные. Там же, л. 17а об.

В первом и третьем контекстах *болтъ* (*самострѣльный*) — 'наконечник стрелы самострела', во втором — 'стрела самострела'.

Слово это вместе со старобелорусским *болтъ* 'стрела к самострелу' (с начала XVII в.) восходит к др.-в.-нем. *bolz*, ср.-в.-нем. *bolte* 'стрела, путы', как и лтш. *bulta*, польск. *belt* (с 1426 г., Sł. stp. I, 73), откуда ст.-блр. *белтъ*; ср. еще др.-англ., англ. *bolt* 'короткая тяжелая стрела или дротик' (Buck 1389—1390 [98]).

В «Уставе ратных дел» (1607—1621 гг.), цитируемом в Словаре Академии Российской (I, 1789, 278), *болтъ* приводится без определения *самострѣльный* и указывает на стрелу, которую выпускали из пушек. Ср.: *болт самострельный* стар. 'книпель, костыль для стрельбы из пушки' (Даль² I, 111). В народных говорах существительное *болт* известно как курское в значении 'рыболовное орудие на длинном шесте, которым пугают рыб' (1858 г. КСРНГ).

Словосочетание *самострельный болт* сохранилось в современном русском языке в качестве научного термина у археологов: «...по силе удара стрелы и прицельной кучности боя самострел порой опережал лук. Обладая большой начальной скоростью, самострельный болт пробивал тяжелый доспех, в то время как стрела, выпущенная из лука, могла и не причинить вреда средневековому латнику» [99].

Уменьшительное от *болтъ* 'стрела к самострелу' старорусское образование *болтикъ*, встретившееся в памятнике письменности первой трети XVII в. и пока что отсутствующее, как и *болтъ*, в русских исторических словарях, в том числе и в СлРЯ XI—XVII вв., указывает на достаточную освоенность и известную словообразовательную активность оружейного термина *болтъ* в ту пору: 2 пушечки немѣцкие, желѣзные, литые да затинная, 3 самострѣла. Да полосамострѣлная (так! — *Г. О.*). 6 болтиковъ. 2 короба доспѣхов бектерцовъ и колчюгъ и шеломов... (Роспись имущества М. М. Строганова. 1627 г.) [100].

Большое разнообразие древнерусских названий стрел свидетельствует о важности обозначаемого ими вида оружия, использовавшегося русскими воинами до начала XVIII в.

Хотя были и исконные обозначения отдельных разновидностей стрел, но многие видовые названия стрел представляли собой заимствования из тюркских языков; лишь одно название — *болтъ* (*самострѣльный*) — пришло с Запада, где роль арбалетов по сравнению с луком была более велика, чем на Востоке.

Примечания

1 *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, 36.

2 *Peisker J.* Die älteren Beziechungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen. Stuttgart, 1905, 72.

3 См.: также: *Stender-Petersen A.* Slavisch-Germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, 218.

4 *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие: Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX вв. М., 1953, 95.

5 *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1849, т. II, 182.

6 О латинском *sagitta* с соответствующими параллелями см.: *Körting G.* Lateinisch-romanisches Wörterbuch (etymologisches Wörterbuch der romanischen hauptsprachen). Padeborn, 1907, 850.

7 *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, 376.

8 *Miklosich F.* Dictionnaire abrégé de six langues slaves. Краткий словарь шести славянских языков. Amsterdam, 1975, 818—819. — Слово *šíp* (и *шипъ*), как подчеркивает Л. Нидерле (см. предыдущее примечание), «обозначало первоначально 'шип на дикой розе, затем наконечник стрелы'». В русском литературном языке слово *шип* в значении 'стрела' не употребляется и встретилось нам лишь как книжный переводной термин со значением 'удлиненный боковой зубец наконечника стрелы' в переводе Гнедичем «Илиады» Гомера при описании стрелы Пиндара, поразившей Менелая: «Но лишь увидел (Менелай. — *Г. О.*) шипы и завязку пернатой вне тела, Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси».

9 Русско-польский словарь. М., 1953, 727.

10 ЦГАДА, ф. 396 (Архив Оружейной палаты), оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 13.

11 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. II. М.—Л., 1941, 366.

12 ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 936. Переписная книга Оружейной палаты 1687 года, составленная думным дворянином Артемием Федоровичем Полибиным и дьяком Василием Мануиловым.

13 Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр Q.IV.393.1668 г.

14 ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 32, № 52127.

15 Там же, ч. 7, № 8156.

16 Там же.

17 ЦГАДА, ф. 1201 (Соловецкий монастырь), оп. 1, № 817. 1711 г.

18 Акты Московского государства. М., 1890, т. I, 503.

19 Акты Московского государства. СПб., 1901, т. III, 408.

20 Воинская книга. Перевод М. Юрьева и И. Фомина. XVII в. Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, фонд Оленинская система, шифр F.IX.19, л. 28 об.—29.

21 Статейный список посольства для переговоров с Польшей о мире (1683—1684 гг.). Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 476 лл. Шифр F.IV.111, сп. конца XVII в., л. 190.

22 *Введенский А. А.* Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924, 46.

23 Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря. — ЦГАДА, ф. 1201 (Соловецкий монастырь), оп. 1, № 251, л. 3 об.—4. (1649 г.).

24 *Тевяшов Е. Е.* К вопросу о происхождении русского лука. — В кн.: Советская этнография. Сб. ст. М.—Л., 1940, VI, 147. *Арциховский А. В.* Оружие. — В кн.: История культуры древней Руси. М.—Л., 1951, т. 1, 431—432.

[25] И колчанъ пошолъ с нимъ каленныхъ стрелъ, а во колчане было за триста стрелъ, и всякая стрела по десяти рублев. — Былина о Дюке Степановиче. — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 1901, 9—10.
[26] *Маркевич В. Е.* Ручное огнестрельное оружие. (История развития со времен возникновения до 1936 г.). Л., 1937. Т. I. Оружие до введения бездымных порохов. 17.
[27] См. также: *Алексеев П.* Церковнославянский словарь. СПб., 1819, ч. IV, 180.
[28] *Введенский А. А.* Указ. соч., 46.
[29] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 32, № 52091, л. 3.
[30] *Дьяченко Г. М.* Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900, 678.
[31] Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в.
[32] *Миллер Г. Ф.* Указ. соч., 321.
[33] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, № 8156, л. 4. 1662 г.
[34] Рукопись Библиотеки Академии наук СССР. Собрание Пауса, шифр 26.3.3, л. 4 об.
[35] «Укъ: слово скиѳское, по руски стрѣла» — *Сумароков А. П.* Соч. СПб., 1787, ч. IX, 254.
[36] ЦГАДА, ф. 1201/1 (Соловецкий монастырь), № 475.
[37] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 8, № 10499, л. 1—2.
[38] Там же, ч. 7, № 8156, л. 19.
[39] Там же, л. 4.
[40] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 32, № 52091, л. 3. (В скобках при цитировании этого контекста даны восстанавливаемые нами 6 букв, утраченные в самом оригинале).
[41] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, 46—47.
[42] *Kőhalmi K. U.* Über die Pfeilfenden Fleile der Innerasiatischen Reiternomaden. — In: Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Bp., 1953, Bd. 3, 59—60. — На эту работу указал автору статьи И. Г. Добродомов.
[43] *Веселовский Н.* Свистящие стрелы. — В кн.: Известия императорской Археологической комиссии. СПб., 1909, вып. 30, 160—161. См. еще: *Adler, Bruno.* Der Nordasiatische Pfeil. Leiden, 1901.
[44] *Ленц Э.* Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб., 1895, 102.
[45] *Анучин Д. Н.* О древнем луке и стрелах. — Труды V-го Русского Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. М., 1887, 381.
[46] Московская Оружейная палата. 2-ое, вновь исправленное издание. М., 1860, 221; Древности Российского государства. Отделение III: броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853, XVII.
[47] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 13—15.
[48] Там же, ч. 32, № 52091, л. 3.
[49] Там же, ч. 8, № 10499, л. 4.
[50] *Анучин Д. Н.* Указ. соч., 408—409.
[51] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. М., 1966, 71.
[52] Сборник русского исторического общества. СПб., 1884, т. XII, 230.
[53] Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр Погод. № 1772, л. 188 об. При публикации именно этого текста Ф. И. Буслаевым допущены опечатки: вм. *аргичей* напечатано *арчичей*, вм. *сверѣгъ* — *сверѣчъ*. — См.: *Буслаев Ф.* О народной поэзии в древнерусской литературе. М., 1859, Приложение, 16.
[54] *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, 298—299.
[55] Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973, 462.
[56] Караимско-русский словарь. М., 1974, 519.
[57] Башкирско-русский словарь. М., 1958, 514.
[58] Узбекско-русский словарь. М., 1959, 446.
[59] *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, 466; *Clauson G.* An etymological dictionary of the pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972, 557.

[60] Древнетюркский словарь. Л., 1969, 540.
[61] Изысканный дар тюркскому языку. (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке). Ташкент, 1978, 377, 389.
[62] *Анучин Д. Н.* Указ. соч., 402—403.
[63] Там же, 376—377.
[64] *Тевяшов Е. Е.* Указ. соч., 147—148.
[65] *Вельтман А. Р.* Московская Оружейная палата. СПб., 1846, 220.
[66] *Анучин Д. Н.* Указ. соч., 377.
[67] *Марков А.* Забытая старая запись одной былины. — Этнографическое обозрение, 1900, III, 131. В отличие от Ф. И. Буслаева, А. Марков опубликовал эту былину без опечаток и удачно разделил текст на стихи.
[68] Древнетюркский словарь, 54.
[69] Татарско-русский словарь. Казань, 1950, 43.
[70] Ногайско-русский словарь. М., 1963, 45.
[71] *Миллер Г. Ф.* Указ. соч., 212.
[72] Там же, 366.
[73] *Анучин Д. Н.* Указ. соч., 411.
[74] *Винклер П. фон.* Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. СПб., 1849, 351.
[75] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 251, л. 4.
[76] Там же, № 380, л. 5 об.
[77] *Введенский А. А.* Указ. соч., 46.
[78] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872, т. 1, 59.
[79] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 817, л. 5.
[80] *Тарабрин И.* Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916, 41, XXXV.
[81] *Штейниц В. К.* Финно-угорско-тюркско-русские этимологии. — В кн.: Язык и человек: Сб. ст. памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899—1968). М., 1970, 281—282; *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, 325.
[82] Там же, 280—281.
[83] *Абаев* III, 299—300. О. Н. Трубачев в рецензии на данный словарь назвал этимологическое объяснение В. И. Абаевым русского *томар*(ъ) точным и полезным. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 179.
[84] *Ломоносов М. В.* Соч. М., 1952, т. 7, 717.
[85] Вкладная книга Соловецкого монастыря. — Архив ЛОИИ, коллекция 2, ед. хр. № 152, л. 322.
[86] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 8156: л. 5.
[87] Там же, ч. 32, № 52091, л. 3.
[88] *Введенский А. А.* Указ. соч., 46.
[89] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 8, № 10499, л. 4.
[90] Там же, ч. 32, № 52091, л. 3.
[91] Там же, ч. 7, № 8156, л. 5.
[92] *Винклер, П. фон.* Указ. соч., 351.
[93] См. также: *Beke Ö.* Skr. *kečiga.* — AfSlPh XV, 1938, 118; *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Лексикографический сборник. М., 1958, вып. 3, 42.
[94] *Шипова Е. Н.* Указ. соч., 282 (с литературой).
[95] Турецко-русский словарь. М., 1977, 528.
[96] *Хамзин К. З., Махмутов М. И., Сайфуллин Г. Ш.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). Казань, 1965, 209; *Räsänen M.* Op. cit., 269.
[97] ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, № 52091, л. 4.
[98] См. также: *Булыко А.* Влияние польского языка на развитие старобелорусской военной лексики. — RS, XL, 1, 1980, 49.
[99] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, 67.
[100] *Введенский А. А.* Указ. соч., 46—47.

В. Э. Орел

БАЛКАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. 14—28[1]

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. СЕЛИЩЕВА
(1886—1942 гг.)

14. Алб. *habi*

Алб. *habi* 'изумление, чудо, диво' соотносится с глаголом *habit* 'изумлять, удивлять', *habitem* 'изумляться, удивляться'. Глагол *habit*, как уже давно установлено, является славянским заимствованием и продолжает слав. **xabiti*[2], хотя и обнаруживает довольно значительные отличия в семантике, ср., в частности, южнославянские факты: болг. *хабя* 'тратить, портить, тупить', с.-хорв. *habiti* 'портить, гладить', словен. *hábiti* 'губить, вредить'. Развитие значения частично могло осуществиться уже на албанской почве, поскольку алб. *habit* означает также 'разорять, уничтожать', что ощутимо ближе к семантике южнославянских глаголов. Вместе с тем, принципиальная возможность развития плана содержания **xabiti* в направлении, засвидетельствованном алб. *habit* 'изумлять', подтверждается такими рефлексами **xabiti*, как чеш. диал. *chábit'* 'дурачить', словац. *chabit'* то же, с.-хорв. диал. *ȁбит* 'привлекать внимание'.

Самостоятельную этимологическую значимость имеет, на наш взгляд, существительное *habi*. Учитывая то обстоятельство, что славянские имена на **-ьje* и **-ьja* передавались в албанском формами с исходом на *-i*[3], можно заключить, что алб. *habi* продолжает, в конечном счете, слав. **xabьje*. До настоящего времени южнославянские рефлексы этого слова не были известны: считалось, что оно сохранилось только в западнославянском, притом в весьма специализированном значении, ср. чеш. диал. *chábí* 'хворост, хвоя', словац. *chabie* 'хворост', польск. диал. *chabie* 'хворост, ветки' (ЭССЯ 8, 9)[4]. Наличие в албанском *habi* является доказательством того, что слав. **xabьje* было распространено и за пределами западнославянской языковой области и имело южнославянские продолжения.

15 Алб. *balash, balosh*

Алб. *balash* 'белый, альбинос; (о животных) с белым пятном на лбу', *balosh* то же и их восточнороманские соответствия, имеющие значение 'белый, светлый' — рум. *bălaş*, *băloş*, принято толковать, исходя исключительно из балканских языковых данных. При этом указанные лексемы рассматриваются как производные исконно албанской основы *bal-*, которая далее сравнивается с морфемой *bal-* в древнебалканской ономастике и возводится к и.-е. **bhel-* 'белый'[5]. Эта точка зрения, однако, никак не принимает в расчет того, что большинство албанских (и восточнороманских) образований от основы *bal-* содержат суффиксы славянского происхождения; более того, албанские и восточнороманские формы образуют доста-

точно точные параллели к некоторым производным славянского корня **bĕl-*, ср.: алб. *balosh*, рум. *bălos* — слав. **bĕlošь* (ЭССЯ 2, 74—75); алб. *balushë* 'пятно света, блик, Lichtfleck' — слав. **bĕluša* (ЭССЯ 2, 78); алб. *balik* 'собака с белыми пятнами на теле' — слав. **bĕlikъ* (ЭССЯ 2, 66); алб. *balisk* 'белолобая овца' — слав. **bĕličьka*, уменьш. к **bĕlica* (ЭССЯ 2, 64), ср., в частности, болг. *белица* 'белая овца', с.-хорв. *бѐлица* 'белая овца без пятен'. В последнем случае *-s-* в алб. *balisk* отражает раннеалб. **tš*, которым в некоторых старых заимствованиях из славянского передавалось слав. **č* [6]. Наконец, алб. *bal*, рум. *băl* 'собака (с белым пятном на лбу)' соответствуют слав. **bĕlъ*.

Приведенные параллели убеждают в том, что албанские и восточнороманские формы, производные от основы *bal-*, представляют собой несомненные славянские заимствования, притом из таких южнославянских диалектов, где слав. **ĕ* развивается в открытый гласный типа **ä* > *'a*. Иными словами, приведенные формы заимствованы из тех поздних праславянских диалектов, на основе которых формировались болгарские и македонские говоры.

В связи с этим следует подчеркнуть, что ни болгарскому, ни македонскому в настоящее время, по-видимому, неизвестны продолжения слав. **bĕlašь* и **bĕlošь*. Первое из них вообще отсутствует в качестве самостоятельной единицы в «Этимологическом словаре славянских языков», хотя для его реконструкции можно указать, помимо болг., макед. **бялаш* и с.-хор. *bjèlaš* 'лошадь светлой масти' (ЭССЯ 2, 62), 'воин с белым ремнем через грудь', также и некоторые восточнославянские формы, ср., например, рус. *белашки* 'белая мелкая рыба' (Филин 2, 207), блр. *білашывы* 'белесый, беловатый' (о масти домашних животных) [7]. Что касается **bĕlošь* (ЭССЯ 2, 74), то и здесь алб. *balosh* дополняет входящую в словарную статью южнославянскую лексику, ограниченную только с.-хорв. *bjeloš* 'о животных белой масти', ЛИ, ГН, РН *Bjèloš*.

Наконец, на основании сказанного можно истолковать как славянское заимствование и рум. *bălan* 'светлый, белый (о животном)', которое мы возводим к слав. **bĕlanъ*. Праславянская реконструкция **bĕlanъ*/**bĕlana* представляется вполне допустимой ввиду болг. *белана* 'корова или овца, которая отличается от других и носит колокольчик, чтобы водить за собою стадо', с.-хорв. *Belan*, *bjelánce* 'белок яйца', ст.-чеш. ЛИ *Bĕlan*, словац. *belaň* 'животное белой масти', *belaňa* то же и т. п.[8]

16. Алб. *blanë*

Алб. *blanë* 'сердцевина дерева' фонетически и морфологически точно воспроизводит южнославянские продолжения слав. **bolna*: болг. *блана* 'навоз, выделенный бруском для топлива, кирпич кизяку, дерн', с.-хорв. *бла̑на* 'название бондарного орудия', наряду с заимствованным из словенского *blána* 'пленка, кожица, пергамент' (Skok I, 168), словен. *blâna* то же. Хотя отношения между алб. *blanë* и южнославянскими формами и бесспорны, расхождения в значении

представляются весьма существенными, тем более что за пределами южнославянского ареала имеются рефлексы слав. *bolna, семантика которых близка или практически идентична значению алб. blanë, ср. например, рус. *болона* 'шишковатый нарост на дереве, заболонь, часть наиболее молодой древесины между корой и стволом', чеш. диал. *bláno* 'часть дерева под корой, сердцевина', из *bolno (ЭССЯ 2, 177).

Такое совпадение значений у алб. *blanë*, отражающего одну из южнославянских форм, и у продолжений слав. *bolna, пространственно далеко отстоящих от южнославянского ареала, разумеется, может быть понято как результат независимого развития. Более привлекательным, однако, кажется иное предположение: алб. *blanë* могло сохранить архаичное значение, некогда имевшееся в одном из южнославянских языков, но впоследствии утраченное. Такой взгляд, как нам кажется, подтверждается семантической реконструкцией, приведшей к выводу о древности значения 'заболонь' у слав. *bolna (ЭССЯ 2, 176); вместе в тем, семантика алб. *blanë* служит дополнительным аргументом в пользу этой реконструкции.

17. Алб. *calik*

Тот же тип отражения слав. *ě, что и в алб. *balash*, мы находим и в некоторых других случаях, ср. алб. *calinë* 'ружье, ружьецо' из слав. *cělina (ЭССЯ 3, 177), алб. *calik* 'козья шкура, мехи' из слав. *cělikъ (Там же).

Наличие в албанском слова *calik* свидетельствует о том, что слав. *cělikъ было известно не только западнославянским (чеш. *celík* 'растение Solidago', словац. *celík* 'нетронутый пласт минерала') и восточнославянским языкам [9], но и, по крайней мере, одному из южнославянских диалектов. Оригинальная семантика алб. *calik*, естественно, мотивируется значением 'целая, нетронутая (козья шкура)' → 'мехи', ср. рус. *целик* 'нетронутая земля, нетронутый лес, нетоpенный, ненакатанный путь' (Даль [3] IV, 1269) и под.

18 Алб. *çarë*

Подобно предыдущему слову, алб. *çarë* 'трещина, щель, расселина' позволяет внести определенные коррективы в сложившиеся представления об ареале распространения некоторых праславянских лексем.

Слав. *čara — почти исключительно западнославянское слово (ЭССЯ 4, 22). За границами западнославянского ареала имеется только словен. *čára* 'черта, линия', статус которого не до конца ясен, поскольку имеются указания на чешское происхождение этой формы (Pleteršnik I, 93); в любом случае, алб. *çarë* не может служить аргументом в пользу исконности словен. *čára*, поскольку словенские элементы в албанском неизвестны. Алб. *çarë* могло бы подтверждать только наличие каких-то продолжений слав. *čara в болгарском, македонском или сербохорватском. В этой связи, возможно, следует

с меньшим скепсисом отнестись к фиксации с.-хорв. *čara* 'linea' (Słownik prasłowiański 2, 112), которая, быть может, указывает не на старое чешское заимствование, а на древний южнославянский элемент.

19. Алб. *dobit*

А. М. Селищев связывал алб. *dobit* 'использовать, пользоваться, побеждать' со слав. **dobyti*, ср. южнославянские формы: болг. *добия* 'добыть', макед. *добие* 'получить', с.-хорв. *дȍбити* 'добыть' [10]. Принятие этой точки зрения означало бы, что существительное *dobi* 'польза, выгода' следует понимать как отглагольное производное, возникшее уже на албанской почве. Нам представляется предпочтительным иное толкование, которое позволило бы интерпретировать как собственно славянские элементы и *dobit*, и *dobi*, не отрывая эти формы от явно связанных с ними — типа алб. *udob* 'легко, без труда'.

Объединение *dobit* и *dobi* в одно словообразовательное гнездо с *udob* < слав. **udobь* дает ключ к этимологическому и семантическому объяснению *dobit* и *dobi*. Последнее может быть возведено к слав. **dobь*, род. пад. **dobi*, ср. южнославянские формы: с.-хорв. *дȍб* 'пора, время', словен. *dôb* 'время, вид, способ' [11]. В том, что касается значения, ср. прежде всего упомянутое выше слав. **udobь* и его производное **udobьnъ*, а также, например, н.-луж. *doba* 'удобное время', др.-рус. *доба* 'польза'. Отсюда вытекает и необходимость возвести алб. *dobit* к одному из незасвидетельствованных южнославянских рефлексов слав. **dobiti*, отражения которого зафиксированы лишь в западнославянском: чеш. *dobiti* 'формовать', в.-луж. *debić* 'украшать, наряжать, чистить' (ЭССЯ 5, 39).

20 Алб! *guralec*

В албанском языке имеется слово *gur* 'камень', родственное др.-инд. *girí-* 'гора', авест. *gairi-* то же, греч. δειρός 'холм', лит. *girià* 'лес', слав. **gora* 'гора' (Pokorny I, 477—478). Большинство производных этой основы характеризуются теми же чертами, что и производные основы *bal-*, а именно: они оформлены славянскими суффиксами и, за вычетом корневого вокализма, практически совпадают со славянскими образованиями от **gora*. Это может быть подтверждено следующими примерами: алб. *guracak* 'сильный; горная лошадь; горец' и *guraçok* 'камешек, галька' — слав. **goračьkъ*, производное от **gorakъ* (ЭССЯ 7, 31); алб. *guricë* 'каменистое место' — слав. **gorica* (ЭССЯ 7, 45); алб. *guriçkë* 'камешек, галька' — слав. **goričьka*, ср., например, болг. *горичка* 'лесок'; алб. *gurishte* 'каменистое место' — слав. **gorišče*, ср. болг. *горище* 'большой, огромный лес', с.-хорв. *гȍрӣште* 'гористая или лесистая местность', рус. диал. *горище* 'верх, чердак, истопок, подволока, вышка'; алб. *gurrë* 'родник, источник, исток реки' — слав. **gorьnъ* (ЭССЯ 7, 57—58), ср. болг. *горното течение на реката* 'верхнее течение реки'.

На основании приведенных примеров естественно предположить, что перед нами не производные алб. *gur*, а славянские заимствования, испытавшие под воздействием алб. *gur* определенный сдвиг в своем фонетическом облике, а частично и в значении. Это тем более вероятно, что в некоторых случаях в албанском сохранились и параллельные формы, не испытавшие аналогического воздействия со стороны алб. *gur*: так, наряду с *gurishte*, имеем и *gorishtë* 'невозделанная земля' [12], наряду с *guricë* — *gorricë* 'дикая груша'.

Исходя из сказанного, мы можем видеть южнославянское заимствование в алб. *guralec* 'камешек, галька', восходящем к слав. **goralьcь*, которое естественно соотнести с **goralь*. Иными словами, перед нами доказательство того, что слав. **goralь* было известно одному из южнославянских языков, то есть за пределами той довольно ограниченной области, в которой это слово фиксировалось ранее с подозрением в его «позднем местном характере» (ЭССЯ 7, 31), ср. чеш. *horal* 'горец', словац. *horal* то же, польск. *góral* то же.

21. Алб. *gjizë*

Алб. *gjizë* 'вид творога, сыра (из козьего молока или сыворотки)' объясняется по-разному — в основном, как элемент исконной лексики [13]. Большинство предложенных толкований не выдерживает критики с историко-фонетической точки зрения; среди них можно выделить только вполне справедливое наблюдение П. Скока, обратившего внимание на тождество алб. *gjizë* и с.-хорв. *glȉza* 'высушенный телячий желудок для приготовления сыра' (Skok I, 570) с характерной мотивацией, часто встречающейся при номинации сыра и подобных ему молочных продуктов, ср. франц. *fromage* 'сыр' < лат. *formāticum* [14]. Неясно, почему П. Скок столь решительно отделяет с.-хорв. *glȉza*, которое он вместе с албанским словом возводит к «иллиро-фракийскому» **glidia*, от *glíza* 'зоб, золотуха, заросль, мелкий лес'. Представляется как раз вполне правдоподобной связь этих двух слов, при которой значение 'высушенный телячий желудок' (как форма для сыра) было бы достаточно мотивировано такими значениями слав. **gliza*, как 'комок, клубень, шишка, вздутие, опухоль', ср. определение рус. *желудок* 'род м е ш к а или несколько мясистого п у з ы р я, в котором переваривается и усвояется пища животных' (Даль[2] I, 531).

Таким образом, с.-хорв. *glȉza* следует относить к слав. **gliza* (ЭССЯ 6, 131), а алб. *gjizë* рассматривать как заимствование из сербохорватского. «Субстратное» **glidia* следует признать никогда не существовавшим.

22. Алб. *bagëti*

Как давно было установлено, алб. тоск. *bagëti* 'скот', гег. *baktî* то же — славянское заимствование, связанное со слав. **bogatъ* [15]. Некоторые фонетические особенности алб. *bagëti* указывают на то, что в этой форме славянское слово было заимствовано сравнительно

рано, на начальных этапах албано-славянских контактов. В частности, обращает на себя внимание передача безударного слав. *o с помощью алб. *a*, что характерно и для ряда других старых славянских элементов в албанском, ср. алб. *patkua* 'подкова' < слав. **podkova* и т. п. Более поздние формы того же слова мы обнаруживаем в алб. *begat* 'богатый', *bogat* то же, *bugat* то же, к которым примыкает и *begati* 'плодородие, богатство, изобилие', восходящее, очевидно, к тому же источнику, что и *bagëti*, но — в отличие от последнего — не имеющее ни архаичных фонетических черт, ни заслуживающих внимания семантических особенностей.

В качестве возможного источника алб. *bagëti* А. М. Селищев указал макед. *богатиjа* 'богатство' [16], ср. еще с.-хор. *bogàtija* то же; словен. *bogatíja* то же. Вместе с тем можно указать на близкие восточнославянские формы, восходящие к слав. **bogatьje*: рус. диал. *богатье* (Филин 3, 46), блр. *багацце* 'богатство, обилие' [17]. Привлечение восточнославянских данных, возможно, дает основания для реконструкции праславянского **bogatьja* / **bogatьje*.

23. Алб. *care*

Слав. **čara* 'чары, колдовство', представленное в южнославянских языках, а также в русском и древнерусском, обнаруживает полную однородность в семантическом отношении. Единственным отклонением в этом плане является словен. *čára*, имеющее, помимо значения 'колдовство', также значение 'ведьма, колдунья' (Pleteršnik I, 93).

То же самое значение может быть реконструировано для одного из южнославянских диалектов за границами словенского на материале алб. *care* 'ведьма, колдунья'.

Возводя алб. *care* к слав. **čara* [18], необходимо сказать несколько слов об отражении слав. **č* с помощью алб. *c*. Нормальными рефлексами слав. **č* в албанском, как известно, являются у ранних заимствований — алб. *s*, у поздних — алб. *ç*. Изредка встречающееся на месте слав. **č* алб. *c* признается «неясным» [19]. Возникновение *c* можно было бы пытаться объяснить на албанской почве как результат спонтанного преобразования *s*, однако имеется и иная возможность: славянские заимствования с *c* из слав. **č*, вполне вероятно, отражают проникновения в албанский из южнославянских «цокающих» говоров. В этом случае албанские данные способствовали бы изменению наших представлений о южной границе «цокающих» сербохорватских говоров в прошлом [20].

24. Алб. *kaçubë*

Алб. *kaçubë* 'куст, кустарник' мы рассматриваем как заимствование из слав. **kočubъ* / **kočuba*, единственный след которого на славянской территории обнаруживается в укр. *кочубей* 'хохлатый жаворонок' (Гринченко II, 295), *кочубарка* то же (Лисенко, 37). Эти украинские формы подробно рассмотрены Ж. Ж. Варбот [21],

реконструировавшей в связи с этим слав. **kočub-* с учетом того обстоятельства, что одним из широко распространенных значений слав. **čubъ* является 'хохолок (у птиц)'. Вместе с тем семантика слав. **čubъ* такова, что на ее основе могло развиться и значение 'куст, кустарник', ср. хотя бы рус. *хохол* 'чуб' и *хохлушка*, *хохлянка*, *хохляница* 'куст и ягода мамура' (Даль[2] III, 563); из продолжений слав. **čubъ* / **čuba* ср. словен. *čúba* 'обрубок, пенек', чеш. диал. *č'uba* 'копна' (ЭССЯ 4, 126). Заметим, кстати, что одним из значений нем. *Schopf* 'пучок, хохол (у птиц), холка (у лошадей)', родственного слав. **čubъ*, является 'верхушка (дерева)'.

Реконструируя на основе алб. *kaçubë* наличие в южнославянском какого-то рефлекса слав. **kočubъ* / **kočuba*, можно, по-видимому, с большей определенностью, чем раньше, относить это слово к праславянским образованиям.

25. Алб. *step*

Название ровных, безлесных и нередко безводных пространств, поросших травами, рус. *степь*, укр. *степ* представляет собой, по-видимому, старый и этимологически непрозрачный элемент восточнославянского словаря, заимствованный в другие славянские языки как географический термин, специфический для областей расселения восточных славян [22].

В большинстве случаев попытки дать этимологическое истолкование рус. *степь*, укр. *степ* исходили из молчаливого предположения о том, что основным значением этого слова было указанное выше, что это — термин, указывающий на равнинное, может быть, даже на низменное пространство. Например, Бейли сопоставлял рус. *степь* с др.-инд. *viṣṭap-* 'плоская поверхность', осет. *t'æpæn* 'плоский, уплощенный, приземистый, низкий, н и з и н а' [23], ср. в ряду синонимов: осет. дигор. *omæn zundgond æncæ ægas ğædi t'æpæntæ, ærdorztæ, liğzitæ* . . . 'ему известны во всем лесу низины, поляны, ровные места. . .' (Абаев III, 354). Однако сопоставление с осетинским, по-видимому, фонетически неудовлетворительно (Там же).

Новые возможности в интерпретации слова связаны с семантической реконструкцией рус. *степь*, предложенной В. А. Меркуловой [24]. В. А. Меркулова убедительно доказала, что основное в настоящее время значение рус. *степь* является вторичным и могло возникнуть при освоении славянами причерноморских областей с их специфическим рельефом. Предшествующим состоянием было такое, когда слово *степь* имело значение 'безлесная, поросшая травой возвышенность, гора', что подтверждается данными русских говоров [25], ср. рус. диал. *степь* 'плоская, безлесная возвышенность, водораздел, водопуск; сухая полоса, меж двух речек, гривка' (Даль[2] IV, 322). То же наблюдается и в украинских говорах, где, в условиях Прикарпатья, имеет место *степа* 'обрыв; скала, гора' [26].

Значение 'безлесная возвышенность, гора' у рус. *степь*, укр. *степ* В. А. Меркулова рассматривает как вторичное, сформировавшееся на основе значения 'спина', ср. рус. *степь* 'хребет борзой и псовой

собаки; хребет быка, коровы; хребет конской шеи, вдоль гривы', *степная жила* 'шейная, чернокровная жила у животных, из которой кидают кровь' (Даль² IV, 322—323).

Предложенная В. А. Меркуловой семантическая реконструкция позволяет по-новому поставить вопрос об ареале распространения этого славянского слова в праславянскую эпоху. Мы полагаем, что этот термин, вопреки общепринятому мнению, был известен и за пределами восточнославянского ареала. Свидетельством тому является алб. *step* 'острая вершина; вершина скалы, утеса'. В албанском это слово имеет отчетливые признаки заимствованного лексического элемента: сочетание *st-* в исконно албанском слове недопустимо с историко-фонетической точки зрения. В семантическом плане значение алб. *step* хорошо согласуется с реконструированным для рус. *степь*, укр. *степ* кругом древних значений. В то же время семасиологический аспект проблемы гарантирует нас от понимания алб. *step* как позднего заимствования через посредство одного из южнославянских языков, где известные нам лексемы типа с.-хор. *стȇпа* сами заимствованы из восточнославянского и имеют значение 'степь' [27]. Таким образом, алб. *step* надлежит рассматривать как доказательство того, что в одном из южнославянских языков некогда существовало восходящее к праславянскому и соответствующее рус. *степь*, укр. *степ* обозначение 'горы, возвышенности'.

Некоторые неясности связаны с трудностью, возникающей при реконструкции соответствующего праславянского слова, в частности, корневого вокализма. По ряду соображений, наиболее правдоподобной кажется праславянская форма **stьpь* [28]; принятие этого варианта реконструкции позволило бы с большей определенностью локализовать предполагаемый южнославянский рефлекс, который тем самым был бы ограничен только областью болгарских и македонских говоров.

Следует подчеркнуть, что алб. *step* не является единственным в своем роде названием возвышенности, усвоенным у славян албанцами; напротив, алб. *step* входит в целую группу таких наименований, ср. алб. *sop* 'холмик' — слав. **sъpъ*, алб. *gërbë* 'горб, бугор' — слав. **gъrbъ*, алб. *çukë* 'вершина' — слав. **čuka* и т. п.[29]

Таким образом, рефлексы слав. **stьpь* образуют северно-русско-украинско-южнославянскую изоглоссу [30].

26. Алб. *koçet*

Как известно, в албанский проникли довольно многочисленные славянские verba pudenda. Общий механизм этого явления следующим образом комментирует А. М. Селищев: «При пользовании двумя языками в период двуязычия слова и словесные сочетания языка более ранних поколений употребляются при назывании предметов и актов интимного значения. Пользование словами выходящего из употребления языка — языка не всем понятного, вызывается стремлением скрыть от других значение высказываемого. На такую обусловленность указывает и то обстоятельство, что часто

некоторые из этих предметов называются словами другого языка, распространенного в той или иной степени в данной среде, но многим членам ее еще не понятного»[31].

В указанную категорию слов входит и алб. *koç* 'penis', *koçet* то же. Имеющиеся этимологии не кажутся нам вполне убедительными. А. М. Селищев сопоставлял алб. *koç*, *koçet* со славянскими названиями кочана, кочерыжки, початка, ср. в частности, др.-рус. *кочанъ* 'твердый ствол кукурузы, капусты; membrum virile' и с рус. *коченеть* и родственными формами[32]. Однако соотношения внутри этой группы славянских слов и их этимологии неясны (Фасмер II, 356—357). Г. Мейер, напротив, считал, что *koç* не имеет отношения к слав. **kočanъ*, а в *koçet* усматривал итальянский деминутивный суф. *-etto* (Meyer, 203).

На наш взгляд, алб. *koç*, *koçet* может быть связано с другой славянской основой, представленной преимущественно в восточнославянских языках: рус. *коч* 'петух', *кочет* то же, 'фазан-самец', *кочеток* 'бекас', блр. *кочат* 'петух'. Укр. *кочет*, *кочеть* выступает только в переносных значениях, широкий спектр которых известен и рус. *кочет*. То же слово известно и древнерусскому: *кочьтъ* 'петух' (Фасмер II, 358). Сюда же относят польск. *koczot* 'сводник; мелкая монета' (Brückner, 243). Шире, чем **kočetъ*, в славянских языках представлен морфонологический вариант **kokotъ*, причем континуанты последнего обнаруживаются и в южнославянских языках, ср. с.-хорв. *ко̏кот* 'петух', словен. *kokót* то же.

Сопоставление алб. *koçet* со слав. **kočetъ* позволяет предположить, что рефлексы **kočetъ* имелись и в южнославянском. Различие значений в этом отношении не представляет сколько-нибудь значительных препятствий. Семантика алб. *koçet* имеет, очевидным образом, вторичный характер, а мотивация типа 'петух' → 'penis' достаточно часто встречается и в славянском языковом мире, и за его пределами, поскольку «подобным наименованием была схвачена наиболее броская черта [этой птицы. — *В. О.*] — похотливость»[33]. В этой связи О. Н. Трубачев указывает сербохорв. *ку̑рац* 'membrum virile' и рус. диал. *потка* 'membrum virile у мальчиков', из **pъtъka*, а также семантически более далекое **kury* 'распутница'[34]. Из неславянского материала можно было бы добавить еще англ. *cock* 'петух; penis'.

Таким образом, и семантика, и форма слав. **kočetъ* вполне удовлетворительно объясняют происхождение алб. *koçet*, и следовательно заключение о наличии в южнославянском ранее не засвидетельствованного рефлекса **kočetъ* можно рассматривать как достаточно достоверное.

27. Алб. *patalok*

В жизни албанского фиса определенное место занимал глашатай, называвшийся *kasnec*. Термин *kasnec* — южнославянское заимствование, ср. слав. **kazпьсь*: ст.-слав. казньць 'глашатай; начальник воиского отряда', рус.-цслав. *казньць* 'глашатай'.

Специально отведенное для выступлений глашатая место называлось *patalok*. Так же именуется и место поединка в произведениях

албанской эпической поэзии. Проблему происхождения алб. *patalok* мы здесь и рассмотрим.

Весьма оригинальное этимологическое истолкование алб. *patalok* принадлежит А. В. Десницкой, которая, предположив, что *patalok* был чем-то вроде деревянного помоста, сравнила это слово с рус. *потолок* [35]. Это сопоставление влечет за собой столь существенные выводы как относительно самого албанского слова, так и касательно наличия в южнославянском неких прежде не известных соответствий рус. *потолок*, что на нем стоит остановиться подробнее.

Прежде всего обращает на себя внимание такое соотношение значений алб. *patalok* и рус. *потолок* 'настилка или подшивка досок под крышей (разрядка наша. — *В. О.*), под стропилами, по матицам, переводинам, балкам, лежащим на стенах строения; дощатая стлань, нередко двойная, сверху и сысподу матиц, отделяющая низ или покои от чердака, верху, подволоки' (Даль III, 357), которое при общем внешнем подобии характеризуется глубоко коренящимся несходством. Смысловое сближение не обеспечивается ни эмендацией значения 'помост', ни указанием на то, что «значение 'место поединка', которое слово *patalok* имеет в албанской эпической поэзии, вероятно, вторично (первоначальным могло быть значение 'помост для единоборства'?)» [36], поскольку практики проведения поединков на помосте на Балканах не существовало.

Нельзя не считаться и с теми фонетическими и морфологическими трудностями, которые возникают при анализе славянской части сопоставления. Рус. *потолок* — позднее восточнославянское слово, засвидетельствованное лишь в начале XVIII в. Традиционная этимология связывает *потолок* с *тло* и тем самым предполагает **потълъкъ* (Преображенский II, 127) или **потолъкъ* (Фасмер III, 345). Иную этимологию, имплицитно содержащуюся уже в словаре Даля, развил Ж. Леписье, сравнивавший *потолок* с *толочь* в значении 'потоптать' [37]; правильность этой точки зрения указывала бы на реконструкцию **потълкъ* и **потолкъ*. Однако если в порядке мысленного эксперимента транспонировать любую из названных реконструкций в южнославянскую фоно-морфонологическую систему, мы не получим гипотетической формы, которая была бы способна претендовать на роль источника алб. *patalok*. Другая возможная трактовка: заимствование в албанский собственно русск. *потолок*; но и здесь возникают непреодолимые препятствия, к которым добавляются еще и трудности культурно-исторического характера.

Наконец, следует сказать, что алб. *patalok* свойственна такая вариантность, которая полностью исключает, на наш взгляд, возможность заимствования из славянского. Это слово, как отмечает и А. В. Десницкая [38], выступает также в форме *patalik* 'деревянная полка для посуды'. Обесценивая поиски славянского этимона, вариантность *patalok* ~ *patalik* в то же время совершенно определенно указывает на дальнейшее направление исследования, позволяя усмотреть в алб. *patalok*, *patalik* словообразовательный формант *-lok* ~ *-lik*, столь характерный для тюркских языков.

В турецком существует прилагательное *pat* 'плоский, гладкий, низкий, сплюснутый, сдавленный, нависший' [39]. По продуктивной словообразовательной модели оно может образовывать существительное *pat(a)lık* 'плоское, гладкое, ровное место', ср. тур. *ağaç* 'дерево' — *ağaçlık* 'лесистое место' и т. п.[40] Алб. *patalok* и *patalik* в фонетическом отношении отражают тур. *pat(a)lik* с достаточной точностью, причем варианты с *-i-* и *-o-* свидетельствуют об особенностях передачи тур. *-ı-* в иноязычной среде (известен также рефлекс тур. *-ı-* как алб. *-ë-*, ср. алб. *pashallëk* из тур. *paşalık* 'пашалык'. В семантическом плане тур. *pat(a)lık* как нельзя лучше подошло бы для обозначения той ровной, гладкой площадки, на которой, видимо, мог выступать глашатай или проходить поединок. Таким образом, алб. *patalok*, *patalik* — турцизм и славянским элементом признан быть не может.

28. Алб. kulbë

Алб. *kulbë* 'вид рыбы' уже давно было сопоставлено, как генетически родственное, с польск. *kiełb* 'пескарь, Gobio fluviatilis L.' и рус. *колба*, *колбь* то же (Meyer, 212). Предположение о родстве в данном случае, однако, маловероятно, и прежде всего потому, что номенклатура рыб в албанском практически полностью заимствована — частью из латинского, частью из славянского [41]. Поэтому не удивительно, что была высказана более правдоподобная гипотеза о заимствовании в албанский из славянского (Фасмер II, 286). Осторожность, с которой М. Фасмер сделал вывод о заимствовании алб. *kulbë* из слав. **kъlba*, **kъlbь*, по-видимому, в данном случае не оправдана, поскольку *kulbë* во всех отношениях регулярно и последовательно передает одну из названных славянских форм, неизвестных в южнославянском ареале. При этом некоторые фонетические особенности алб. *kulbë* ясно указывают на то, что заимствование произошло в сравнительно ранний период албано-славянских контактов, когда, с одной стороны, слав. *-ъ- еще передавался как *-u-*, а праславянская группа *-ъl- еще не претерпела изменений, приведших к известным южнославянским рефлексам. Наличие в албанском слова *kulbë* свидетельствует о существовании в южнославянском континуантов слав. **kъlba*, **kъlbь*.

Примечания

1 Предшествующие статьи этой серии см.: Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Предварительные материалы, тезисы докладов. М., 1980, 46—47; Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, 210—215; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1980. М., 1982, 290—293; Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 145—152.

2 См.: *Селищев А. М.* Славянское население в Албании. София, 1931, 191.

3 См. об этом: *Cimochowski W.* Zur albanischen Wortforschung. — LP 4, 1953, 189—207.

4 Заслуживает внимания то обстоятельство, что и некоторые другие производные от основы **xab-* представлены преимущественно в западнославянских языках (ЭССЯ 8, 9).

[5] Ср., например, из работ последнего времени: *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, 197: «эта лексическая изоглосса охватывает практически все палеобалканские языки и свидетельствует о древних палеобалкано-балтийских языковых связях». В любом случае говорить о специальных связях древнебалканских языков с балтийскими здесь не приходится ввиду хотя бы брет. *bal* 'белое пятно на лбу (животного)', кимр. *bal* 'с белой мордой (о животном)' и под. Далее см.: *Pokorny* I, 118—120.

[6] Ср., например, алб. *porosit* 'заказать, поручить' из слав. **poročiti*.

[7] См. *Крыўко М. Н.* Так гавораць на Дзісеншчыне. — В кн.: Народнае слова. Минск, 1976, 107.

[8] Славянский источник предполагал уже Ст. Младенов (Младенов, 15; БЕР I, 28). Имеющиеся попытки объяснить это слово из германского или дакийского не вызывают доверия, ср.: *Rosetti A.* Istoria limbii române. I. De la origini pîna în secolul al XVII-lea. Buc., 1978, 242; *Георгиев В.* Траките и техният език. С., 1977, 35 сравнивает рум. *bălan* с фрак. PH *Ballanstra*.

[9] Обширный восточнославянский материал см.: ЭССЯ 2, 177; SP 2, 75.

[10] См.: *Селищев А. М.* Указ. соч., 178.

[11] Несколько иначе см.: Skok I, 420.

[12] См.: *Kristoforidhi K.* Fjalor shqip-greqisht. Tiranë, 1961, 117 с сомнением касательно формы этого слова.

[13] Ср.: *Jokl N.* Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin; Leipzig, 1923, 89.

[14] См.: *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française 11-e éd. P., 1938, 344—345.

[15] См.: *Селищев А. М.* Указ. соч., 165, со следующим комментарием: «Рогатый скот составлял б о г а т с т в о не только у албанцев, но и у славян». А. М. Селищев приводит также примеры сходной семантической эволюции, далее см.: *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять». — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, 104—105, с литературой.

[16] См. *Селищев А. М.* Указ. соч., 165, с указанием на семантику макед. *богатија* в фольклорных текстах. Ср. отрывок из песни «Рабдула и Мирче»:

Говореше Рабдул-бегъ Войвода:
«А излези, брате помалечекъ,
Ке ти кла'амъ три млади бербери,
Ке ти сечамъ коса до пояса;
Ке ни по'итъ стока богатја!»

(Български народни песни
сьбрани от братя Миладинови. С., 1981, 284)

[17] По-видимому, сюда не относятся рус. диал. *богатье* 'огонь' (Филин 3, 46), укр. *багаття* 'огонь, горящие угли, костер' (Гринченко I, 17), этимологизирующиеся особо (Фасмер I, 101—102). Следует, однако, иметь в виду альтернативную трактовку, связывающую эти слова с рус. *богатый*, укр. *багатий*, см.: *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1930, ч. 2, 59 сл.

[18] *Селищев А. М.* Указ. соч., 185.

[19] Там же, 322.

[20] «Цакавизм» характерен для истро-далматинских хорватских говоров, самые южные из которых граничат с северно-гегскими албанскими. Подробно о «цокающих» хорватских диалектах см.: *Селищев А. М.* Соканье и шоканье в славянских языках. — В кн.: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968, 584—588.

[21] См.: *Варбот Ж. Ж.* Заметки по славянской этимологии (укр. *кочубей*, русск. *настырный*, *измываться*). — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 68—69.

[22] Из старой этимологической литературы об этом слове см. особенно: *Ильинский Г. А.* Славянские этимологии. — РФВ 63, 1910, 335—337.

[23] См.: *Bailey H. W.* Arya IV. — BSOAS 26, 1963, 83—87.

[24] *Меркулова В. А.* Заметки по истории и этимологии слов. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 86—91.

[25] Там же, 90.

[26] См. там же, 89 с литературой.
[27] Книжным заимствованием этого типа является алб. *stepë* 'степь' (из сербохорватского).
[28] См. *Ильинский Г. А.* Указ. соч.
[29] См. подробно: *Селищев А. М.* Славянское население в Албании, 186—190. Заслуживают внимания многочисленные топонимы на территории Албании, образованные от славянских терминов горного рельефа, см. там же, 204—205. Сравнение значений алб. *step* и рус. *степь*, укр. *степ* даже как названий возвышенности, конечно, обнаруживает далеко не полное совпадение денотатов, что и естественно, поскольку использование албанцами славянских географических и хозяйственных терминов осуществлялось не в тех условиях, для которых эти термины первоначально предназначались: как известно, албанцы селились в более гористых районах, в ином поясе. То же явление адаптации терминологических элементов мы наблюдаем и во многих других случаях, ср., например, алб. *rudinë* 'ровный горный луг, горное (альпийское) пастбище' при с.-хорв. *рудѝна* 'невспаханная земля, луг, участок земли, поросший травой', болг. *рудина* 'место, очищенное от зарослей', но по диалектам также сербохорв. *рудѝна* 'местность наверху пологого возвышения, служащая пастбищем', болг. *рудина* 'горное пастбище, луг, ровная поверхность в горах с хорошим пастбищем'. Анализ значений болгарского и сербохорватского слов см.: *Толстой Н. И.* Этюды по семантике славянских географических терминов. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 119—126.
[30] Выдвинутое нами предположение о наличии в южнославянском географического термина **stьрь* подтверждается новыми сербохорватскими материалами, обнаруженными В. Борысем, который любезно предоставил их в наше распоряжение (см. находящуюся в печати статью: *Boryś W.* Dijalektološki rječnici kao izvor za proučavanje najstarijeg sloja domaćega hrvatskoga ili srpskoga leksika. — In: Hrvatski dijalektološki zbornik, knj. III). Эти материалы содержат южнославянские рефлексы слав. **stьрь* в его а н а т о м и ч е с к о м значении, ср. чак.-кайк. (мн. ч.) *stâpi* 'svinjska kralješnica', кайк. (мн. ч.) *stêpi* 'komad svinjskog mesa s kralješnicom', кайк. *stepnîk* '(svinjska, govedja) hrptenjača', кайк. *stepovina* 'svinjska kralješnica'. Сюда же В. Борысь относит и чакавское *stopovina*. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. Борыся за сообщенные им ценные сведения.
[31] *Селищев А. М.* Славянское население в Албании, 193.
[32] Там же, 194.
[33] *Трубачев О. Н.* Рец. на кн.: В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. — В кн.: Этимология 1964. М., 1965, 359.
[34] Там же.
[35] См.: *Десницкая А. В.* Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология. — В кн.: Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, 135.
[36] Там же.
[37] См.: *Леписье Ж.* Этимология русск. *потолок*. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 170—174.
[38] *Десницкая А. В.* Указ. соч., 135.
[39] См.: Türkçe sözlük. Ankara, 1969, 645.
[40] Разнообразные фонетические варианты слова *pat(a)lik* с различными значениями, а также производные от *pat* с суф. *-lak* типа *patalak* см.: Derleme sözlüğu. IX. L—R. Ankara, 1977, 3406—3410.
[41] См.: *Селищев А. М.* Славянское население в Албании, 169—170 с многочисленными примерами албанских названий рыб, заимствованных из славянского.

В. Н. Топоров

ИЗ ХЕТТСКО-ЛУВИЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ: ТЕОФОРНОЕ ИМЯ *KAMRUŠEPA*

Это имя, выступающее в хеттских и реже в лувийских текстах, относится к женскому божеству, которое принадлежит к числу относительно полно засвидетельствованных персонажей анатолийского пантеона [1]. С этой богиней в текстах соединяется ряд мотивов разного характера, позволяющих, в частности, установить ее связи с некоторыми из наиболее существенных божеств пантеона. Наконец, присутствие имени Камрусепы в хеттской части хаттско-хеттской билингвы [2] дает возможность «внешнего» соотнесения Камрусепы с хаттской богиней Kataḫzipuri, которая, видимо, вытеснила также типологически сходную с нею Камрусепу из палайского пантеона [3] (правда, сведения об этой хаттской богине существенно более скудны, чем данные о самой Камрусепе). Тем не менее, мифологическая природа Камрусепы в существующих работах обозначена лишь самым общим образом, как, впрочем, и этимология ее имени. Попытка частичного заполнения лакун в характеристике мифологического образа Камрусепы предпринята недавно в другом месте [4]. Здесь же в центре внимания будут стоять собственно этимологические проблемы. Но сначала — самый краткий обзор некоторых черт Камрусепы в мифологических текстах, без чего семантические мотивировки этого имени были бы не вполне понятны.

Следует заметить, что все соответствующие тексты, весьма тесно связаны с ритуалом (и уже это в известной степени может намекать на возможное ритуальное воплощение Камрусепы или соответствие ей), но два их этих текстов являются непосредственным описанием ритуала. В тексте о «развязывании» природы, «связанной» и попавшей в гибельное состояние (KUB VII 1+KBo III 8 III 1—62; IBoT III 107=A III 34 сл.), боги призывают на помощь именно Камрусепу, которая «развязывает» (*la-a-at-ta-at*. 3. Sg. Praet.), освобождает все, что было «связано» [5]. В призывании Камрусепы существенны три момента: 1) поручение «освободить» природу дано именно Камрусепе; 2) это призывание многоступенчато, наконец, 3) непосредственно обращаются к Камрусепе Бог Грозы или Пирва. Последний момент, как показано в другом месте, позволяет определить место Камрусепы в мифологической топике и сюжетике («основной» миф), которое уже само по себе является источником важной информации. Другой ритуальный текст с участием Камрусепы посвящен чесанию овечьей шерсти и освящению ребенка (KUB XII 26 II 1—18): Бог Солнца и Камрусепа чешут чистую овцу (*šu-up-pí-in* ÁŠ. SAL. GÀR-*an- ki-iš-ši-ir*), бросают очески, моют шерсть и т. п. Бог Солнца торопит Камрусепу освятить ребенка. В этом тексте, где Камрусепа оказывается связанной с Богом Солнца (показателен сам параллелизм последнего и Пирвы в предыдущем тексте:

оба понуждают богиню освободить природу или человеческое тело и, так сказать, освятить их), она имеет непосредственное отношение к древнейшей форме скотоводческой магии (овца, шерсть, жертвоприношение овцы и т. п.) и, судя по типологическим аналогиям, с женско-материнскими функциями (ребенок, подлежащий освящению). Чесание шерсти, ее мытье и дальнейшая подготовка, видимо, отсылают к функции богини, связанной с прядением шерсти и, следовательно, покровительствующей женщинам и в этом занятии. Третий текст, представляющий собой хеттскую версию хаттского мифа, очевидно, связанного со строительным ритуалом (412b, 3—8), изобилует типично хаттскими мотивами и поэтому может быть использован в связи с Камрусепой лишь с большой осторожностью. Тем не менее, в этом тексте важно не только подтверждение связи богини с Богом Солнца, но и то, что она выступает как хозяйка созданных храмов, их домоправительница. Тема сакральных животных (льва и леопарда), божественных зверей, символизирующих плодородие, дает известные основания для реконструкции, в которой Камрусепа ведает жизнью, плодородием, рождением. Не исключено, что лев и леопард — ее животные и что она мыслилась как «хозяйка зверей» (ср. двух леопардов в качестве атрибутов богини плодородия в неолитическом Чатал-Гююке или культовые изображения Кубабы-Кибелы между двух львов на троне).

Следующий текст, в котором выступает Камрусепа, принадлежит к числу мифологических (хотя, видимо, и включавшихся в состав ритуала праздника начала весны) и посвящен теме исчезновения и возвращения Телепинуса. Этот текст известен в трех версиях, из которых имя Камрусепы появляется лишь в одной (ср. KUB XVII 10; XXXII 2 [=A I 16 сл]; XXXI, 1 [=AIII 28 сл.]; XXXIII 3 [=A IV 11 сл.]). Нет необходимости пересказывать этот хорошо изученный и достаточно широко известный миф. Можно ограничиться лишь напоминанием о том, что в самый тяжелый момент наступившего бесплодия, голода, гибели растений, животных и людей по причине исчезновения Телепинуса и после того как все средства вернуть его были, казалось, исчерпаны (последний шаг — отыскание его пчелой, ужалившей Телепинуса, — оказался безуспешным, так как бог пришел в гнев и стал иссушать источники, сметать дома и города, убивать все живое), Камрусепа с помощью огромного крыла укрощает разбушевавшееся божество и требует от богов зарезать 12 баранов с тем, чтобы их жир посвятить Телепинусу. Далее она выступает как руководительница ритуала, совершаемого на совете богов под боярышником, хранителем их долголетия. Всем собравшимся богам (характерен их состав — Папаяс, Истустаяс, Богини-Защитницы, Богини-Матери, Бог Зерна, Бог Созревания, Телепинус, Бог-Защитник, Хабантали) Камрусепа совершаемым ритуалом сулит долголетие, а Телепинусу еще и очищение. Характерна «сельскохозяйственная» образность монолога Камрусепы — пусть сердцевина и дух Телепинуса станут мягкими, как молочный сок; пусть дух его будет сладок, как плод фигового дерева; пусть благо пребудет в Телепинусе, как в сердцевине оливкового дерева

содержится масло, в виноградной лозе — вино; пусть душа Телепинуса и слова людей будут так же едины, как солод и солодовое сусло; пусть дух Телепинуса станет медово-сладким, как мед, и мягким, как масло, и т. п. Вняв этим призывам, Телепинус возвратился домой и стал заботиться о своей стране, о царе и царице. Все успокоилось и обрело порядок. Жизнь и жизненная сила были восстановлены. Поучителен финал текста, возвращающий к теме ритуала: перед Телепинусом ставят вечнозеленое дерево *ei̯a*, на котором висит овечья шкура; в ней бараний жир, в котором Богиня-Зерно, Богиня полей и вина; в них же бык и баран, внутри которых долголетье, потомство, сыновья и дочери; в них же — зрелость, мужество, могущество; в последних — вечный огонь и т. д. вплоть до роста, цветения и насыщения соками. Текст кончается тем, что Телепинус вкладывает овечью шкуру в руки царя и дает ему все блага. Среди всех этих деталей важную роль играет мотив п ч е л ы, которой было поручено найти и вернуть Телепинуса. Она выполнила только первую из этих задач. Именно в этот момент и выступает Камрусепа как более удачный дублер, которому выпало на долю решить и вторую задачу. Известная симметричность Богини-Матери, супруги Бога-Грозы, посылающей пчелу, и Камрусепы, как бы сменяющей пчелу, может служить намеком на особую близость (в реконструкции — не исключено — вплоть до тождества) этих женских божественных персонажей.

П о с л е д н и й из хеттских текстов, в которых выступает Камрусепа, представляет собой мифологический рассказ о другом нарушении мирового порядка — падении Бога Луны с неба (KUB XXVIII 4 [A]; 3 [B]; 5 [+] VBoT 73), которое было ликвидировано опять-таки в результате вмешательства Камрусепы: она понуждает Бога Грозы возвратить Бога Луны на небо, чтобы на земле снова стало светло и чтобы страх и ужас исчезли. Поскольку рассказ входит в текст, представляющий собой хаттско-хеттскую билингву, нужно считаться с наличием определенного хаттского колорита. В силу этих обстоятельств значение этого текста для характеристики Камрусепы как х е т т с к о й богини существенно уступает значению других перечисленных выше текстов. Сведения о Камрусепе в лувийских текстах несомненны, но очень скудны, и поэтому здесь ими вполне можно пренебречь.

Специфика мифоритуального образа Камрусепы и результаты помещения этого образа в более широкий типологический контекст позволяют высказать с определенной надежностью некоторые соображения об э т и м о л о г и и имени *Katmrušepa*. Прежде всего несомненна двучленность этого имени. Вторая его часть, выступающая в ряде женских теофорных имен практически как суффикс, совпадает с полнозначным словом *šipa*, *šepa*, обозначающим, видимо, особый класс мифологических существ, — 'дух' (?) ('génie; démon', согласно Ларошу [6]; после исхода основы на носовой образуется комплекс *-nzipa*). Ср. несколько примеров имен женских божеств: *Ašgašepa* (богиня круга Пирвы [KBo IV, 13 passim и др.]; первый член — от *ašga* 'porte; antichambre' ?), *Išpanzašepa* (ср. *ᴰIšpant-* —

богиня ночи, от *išpant-* 'ночь'), но: *Ḫilanzipa* (ср. пал. *ᴰḪi-el-la-zi-pa*, от *ḫila-* 'двор'), *Ḫuri̯anzipa* (ср. *ᴰIšḫašḫuri̯aš*, от *ḫuri̯a-*), *Mi̯atanzipa* (выступает в сопровождении Телепинуса и Зерна — *Ḫalki*, от *mi̯atar* 'зрелость'), *Šu̯anzipa* (от названия города), *Daganzipa* (дух Земли [*dagan*], дочь Солнца), *Taršanzipa* (ср. хетт. *ᴳᴵˢtarša/i?*)[7]. В деталях значение *šipa*, *šepa* остается не до конца ясным[8], но во всяком случае этот элемент должен был восприниматься как показатель женского божественного имени[9], и при мифологической эквивалентности *Kamrušepa*: *Kataḫzipuri*, подтверждаемой практикой хаттско-хеттских переводов, *-šepa* семантически могло «подстраиваться» к хатт. *Kataḫ-*, собств. — 'царица' (ср. также божество хаттского происхождения *ᴰKattaḫḫa*, известное и в поздней форме *Ḫattaga*, божество Анкувы, ср. *Ḫattagga-ziti*[10]; в звуковом отношении *-šepa*, *-šipa* [sip-] было достаточно близко к *zip-* в *zipuri* (*zi̯uri*), ср. хеттское название служителя культа (?) *ᴸᵁzipuriaš* (XXX, 69, Vs. 1)[11], что могло благоприятствовать опытам «народно-этимологического» характера.

Но в центре этимологических интересов в связи с именем Камрусепы стоит, конечно, первая часть — *Kamru-*. Именно ей и посвящена по преимуществу настоящая статья. Однако дальнейшие рассуждения должны быть предварены общим замечанием методологического назначения. Опыт анализа многочисленных теофорных имен показал, что весьма часто их этимологические решения отражают множественность их мифологических значений в признаковом поле: каждый существенный мифологический мотив как бы находит себе некое этимологическое соответствие (ср. объяснение имени Перуна — Перкунаса через его связь с дубом, камнем, горой, его оружием, основным действием и т. п.). Именно с этой ситуацией приходится столкнуться при этимологическом анализе элемента *Kamru-*. Формально он должен быть возведен к и.-е. **kom-ru-* от корня **kom-/*kem-*, в разных языках выступающего в чистом виде и с различными расширениями корня и/или суффиксами. При этом следует иметь в виду, что имя Камрусепы в хеттских текстах изредка выступает в графической форме *ᴰKam-ma-ru-še-pa* (XVII 10^II 35; XXXIV 63 15), как бы отсылая к хетт. *kammara-* (о котором см. ниже). Во всяком случае есть, кажется, основания принимать во внимание и такое написание.

Этот индоевропейский элемент **kom-*(*ru-*), как и другие его разновидности, обозначает, как правило, некую м а с с у, обладающую идеальной (или близкой к ней) формой[12] правильного шара или фигуры с преобладанием сферических поверхностей. Эта масса состоит из множества мелких, тесно прижатых, сбитых воедино, скученных объектов, которые могут находиться в хаотическом движении (кроме особых обстоятельств слабо выраженном), никогда, однако, не грозящем этой массе распадом, или в состоянии так называемого «стабилизированного» движения. Еще одна важная особенность этой массы, характеризующая ее извне и изнутри, — ее заполненность, набитость и ее тенденция к росту, увеличению в объеме (и соответственно — и интенсивности движения), распуханию, набуханию.

Собственно говоря, эти свойства массы, обозначаемой элементом *kom-(ru-), идеально описывают процесс сбивания пчел в ком, когда они образуют довольно плотный клуб, который постепенно расширяется («вспухает»), занимая в улье все большее и большее пространство до тех пор, пока не начинается трансформация зимнего клуба в роевой клуб, вырывающийся наружу и, согласно мифопоэтическим представлениям, приносящий весну (ср. образ пчелы, замыкающей зиму и отмыкающей весну, т. е. «связывающей» и «развязывающей», если пользоваться термином из мифа об освобождении природы Камрусепой). Густота, частота, теснота роя искони была главной заботой пчеловода. Ср. характерные ходы в «пчелиных» заговорах: желтыми и яркими восками и густыми медами, частыми роями несла бы моя пчела . . . детки-гнетки, идите до меня, на частый рой . . .; Как на сей день люди теснятся до той святой воды, так бы мои пчелы теснились в моей пасеке день и ночь . . . и т. п.[13] По сути дела, частый рой и является одним из воплощений *kam-(ru) и его продолжением. Если учесть, что существуют особые женские божества, покровительствующие пчелам, и что малоазиатско-кавказский ареал в этом отношении особенно показателен (ср. Артемиду Эфесскую как воплощенную священную пчелу, ее жриц, понимаемых как пчелы — μέλισσαι, царя-пчелу и царицу — пчелиную матку как руководителей ритуала; абхазскую Анана-Гунду, т. е. Мать Гунду (видимо, от абхазск. *ан* 'мать' и груз. *гунди* 'рой'[14]), Мерием у кабардинцев и черкесов[15], ср. *Пресвятую Мати*, которая вместе с «пчелиным богом» Зосимой выступает в русских «пчелиных» заговорах[16], или строку из древневерхненемецкого «Лоршевского» заговора: *sizi*, *sizi*, *bina*: *inbot dir sancta maria* 'садись, садись, пчела: Святая Мария приказала тебе'), наконец, приняв во внимание, что пчелиная матка довольно регулярно (и в разных традициях) обозначается как «Царица роя», «Госпожа роя», «Хозяйка роя», окажется, что одно из наиболее естественных толкований имени *Kamrušepa* предполагает понимание ее как 'Госпожи *kamru*-' (т. е. хозяйки роя, его духа)[17]. И в самом деле, существуют лингвистические примеры кодирования этим индоевропейским корнем названий насекомых (нередко именно их замкнутой совокупности). Достаточно указать несколько примеров. Наиболее интересным, пожалуй, следует считать праслав. **komarъ* (рус., укр., блр. *комар*; болг. *комар*, с.-хорв. *кòмâр*, слов. *komár*; чеш., словац. *komár*, польск. *komar*, в.-луж. *komor* и т. д.), т. е. **kom-ar-*. И.-е. **kom-* хорошо представлено в балто-славянских языках (ср. рус. *ком*: *коми́ть* 'сжимать, комкать' [ср. с *-l-*: *ко́мель*, *комли́* 'комья на пашне', *комлы́га* и др., см. Филин 14, 233]; лтш. *kams* 'ком', *kama* 'глыба', *kamõls* 'клубок', лит. *kamuolỹs* [с вокализмом *-e-* и формантом *-r-*: лит. *kẽmuras* 'куча; множество', лтш. *čemurs* и др.]; лит. *kìmti*, ср. *kim̃štas*: праслав. **čęstъ*) и, видимо, за их пределами (во всяком случае уместно еще раз обратить внимание на др.-греч. κώμυς 'связка; пучок' или κῶμος 'толпа, рой', 'сонм; торжественное шествие', в честь Диониса). Не следует переоценивать тот факт, что в славянских языках

слово **kom-ar-* чаще всего обозначает кусающихся и кровососущих насекомых *Culex*[18]. Важно, что семантическая мотивировка обозначения Culex исходит именно из образа к о м а этих насекомых, их роя, который и приносит человеку столько неприятных ощущений. В отдельных случаях этим словом обозначаются не только насекомые *Culex*. Во многих русских говорах *комáр* обозначает муравья (тоже и *комáрь, комáрики, комарáшки* и др.; см. там же, 14, 225—226; ср. *комарúще*, т. е. муравьиная куча, муравейник), нередко и других насекомых, ср. *комарóх* 'божья коровка' и др. Тем более это относится к образованиям без *-р-*. Ср. *комáшка* 'всякое мелкое насекомое, мошка'; *комáшки* 'мелкие летающие насекомые', *комашнá* 'рой комаров, рой мошек, муравьи и даже о множестве детей'; ср. также *комахá* 'красильный червь' (Там же, 14, 228); укр. *комáшки, комáха, комашúна* и др.

В других случаях и.-е. **kom-* (иногда с элементом *-l-*, в данном случае как бы дублирующим *-r-*) образует названия «пчелообразных» насекомых. Ср. англ. *himble-bee*, нем. *Hummel* (ср. др.-в.-нем. *humbal*,), ср. -в. -нем. *humbel*, *hummel*, ср. -н. -нем. *hummel*), норв. диал. *humla* и другие названия шмеля, которые воспринимаются уже скорее в з в у к о в о м коде (ср. англ. *to hum*, нем. *hummen*. норв. *humre* 'leise wiehern' и др.), чем в пространственном [19] (к сочетанию звукового и пространственного аспектов ср. укр. *гóмін* 'крик, шум', но и '(особого рода) процессия, рой') [20].

Сюда же следует отнести еще две категории случаев: продолжения и.-е. **kom-* с элементом *-n-* или без него (ср. восточно-балтийские названия шмеля или дикой пчелы типа лит. *kamãnė, kamìnė, kamunẽ, kamanìnė bìtė* [при *kãmis* 'соты шмелиного меда'] или лтш. *kamane, kamene, kamine* и др. или прус. *camus*[21] — при таких словах, передающих звук, как лит. *kìm/in/ti, kimùs* и др.) и продолжения того же корня, но в другой огласовке, **kem-* с разными формантами, прежде всего *-l-* и *-r-*. Ср. праслав. **čьmelь/ *čьmela*: рус. *шмель*, диал. *чмел, щамель*, укр. *чміль, джміль*, блр. *чмель*; польск. *czmiel, tczmiel*, в.-луж. *čmjeła*, н.-луж. *tśmel*, чеш. *čmel*, словац. *čmel', čmela*, диал. *čmula*; с.-хорв. *čmèla*, слов. *čmêlj, šmêlj* и даже любопытные формы с *-r-*, дающие известное основание для суждения об исходном типе, ср.: *čmŕlj, črmêlj, čŕmelj, čmerêlj* (см. ЭССЯ 4, 1977, 145). Действительно, для праславянского реконструируется форма **čьmьrъ / *čьmyrъ* (ср. чеш. *čmyr* 'насекомое; козявка; куриная вошь') [Там же, 145] и исторически соотносимый с нею глагол **čьmětі, *čьmiti* 'быть стиснутым' и т. п. (Słownik prasłowiański II, 312—313; ср. ЭССЯ 4, 15—16). Но особенно показательны такие примеры, как др.-инд. *camaraka-* 'пчела' при *camara-* 'Bos grunniens' (!), т. е. **kem-ar-*: **kom-ar-*: **kom-ru-* (хетт. *kam-ru-*), ср. др.-инд. *camūru-*, род оленя, *camarika-* 'Bauhinia variegata'?

В свете приведенных фактов хетт. *kamru-* могло бы применительно к пчелам обозначать р о й, густоту—ч а с т о т у (**čęstъ* < **kem-st-*) комообразного роя, может быть, и самое пчелиную матку как энтомологический символ полноты, наполненности, обилия [22]. По-видимому, такая возможность остается, и она может, кажется, под-

крепляться некоторыми деталями (ср. Камрусепу **и** Бога **Грозы** в связи с пчелой в мифе о Телепинусе **и наличие** в разных традициях таких покровителей пчелы, как Высший Бог [иногда Громовержец или его трансформации, ср. Св. Георгия] и богиня типа Великой Матери) и даже довольно очевидными языковыми данными (ср. хетт. *kammara-* как обозначение, между прочим, пчелиного роя — 'Bienenschwarm' [Friedrich, 97], о чем см. ниже). И все-таки решающие данные в пользу такой интерпретации (во всяком случае как единственно возможной) в древней анатолийской традиции пока отсутствуют [23], и поэтому более осторожно, чем настаивать на единственности и исключительности этого решения, было бы попробовать сохранить всю совокупность возможностей, представляемых исследователю элементом **kam-ru-*.

Подобный вывод может быть подкреплен примерами того, как другие мифологические мотивы, связанные с Камрусепой, также соотносятся на языковом уровне с элементом **kom-*, **kom-ru-* и подобными. Так, хорошо известный мотив ш е р с т и, ее расчесывания, мытья и других приготовлений к п р я д е н и ю, рассмотренный ранее, получает неожиданное подкрепление в таких фактах, как укр. *чмирь* 'короткая ш е р с т ь, остающаяся на пестах после валянья сукна' (Гринченко IV, 466), отчасти словац. *čmír* 'жилки; волокна' (в древесине, растении), дающих основание для реконструкции праслав. **čьmьrъ*, из и.-е. **kem-r-* (ЭССЯ 4, 146). Точно так же **kom-*: **kem-* используются и в глаголах, имеющих отношение к набивке, в частности, к заполнению некоей рамки шерстяными волокнами, нитями и т. п. [24] Наконец, такие случаи, как лит. *kãmanos* 'уздечка' (как утолщенная, обычно плетеная, ср. образ уздечки как шелковых кос (Топоров. Прус. яз. *I—K*, 191 сл.) (здесь же о лтш. *kamans* 'толстый конец бревна', *kamana* 'сани' и др.), также могли бы быть отнесены к этому семантическому кругу; ср., в частности, мотивы «связывания» и «развязывания» в связи с Камрусепой. Поэтому, строго говоря, нет принципиальных возражений и против того, чтобы понимать имя *Katmrušepa* как обозначение Духа (или Госпожи, Хозяйки) Пряжи (Руна и т. п.), Навоя [25].

Но Камрусепа связана в мифах и с р а с т е н и я м и, обычно многоплодными, насыщенными ягодами (ср. фиговое или оливковое деревья, виноградную лозу, а также полбу и другие растительные символы изобилия), «густыми» и «частыми». Корень **kom-*: **kem-* кодирует и растительный мотив мифа плодородия. Из многочисленных примеров, достаточно хорошо выявляющих то внутреннее значение, о котором говорилось выше в связи с **kam-(ru-)*, здесь стоит указать лишь некоторые. Ср. с.-хорв. *кȍм*, болг. *кòмина*, чеш. *kominy*, в частности, о виноградных выжимках, или балтославянские обозначения основы дерева, ствола, комеля — русск. *кóмель*, лтш. *kamans*, лит. *kamẽnas*, чеш. *kmen* 'ствол' (и 'племя'), а также слова, выражающие идею с в я з а н н о с т и—с о б р а н н о с т и (замкнутой ограниченности, иногда в варианте интенсивной о п у ш е н н о с т и), — от грозди (др.-греч. κώμυς или обозначения разного рода зонтичных растений типа прусск. *kamato* 'фенхель',

род укропа, обладающий так называемым «сложным зонтиком», т. е. сгущением очень большого числа мелких цветочков в соцветие, в купу, в массу [Топоров. Прус. яз. *I—K*, 187 и сл.], лит. *kamuõlė*, *kamuľa* 'песья трава' и др.) до огороженного поля (н.-нем. *hamme*, ср. ср.-н.-нем. *ham*, об огороженном участке) [Фасмер II, 300, 302 и др.]. «Растительное» **kom-* может присутствовать и в названиях пищи, характеризующейся массовидностью, клеклостью, кашеобразностью; ср. лтш. *kame*, *kami* 'eine aus zusammengestossenen Erbsen, Bohnen (auch Kartoffeln) und Hanf bestehende Volksspeise' (ср. лит. *kamúoti* 'мучить; мять; томить'; лтш. *kamuôt* и др.). И.-е. **kem-* также участвует в названиях вегетативного кода, о чем свидетельствуют такие примеры, как например, лит. *kẽmuras* 'гроздь' (**kem-ur-*: **kam-ru-*), *kemurúotis* 'расти гроздьями', *kemėrėti* 'жалко, (скудно) расти'; *kẽmeras(-ai)* 'посконник'; лтш. *čęmurs*, *čęmuors*, *čęmuols*, *čęmuls* и даже *čęms* 'зонтик, гроздь', *cęmurs*, *cęmuors* (Mühlenbach — Endzelin I, 372, 409); целый ряд славянских фактов, в частности, с элементом *-r-*: **čemerъ* / **čemera*, **čemerica* / **čemerika*, ядовитое растение Veratrum album, названия которого представлены в разных славянских языках [ЭССЯ 4, 51—54] и имеют убедительные параллели в других ареально близких языках (помимо уже упомянутого лит. *kẽmeras*, чаще *kemeraĩ*, ср. др.-в.-нем. *hemera* 'чемерица'); **čьmanъ* (словац. *čmánie* 'мелкая сорная трава', с.-хорв. *чмањак* 'мелкие плоды; мелочь' [ЭССЯ 4, 144—145], ср. выше продолжения **čьmьrъ*, например, польск. диал. *czmer*, *czmyr* 'мелочь; дрянь'); **čębrъ* (рус. *чабéр*, *чебéр* и др., укр. *чабéр*, блр. *чабóр*; ст.-чеш. *čibr*, чеш. *čabr*, *čibr*, *čubr*, польск. *cząber*; с.-хорв. *чу́бар*, болг. диал. *чу́бър* и др. [ЭССЯ 4, 101—102]), из **kem-ro-* (> **čem-ro-* > **čębrъ*); весьма интересно, в контексте образа и имени хеттской богини, что чабрец, во-первых, принадлежит к числу растений, особенно отмеченных в мифопоэтической символике, и, во-вторых, он не что иное как «б о г о р о д с к а я (или богородичная) трава» — название, дающее возможность восстановления мотива «трава (растение) Богини — Матери Бога».

Не менее любопытно, что и общий символ растительного плодородия вообще может передаваться и.-е. **kem-r-*. Речь идет прежде всего о лит. *kemerỹs*, одном из самых диагностически важных и богатых мифопоэтическим содержанием слов, обозначающим спорыш, плод-двойчатку (двойной колос, двойной орех и т. п.) и отсылающем к более специальной идее б л и з н е ч е с т в а, дуальности, как одном из видов гипертрофированного плодородия (в этом случае имя Камрусепы могло бы дать повод для рассмотрения его в одном ряду с такими обозначениями персонифицированного плодородия, как Госпожа (Господин) двойственности, Госпожа Спорынья (ср. икону Пресвятая Богородица — С п о р и т е л ь н и ц а хлебов) и т. п., к мифологическим персонификациям полноты, изобилия ср. также др.-инд. *Púraṁdhi-*, собств. 'Изобилие' или этрусск. *Fulfus-* божество дионисического типа, ср. название города *Puplune*, *Fuflune* (лат. *Populonia*), как думают иногда, от **pel-* 'наполнять'; ср. «толстого бога» в мифологии центрально-американских индей-

цев, связанного с так называемой «Богиней с косами»). Формант *-r-* обнаруживается и в некоторых других растительных названиях, в частности, в названии м х а [26]; ср. лтш. *ceimurs*, об исландском мхе, при лит. *kimenaĩ*, *kiminaĩ*; *kìminė* (ср. *kiemenà*, вид луговой травы, при *kiẽmas* 'двор'), прус. **kim-* в топониме *Kytekaymen* (*Kytenow*, ятвяжск.), находящем отклик в многочисленных балтийских местных названиях в восточной Прибалтике, Белоруссии, Смоленщине, Подмосковье (ср. лит. *Kimẽnai*, *Kìminiškė*, *Kiminỹnė*, лтш. *Ķimenis*, *Ķimeņu-leja*, *Ķimeņu-pļava*, *Ķimene*, *Ķimija* и др.; блр. *Кúмия*, *Кимéйка*, *Кимя́ны*, *Кемяны*, *Химия*, *Химейка*, *Химяны*, *Химы*; *Хімкі*, *Хім*; русск. *Химки* и др. [Топоров. Прус. яз. *I—K*. 365—367]; слав. **čьmanъ*) и, может быть, даже *Кимры*: **Kim-r-* (!).

Но элемент **kom-(r-)* может передавать не только вегетативный аспект плодородия [27], но и актуализирует э р о т и ч е с к и - с е к с у а л ь н у ю идею. Возможно, сюда относятся др.-инд. *kamrá-* '[сексуально] возбуждающий; прелестный (ср. *прельщать*); красивый' (тоже, видимо, в особом отношении), от глагола *kam-* 'желать, любить' (ср. *kamana-* 'возбуждающий; милый; любовный', *kāma-* 'желание; страсть, любовь', но и — к персонификации апеллятива, предполагаемого и для имени Камрусепы, — *Kāma-* — Nom. propr. бога любви, страсти; ср. авест. *kāma-*, др.-перс. *kāma-*), а также единичное лит. *kamaros* 'похотливость; любострастие' (LKŽ V, 172: 'gašlumas'). Правдоподобно, что **kom-(r-)* могло получать значение страсти, соития, любви в тех контекстах, где были условия для мотивировки типа «соединяться», «сочетаться», «смешиваться» (ср. лат. *com-misceo* в сочетании с *corpora* в значении 'вступать в половую связь'), 'соединяться' как terminus technicus. В этом случае имя Камрусепы толковалось бы как обозначение Духа (Госпожи), Страсти, Желания, Соития (ср. *Venus* 'Венера' и *venus* 'любовь; красота' при глагольном корне *ven-*; ср. выше о соотнесении Камрусепы с Кубабой-Кибелой или связь рус. диал. *мокóсья* 'блудница' с *Мокошью* и т. д.; ср. отношение инверсии **Kom-r-*: **Mok-/r-/* в *Мокошь*, *мокрый*, *Мокрешь* — название Водолея).

Наконец, есть немало оснований полагать, что семантические и мифопоэтические интерпретации имени Камрусепы не исчерпываются приводимыми здесь случаями. В хеттском словаре, например, известно слово *kammara-* (ср. графику D*Kam-ma-ru-še-pa* при *kam-ma-ra-a-aš*), которому приписываются такие значения, как 'дым, чад, угар' ('Dunst'?); 'облако; пчелиный рой' [28], и которое по своему значению и по своей звуковой форме вызывает естественный интерес в связи с именем богини. Есть и еще один повод для сопоставления этих слов: в самом большом тексте с участием Камрусепы (миф об исчезновении и возвращении Телепинуса) слово *kammara-* появляется дважды — в начале и в конце рассказа, образуя несомненную и мифопоэтически отмеченную рамку рассказа. Ср. в начале: GIŠ*lu-ut-ta-aš kam-ma-ra-a-aš IṢ-BAT* É-*ir tuḫ-ḫu-iš* [IṢ-BAT] *I-NA* GUNNI-*ma kal-mi-i- ša-ni-iš ú-i-šu-u-ri-ịa-an-ta-t* [*i iš-ta-na-na-aš an-da*] DINGIRMEŠ *ú-i-šu-u-ri-ịa-an-ta-ti I-NA* TÙR *an-da* UDUḪI.A

KI! MIN! . . . (5—7) 'Окно облаком заволокло, дом чадом окутало. В очаге поленья задыхаются. На жертвенном столе боги задыхаются. В хлеву быки — тоже. . .' — в переводе В. В. Иванова (Луна . . ., 55); согласно переводу Виттмана, 'swarms (of insects) beset the windows, smoke beset the house'. После того, как благодаря Камрусепе Телепинус вернул жизнь и плодородие, снова появляется сходный фрагмент, в котором, однако, рисуется обратное положение вещей: от окна отошло облако (^{GIŠ}*lu-ut-ta-i kam-ma-ra-aš tar-na-aš*), от дома отошел чад (^{É}*-ir tuḫ-ḫu-iš tar-na-aš*), на жертвенном столе боги успокоились (*iš-ta-na-ni-iš* DINGIR ^{MEŠ}*-na-aš ḫa-an-da-an-ta-ti*), в очаге поленья успокоились (GUNNI *kal-mi-in tar-na-aš*), в хлеву быки успокоились (*A-NA* TÙR *an-da-an* UDU$^{\text{ḪI.A}}$ *tar-na-aš*) . . . Иначе говоря, состояние о к у т а н н о с т и дымом («связанность» в терминах другого мифа о Камрусепе, освобождающей природу) и исчезновения его («развязанность») занимают симметричную позицию по отношению к Камрусепе. По меньшей мере речь идет о звуковой игре, figura etymologica: *Kam-ma-ru-še-pa* — *kam-ma-ra-aš*. Г. Нейманн высказал в свое время предположение о том, что это хеттское слово может восходить к и.-е. **k'em-* 'покрывать, окутывать' (Pokorny I, 566) [29]. Признавая правомерность этого предположения, все-таки стоит заметить, что круг продолжений и.-е. **k'em-* несравненно уже, чем в случае **kem-*/**kom-*, и, главное, доставляет меньше возможностей мотивировки значений и в слове *kam-mara-*, и в имени *Kamrušepa*. Поэтому, наряду с объяснением Г. Нейманна, кажется, целесообразно сохранить и предлагаемую здесь возможность связи с и.-е. **kom-*(*-r-*); кстати, в этом случае *kammara-* довольно точно отвечало бы рус. *комáр*, *комáрь*, о рое комаров, об о б л а к е комаров. И другие значения *kammara-* хорошо объясняются из схемы семантических связей внутри и.-е. **kem-*/**kom-*. Ср. хотя бы реконструируемое Г. Нейманном значение тени ('Schatten', также 'Dunkelheit'), которое объясняется и из и.-е. **kem-*/**kom-*: о б л а к о — о б в о л а к и в а т ь (отсюда т е н ь, в частности, как космическая субстанция, подобная вед. *chāyā* 'тень', т. е. дыму от огня — *Agni*, случайной и еще не растворившейся в ничто первоматерии). В свою очередь с образом облака связана и о п у ш е н н о с т ь цветущих растений, и сами цветы (ср. батюшковское *И облаком цветов окинет*), и обозначение шерсти, пряжи (*волокно* : *обволакивать* : *облако*), и ряд других возможностей развития.

Не исключено, что в этом же контексте следует рассматривать и проанализированное Г. Нейманном катаонское (каппадокийское) *kommana*, представляющее весьма значительный интерес и в ареальном плане (юг восточной части Малой Азии). Речь идет о двух довольно близких глоссах: 1) Κομμαγηνή. κόμμανα Θοΐλλος μεθερμηνεύεται σύσκια κατὰ τὴν τῶν Καταόνων φωνήν. ἔνθεν ἡ Κομμαγηνή. καὶ ἡ κόμη, ὅτι σκιάζει τὴν κεφαλήν. 'Ωρος (Etymologium Genuinum Reitz, 322) и 2) πόλις Κομανα. Θοΐλλος μεθερμηνεύεται σύσκια, κατὰ τὴν τῶν 'Ιώνων φωνήν. ἔνθα ἡ Κομμαγηνή. καὶ ἡ κόμη, ὅτι σκιάζει τὴν κεφαλήν (Etym. Magn. 526, 33) [30]. Г. Нейманн осудил и отверг эти объяснения топонимов

в связи с семантикой в о л о с (ср. κόμη 'волосы; кудри' кстати, и 'листва; бородка; кисть щупальцев', а также σκιάζω 'покрывать тенью, осенять; окутывать' и т. п., σύ-σκιος 'покрытый тенью')[31], хотя значения 'волосы, кудри' (как и 'шерсть, волокно; опушка' и т. п., вплоть до 'тень' и 'тьма')[32] вполне надежно мотивируются в рамках возможностей того и.-е. **kom-/*kem-*, которое объясняет и первую часть имени Камрусепы. Можно напомнить, что наряду с Команой, в которой находился храм Артемиды Таврической (называвшейся также Анаитидой, Энио, Беллоной, ср. Cicero de imp. Gn. Pomp.), другим важным городом были Мелиты, позже Мелитены (Μελιτηνή) с их «медово-пчелиным» названием[33], вполне соответствовавшим уровню пчеловодства в древнем Тавре и соседних с ним областях. Если сказанное тут верно, то хетт. *kammara-*: катаон. *kommana* отражают ту мену элементов *-r-*: *-n-*, которая уже неоднократно обнаруживалась у продолжателей и.-е. корня **kom-/*kem-*[34]. Впрочем, возможны и иные объяснения[35].

Совместное действие двух достаточно сложных «самонастраивающихся» систем — семантической (языковой) и мифологической — объясняет сложность и неединственность толкований теофорных имен типа Камрусепы. Взаимодействие же разных культурно-языковых комплексов делает картину в ряде отношений еще запутанней. Но уже само сознание этих сложностей и множественности определяющих суть дела факторов помогает найти новые шансы в исследовании, в частности, и этимологическом.

Примечания

1 Сведения о Камрусепе (как правило, краткие) содержатся в основных работах по хеттской мифологии. Ср.: *Furlani G.* Ia religione degli hittiti. Bologna, 1936; *Götze A.* Kleinasien. — In: Kulturgeschichte des Alten Orients. 3. Abschn. 1 er Unterabsicht. München, 1957, 134; 144; *Güterbock H. G.* Hittite Mythology.— In: Mythologies of the Ancient World / Ed. by S. N. Kramer. N. Y., 1961 (русский перевод в кн.: Мифология Древнего Мира. М., 1977, 169 сл.); *Schuler E. von.* Kamrusepa. — In: Wörterbuch der Mythologie, hrsg von H. W. Haussig. Wiesbaden, 1965. Bd. 1, s. v.; *Haas V.* Ein hethitisches Beschwörungsmotiv aus Kizzuwatna, seine Herkunft und Bedeutung. — Orientalia 40, 1971, 410—430; *Haas V.*, *Wilhelm G.* Hurritische und luwische Riten aus Kizzuwatna. Neukirchen; Vluyn, 1974 (=Alter Orient und Altes Testament, Sonderreihe, Bd. 3); *Иванов В. В.* Камрусепа. — В кн.: Мифы народов мира. М., 1980, т. 1, 619 и др. Тексты о Камрусепе в транскрипции см.: *Laroche E.* Textes mythologiques hittites en transcription. Pt. 1. Mythologie anatolienne. — RHA XXIII, fasc. 77, 1965, 94, 166—173; перевод их см. в кн.: Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии / Пер. Вяч. Вс. Иванова. М., 1977, 44, 50—51, 63—64, 55—61.

2 См.: *Kammenhuber A.* Das Hattische. — In: Handbuch der Orientalistik. Bd. II. Altkleinasiatische Sprachen. Leiden; Köln. 1969, 428—499 (русский перевод в кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, ср. 68—69, 76).

3 О *Kataḫzipuri* у палайцев см.: *Kammenhuber A.* Zu den altanatolischen Sprachen: Luvisch und Palaisch. — OLZ 50, 8—9, 1955, 360—369; *Eadem.* Das Palaische. — RHA XVII, fasc. 64, 1959, 5, 21, 77—78; *Eadem.* Esquisse de grammaire palaïte. — BSL 54, 1, 1959, 18—45 (русский перевод — в кн.: Древние языки Малой Азии, 203, 216).

4 См. статью: *Топоров В. Н.* Хеттско-лувийск. *KAMRUŠEPA*: мифологический образ. — В кн.: Анатолийский сборник. М., 1985.

5 Характерно, что в следующем за данным ритуале «развязываются» члены человеческого тела. По сути дела, речь идет о заговоре против «связывания»

(*SIPAT ḫamenkuu̯aš*), ср. др.-рус. *наузы вязати* (**na-ǫz-* : **ǫziti* : *vęzati*), причем операции «связывания» в русской традиции соответствовало и вещественно-материальное воплощение — узел, с п л е т е н и е нитей, веревок и т. п. (см. далее об этом мотиве как одной из семантических доминант имени богини).

6 См.: *Laroche E.* Recherches sur les noms des dieux hittites. P., 1947, 67.

7 Ibid., 67—68.

8 В частности, заслуживала бы особого анализа возможная связь с хет. *šepa-* 'сноп' ('Garbe' |?| [Friedrich, 190]), *šep(p)it-* ('eine Feldfrucht', см. Erg.-Hf. 3: 'пшеница' или 'ячмень') и даже с URUDU*šepikkušta-* — название какого-то украшения для в о л о с ('Spange' ??, 'Haarnadel' ? [als Schmuck] [Ibid., 190]). Семантика всех этих слов, по сути дела, едина ('полнота, густота, частота' и т. п.), и она входит в такой общий контекст, где теоретически (по крайней мере) могут быть намечены две важные связи: 1) между этими словами и элементом *-šepa* в женских теофорных именах (ср. типологически нередкие имена божеств, в которые входит семантический множитель 'тело'; 'плоть'; совокупность; множество' так сказать, 'группа; куст'; ср. также и соответствующие материальные символы, называющиеся словами с тем же значением) и 2) между *Katrи-* (см. ниже) и *-šepa*, т. е. между первым и вторым членами имени Камрусепы, которые могут оказаться синонимами, находящимися в отношении переводимого и переводящего.

9 Ср. более или менее сходный функционально показатель *-šara* (*DIšḫaš-šara*, *DŠaḫḫaššara* (от *šaḫḫan* 'impôt; redevance'), *DDammaššaraš* — групповое божество).

10 См.: *Laroche E.* Les noms des Hittites. P., 1966, 287.

11 *Laroche E.* Recherches. . ., 29.

12 Идеальность образования **kom-*(*ru-*) не ограничивается формальным совершенством, законченностью и самодостаточностью шара, постоянно актуализируемой и обыгрываемой в мифопоэтической символике, но проявляется и на прагматическом уровне: форма шара обеспечивает максимальную безопасность, надежность, укрытость тому, что находится внутри него, устойчивость самого шарового комплекса и, наконец, наиболее благоприятные условия к развертыванию вовне (например, в виде роевого движения, поток которого из «раскручивающегося», «развивающегося» шара характеризуется такими чертами, как постепенность, последовательная целенаправленность [организованность], отсутствие помех, длительность, стабильность эффекта развертывания). Ср. образное описание: «It (scil. the swarm) settles in a h u g e m a s s, like a football, with the queen in the certer . . .», см.: *Spamer J. B.* The Old English Bee Charm: an Explication. — The Journ. of Indo-European Studies 6, 1978, 281.

13 Эта тема подробнее рассмотрена: *Топоров В. Н.* К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. — В кн.: Славяно-балканское языкознание. М., 1975, 3 и сл. Здесь же приведены и другие языковые способы выражения той же идеи: *пчелы т о л п я т с я в улье*, *пчелы т е л е п а ю т с я* (ср. лит. *bitės t a l p i n a m o s avilyje*), ср. лув. *taluppi-* 'ком; глыба' и возможные ассоциации с именем разбуженного пчелой спрятавшегося Телепинуса; или — другой пример — лит. *Bubilas*, бог пчел, *bubilas* 'толстый большой человек', *bū̃bas*, *bubū̃lis* 'нечто круглое' (ср. др.-инд. *bambhara* 'пчела', др.-греч. βαμβύλη 'порода пчел', лтш. *bam̃bals* 'жук' и т. п.) и др. Характерно описание, относящееся к Сванетии: «Les rouches de la forêt sont placées sous la sauvegarde du Saint Georges de Bavaria. On dit aussi *ber-bavash* 'l'ancien de Bav' . . .; ce terme *bav* a une signification précise: il s'applique à la «forêt é p a i s s e» . . . En plusieurs régions de Svanétie, lorsqu'un essaim est capté au plus profond des bois, on accomplit un rituel en l'honneur de «Saint Georges de la forêt épaisse», au cours duquel on l'invoque en disant notamment: «Rends cet essaim aussi t o u f f u et n o m b r e u x que les feuilles de la forêt», *Charachidzé G.* Le système religieux de la Géorgie païenne. Analyse structurale d'une civilisation. Paris, 1968, 485. Ср. также: *Бендукидзе А. И.* Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели. — В кн.: Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник. IV. Тбилиси, 1973, 95—100; *Робакидзе А.* К вопросу о пчеловодстве в Грузии. — Краткие сообщения Института

этнографии. VIII, 1949; *Ransome H. M.* The Sacred Bee in Ancient Times and Folklore. L., 1937; *Fife A. S.* The Concept of the Sacredness of Bees, Honey and Wax in Christian Popular Tradition. Stanford, 1939; *Picard Ch.* L'Ephésia, les Amazones et les abeilles. — Revue des études anciennes 42, 1940, 270—284; *Barnett R. D.* Oriental Influences on Archaic Greece. — In: The Aegean and Near East. Studies Presented to H. Goldman on the Occasion of Her 75 Birthday. N. Y., 1956; *Иванов В. В.* Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов. — В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, 19—20. — О роли пчеловодства у хеттов хорошо известно из хеттских законов. Обширна литература, свидетельствующая о культе пчел на Кавказе (в частности, и в его западной части, примыкающей в ряде отношений к малоазиатскому ареалу).

14 См.: *Чурсия Г. Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1951, 91.

15 См.: *Люлье Л.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами. — В кн.: Записки Кавказского Отдела Русского Географического Общества. IV. — Интересно, что к Мерием обращаются в молитве как к матери Великого Бога: *Мериям ггашхуо и янь.* Ср. Владычицу пчел *ча-лу чаб* у древних майя, изображавшуюся в виде пчелы, но с женским телом. См.: *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, 240.

16 Естественно, известны и мужские пчелиные божества — от русских «пчелиных» угодников Зосимы и Савватия до кавказских пчелиных богов — сванского Св. Георгия, мегрельского Джгерегуна или Джгерагуна, осетинского (дигорского) Анегола (*Anægol*, *Anigol*) и т. п., не говоря уж о еще более далеких параллелях (ср. австралийский покровитель пчел, небесный бог Байаме; боги Бакабов и Чааков, которым принадлежат пчелы и т. п.).

17 По определению В. В. Иванова: «Камрусепа означает буквально Дух Камру — Дух Пчелиного роя, как и подобные названия явлений природы — Дух Земли, или части тела — Дух Лба и т. п.» (см.: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977, 303). Сопоставление *kammaraš* с балто-славянскими фактами предложено в статье Х. Виттмана (см.: *Wittmann H.* Some Hittite Etymologies. — Die Sprache 10, 1964, 146—147). Там же высказано предположение, что *kammaraš*, рассматриваемое как collectiva, могло быть сложным словом, вторым членом которого был элемент *ar-* (от *arai-* 'подниматься, взлетать'); если согласиться с этим допущением, то первый член в точности соответствовал бы слав. **komъ* (т. е. 'взлетающий ком' [?]); однако слав. **komarъ* и под. убеждают в целесообразности трактовки *ar-* как суффикса. Разграничив семантически *kammaraš* и *tuḫḫiš*, Виттман делает существенное замечание: «If . . . we assume that at this stage of civilization windows were to some extent adapted to the climatic and other conditions existing in Anatolia and resembled a m o s q u i t o n e t (or screen) more closely, then the obvious thing to notice at the windows would be the mosquitoes» (Ibid., 146).

18 У комаров также есть своя покровительница — Акулина-комарница (т. е. святая мученица Акулина, день памяти — 13 июня) или Лукерья-комарница (т. е. святая мученица Гликерия, день памяти — 13 мая). Ср. **Komar-ьn-ica* (как Госпожа, Повелительница комаров): *Kamru-šepa.*

19 Покорный вообще различает два (**kem-*): 1) 'сдавливать; сжимать; препятствовать' (**komo-* 'Eingeengtes'); 2) 'жужжать' (Pokorny I, 555—556).

20 Весьма показательно, то *гомін* прилагается к обозначению процессии м и ф о л о г и ч е с к и х существ, т. е., по сути дела, выступает как теофорное имя (ср. Камрусепу). См.: *Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. IV. О доле и сродных с нею существах. Харьков, 1914, 228.

21 См. подробнее: Топоров. Прус. яз. I—K, 200—203.

22 Элемент **kom-r-:*kem-r-* используется при мифопоэтических персонификациях не только в случае Камрусепы. Можно напомнить о лешем, черте или дьяволе *чёмор*, *чóмор*, *чéмур*, он же дух соответствующей болезни (*чéмер* и т. п.). Вторичность такой персонификации, правильно отмечаемая в ЭССЯ 4, 53, не меняет самого принципа подобного образования мифопоэтических имен. — Темы густоты (и.-е. **kom-r-*) и комаров (**kom-r-*) соединяются с образом года как с обозначением природно-хозяйственного цикла (кстати, тоже иногда персонифицируемого) в формуле кетов-енисейцев: *кой с'уй с'ӥγъ*

кан бет ил'ебаје 'густой комариный год будет!' (слова злого женского духа Колбасем, из сказки).

23 Тем не менее едва ли можно считать случайностью обилие в хеттских мифологических текстах фрагментов, посвященных миссии пчелы, а именно: KUB XXXIII 33; KUB XXXIII 55; XXXIII 52; XXXIII 56; XXXIII 58; KUB XXXIII 13 [=*Laroche E.* Textes mythologiques... 124—125 (=64—65), 147—149 (=87—89), 151—152 (=91—92), 158—159 (=98—99)].

24 Слав. **kǫdelь*, **kǫdel'a* и **kǫdrь*, в которых правдоподобно принимается сложение с префиксом **kǫ-* с **dělь*/**delь* 'толстая нить' и *-drь*, ср. **dьrati* (см.: *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии. 25. — В кн.: Езиковедско-етнографски изследования на акад. Стоян Романски. С., 1960, 141—142), заслуживают рассмотрения и с точки зрения возможной интерпретации элемента **kǫ-* как и.-е. **kom-*, связанного по значению с разбираемым комплексом.

25 Из типологических параллелей ср. румынскую *Joimărița*, т. е. 'Великую Четвергицу', хозяйку очесов и непряденой шерсти (*stăpînă a cîlților și a lînei netoarse*), или женщину, посланную Господом как надзирательницу за прядением конопли (*o femeie trimisă de Dumneazeu ca supraveghetoare a torsului cînepii*), см.: *Mușlea I.*, *Bîrlea O.* Tipologia folclorului. Buc., 1970, 201. Сходные функции нередко характеризуют Св. Пятницу, Бабу Клоанцу и других женских персонажей (ср. русскую Мокошь). И в этих случаях прозрачна (как и у Камрусепы) связь с Громовержцем — через огонь и воду, наказание, четверг и т. п. В этом же кругу существен мотив волос. Тема прядения, впрочем, может сочетаться и с пчелиной темой. Ср. описания пчелы, «прядущей» медовые соты, понимаемые как пчелиная паутина, пряжа (жало пчелы — веретено). Ср. сопоставление Я. Гриммом *sigewif* из древнеанглийского пчелиного заговора с «лесными женщинами», которые были валькириями («feminae sylvestres», «nymphae sylvestres», по определению Саксона Грамматика); среди атрибутов последних были и веретена. См.: *Spamer J. B.* Op. cit., 286 (Grimm I, 419; IV, 1497).

26 С мотивом моха связаны нем. *Moosweibchen*, русск. *лешачихи* и им подобные существа (ср. также мотивы шерсти и волос).

27 О животном аспекте плодородия в связи с **kom-*(*r-*) здесь говорить не придется, хотя существует ряд примеров и контекстов, где этот элемент используется для выражения идеи животного плодородия (жизнь, жир и т. п.). Ср. хотя бы благопожелание типа: *Маслице комом*! (*Масло комом*!) (Филин 14,224).

28 Хетт. *kammara-* в этом последнем значении см. в KUB XVII 10 I 5, 4. 21. В хеттских законах (§91) говорится о наказании за кражу роя пчел, см.: *Wittmann H.* Op. cit., 146. «Салическая Правда» также предписывает наказание за кражу пчел. О заговорах древних германцев против воровства пчел во время их роения см.: *Spamer J. B.* Op. cit., 279—291

29 См.: *Neumann G.* Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961, 32.

30 Комагена известна как значительный центр древнеанатолийской культуры. Именно из нее происходит целый ряд иероглифических надписей, см.: *Hawkins J. D.* Hieroglyphic Hittite Inscriptions of Commagene. — Anatolian Studies 20, 1970, 69—110 и др. В Комане же отмечен культ Адаммы; есть свидетельства культовой хеттско-фригийской преемственности в Комане, см.: *Archi A.* Fêtes de printemps et d'automne et réintegration rituelle d'images de culte dans l'Anatolie hittite. — Ugarit-Forschungen 5, 1973 7 и сл.

31 «Nun sind die Verkhüpfungen der kataonischen Glosse mit dem Ortsnamen ***Komana*** und dem Ländernamen ***Kommagene*** sicher falsch, da ***Kommagene*** auf ein uraltes «vorhethitisches» und längst unverständliches ***Kummuḫ***, ***Komana*** in Kataonien auf ein ebenso altes ***Kummani*** zurückgeht» (*Neumann G.* Op. cit., 31), после чего предлагается связывать катаон. *kommana* с хетт *kammara-* (что, видимо, совершенно справедливо). Остается неясным иерогл лув. ***Kamana-s***, Nom. propr., ***Ka-ma-n-n***^{URU}, название города, ***Kammanu***, страна. См.: *Meriggi P.* Hieroglyphisch-hethitisches Glossar. Wiesbaden, 1962, 69—70.

32 Ср. характеристику местоположения Κόμανα, объясняющую семантическую

мотивировку названия («темная»), у Страбона: ἐν δὲ τῷ 'Αντιταύρῳ τούτῳ βαθεῖα καὶ στενοί εἰσιν αὐλῶνες, ἐν οἷς ἵδρυται τὰ Κόμανα κτλ. (XII, 535 C). См.: *Neumann G.* Op. cit., 32. — О Милетене и под. см. *Neumann G.* Beiträge zum Lykischen (Die lykische Quelle *Melite*). — Die Sprache 7, 1961, 73—76 (лув. *maliddu-* и под.). Ср. также женское Nom. propr. *Mallidunna* (KUB XXX 51 I 15); о нем см.: *Laroche E.* Les noms des Hittites, 330.

33 Ср. аттич. μέλιττα при μέλισσα 'пчела' (ἔθνεα μελισσάων ἀδινάων, о густых роях пчел, у Гомера), а также эпитет Персефоны Μελιτώδης.

34 Не ясно, как интерпретировать имя каппад. *Kimarnala* (при хетт. Adj. *kimmarnala-* [KUB XXXVI 49 IV 2], с неизвестным значением). См.: *Laroche E.* Les noms des Hittites, 341. Заслуживает внимания имя нимфы, дочери Океана, Καμαρίνη (Pind. Olymp, IV, V) и соответствующего города в Сицилии (**Kam-ar-*).

35 В самое последнее время предложено иное объяснение для *Comana Cappadociae* (ср. хурр. *Kuma/inni*, урарт. *Qumenu*, лув. *kummiya-*, лик. *kuma-* 'священный'). См.: *Иванов В. В.* К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. — В кн.: Этимология 1982. М., 1983, с. 158—159.

Вяч. Вс. Иванов

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

1. Лит. *lópeta* 'лопата' : рус. *лопата* : хет. *lappa*

Лит. *lópeta* 'лопата, лопатка, заступ; лемех' [1] нередко используется в контекстах, связанных с похоронным обрядом и смертью, как и родственное рус. *лопата* и другие славянские слова того же корня в фольклорной традиции. Поэтому представляется обоснованным сравнение с хеттским обозначением ранее точно не отождествленного предмета (вслед за Зоммером предлагался перевод 'щипцы, ложка' [2]), на который (и с помощью которого) кладут кости умершего царя в архаическом ритуальном обряде, сохранившем многие лексические сочетания индоевропейской древности [3]: nu ḫa-aš-ta-i *IŠ-TU* la-ap-pa KUBABBAR da-aš-kán-zi 'и кости они берут на серебряную лопату' (директив), KUB XXX 15+KUB XXIX 19 Vs. 4. Наряду с древнехеттской формой директива (направительного падежа на *-a* < и.-е. **-ō* из ступени растяжения тематического гласного) в среднехеттских и архаических новохеттских текстах засвидетельствована форма твор. п. *la-a-ap-pí-it* (1961/c obv. 6[4]), функцию которой в цитированном тексте, быть может, отчасти выполняет (непроизносившийся, т. е. игравший роль чисто графического уточнения при древней падежной форме, возможно, уже с трудом воспринимавшейся) акадский предлог *IŠ.TU* 'с, посредством' (очевидно, директив в древнехеттском мог передавать и это графическое локальное значение наряду с собственно направительным). Контекст *la-a-ap-pí-it da-a-aš* 'лопатой взял' (1961/c obv. 6) совпадает по лексическому составу с цитированной формой из древнехеттского царского обряда (дошедшего в более поздней копии среднехеттского или возможно новохеттского времени), отличаясь только видо-временными морфологиче-

скими характеристиками (*dāš* 'взял': *dāšk-anzi* 'они берут' при возможности древней генетической связи между сигматической формой пр. вр. на *-š* и итеративным суффиксом *-šk-* < и.-е. **-sk'-*). Давно предположенная связь пережитков обрядовой роли лопаты в восточнославянских фольклорных текстах с ритуалом инициации юноши [5] находит подтверждение в новохеттском тексте предсказания новорожденному, где говорится (KUB VIII 35 obv. 4—5): TUR-aš ÍD!-az x-x-an-ta-za IZI-za la-ap-pa-za i-ya-at-ta-ri 'ребенок пройдет через реку. . ., огонь и (испытание) лопатой'. Парадигма существительного, судя по цитированным написаниям, была баритонированной: *lāpa*[*š*] (предполагаемое восстановление *la-ap-pa-a*[*š*], им. п. ед. ч. или род. п. ед. ч., KUB XVI 42 obv. 20, текст новохеттского периода), *lāpa* (директив), твор. п. ед. ч. *lāppit*, отл. п. ед. ч. *lāppaza*.

Семантическое сходство хеттских, славянских и балтийских текстов делает этимологию несомненной. Представляется, что общепринятое членение форм типа лит. *lóp-eta*, рус. *лоп-ата* (при параллельных формах без суф. **-e/ōt-* типа лит. *lãpa*, лтш. *lãpa*) может представить интерес и для выяснения предыстории форм типа хет. твор. п. ед. ч. *lappit*, где можно было бы видеть древний нулевой падеж [6] (в локативной функции) от основы типа **lop-et-*, представленной в балтийском и славянском. Анатолийское соответствие исключает предполагавшуюся ранее принадлежность слова к общему балто-славяно-германскому слою лексики [7] и заставляет возводить его к общеиндоевропейскому.

2. К проблеме производных от основ 'связывать, шить'

Индоевропейский глагол со значением 'связывать' восстанавливается в виде **seH₂-ye/o-* > лит. *siẽja*, **sH₂-ye/o-* > хет. *išḫiya-*, ср. др.-инд. *sināti* 'привязывает' [8]. Архаичное производное от этой основы с суффиксом медиопассивного причастия **-me/ono-* представлено в хет. *išḫi-mana-* 'веревка, ремень' [9] и в прус. *schumeno* 'толстая смолянистая нить' (в Эльбингском словаре 'Drot' [10]), которое Эндзелин правильно отождествил с др.-инд. *syū́-man* 'нить' и с суффиксом *-mana-* в прус. *poklausī-mana-s* 'услышанный' [11]. По-видимому, прусская и древнеиндийская формы восходят к производному с этим суффиксом от основы **sH₂-y-u-*, тогда как в хеттском представлена основа **sH₂-y-* без суф. *-u-* в отличие от другого хеттского производного *išḫi-u-l* 'договор' : лит. *siū́las* 'нить, нитка'. Различие между **sH₂-y-ú-meno-* > прус. *schumeno*[*šūmenā*] [12], др.-инд. *syū́man* и **sH₂-y-mono-* > хет. *išḫimana-*, по-видимому, отражает достаточно древнее диалектное различие внутри словоформы, которую потенциально можно было бы признать общеиндоевропейской, ср. отчасти аналогичное различие между лат. *sūtus* < **syū́tos* и прус. *saytan* 'сеть' от тех же двух основ (на *-u-* и без этого суффикса), сосуществовавших при не всегда четком различии значений в ряде индоевропейских диалектов.

3. К индоевропейским названиям 'бороды'

Выявленное в индоевропеистике диалектное различие между древним индоевропейским названием 'бороды, подбородка' и инновацией группы «древнеевропейских» (западноиндоевропейских) диалектов [13], по-видимому, может получить в настоящее время удовлетворительное семантическое истолкование. Древнее название реконструируется на основе соответствия хет. *zamankur*, др.-инд. *śmaśru*, алб. *mjekrë* (с закономерной утратой начального **s-*), др.-арм. *morukh* (*mauruk*) 'борода', лит. *smãkras* 'подбородок', др.-ирл. *smech* 'подбородок' (ср.-ирл. *smeig*), др.-англ. *smǣras* 'губы', др.-исл. *smaéra* (*smári*, швед. диал. *smäre*). Вероятна также принадлежность к этой группе слов о.-вост.-кавк. **moć'orV* (реконструкция С. А. Старостина), о.-даг. **mVč'Vr/*mVž'Vr* 'борода', где можно видеть древнее заимствование из диалекта satəm-ного типа (но, возможно, уже утратившего **ś-* на собственно индоевропейской почве, как в древнеармянском и албанском) или же из формы типа индо-иранской [14] (где в др.-инд. *ś-* могло бы указывать на особый характер спиранта, в хеттском находящего соответствие в *z-*, а не *š-*). На основании хеттской и древнеиндийской форм исходную праформу можно восстановить как **s'mon-k'r-u-* (ср. др.-инд. *śman* < **s'mon* 'кожа' + *śr-* 'украшать', хотя предлагаемое осмысление в древнеиндийском и может быть результатом народной этимологии). Закономерное развитие **k'* во второй части слова осуществилось только в древнеиндийском; в албанском, как и в литовском, слово преобразовалось фонетически в связи с наличием *-r* после палатального; в хеттском развитию **k'u* > **šu* помешала ранняя метатеза, переведшая слово в некогда продуктивный тип основ на *-ur* (в связи с забвением исходной внутренней формы).

И.-е. **s'monk'ru-* использовалось как обозначение 'бороды' бога: Индры, трясущего (*dhū-* 'трясти' бороду, ср. др.-исл. *dýja* 'трясти' в аналогичном контексте о боге грозы Торе в «Эдде» [15]) бородой в «Ригведе», хеттского бога Солнца в гимнах ему, где говорится о его 'бороде' (*zamankur*) из лазурита [16] (KUB XXXI 127 I 11 и др.), древнеармянского Ва(х)агна в конце гимна, переданного Моисеем Хоренским, где борода бога описывается как 'пламенная' (что напоминает рыжий «медный» цвет бороды Тора). В аналогичных контекстах говорится и о 'бородатых змеях', в частности в хеттском заговоре, где их связывают, а потом развязывают: *šamankurwašuš* MUŠ$^{HI.A}$ 'бородатых змей' [17], KUB VII 1 III 1+KBo III 8 III 1—35. Мифологический контекст может прояснить и причину, по которой древнее название бороды рано начинает заменяться другими.

Древнеевропейское диалектное название бороды, заменившее общеиндоевропейское, уже по его фонологическим особенностям с несомненностью должно оцениваться как сложное слово **bhar-dhā-* (> лат. *barba*, ст.-слав. брада, прус. *bordus* [18], лит. *barzdà*, лтш. *bārda*, др.-исл. *barđa*, др.-англ. *barda*, др.-фриз. *berd*, др.-в.-нем. *barta*). Особый интерес представляет образованное от него прилагательное типа лат. *barbātus* 'бородатый', ст.-слав. брадатъ, лит. *bar-*

zdótas, прус. *Bardoayts* как имя бога, интепретируемое как **bardāts* [19].

По собственно лингвистическим соображениям первый член сложения **bhar-* интепретируется как древнее индоевропейское название 'ячменя' (Hordeum sativum) [20], заимствованное в древнеевропейские диалекты (лат. *far*, гот. *barizeins*) из семитского (др.-евр. *bar* 'обмолоченное зерно', араб. *burr* 'пшеница', южно-арав. сокотри *bor*, мехри *barr* 'зерно, пшеница' [21]); время заимствования датируется периодом общеиндоевропейского диалектного состояния.

Исходное значение словосложения **bhar-dhā* может быть реконструировано на основании широко засвидетельствованных славянских аграрных обрядов завивания бороды богу (Велесу — Волосу, Илье) или другому мифологическому существу («житному деду»). Суть обряда заключалась в том, что на поле оставляли несжатым небольшой кусочек колосьев, который посвящали богу, объявляя эти колосья его бородкой [22]. Обряд сохранил суть того же древнего представления, которое отражено и в поверьях, касающихся 'бороды' бога, и в новом диалектном древнеевропейском названии бороды.

В архаической мифологии древних пруссов три основных бога, описанных Симоном Грунау, противопоставлялись по признаку 'безбородый' («ane bardt»), которым был Потримпс, и 'бородатый', который характеризовал Перконса (функционально соответствовавшего другим названным выше индоевропейским грозовым божествам: Индре, Тору, Вахагну, чья борода фигурирует в их описаниях) и Патолса (функционально соответствовавшего славянскому Велесу — Волосу). Это противопоставление позволяет поставить вопрос о том, что новое название 'бороды' могло возникнуть в тех индоевропейских диалектах, где распространился обычай бритья бороды, известный у древних литовцев [23], западных славян [24], римлян. Не только боги, но и люди могли противопоставляться по признаку 'бородатый' — 'безбородый' (не только 'юный', но и 'бритый'). Ритуальная же борода (в том числе в обряде и у человека или антропоморфного образа) могла изображаться пучком колосьев, что и отражено во внутренней форме словосложения **bhar-dhā-*.

4. Индоевропейские сложения типа числительное + **pod-* 'нога'

Многолетние изыскания, касающиеся предыстории загадки Эдипа, дают основание думать, что в ее греческо-индо-иранском (т. е. диалектном индоевропейском) прототипе было противоложение **dwi-pod-* 'двуногого' и **k^w^eturo-pod-* 'четвероногого' существа, отразившееся в греч. δίπουν—τέτραπον [25], связываемом с разными возрастами живого существа. Эта реконструкция исходной языковой структуры загадки Эдипа сближает ее и с давно уже восстановленным индоевропейским противоположением **dwi-pod-* 'двуногого' и **k^w^eturo-pod-* 'четвероногого' как символического различия людей и крупного рогатого скота. Поскольку это последнее проводится с помощью данных числовых сложений в италийской и древнеиндийской традициях (что и позволяет удостоверить его общеиндоевропейский харак-

тер) [26], представляется особенно важным наличие в тех же традициях точного соответствия рассматриваемому языковому аспекту загадки Эдипа. Речь идет о загадке, которая была богом Фавном загадана римскому царю Нуме в год, когда плодородие в стране исчезло. Божество посоветовало царю умилостивить божество Земли «посредством смерти двух коров, но так, чтобы одна только корова была принесена в жертву, но притом такая, что она отдает две жизни» (P. Ovidius Naso, Fasti, IV, 641—672); разгадку содержит римский ритуал Fordicidia (принесение в жертву стельной коровы) и древнеиндийское название приносимой в жертву стельной коровы *aṣṭāpadī* [27] < **ok'to-pod-(ī)-* 'восьминогая'. В последнем словосложении противопоставление двух живых существ (не людей, принадлежащих к 'четвероногим' — крупному рогатому скоту) по возрасту снимается благодаря включению одного из них во второе. Следовательно, и по своей семантике, и по языковому строению загадка Нумы продолжает загадку Эдипа и позволяет восстановить исходный индоевропейский ряд числовых сложений с вторым элементом **-pod-* : **dwi-pod-*, **k^{w}eturo-pod-*, **ok'tō-pod-*. Общеиндоевропейский характер обряда принесения в жертву стельной коровы, из чрева которой вырывают плод, подтверждается метафорической ссылкой на этот обряд в древнехеттском тексте Завещания хеттского царя Хаттусилиса I.

5. Греческо-арийское название 'моря' как 'соленого'

Открытие в др.-инд. *sal-ila* 'море' производного от общеиндоевропейского названия 'соли' [28] имело существенное значение прежде всего потому, что этим было опровергнуто бытовавшее до тех пор представление об отсутствии у индо-иранцев этого названия (из чего делались неоправданные дальнейшие культурно-исторические выводы). Однако едва ли не бо́льший интерес представляет то, что обозначение 'моря' как 'соленого' является общим греческо-арийским. В микенском греческом *a$_2$-ro*=**halos* означает 'море', *haro-udopi* 'аквамарин' (где **halos *udophi* понимается как сочетание с твор. п. мн. ч. от ὕδωρ); собственное имя *a-pi-ha-ro* толкуется как 'Αμφίαλος; *o-pi-ha-ra* сопоставляется с гом. греч. ἐπίαλα 'стоящий на берегу моря' (B 538, 589) [29]. В послегомеровском греческом слово многократно засвидетельствовано в лирической поэзии, ср. у Сапфо производные со значением 'соленое' (море) (55а, 7—8): ἄβραν 'Ανδρομάχαν ἐνὶ ναῦσιν ἐπ' ἄλμυρον πόντον 'ведет Андромаху на корабли на соленой пучине'; (98, 10) θάλασσαν ἐπ' ἁλμύραν 'на соленое море'; у Алкея то же сочетание ἄλμυρον . . . πόντον (51, 2). Кажется несомненным, что в поэтическом языке отражены здесь архаичные черты.

6. Лув. *kuwaya-* 'бояться': и.-е. **dw-* > арм *erk-*

В лувийско-ликийской группе индоевропейских языков Малой Азии осуществилось развитие **dw-*, **d^{h}w-* > **kw-*, о чем свидетельствует лик. *kbatru* 'дочь' < **d^{h}ug^{h}Hter*; лик. *kbi*: мил. *tbi* 'два';

лик. *Ikkwemi*: 'Ενδυομις [30]). Подобно этому лув. *kuwaya-* 'бояться' (иерогл. лув. *hwa-s-* с изменением $k > h$ уже в самом иероглифическом лувийском) соответствует и.-е. **dw-* 'бояться' (вероятно, производному от **dw-* 'два' согласно семантической закономерности, выявленной Бенвенистом [31]). Данное соответствие существенно потому, что оно прояснит фонетическую предысторию группы **dw-* > *erk-* в родственных древнеармянских словах. Можно думать, что начальный этап развития **dw-* > **kw-* был общей лувийско-протоармянской изоглоссой. Для более поздней истории собственно армянского специфично развитие, при котором **d-* > **r-* (ротацизм, сходный с позднейшим диалектным лувийским иероглифическим), а **-w-* в этой группе фонем выпадает: **dw-* > **kw-* > *(*e*)*rkw-* > **erk-*. Таким образом, армянский перестает быть изолированным языком по этой фонетической черте, вызывавшей сомнения у многих индоевропеистов.

Примечания

1 Значение засвидетельствовано в старолитовском (в библии Бреткунаса), см. LKŽ VII, 648 (там же см. контексты, относящиеся к смерти и похоронам).
2 *Otten H.* Hethitische Totenrituale. B., 1958, 66, 67, 142, 145; *Hoffner H.*, *Güterbock* H. Hittite Dictionary. Chicago, 1980, vol. III., L—M, 40.
3 Ср. в данной связи: *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, 149—150, примеч. 5.
4 *Otten H.* Op. cit., 142. Толкование Оттеном формы как не собственно хеттской не выдерживает критики и объясняется тем, что в то время функция директива в древнехеттском не была изучена.
5 *Топоров В. Н.* Хеттская SALŠU.GI и славянская баба-яга. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 38, 1963.
6 Ср. *Neu E.* Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen. — In: Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck, 1979.
7 *Stang Chr. S.* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972, 33.
8 *Иванов В. В.* Указ. соч., 165, 166, 217.
9 Там же, 166.
10 *Mažiulis V.* Prusų kalbos paminklai. Vilnius, 1981, t. II, 35 (строка 507), 310.
11 *Endzelīns J.* Darbu izlase. Rīgā, 1979. T. III, d. 2. Идея Эндзелина осталась незамеченной в последующей литературе, посвященной этому суффиксу в прусском, см.: *Hamp E. P.* On Baltic, Luwian and Albanian participles in *-*m*-. — Baltistica, t. 9, 1973, 49; *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian grammar: the phonology and morphology of the three catechisms. University Park and London, 1974, 223, 224, 345.
12 *Mažiulis V.* Op. cit., 310.
13 *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, 302.
14 *Иванов В. В.* Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира». — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, 201, 202. См. также детальное обсуждение: *Markey T. L.* IE 'beard' and related matters. The University of Michigan (Pre-print), 1983 (пользуюсь случаем выразить благодарность проф. Марки за присланный им препринт).
15 *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit. Wiesbaden, 1967, 34, 35; *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, 16.
16 *Иванов В. В.* К архаическим формулам в хеттских гимнах. — AO 1978, vol. 46, № 1, 69—71.
17 Ср. к интерпретации: *Kronasser H.* Fünf hethitische Rituale. — Die Sprache, Bd. 7, 1961, 161.

[18] *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. М., 1975, т. 1. *A—D*, 240—242, там же лит-ра.
[19] Там же, 196; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Бардо́йтс. — Мифы народов мира. М., 1980, т. 1, 162; *Они же.* К проблеме лтш. *jumis* и балтийского близнечного культа. — В кн.: Балто-славянские исследования 1982. М., 1983, 170.
[20] *Markey T. L.* Op. cit.
[21] *Fronzaroli P.* Studi sul lessico comune semitico. — Academia nazionale dei Lincei, Rendiconti della classe di scienze morale, storiche e filologiche, ser. VIII, vol. XXIV, 7—12, 1969, 29.
[22] *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, 62—63; *Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М.* Материалы к полесскому энтолингвистическому атласу. — В кн.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983, 95—99.
[23] *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska ilustrowana. Warszawa, 1978, t. IV, 449. Пользуюсь случаем принести благодарность Т. М. Судник за помощь, оказанную при изучении данного вопроса.
[24] Там же, 447, 449—453, 81—85.
[25] *Porzig W.* Rätsel der Sphinx. — In: Indogermanische Dichtersprache / Hrsg. von R. Schmitt. Darmstatt, 1968, 172—176; *Иванов В. В.* Пространственные структуры раннего театра и асимметрия сценического пространства. — В кн.: Театральное пространство. Материалы научной конференции (1978). М. 1978, 15, 30; *Хомерики Г. Г.* Мудрость фиванской Сфинкс. — Сообщения АН Груз.ССР, 1982, № 3, 649—650.
[26] *Schmitt R.* Op. cit. (с указанием предыдущих работ).
[27] *Dumézil G.* La religion romaine archaïque. P., 1966, 365.
[28] *Thieme P.* Die Heimat der Gemeinsprache. Mainz, 1954.
[29] *Camera C.* Il mare nei documenti micenei. — Kadmos, Bd. XX, Hft. 1, 1981, 26—37.
[30] *Нейман Г.* Ликийский язык. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М. 1980, 336.
[31] *Бенвенист Э.* Семантические проблемы реконструкции. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Г. А. Климов

ДОПОЛНЕНИЯ К «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ». II

За десятилетие, истекшее после публикации автором настоящего материала первого списка дополнений к его этимологическому словарю картвельских языков (Климов) [1], в области картвельской этимологии продолжалась интенсивная работа. В этот промежуток времени вышли в свет несколько монографий по грузинской исторической лексикологии [2], появилось немало статей, содержащих новые этимологии, наконец, накопились дополнительные сближения и в картотеке автора. В результате предпринятых усилий ряд предложенных ранее решений может быть теперь подтвержден в свете новых данных или уточнен, с одной стороны, и, напротив, оставлен, с другой. Заметным стимулом к дальнейшему развертыванию этимологических разысканий в картвелистике явилась публикация древнегрузинского словаря И. В. Абуладзе [3]. Высокие в целом темпы прироста лексических сопоставлений свидетельствуют, по-видимому, о том,

что и по сей день картвельская этимология в значительной степени остается в стадии собирания материала.

Количественный рост вовлеченных в орбиту рассмотрения фактов с неизбежностью приводит сравнительную грамматику картвельских языков к дальнейшим выводам качественного порядка.

Так, расширение сопоставленного лексического материала позволило сформулировать несколько новых наблюдений в области сравнительной фонетики. В частности, все более очевидной становится довольно последовательная реализация правила, согласно которому исконно картвельский корень не имел вокалического анлаута. Как теперь выясняется, одна группа констатировавшихся ранее протолексем с начальным гласным содержит исторический префиксальный элемент (ср., например, **a-ç* 'отныне' при дейктическом префиксе *a-*, **e-rt-* 'один' при явно морфологическом элементе *e-*). Их другая группа имела, по всей вероятности, согласное прикрытие начала слова (ср. **hasul-* 'дочь', **hel-* 'сверкать (о молнии)', **haqar-* 'тыква'), о чем прежде всего свидетельствуют их сванские продолжения. Наконец, если оставить в стороне отдельные дескриптивные образования, остальную совокупность подобных слов составляют разновременные заимствования (ср. **arwa-* 'восемь', **eks$_1$w-* 'шесть', **ixwir-* 'утка', **otxo-* 'четыре', **uγel-* 'ярмо'). Прояснились позиционные основания звукового перехода $e > i$ в положении перед *n* и некоторыми другими согласными в занских, особенно — мегрельских, лексемах [4]. Высказано интересное мнение о том, что сванский консонантный комплекс *šd* на месте грузинского и занского *t* является позиционно обусловленным рефлексом общекартвельского **t*, что может быть подтверждено, в частности, судьбой такого древнейшего заимствования, как картвельское числительное 'четыре' [5].

Если принять для «раннего» общекартвельского состояния принцип распределения глагольного словаря на активные и стативные глаголы, то становится вполне естественным рассматривать грузинско-занские архетипы **gr̥ʒ-el-* 'длинный', **wr̥c$_1$-el-* 'широкий', **ʒ$_1$w-el-* 'старый' и т. д. как прилагательные, производные от основ соответствующих стативных глаголов **gr̥ʒ-* 'быть длинным', **wr̥c$_1$-* 'быть широким', **ʒ$_1$w-* 'быть старым (о неодушевленных)'. В последней связи нелишне заметить, что едва ли не полное отсутствие в сванских прилагательных словообразовательных моделей, общих с грузинско-занскими, позволяет серьезно сомневаться в развитости имени прилагательного в общекартвельском состоянии (повторяющийся по всем языкам их корневой тип представлен различным материалом, что также не дает какой-либо опоры для соответствующих выводов).

В свете новых фактических данных и интерпретаций приходится все более сдержанно относиться к целому ряду предлагавшихся ранее картвельско-северокавказских сближений. Так, следует отказаться от сопоставления картв. **maṭl̥-* 'червь' с нахско-дагестанским материалом, поскольку ввиду др.-груз. *ṭloba-* 'точить (о червях)' возникают реальные основания рассматривать эту лексему как отглагольное производное со словообразовательным префиксом [6]. Если принять вполне правдоподобную догадку З. А. Сарджвеладзе о про-

изводности общекартвельского обозначения насекомого *mc̣$_1$er- от древней глагольной базы *c̣$_1$er- ʽцарапать; изображать’, то отпадет его соположение с обычно привлекавшимися при этом абхазско-адыгскими фактами. Поскольку общекартвельское обозначение жены, супруги с большими основаниями реконструируется в виде *c$_1$ol-, а не *c$_1$oz- (см. Климов, 230), то необходимо отказаться от допускавшегося его сопоставления с некоторыми северокавказскими лексемами. Вследствие того, что в адыг. ṭa-s- ʽсеять’ налицо направительный преверб, груз-зан. *ṭes- той же семантики не сопоставимо с ним во всяком случае генетически. Известно, что реконструкция груз.-зан. *(m)gel- ʽволк’, иногда сопоставлявшегося с абхазско-адыгским материалом (ср. Климов, 130), наталкивается на трудности фонетического порядка: не следовало бы скорее сближать соответствующие слова вслед за рядом авторов (ср. Ачарян I, 512) с арм. gel//gajl ʽволк’ на правах заимствований, табуировавших исконно картвельскую лексему? Груз.-зан. *ṭua- ʽвымя’, хотя и составляет несомненную параллель к его нахско-дагестанским аналогам, должно, по всей вероятности, рассматриваться как дескриптивное образование. В связи с исторически засвидетельствованным фактом позднего проникновения курицы в Переднюю Азию и на Кавказ ее картвельское обозначение *kata(m)- не может являться общекартвельским и, тем более, как ранее предполагалось — общекавказским (вместе с его прочими параллелями в северокавказских языках его следует трактовать в качестве заимствования эпохи не ранее VIII в. до н. э.).

Приходиться отказаться и от некоторых других сопоставлений, ранее некритически воспринятых автором из предшествовавшей картвелистической традиции. Здесь необходимо назвать такие лежавшие в основе соответствовавших реконструкций заимствованные слова, как груз. abed-i ʽтрут’, bumbul-i ʽпух’, ḳord-i ʽглыба (земли), дерн’, obol-i ʽсирота’ [7], okro ʽзолото’, soḳo ʽгриб’ [8], в идентичном или почти идентичном облике повторяющиеся и в остальных картвельских языках (установлено, что в большинстве случаев они оказываются арменизмами). По-видимому, приходится воздерживаться от реконструкции грузинско-занской лексемы *rḳa- ʽрог’ (ср. Климов, 157—158), обнаруживающей характерную исключительно для мегрельского метатезу ḳr > rḳ (ср. лазск. ḳra- ʽрог’ при индоевр. *krā ʽрог, голова’ [9].

Напротив, некоторый интерес, возможно, представят несколько дополнительных картвельско-индоевропейских словарных параллелизмов, не отмечавшихся в этимологическом словаре картвельских языков. Ср. картв. *bel-//ber- ʽнадувать, -ся’ ~ и.-е. *bhel- то же, груз.-зан. *guda- ʽбурдюк’ ~ и.-е. *gudo- ʽкишки, потроха’, груз.-зан. *dγwel- ʽвзбалтывать, перемешивать’ ~ и.-е. *dhu̯el- ʽмутить’ (ср. параллельное груз.-зан. *dγweb- ~ и.-е. *dheu̯bh-), картв. *reγw- : rγw- ʽсыпать, -ся, рушить, -ся’ ~ и.-е. *reHu то же, картв. ʒeγ- : ʒγ, ʽнасыщать, -ся’ ~ и.-е. seH то же, груз.-зан. *werʒ$_1$- ʽкозел’ ~ и.-е. *u̯ers ʽкозел, самец’, груз.-зан. *γwed- ʽремень’ ~ и.-е. *u̯edh то же, картв. *γweb- (//γob-) ʽплести’ ~ и.-е. *u̯ebh- то же, картв. *c̣ḳep- ʽрасщеплять, -ся’ ~ и.-е. *skep- то же (по-видимому, дескриптив-

ная основа). Нетрудно заметить, что далеко не всегда подобные совпадения можно трактовать как обычные заимствования.

Отметим, наконец, что в специальной литературе повторно было высказано мнение о том, что груз. *nad-i* 'помощь миром (при сельских работах)' является арабизмом [10]. Думается, что не только закономерное соотношение вокализма соответствующих мегр. *nod-i* и лазск. *noder-i*, отсутствующее в арабизмах, но и непродуктивный ныне в лазском словообразовательный аффикс *-er* скорее говорят в пользу трактовки всех этих лексем как значительно более древних семитизмов.

* * *

В приводимых ниже словарных статьях, помимо впервые предлагаемых сопоставлений учтены и некоторые предлагавшиеся ранее, но представлявшиеся в том или ином отношении недостаточно убедительными. Несколько статей являются переформулировкой данных ранее в этимологическом словаре картвельских языков.

**bal-* 'черешня': груз. *bal-* 'черешня'; мегр. *bul-* 'черешня' (и 'береза'); чан. *bul-* 'черешня, вишня'

Может восходить к грузинско-занскому состоянию, о чем, по-видимому, свидетельствует соответствие вокализма основ (в занской форме ожидавшееся *o* > *u* в соседстве с лабиальным согласным). В древнегрузинских текстах как будто не встречается. Слово представляет собой старое культурное заимствование из древних языков Передней Азии (отсюда же происходят армян. *bal*, перс. *bālū* и др.). Лексемы были сопоставлены еще Марром [11] (ср. также Чикобава, 122—123).

**duγ-* 'кипятить, варить': груз. *duγ-* 'кипятить'; мегр. [*duγ-*]; чан. [*nduγ-*]

Грузинско-занская основа. Засвидетельствована и в др.-грузинских памятниках, где имела значение и 'волноваться, бушевать' (масдар *duγ-il-*). В хевс. диалекте имеется и значение 'варить' (ср. аналогичное семантическое чередование и основы **gab-/gb-*). В занской ветви прослеживается по именным производным: ср. мегр. исторический масдар *duγ-a* 'кипяток', чан. *ge-nduγ-er-* 'род национальной еды' (по форме — причастие 'кипяченое'). Возможна ее связь со звукоподражанием *tux-* (ср. груз. *tux-tux-* 'клокотание').

**wr̥c₁-* 'быть широким': груз. *wr̥c₁-* 'ширить, -ся, распространять, -ся': мегр. [*pirč-*]; чан. [*pirč-*]

По-видимому, грузинско-занская основа исторически стативного глагола. В качестве глагольной сохранена лишь в грузинском (ср. др.-груз. *gan-wrc-om-a-* 'расширять'). От нее произведено прилагательное **wr̥c₁-el-* 'широкий' (Климов, 85). В занском ареале прослеживается по продолжениям последнего.

**zγwar-* 'предел, край': груз. *zγwar-* 'предел, край'; чан. *γoǯ-* 'край дома, двор'; сван. (*h*)*aγwar-*, (*h*)*aγwra-*

Общекартвельская лексема, связанная с глаголом **zγwan-* 'ограничивать'. Со своими производными засвидетельствована и в древнегрузинском [12]. В занской и сванских формах упрощен начальный консонантный комплекс (ср. в этой связи **zard-/zr̥d-* 'расти, -ть').

Для первого слога в сванском ср. *qba- ʻчелюстиʼ, *dγe- ʻденьʼ, *ḳud- ʻхвостʼ и др. Груз. и сван. лексема этимологически отождествлены Топуриа [13].

**tḳwep-/tḳwip-* ʻвзбиватьʼ : груз. *tḳwep-/tḳwip-* ʻвзбиватьʼ; мегр. *tḳwap-*; чан. *tḳwap-*

Грузинско-занская глагольная основа. В соответствии с закономерностями картвельской звукописи является коррелятом *dγweb- ʻвзбивать, взбалтыватьʼ (Климов, 78). Засвидетельствована и в древнегрузинском (масдар *aγ-tḳuepa*) [14]. Чанский масдар *o-tḳwap-u* имеет дополнительную семантику ʻколотить, лупитьʼ.

**ḳerṭ-/ḳr̥ṭ-* ʻклеватьʼ : груз. *ḳerṭ-/ḳrṭ-* ʻклеватьʼ; мегр. [*ḳirṭ-*]; чан. [*ḳirṭ-*]; сван. [*ḳərt-*]

Восходит к общекартвельскому состоянию. В простом виде представлена груз. (хевс.) (*s*)*ḳerṭwa* (вероятно, относится сюда и др.-груз. *ḳerṭwa-* ʻпристально смотретьʼ) [15]. В остальных языках прослеживается по производному *ḳr̥ṭ-wn- ʻклеватьʼ. Ср. также мегр. *ḳirṭe* ʻчелюстиʼ. От нее же образовано имя *ni-ḳr̥ṭ-* ʻклювʼ (Климов, 148).

**ḳwal-* ʻследʼ : груз. *ḳwal-* ʻследʼ; мегр. [*ḳul-*]; чан. [*ḳul-*]

Грузинско-занская лексема. Хорошо известна из древнегрузинского, где уже имеет многочисленные производные (ср. *ḳual-ad* ʻзатем, сноваʼ). В занских языках в несвязанном состоянии не встречается. Ср. мегр. *u-ḳul-i* ʻпосле, затемʼ, чан. *o-ḳul-u* ʻпослеʼ, а также послелог *-ḳule*//*-kule* ʻпослеʼ.

**ḳwer-/ḳw̥r-* ʻметить (о скоте)ʼ: груз. *ḳwer-* ʻметить (о скоте); мегр. [*ḳwer-*]; чан. [*ḳwer-*]

Грузинско-занская глагольная основа. Глагольный облик сохраняет лишь в грузинском (ср. мтиульск. диал. *da-ḳwer-wa*). В занской ветви прослеживается только по именному производному *ḳwer-an- ʻкуницаʼ (см.). Известны и другие случаи сохранения древней последовательности *we* в занских языках (см. Климов, 61, 62, 82, 84, 216). Ср. также груз. *ni-ḳor-a* ʻкрупный рогатый скот с белой отметинойʼ, отражающее краткую ступень корневой огласовки. Этимология принадлежит Керкадзе [16].

**ḳwer-an-* ʻкуницаʼ : груз. *ḳwerna-* ʻкуницаʼ; мегр. *ḳunor-*; чан. *ḳwenu*(*r*)-

Восходит к грузинско-занской эпохе. Согласно Керкадзе [17], производно от глагольной основы *ḳwer-/ḳw̥r- ʻметить (о скоте)ʼ. Слово зафиксировано уже в др.-груз. памятниках: ср. *arca ḳwerneulad krtebis* ʻне пугается как куницаʼ. В лечхумском диалекте грузинского налицо вариант *rḳwen-*, усвоенный в сванском (ср. *rḳwen*, *ḳ*(*w*)*en*). Конечное груз. *a* — исторический аффикс. Занские формы характеризуются перестановкой *r* и *n*. Сопоставление груз. и занск. материала см. Чикобава, 90.

**ḳo*(*n*)*cx-* ʻвершина, кончикʼ : груз. *ḳoncx-* ʻмысʼ; сван. *ḳäcx-* ʻвершина (дерева, горы и т. п.)ʼ

По-видимому, общекартвельская лексема. В древнегрузинском засвидетельствована с семантикой ʻгруда камнейʼ. Для соотношения вокализма ср. *c_1oc_1x- ʻвеникʼ (см. Климов, 230). В сванском пред-

полагается процесс $o > ö > ä$. Неясна историческая позиция *n* в слове. В языках занской ветви следов лексемы не видно.

**ḳurcx-* 'град' : груз. *ḳurcx-al-* 'слезы'; мегр. *ḳərcx-*, *ḳircx-* 'град'; чан. *ḳircx-*

Несколько проблематическое сближение. Если оно верно, то приведенные формы отражают грузинско-занскую основу. Груз. форма обнаруживает исторический суффикс (ср. также **barḳ-* 'нога', **maqw-* 'ежевика', **ḳupx-* 'часть виноградной грозди' и др.). В грузинском предполагается семантический сдвиг, поскольку исконным картвельским обозначением слез было **kreml̥-* (Климов, 199). Груз. и мегр. формы сопоставлены Г. Фенрихом [18].

**ḳut-* 'стонать (слабо)' : груз. *ḳut-* 'стонать (слабо), петь (о дрозде)'; мегр. *ḳut-*; чан. *ḳut-* 'стонать (слабо)'

Грузинско-занская глагольная основа. Ср. сходное по звукотипу **ḳwes-/ḳus-* 'стонать' (Климов, 117). В чанском основа осложнена распространением *-in*: ср. масдар *o-ḳut-in-u*.

**me-č̣ed-* 'перстень' : груз. *beč̣ed-* 'перстень, печать'; мегр. *mar-č̣ḳind-* 'перстень'; чан. *mač̣(ḳ)ind-* 'перстень, обручальное кольцо'; сван. *məsḳad-* 'перстень'

Не исключена соотнесенность с общекартвельским состоянием. Засвидетельствовано слово и в древнегрузинском (seacut *beč̣edi* qesa missa 'наденьте перстень на руку его' Лк 15 $_{22}$). Соблазнительно связывать с глагольной основой **č̣ed-* 'забивать, набивать' при деривационном аффиксе *me-* (?). Соответствие груз. *č̣* ~ занск. *č̣ḳ* ~ сван. *sḳ* указывает на древность варианта основы с *r* (ср. также **γwlerč̣-* 'червь дождевой'). Неясен вокализм сванского слова. Значение 'печать' в грузинском вторично. Груз. глагол *beč̣dwa-* 'печатать' — дальнейшее производное. Занскую и сванскую формы сопоставил Марр [19].

**mo-rgw-* 'клубок, моток' : груз. *morgw-* 'клубок, моток'; мегр. [*murgw-*]; чан. *murg-*

Грузинско-занская лексема. В древнегрузинском встречается в значении 'круг'. Является префиксальным производным от общекартвельского (?) **g̥rgw-* 'круглый' с упрощением консонантного комплекса. Мегр. рефлекс сохранен в прилагательном *murgw-ā* 'неприятный (о человеке)' а также, по-видимому, в западногрузинских диалектах (ср. гурийск. *murg-* 'клубок ниток или веревки'). В чанском чаще обозначает клубок шелковой нити.

**mc̣$_1$q-* 'приучать (о скоте); объезжать' : груз. *mc̣q-* 'объезжать (о скоте)'; мегр. *nč̣q-*; чан. *mč̣ḳ-*, *č̣ḳ-* 'приучать (о скоте), тренировать'

Соотносится с уровнем грузинско-занского единства. Прослеживается по памятникам древнегрузинского языка (ср. *u-mc̣q-w-* 'необъезженный', инфинитив — *damc̣qa-*). Для мегрельского ср. инфинитив *nč̣quala-*, а также *unč̣qaru* 'необъезженный' с заменой носового. Сванское *li-nč̣q-i* 'объезжать, укрощать', вероятно, заимствовано из мегрельского, так как вместо ожидаемого по формуле звукосоответствий спиранта здесь имеем аффрикату (ср. **c̣$_1$qar-* 'перепелка', **c̣$_1$qwed-* 'рвать, -ся', **nerc̣$_1$qw-* 'плевок'). Сопоставление всех лексем принадлежит Г. Картозия [20].

***naʒw-** 'ель' : груз. *naʒw-* 'ель'; мегр. *nizu-*, *nuʒu-*; сван. *nezw-ra* 'ель, сосна (женск. пола)'

Общекартвельское слово. Зафиксировано и в древнегрузинских памятниках с семантикой 'ель, кипарис' (известно и производное *naʒowan-i* 'ельник'). В чанском лексема утрачена. В сванской форме налицо обычный аффикс названий деревьев *-ra*. Для закономерности вокализма мегрельского слова ср. **paγw-* 'вырост, выступ'. Арм. *noči* 'кипарис', с которым иногда сопоставляют картвельский материал, скорее является иранизмом. Марр видел в сванской лексеме отражение общекартвельского **ne-zw-* 'самка' (ср. Климов, 146—147).

**neb-* 'ладонь' : груз. *neb-* 'ладонь'; сван. [*neb-*]

Может восходить к общекартвельскому состоянию. Грузинский рефлекс документирован др.-груз. памятниками (ср. dadwa *nebi* twisi. . . 'возложил ладонь свою. . .'). В сванском основа, по-видимому, сохранена в лексикализованной форме плюралиса *neb-är* 'перчатки'. Материал сближен Геленидзе [21].

**neḳ(u)-* 'мизинец' : груз. *neḳ-* 'мизинец'; мегр. *naḳu-*

Грузинско-занское слово. Отмечено и в древнегрузинском [22]. С ним связано и груз. (хевс. диал.) *niḳora titi* 'мизинец'. Исход основы неясен. Для конечного *u* в занских формах ср. также **γom(u)-* 'просо'. Название большого пальца см. под **$c_1$er-* (Климов, с. 228). В чанском лексема не прослеживается.

**ne-sṭw-* 'ноздря' : груз. *nesṭo-* 'ноздря'; сван. [*nešṭ-*].

Общекартвельская лексема. Хорошо засвидетельствована и в древнегрузинском, где имела также значение 'щель, дудка' [23]. Является производным от глагольной основы **sṭw-* 'свистеть', образованным посредством префикса *ne-*. В сванском слово представлено в осложненной форме *nešṭral*. Сопоставление принадлежит Деетерсу.

**ni-ḳap-* 'подбородок' : груз. *ni-ḳap-* 'подбородок, нижняя челюсть'; сван. *ni-ḳpa*, *ne-pḳa*

Восходит к общекартвельскому уровню. В древнегрузинском слово имеет форму *niḳap-*. Элемент *ni-*, вероятно, исторический префикс: ср. груз. *ḳap-un-* 'стучать, лязгать челюстями', *ru-ḳap-* 'Баба-яга', сван. *ḳap-ra* 'подбородок' (см. Чикобава, 50). В занском ареале лексема, вероятно, утрачена (можно допустить ее контаминацию с **ni-ḳel-* 'рыло'). Связь груз. и сван. форм впервые отметил Джанашвили [24].

**ni-ḳel-* 'рыло' : груз. *niḳel-* 'рыло, губа'; мегр. *niḳu*, *nuḳu-*, *nəḳə-* 'подбородок'; чан. *nu(n)ḳu-* 'рот, клюв, рыло, подбородок'

Грузинско-занское слово. Встречается и в древнегрузинском [25]. Межъязыковые соответствия фонетически выдержаны. По-видимому, содержит словообразующий префикс *ni-*, характерный для некоторых обозначений частей тела. В занской ветви языков лексема контаминирована с **ni-ḳap-* 'подбородок', о чем должна свидетельствовать семантика занских форм. Материал сопоставлен Гигинейшвили [26].

**paγw-* 'вырост, выступ': груз. *paγw-* 'пузо, брюхо'; мегр. *puγu-*, *puxu-* 'горб'

Восходит к грузинско-занскому уровню. В чанском лексема не прослеживается. При закономерности фонетического облика форм

(ожидаемое *o* > *u* в условиях лабиального окружения) из принимаемого празначения легко объяснимо и семантическое расхождение.

**perc̣k-/pr̥c̣k-* 'трескать, -ся': груз. *perc̣k-* 'трескаться, отщепляться'; чан. [*pinc̣k-*]; сван. *pec̣k-/pc̣k-* 'трескать, -ся'

Общекартвельская глагольная основа. В древнегрузинском представлена в производном *na-berc̣q-al-* 'искра, молния'. В чанском прослеживается по лексемам *pinc̣kil-* 'частица', *penc̣ka-* 'отщеп', *no-pinc̣k-al-e* 'осколок, искра'. Ср. также сван. масдар *li-pec̣k-* 'треснуть (слегка)', *li-pc̣k-e//li-bc̣k-e* 'треснуть'. Ощутим звукоподражательный характер основы (ср. каб., адыг. *peskw-* 'щипаться'). Сопоставление предложено Надарейшвили [27].

**pr̥c̣ka-* 'осколок, косточка': груз. *prc̣kal-*, *brc̣kal-* 'осколок (кости, дерева)'; мегр. *c̣ka-* 'косточка (фрукта)'; чан. *mc̣ka-* 'искра'

Грузинско-занская лексема. Именной коррелят глагольной основы **perc̣k-/pr̥c̣k-* 'трескаться, раскалываться' (см.). Встречается и в древнегрузинских памятниках [28]. В грузинском есть производный глагол *p(r)c̣k-en-a-* 'щипать, отщипывать'. В занских формах упрощен начальный комплекс согласных. Расхождения в семантике слов — в пределах допустимого. Для соотношения грузинской суффиксальной формы с занскими безаффиксными ср. **barḳ-* 'нога', **maqw-* 'ежевика', **ḳupx-* 'часть виноградной грозди' и др.

**rc̣am-/rc̣m̥-* 'верить' : груз. *rc̣am-/rc̣m-* 'верить'; мегр. [*rc̣um-*]

Грузинско-занская глагольная основа. Широко засвидетельствована в древнегрузинском, где отражена, в частности, масдарами *rc̣mena-* 'верить', *rc̣muneba-* 'уверять, заверять'. В мегрельском закономерное соответствие прослеживается по производному *u-rc̣um-* 'невероятный, огромный, дремучий (о лесе)'. В чанском основа, по-видимому, утрачена.

**sres-/sr̥s-* 'водить рукой, гладить': груз. *sres-/sris-* 'водить рукой, поглаживать'; мегр. *sirs-ol-*; сван. *srās-* 'отесывать'

По-видимому, общекартвельская основа. Если грузинская форма отражает ступени огласовки *e* и *i*, то в занской отражена нулевая ступень (в последней налицо и вторичная суффиксация, характеризующая и ряд других глаголов: ср. ниже **tn̥ṭ-al-*, а также **c₁xiḳw-* 'чихать', **xuṭ-* 'прижимать, -ся'). В чанском основа как будто утрачена. Не совсем ясен вокализм сванского соответствия (масдар *li-srās-e*).

**sṭw-* 'свистеть': груз. [*sṭw-*] 'свистеть'; мегр. [*šwiṭ-*]; чан. [*sṭw-*]; сван. [*šṭ-*]

Общекартвельская глагольная основа. В несвязанном виде по языкам не встречается. Лежит в основе производной глагольной основы **sṭw-en/sṭw-in-* той же семантики (см. Климов, 166), а также именной **ne-sṭw-* 'ноздри' (см. выше). Очевидно дескриптивное происхождение.

**ṭkr̥c₁-* 'треск': груз. *ṭkrc-ial-* 'треск'; мегр. *ṭkarč-al-*; сван. *ṭkərč-ən-*

Восходит к общекартвельскому состоянию. Обнаруживает закономерность фонетического соотношения. В чанском основа, вероятно, утрачена. Имеет звукоподражательный характер. Ср. сходную по своему звукотипу славянскую основу **tresk-* 'треск'.

*ṭn̥ṭal- 'плестись, шататься': груз. *ṭanṭal-* 'плестись, шататься'; мегр. *ṭinṭol-*; сван. *ṭərṭān-* 'шататься'

Реконструируется по крайней мере для грузинско-занского состояния. Вокализм первого слога грузинской формы, по-видимому, объясним (особенно, если учесть символический характер исходной основы). В сванской форме (масдар — *li-ṭərtān*), вероятно, имеет место перестановка сонорных (ср. мегр. масдар *ṭinṭolua-*).

*ṭqirb- 'селезенка' : груз. *ṭqirp-* 'селезенка'; мегр. *ṭqil-*; сван. [*ṭqərb-*]

Может выходить к общекартвельскому состоянию. В древнегрузинском слово налицо в виде *ṭqirb-*. Мегрельский вариант *ṭqip-*, по-видимому, идет из грузинской диалектной формы *ṭqlip-*, в то время как *ṭqil-* может быть упрощением исконного слова. В чанском лексема не засвидетельствована. Вероятное сванское соответствие Геленидзе усматривает в производном *na-ṭqərb-el* 'веснушки' [29].

*peš-/pš- 'раскрываться (с шумом, треском)' : груз. [*pš-*]; мегр. *pašk-*, *pešk-* 'лопаться'; сван. *pišg-/pšg-* 'раскрываться'

Общекартвельская глагольная основа. В грузинском как будто прослеживается по производному (*gamo*)*pš-wn-a* 'вылущивать, -ся' (ныне более общее значение — 'крошиться'). Соответствующее причастие *na-pšuen-i* засвидетельствовано в древнегрузинском. Ср. также мегр. производные *peškwere* 'пухлый, набухший', *peškwinia* 'Knallmais', где вокализм корня подстроен под требования словообразовательной модели. Сван. масдар — *li-pšg-e*. Звуковые соотношения по языкам закономерны. Мегр. и сван. формы увязаны Топуриа [30].

*pšwen-/pšw̥n- 'крошить, рыхлить' : груз. *pšwen-/pšwn-* 'крошить'; сван. *puršgwīn-* 'крошить, рыхлить'

По-видимому, общекартвельская глагольная основа. В грузинском имеется производное с историческим суф. *pšwn-eṭ-* той же семантики. В занской ветви не засвидетельствована. Сванская форма в целом сопоставима с грузинской. Ее сонорный *r*, несомненно, вторичного происхождения. Неясно, однако, почему в интервокальном консонантном комплексе налицо *šg* вместо ожидавшегося здесь *sg*. Какова связь с общекартвельской основой *peš-/pš- (см. выше)?

*ḳerc$_1$l̥- 'чешуя (змеи)' : груз. *ḳercl-* 'чешуя'; сван. *ḳärč-*

По-видимому, общекартвельская лексема. Встречается в форме *ḳec-i* и в древнегрузинском [31]. В языках занской ветви, вероятно, утрачена (чан. *ḳercela*, *cela* трудно признать исконными). Сван. форма закономерно отвечает грузинской. Слова сопоставлены Жгенти [32].

*γare- 'желоб, борозда': груз. *γar-* 'желоб, борозда'; мегр. *γore-* 'мельничный желоб, запруда (деревянная)'

Грузинско-занское слово. Известно и в древнегрузинском. В чанском, по-видимому, вытеснено. Идентичность по языкам сонорного *r* говорит в пользу реконструкции исходной гласной основы.

*γwel-/γwl̥- 'изгибаться' : груз. [*γul-*, *γwl-*] 'изгибаться'; мегр. [*γul-*]; чан. [*γul-*]; сван. [*γwl-*]

Общекартвельская глагольная основа. Прослеживается по многочисленным производным: *γwl̥- 'изогнутый, кривой', *γẉ(l)arč̣- 'скручиваться'; *γw(l)erč̣- 'червь (земляной)', *γwl-eḳ/γwl-iḳ- 'изви-

ваться (о пресмыкающихся)'. Ср. также мегр. *γul-iz-* 'сгибать'. Интересна близость основы к индоевр. **u̯el-* 'изгибаться' (Pokorny, I, 1140). Для наращения заднеязычного ср. **γwed-* 'ремень', **γwino-* 'вино', **γweb-* 'плести'.

**γwent-* 'стекать' : груз. *γwent-* 'стекать, протекать'; мегр. *γwant-* 'дрызгаться'; сван. [*γwēnt-*]

Во всяком случае грузинско-занская глагольная основа. В грузинском имеется и именной коррелят *γwent-* 'капля'. Мегр. масдар *γwant-ap-* (ср. *i-γwant-u* 'он дрызгался'). В сванском налицо только субстантив *γwēnt*, *γwēnt-il* 'капля'.

**γwer-/γwr̥-* 'сгибать, -ся' : груз. *γwer-*/[*γwr̥-*] 'сгибать, -ся'; мегр. [*γwr-*]; чан. [*γwr-*]; сван. [*γwr-*]

Общекартвельская основа. Возможно, связана с **γwel-/γwl̥-* 'изгибать, -ся'. В несвязанном виде сохраняется, по-видимому, лишь в грузинском (ср. имер. *γwer-wa* 'сгибаться'). Лежит в основе целого ряда глагольных производных: **γ(w)r-eḳ-/γ(w)r̥-ḳ-* 'изгибать, -ся', **γ(w)r-eǯ-/γ(w)r̥-ǯ-* 'кривить, -ся'. Ср. также груз. *γr-eč̣-* 'искажать, -ся', *γr-ec-* 'кривиться' и др.

**γwl̥-* 'изогнутый, кривой' : груз. *γul-* 'род серпа'; мегр. *γul-a* 'изогнутый, кривой'; чан. *γul(a)* 'кривой, косой'; сван. *γula-j* 'колено' (?)

Восходит по крайней мере к грузинско-занскому состоянию. В древнегрузинском засвидетельствовано в виде *mγul-* 'серп'. Произведено от глагола **γwel-/γwl̥-* 'изгибать, -ся' (см. выше). В занских формах обычно налицо словообразовательный элемент *-a*. Сванское слово может быть неисконным.

**γwl-arč̣-* 'скручивать, -ся' : груз. *γw(l)arč̣-n-*; мегр. *γuločḳ-*; сван. [*γwäsq-*]

Общекартвельская глагольная основа, зависимая от **γwel-/γwl̥-* 'изгибать, -ся'. В форме *γwlarč̣-n-a* засвидетельствована в древнегрузинском. Имеется ее именной коррелят **γw(l)erč̣-* 'червь земляной' (со следом умлаутизации?). Группа *čḳ* занской основы закономерно предполагает исторический комплекс *rč̣-* морфемы неясной семантики. Сванское соответствие прослеживается по именному производному (см. ниже).

**γwl-eḳ-/γwl̥-ḳ-* 'извиваться (о пресмыкающихся)' : груз. [*γwleḳ-*] 'извиваться (о пресмыкающихся)'; мегр. [*γliḳ-*]; чан. *γwel-iḳ-*, *γl-iḳ-*

Грузинско-занская основа. Произведена от **γwel-/γwl̥-* 'изгибаться' (см. выше) присоединением аффикса *-eḳ*. В грузинском она отражена именным коррелятом *xwliḳ-* 'ящерица' < *γwliḳ-*, где начальный консонант ассимилирован конечным. В мегрельском основа не прослеживается. Лишь в чанском она выступает в несвязанном виде (масдар *o-γweliḳ-u*).

**γw(l)erč̣-* 'червь (земляной)' : груз. *γwle(r)č̣-* 'прут (витой), плетка'; мегр. *γwe(r)čḳ-*, *γwe(n)čḳ-* 'червь (земляной)'; сван. *γwäsq-*

Общекартвельская лексема. Связана с глаголом **γw(l)arč̣-* 'скручивать, -ся' и через него — с совокупностью картвельских лексем, содержащих простую основу **γwel-/γwl̥-* (см. выше). Имеется и груз. диалектная форма *γwlenč̣-*. Фонетическое соотношение слов, в част-

ности, отражение исторической последовательности *we* закономерно (исключение — сван. *q* вместо ожидаемого *ḳ*). В грузинской форме налицо семантический сдвиг. Мегр. и сван. лексемы увязаны Рогава [33].

**šur-* 'испытывать неловкость, страх' : груз. *šur-* 'завидовать'; мегр. *škur-* 'бояться'; чан. *škur-*, *šḳur-*; сван. *šgur-* 'стыдиться'

Общекартвельская глагольная основа. Поскольку семантическое чередование 'бояться' ~ 'стыдиться' известно и по ряду других языков, проблематично отнесение сюда лишь грузинской основы, хорошо прослеживаемой и по древнеписьменным памятникам (масдар — *šureba-*). В мегрельском масдаром служит *škur-in-* 'страх, боязнь', в чанском — *škurna-*. Ср. также сван. *li-šgwr-in-e* 'стыдить' при *mi-šgur* 'мне стыдно, неловко'. Известны и именные образования: груз. *šur-* 'зависть' (в хевс. диал. — 'ненависть'), сван. *šgur*//*šgwir-* 'стыд'. Сопоставление занск. и сван. форм встречается у Шмидта [34].

**$c_1$ocx-* 'веник': груз. *cocx-* 'веник'; мегр. [čorčx-]; сван. *čečx-*, *čäčx-*

Восходит к общекартвельскому состоянию. В занской ветви продолжения слова не зафиксировано. Следует думать, однако, что грузинское (аджарск.) *čorčx-* той же семантики является занизмом. Для соотношения вокализма груз. и сван. форм см. выше **ḳo(n)cx-*.

**$c_1$ox-* 'жевать (жвачку)': груз. *cox-n-* 'жевать (жвачку)'; сван. *čexw-*/*čxw-* 'пастись'

Общекартвельская глагольная основа. Хорошо известна из древнегрузинского, где налицо и ряд ее производных (*nacoxal-* 'жвачка', *sacoxnel-* 'челюсти'). В груз. слове имеется суффиксальный элемент. Сванские формы (ср. масдар *li-čexw*, *li-čx(w)-i*) закономерно отвечают грузинской. В занской ветви основа, по-видимому, утрачена. Сопоставление и анализ основ принадлежит Геленидзе [35].

**ʒgib-* 'набивать (туго)' : груз. *ʒgib-* 'набивать (туго)', 'забивать'; мегр. *ʒgib-*; чан. *(n)ʒgip-* 'конопатить'; сван. *ʒgub-* : *ʒgb-* 'набивать (туго)'

По-видимому, общекартвельская глагольная основа. Вероятен ее звукосимволический характер (чем может объясняться отклонение вокализма сванской формы). В чанском слове обычно налицо начальный сонорный (масдар — *o-nʒgip-u*), а также переход *b* > *p*.

**$ʒ_1$aqwel-* 'береза' : груз. *ʒaxwel-* 'калина'; сван. *žaqw-ra* 'береза'

Общекартвельская лексема. В форме *ʒaqwel-* встречаться и в древнегрузинских памятниках. Совокупность сванских вариантов слова (лент. *žaqwar*, в. бал. *žaqwär*, лашх. *žaqwēr*, н. бал. *žäqw-ra*) восходит к **žaqwe-ra*. В занских языках основы не прослеживается. Сопоставление принадлежит Гигинейшвили [36].

**c̣il-* 'срывать (плоды, цветы)' : груз. [*c̣il-*] 'собирать (плоды)'; мегр. *c̣il-* 'срывать (плоды, цветы)'; чан. *c̣il-* 'собирать (плоды)'

Восходит к грузинско-занскому состоянию. Будучи, по-видимому, утраченной в современном грузинском, лексема сохранялась в качестве одной из глосс С. Орбелиани (масдар — *moc̣ilwa-*). Звукотип основ совпадает по языкам (ср. мегр. масдар — *c̣ilua-*; wardiši *c̣ilua* 'срывать розу'). Семантическое расхождение минимально. Материал сопоставлен Чикобава (см. Чикобава, 395).

*$c̣ip$- 'орешек (буковый)' : груз. *c̣ip*- 'орешек (буковый); мегр. [*c̣ip*-]; чан. [*c̣ip*-]; сван. *c̣ip*-

Общекартвельское слово. От него произведено название самого дерева *$c̣ip$-*l̥*- 'бук' (Климов, 244). В грузинском, помимо *c̣ip*- (картл. диалект), имеется и, по-видимому, редуплицированная форма *c̣ic̣ilo* 'каштан (плод)'. В занской ветви слово прослеживается по его отмеченному выше производному.

*$c̣ḳep$- 'разрезать (мелко), расщеплять' : груз. *c̣ḳep*- 'разрезать (мелко), расщеплять'; мегр. *c̣ḳap*-

Восходит к грузинско-занскому состоянию. Имеет именной коррелят *$c̣ḳep$-*l̥*- 'прут, розга' (см. Климов, 244). У мегрельской формы есть ряд дополнительных значений (например, 'строиться в ряд'). В чанском основа как будто не прослеживается. Входит в число экспрессивных глагольных основ с исходом на *p*. Интересна ее близость к индоевр. *$skep$- 'расщеплять' (Pokorny I, 930).

*$c̣ḳwaram$- 'тьма, мрак' : груз. *c̣ḳwaram*- тьма'; мегр. *c̣ḳurum*- 'тьма, пучина'

Восходит к грузинско-занскому хронологическому уровню. Мегрельская форма закономерно отвечает грузинской. По-видимому, имеет исторически сложное строение, остающееся неясным. Связано ли с основой чан. *mc̣ḳup*- 'тьма, мрак'?

*$c̣_1wer$- 'кончик' : груз. *c̣wer*- 'кончик, борода'; мегр. *c̣wanǯ*-, *c̣wand*- 'кончик, верхушка'; сван. *wēre*-, *wär(e)* 'борода'

По крайней мере грузинско-занская лексема. Имеет глагольный коррелят *$c̣_1wer$- 'корчевать, искоренять (лес под пашню)'. Хорошо засвидетельствована и в древнегрузинском (tawi da *c̣ueri*. . . 'голову и бороду. . .', отсюда — *mc̣uerwal*- 'вершина'). Мегр. форма получена из *$č̣wanǯ$- по диссимиляции. В чанском слово утрачено. Значение 'борода' вторично. Принадлежность сюда сванского слова проблематична. Церетели ошибочно реконструировал для основы архетип *$c̣ḳwer$-[37]. Родство груз. и мегр. форм заметил Джанашвили[38], груз. и сван. формы сопоставлял Уордроп[39].

*$c̣_1wer$- 'корчевать, искоренять (лес под пашню)' : груз. *c̣wer*- 'корчевать (лес под ниву)'; мегр. *č̣war*-; чан. *nč̣war*- 'полоть'

Грузинско-занская глагольная основа. Служит глагольным коррелятом приведенного субстантива. Грузинская (рачин. диал.) и занские формы закономерно отвечают друг другу фонетически. Слово является характерным термином оседлой земледельческой культуры, отсутствующим в сванском. В чанском налицо отклонение семантики основы. Груз. и мегр. формы увязаны Д. Мачавариани[40].

*$c̣_1wis_1$- 'достигать' : груз. [*c̣wis*-] 'достигать'; мегр. *č̣iš*-; чан.*č̣iš*-. Восходит к грузинско-занскому состоянию. В грузинском прослеживается по древнегрузинскому именному производному *mc̣wis*- 'взрослый', являющемуся в свою очередь базой отыменного глагола. Занские формы при утрате глайда *w* в остальном закономерно отвечают грузинской. Ср. формы масдара мегр. *č̣išapa*-, чан. [*meč̣išu*. Основы этимологически отождествлены Гигинейшвили[41].

*$c̣_1r̥p$- 'вытягиваться, достигать' : груз. [*c̣rp*-] 'достигать, поспевать'; мегр. *rč̣ip*-, *rč̣ip*- 'вытягиваться'; чан. [*rč̣ip*-]

Грузинско-занская глагольная основа. Отглагольное прилагательное *çrp-el-* 'прямой, честный' засвидетельствовано еще в древнегрузинских памятниках (см. ниже *$*ç_1rp$-el-*). Груз. и мегр. формы фонетически четко соответствуют друг другу. В мегрельском есть экспрессивный вариант с *p*. В чанском в несвязанном виде основа утрачена.

$*ç_1rp$-el- 'вытянутый, прямой' : груз. *çrpel-* 'прямой, честный'; мегр. *čipe-* 'узкий, тонкий'; чан. *(m)čipe-* 'тонкий'

Соотносится с грузинско-занским состоянием. Производно от глагольной основы *$*ç_1rp$-* 'вытягиваться' посредством деривационного суф. *-el*. В занских формах утрачен этимологический основы. Увязку форм см. в (Чикобава, 231). Неясно отношение сюда мегр. *čirpa-* 'род длинной рыбы'.

Примечания

[1] *Климов Г. А.* Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973.

[2] Ср. *Керкадзе И. К.* Зоологическая лексика в древнегрузинском литературном языке. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); *Геленидзе Л. Ш.* Лексика, связанная с анатомией и физиологией человека в древнегрузинском, с учетом данных других картвельских языков. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

[3] *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка. (Материалы). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

[4] *Меликишвили И. Г.* Процесс $e > i$ в занских диалектах и одно нарушение гласного соответствия в картвельских языках. — Вест. АН Груз. ССР, 1975, 4, 122—128 (на груз. яз.).

[5] *Меликишвили И. Г.* К объяснению двух изолированных звукосоответствий в сванском (груз.-зан. *t*: сван. *šd* и груз. *a* : сван. *e*). — Вопросы современного общего языкознания. VI. Тбилиси, 1981, 70—78 (на груз. яз.); ср. *Климов Г. А.* Картвельское **otxo-* 'четыре' ~ индоевропейское **okto-*, — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 162—163.

[6] *Сарджвеладзе З. А.* К этимологии некоторых общекартвельских лексем. — Изв. АН Груз. ССР. СЯЛ, 1981, № 4, 116 (на груз. яз.).

[7] *Климов Г. А.* О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972, 351.

[8] Там же.

[9] См. *Климов Г. А.* Несколько картвельских индоевропеизмов. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 167.

[10] *Шанидзе М. А. Nad-i* и *mamitad-i*. — Тр. кафедры древнегрузинского языка Тбил. гос. ун-та, 23, 1980, 79—80 (на груз. яз.).

[11] *Марр Н. Я.* Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). I—II. — Изв. Академии наук, 1915, 826.

[12] *Абуладзе И. В.* Словарь. . ., 171, 357.

[13] *Топуриа В. Т.* Из области словообразования в картвельских языках. IV. Производные имена с гласными префиксами. — Тр. Тбил. гос. ун-та. XXX, 1. 1947, 455 (на груз. яз.).

[14] *Абуладзе И. В.* Словарь. . ., 14.

[15] Там же, 197, 476.

[16] *Керкадзе И. К.* Зоологическая лексика. . ., 83.

[17] Там же, 82—83.

[18] *Fähnrich H.* Kartwelisches Wortgut. — In: Georgica. Jena; Tbilissi, 1980, 73.

[19] *Марр Н. Я.* К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических.— МЯЯ, V. СПб., 1912, 32.

[20] *Картозиа Г. А.* Несколько общекартвельских основ в грузинском и мегрельско-лазском языках. — В кн.: Отраслевая лексика аджарского диалекта грузинского языка. Тбилиси, 1979, 63—64.

[21] *Геленидзе Л. Ш.* Лексика. . ., 74.

[22] *Абуладзе И. В.* Словарь. . ., 327.

[23] Там же.
[24] *Erckert von R.* Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895, 294.
[25] *Абуладзе И. В.* Словарь. . ., 329.
[26] *Гигинейшвили Б. К.* Картвельские этимологии. — Вестн. АН Груз. ССР, 1972, 3, 153 (на груз. яз.).
[27] *Надарейшвили Л. А.* Группа звукоподражательных слов с комплексом *çḳ // čḳ* в картвельских языках. — В кн.: Вопросы структуры картвельских языков. Тбилиси, 1974, вып. 4, 147.
[28] *Абуладзе И. В.* Словарь. . ., 36.
[29] *Геленидзе Л. Ш.* Лексика. . ., 115.
[30] *Топуриа В. Т.* Фонетические наблюдения над картвельскими языками. 1. — В кн.: Обозреватель. I. Тбилиси, 1926, 203 (на груз. яз.).
[31] *Абуладзе И. В.* Словарь. . ., 453.
[32] *Жгенти С. М.* Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси, 1949, 130 (на груз. яз.).
[33] *Рогава Г. В.* Фонетические варианты окаменелого аффикса картвельских языков и состав грузинского слова zeca 'небо', — Тр. Кутаис. гос. пед. ин-та им. А. Цулукидзе, XI, 1952—1953, 61 (на груз. яз.).
[34] *Schmidt K. H.* Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, 144.
[35] *Геленидзе Л. Ш.* Лексика. . ., 164.
[36] *Гигинейшвили Б. К.* Картвельские этимологии. . ., 151—152.
[37] *Tseretheli M.* Das Sumerische und das Georgische. — Bedi Karthlisa. Révue de Karthvélologie, 32—33, 1959, 95.
[38] *Erckert von R.* Die Sprachen. . ., 296.
[39] *Wardrop O.* English-Svanetian Vocabulary. — Journ. of the Royal Asiatic Soc., 1911, July, 594.
[40] *Мачавариани Д. А.* Из истории лексики картвельских языков. IV. К вопросу о занском соответствии грузинской основы çver-. — Тр. Кутаис. гос. пед. ин-та им. А. Цулукадзе. XXXIII, 1970, 92—96 (на груз. яз.).
[41] *Гигинейшвили Б. К.* Картвельские этимологии. . ., 150—151.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

ОБ ОДНОМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ТЕРМИНЕ («МОЛОТИЛЬНАЯ ДОСКА») В ЯЗЫКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Мировому земледелию известны различные, древние в своей основе, традиционные способы молотьбы. Одним из них является использование специальных молотильных досок. Так, в Передней Азии молотят при помощи досок, усеянных острыми зубьями, или гоняя лошадей по снопам [1], в то время как в других культурно-исторических регионах либо прогоняют скот по снопам, либо молотят цепами, либо обивают снопы о решетку [2]. При этом в египетском земледелии, изучение которого, по мнению ученых, позволяет восстановить картину возникновения и развития земледелия вообще, до сих пор для молотьбы употребляют цепы или нурег (араб. — *Г. Г.*) — молотильную доску с металлическими дисками или с каменными зубьями [3].

Молотильные доски использовались также и народами Кавказа — горными чеченцами, азербайджанцами (*вель*), в равнинных районах Грузии (*ḳevri*), у армян (*ḳam*). У кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин, части горных чеченцев

и у ингушей, а также в горной Грузии применялся старый горский способ молотьбы: несколько пар крупного рогатого скота гоняли по разложенным снопам, в то время как кабардинцы и черкесы (с конца XIX в.), моздокские осетины, плоскостные чеченцы и ингуши молотили каменным катком, заимствованным у соседей-казаков [4]. С. Г. Гмелин, будучи в Дагестане, описал «особливый способ молоть хлеб двумя досками в виде полозьев с вбитыми в нижней части небольшими острыми камнями» [5]. Еще в первой половине XIX в. у кумыков «молотьба производилась при помощи усаженных камнями молотильных досок (*балбулар*). . .» [6] *Болба* (*балба*) — «молотило, большой деревянный валек из толстой пластины, в которую с нижней стороны вколоты куски железа, битый чугун и т. п.» — известна и терским (гребенским) казакам [7].

О достаточной древности использования этого земледельческого орудия народами Кавказа свидетельствует тот факт, что при археологических раскопках в Армении встречаются каменные молотильные доски XIII—XII вв. до н. э.[8], а в Дагестане «не исключено, что в конце III тыс. до н. э. уже начали применять молотильные доски, достоверность которых археологически засвидетельствована для последующего бронзового века» [9]. Использование молотильных досок, таким образом, носит древний характер и ограничивается египетско-переднеазиатско-кавказским ареалом.

По мнению А. А. Селимова, «наличие слова *балба* только в терских говорах наводит на мысль, что оно могло проникнуть в исследуемый говор из одного какого-либо языка местных народов, в котором это слово представлено в следующем виде: кумык. *балбу*, ногай. *малмы*, чеч. *балба*, аварск. *лулби* (мн. ч.), *лолен* (ед. ч.). В некоторых аварских диалектах это слово встречается в виде *булби* (мн. ч.), *болен* (ед. ч.). Во всех перечисленных языках исследуемое слово имеет значение 'молотильные доски'. Данное слово в кумыкском и ногайском языках, на наш взгляд, является элементом кавказско-иберийской лексики. Русская форма *балба*, как мы полагаем, восходит к наиболее близкому к ней чеченскому слову. Однако не исключена возможность, что в усвоении александрийцами слова *балба* некоторое влияние оказал и кумыкский язык» [10].

Обращаясь к собственно кавказским языковым фактам, следует отметить, что в вайнахских диалектах имеем чечен. *балба*, ингуш. *каток//оардниI*, акк. *балб*, кистин. *ӭрхIнеI*, итум. *болб* 'каток для молотьбы' [11]. В дагестанских языках основы со значением 'молотильная доска' и 'молотьба' возводятся к двум основным генетически не родственным источникам происхождения: 1) 'молотильная доска' — арчин. *лIоромул*, *илI*, андийск. *лелен*; крыз. *ваьл*; бежт. *мой*, *мур*; 'молотьба' — андийск. *лоли*; хварш. *лоло*; авар. *лалдей* (ср. авар. *лолен* 'молотильная доска'); гунзиб. *рэл*; бежт. *рал*, *йал*; рутул. *йир*; цахур. *вара*; 2) 'молотильная доска' — рутул. *ниггре*, цахур. *негрā*, табас. *ггар*, *ггаж*; 'молотьба' — лезг. *гатун*, дарг. *дег*, *дугни* [12], которые не включаются в состав реконструируемых общедагестанских основ [13]. При этом обращает на себя внимание интересная близость отмеченного егип. (араб.) *нурег* и второй группы дагестан-

ских основ, прежде всего рутул. *ниггре* и цахур. *негра*, а также крыз. *ваьл*, цахур. *вара* и азерб. *вал*, *вэл*, *вял* 'молотильная доска', отмеченного в словаре С. П. Зелинского [14]. Кроме того, цез. *мелъи*, хварш. *мелъа*, гинух. *милъе*, гунзиб. *мылу*, бежт. *мой* 'молотильная доска' возводятся к и.-е. **mel-* 'раздроблять, крошить, бить, молоть' (рус. *молоть*, *молотить*) [15]. Осетинское *k'ewri*/*k'ewre* 'молотильное орудие (доска, подбитая камнями)' заимствовано из груз. *ḳevri* 'молотильная доска' (Абаев I, 632), не включаемого в состав общекартвельских и грузинско-занских основ (ср. Климов).

Приведенные выше лексические факты языков народов Северного Кавказа и соседних регионов, относящиеся к обозначению рассматриваемой реалии, позволяют сделать следующие выводы. Во-первых периферийные лексические формы носят заимствованный из соседних языков характер: кроме осетинского слова, усвоенного из грузинского языка (ср. арм. *ḳam*), к ним могут быть отнесены чеченские и тюркские лексемы (авар. диал. *болен* — *булби* → итум. *болб* → чечен. *балба* → акк. *балб*; авар. диал. *болен* — *булби* или чечен. *балба* → кумык. *балбу* → ногайск. *малмы*, где *м*-начальное ногайского слова — репрезентант общетюркского начального *б*). В то же время неясен непосредственный кавказский источник азербайджанского слова, так как крыз. *ваьл* и цахур. *вара* могли быть усвоены из азербайджанского в силу известной интенсивности влияния последнего на названные языки. И во-вторых, лексические формы дагестанских языков образуют, по всей видимости, две изоглоссы (аваро-андо-дидойскую и лезгино-даргинскую) с иноязычными параллелями (егип. -араб. *нурег* и и.-е. **mel-*), анализ отношений которых составит цель дальнейшего их изучения.

Примечания

1 Основы этнографии. М., 1968, 168.
2 Там же, 180, 196, 207, 229, 262, 274, 318 и др.
3 Там же, 135.
4 См.: Народы Кавказа. М., 1960, т. 1, 145, 204, 234, 245, 273, 303, 349, 376; 2, 1962, 63, 241, 443.
5 *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785, ч. III, пол. 1, 20.
6 *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, 67.
7 *Караулов М. А.* Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. — Сб. ОРЯС, 71, № 7. СПб., 1902, 50.
8 См.: Народы Кавказа, 2, 443; Основы этнографии, 298.
9 История Дагестана. М., 1967, т. 1, 46.
10 *Селимов А. А.* Иноязычные (тюркские) лексические элементы в лексике русских говоров Дагестана. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1966, 14; 9—10: заимствование XIX—XX вв.
11 *Алироев И. Ю.* Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975, 229.
12 *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, 68—69.
13 См.: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
14 *Зелинский С. П.* Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1889, 16.
15 *Джаукян Г. Б.* Взаимоотношение хуррито-урартских, индоевропейских и кавказских языков. Ереван, 1967, 149.

Етимологічний словник української мови. Т. I. *А — Г*. Київ, 1982.

Рецензируемый труд — первая книга нового семитомного «Этимологического словаря украинского языка», подготовленного коллективом авторов в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УССР (главный редактор — А. С. Мельничук). В отечественной славистике это — первый и весьма важный опыт широкомасштабного этимологического исследования украинской литературной и диалектной лексики, исключительное значение которой для многих отраслей лингвистического знания (таких, как праславянская лексикография, славянская историческая лексикология, карпатистика и под.), по-видимому, не требует комментариев. Этимологи-слависты на протяжении длительного времени испытывали острую нехватку компетентных этимологических комментариев к украинской лексике. Уже сейчас, после выхода первого тома нового словаря, можно с определенностью сказать, что в распоряжении славистов теперь есть нечто большее, чем отдельные, разрозненные этимологические разработки: рецензируемая книга — начало фундаментального этимологического свода по украинской лексике.

Словник охватывает украинскую литературную и диалектную лексику XIX—XX вв., эксцерпированную из многочисленных источников. В словаре материал словника распределен по словообразовательным гнездам, образующим словарные статьи (всего их будет около 30 тысяч). В словарные статьи введены богатые данные украинских говоров; изобилие диалектных материалов следует отнести к числу наиболее ценных особенностей нового издания. В качестве самостоятельных статей даны также личные имена.

Все словарные статьи построены по единым принципам и, в своем максимальном варианте, включают заглавное слово (которое может быть представлено только в говорах), его производные, диалектные формы, инославянские параллели, праславянскую реконструкцию (если таковая возможна), слово-источник (если заглавное слово — заимствование), перечень существующих и вновь предлагаемых этимологических объяснений и гипотез с их краткой оценкой, этимологическую литературу и источники.

В словарь вошло немало украинских слов, которые ранее не привлекали внимания этимологов и впервые истолкованы авторами словаря. Ряд лексем, которые уже успели войти в научный оборот, получил новые, более удачные интерпретации. Здесь, конечно, невозможно перечислить все подобные случаи, и мы укажем лишь некоторые статьи, содержащие оригинальные этимологические решения: *бедра*, *бігме*, *блинда*[2], *бог*[2], *богила*, *бугір*, *василистник*, *веренва* (с реконструкцией праслав. **verny*), *вінса*, *вори*, *всижюд*, *галайда*, *гара*, *гультай*.

В некоторых случаях словарь дает окончательное решение сложных и запутанных этимологических проблем. Как известно, А. Матл, предложив читать вместо др.-рус. *вермие дубное* — *вершие дубное*, поставил под сомнение и реальность укр. *верм'яний*, а с ним — и слав. **vьrm-*. Против гипотезы Матла выступил А. П. Непокупный, указавший на укр. диал. *вермьяно*, *вермьяный*, зафиксированное у Белецкого-Носенко. Дополнительные аргументы в пользу существования слав. **vьrm-* приводятся в словаре: укр. диал. *верняний*, *вер'яний*, *вир'яний*, *вірняний*; в этой связи авторы с полным основанием пишут о том, что «сомнение касательно существования праслав. **vьrm-*. . . теряет основание ввиду приведенного здесь украинского материала» (с. 356).

В других случаях этимологические удачи являются результатом новых сближений, иногда ограниченных даже восточнославянским материалом. В словаре предложена этимология укр. *гульвіса*, основанная на интересном сопоставлении с русск. диал. *головес*, *головесина*, откуда — реконструкция сложения **golъ* и **věs-*. К указанным формам можно было бы добавить еще русск. диал.

галавес 'шалун', *галовес* то же, *галавеса* то же, *галавесничать* 'шутить', *галавесить* то же.

Весьма высоко оценивая труд украинских этимологов, мы считаем полезным указать здесь ряд недочетов и не имеющих принципиального значения ошибок, вкравшихся в словарь.

Литература, содержащаяся в разделе «Библиографические сокращения» (с. 17—35), в целом, отличается богатством и достаточной полнотой. Тем не менее, имеются и некоторые пропуски. Не был использован авторами такой существенный для украинистов труд, как «Карпатский диалектологический атлас». Из пропусков в славянской лексикографии назовем словари Котта и Пфуля, словарь Сыхты по кашубским говорам. Вопреки принятой в славянской этимологии практике, авторы опирались не на наиболее полное и авторитетное 3-е издание словаря Даля (под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ), а на воспроизведение 2-го издания.

Есть пробелы и в лексикографических и этимологических справочниках по другим индоевропейским языкам. Например, вряд ли были правы авторы, отдав предпочтение излишне краткому (учебному) словарю старофранцузского языка В. Шишмарева, в то время как старофранцузская лексикография богата многочисленными «большими» словарями, включая капитальный 10-томный труд Годфруа. Точно так же «Этимологический словарь французского языка» О. Блоха, включенный в список сокращений, не может заменить более серьезного и детального словаря В. фон Вартбурга. Обращает на себя внимание отсутствие в библиографии греческого словаря Лиддела и Скотта, фракийского тезауруса Дечева, хеттского этимологического словаря Тишлера.

Вероятно, словарь любого славянского языка, а украинского — в особенности, в своей этимологической части не может не включать гидронимических исследований последних десятилетий, в частности, работ В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, И. Дуриданова. Однако ни книги этих ученых, ни даже коллективный труд «Гідронімія України» не вошли в список использованной литературы.

Диалектная лексика украинского и других привлекаемых к сравнению языков единообразно подается в словаре в квадратных скобках. Этот прием не кажется нам безусловно удачным как из общих соображений (нечеткость границы между литературной и диалектной лексикой, нарушаемая четкостью полиграфического знака и под.), так и потому, что авторы используют квадратные скобки недостаточно последовательно: таким способом должны были бы оформляться и алб. *ul'k* (с. 411, литературная форма — *ujk*), и греч. βορρᾶς (с. 562), и многие другие.

К сожалению, не всегда полно документированы украинские диалектные слова. Они, как правило, сопровождаются указанием на словарный источник, однако часто этой информации не хватает, чтобы локализовать слово с достаточной точностью. Было бы желательно давать при диалектном слове помету, указывающую ареал его распространения, не всегда автоматически устанавливаемый по тому, из какого словаря эксцерпирована лексика.

Организация материала по словообразовательным гнездам, несмотря на некоторые очевидные удобства, имеет и теневые стороны, заключающиеся, в частности, в том, что распределение слов по словарным статьям предрешает этимологию производных и затемняет некоторые выразительные изоглоссы, выходящие за рамки корневых соответствий.

Например, в статье *вовк* без дополнительных комментариев указывается *вова* 'волк, страшное существо', хотя связь между *вова* и *вовк* никак не назовешь прозрачной. В действительности, укр. *вова* имеет прямую параллель в рус. вологод. *вова* 'фантастическое существо, которым пугают детей; бука': это соответствие не осталось бы за рамками словаря, если бы *вова* рассматривалось на правах особой статьи. Далее укр. *вова*, рус. диал. *вова* могли бы быть сопоставлены с н.-луж. *wowa* 'бабушка', в.-луж. *wowka* то же (в семантическом плане ср. производные слав. **baba*), что расширяет круг известных соответствий и.-е. **aṷā* в славянском.

Этимологии заимствований подаются в словаре по той же общей схеме, что и этимологии исконных слов (см. выше). В некоторых отношениях такая практика представляется нам нарушением необходимой историко-

лингвистической перспективы, и если она усиливает структурную стройность словаря, то одновременно наносит определенный ущерб логике изложения и читательского восприятия.

Действительно, в статье *валіза* (слово заимствовано из польск. *waliza*) в качестве славянских параллелей приводятся рус. диал. *вализка*, блр. диал. *валіза* (что целесообразно, так как источник заимствования здесь тот же) и словен. *valiž*, что по существу своему неверно, так как *valiž* продолжает не польск. *waliza* и даже не франц. *valise*, а итал. *valigia*! Сходные ситуации возникают буквально на каждом шагу. По нашему глубокому убеждению, неправомерно приводить как славянскую параллель к укр. *вірш* — макед. *верс*, с.-хор. *вёрс*; к укр. *бірюза* — с.-хорв. *пӣрӯз*; к укр. *вальс* — с.-хорв. *ва̏лцер*; к укр. *вермішель* — чеш. *vermicelli*; к укр. *грифель* — чеш. *rafije* и т. д.

Излишне, на наш взгляд, и давать подробную этимологию слов-источников, доводя ее до индоевропейского уровня и указывая генетически родственные слову-источнику лексемы в украинском. Авторы, кстати, ошибочно считают, что это составляет исключительную особенность рецензируемого труда (с. 9), хотя, на самом деле, известны этимологические пособия (в большинстве своем — французские), следующие аналогичным принципам. Понятно, что такой подход к этимологии прежде всего крайне неэкономен, так как требует непомерного увеличения объемов. Кроме того, неясно, для кого предназначена подобная информация: насколько она избыточна для специалиста-этимолога, настолько трудноуловима и слишком лаконична для любителя. Встает и законный вопрос о том, какое звено этимологической цепочки должно быть признано последним.

Безусловно, что в украинском этимологическом словаре должна найти себе место информация о том, что укр. *бемський* восходит к рус. *бемское* (*стекло*), а последнее — к нем *böhmisch*, от нем. *Böhmen*. В какой степени необходимо указать, что *Böhmen* продолжает лат. *Bohemia*, уже не так ясно. Однако, если это все-таки сообщается, непонятно, почему авторы не приводят и этимологии лат. *Bohemia*, которая, к слову сказать, хорошо известна.

Не кажутся необходимыми указания на то, что лат. *bucca* связано с и.-е. **bu-* (с. 285, s. v. *букат*), которое представлено в укр. *буяти*; что лат. *virus* родственно греч. ἰός (с. 403, s. v. *вірус*); что нем. *Kehle* и лат. *gula* относятся к одному и.-е. корню (с. 461, s. v. *галтель*) и т. п.

Праславянская реконструкция в словаре, за исключением отдельных деталей (*ьr и *ъr вместо *ьr и *ъr), совпадает с принятой в ЭССЯ. Некоторые конкретные реконструкции, однако, не кажутся безупречными, ср. **boučēti* (с. 158), **bьrg'-* (с. 230) и под.

Отдельные этимологические статьи нуждаются в исправлениях и дополнениях:

автоген: франц. *autogène* никак нельзя объяснять непосредственно из греч. αὐτογενής; это позднее образование из «интернациональных» основ *auto-* и *-gen*;

артус: не может объясняться как прямое заимствование из греч. ἄρτος; ср. ст.-слав. артоусъ.

балта: рум. *baltă*, молд. *балтэ* не родственны слав. **bolto*, а сами являются заимствованиями из праслав. **bolto* или праалб. **balta*;

бача: наряду с венг. *bácsa* следует указать также рум. *baci*, алб. *bac*(*ë*) 'старший брат, дядя';

бжур: вряд ли можно отрывать это слово от болг. *божур* 'дикий мак', 'пион', макед. *божур* 'пион', с.-хорв. *бджур* то же, словен. *božür* 'пион, шафран';

бісма: скорее следует рассматривать как табуистическое преобразование *бігма*, ср. франц. *parbleu* вместо *par Dieu* и т. п., а не как самостоятельное сложение из *біс* и *ма*;

біхреса: возможно, связано с офенским *микрый* 'малый', *микрец* 'парень, ребенок, мальчик', *мякрец* 'жеребенок', укр. арготич. *мекрий* 'малый';

бог: в пользу иранского происхождения этого слова см. еще работы М. Фасмера (RS VI, 1917, s. 172 f.) и Л. Мсерианца (РФВ XV, 1911, кн. 1—2, с. 155 сл.);

бороло: материал, группирующийся вокруг укр. *заборола*, следовало бы рассматривать в отдельной словарной статье;

брендати: блр. *брындаць* некоторые исследователи считают литуанизмом;

брибега: наличие варианта *прибега* делает наиболее вероятной этимологию Врабие (<рум. *pribeag*);

будзя: несомненно связано с *будз*, причем значения обоих слов мотивируются широко распространенной моделью называния молочных изделий типа сыра по форме, в которой они изготовляются, ср. франц. *fromage*; значения 'свежий овечий сыр' и 'мясо' развились из обозначения желудка животного, служившего формой для сыра;

бузя: новые данные И. А. Калужской относительно этимологии алб. *buzë* исключают прямое сопоставление последнего с укр. *бузя* (см. Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 8 сл.);

бур'ян: родство с *буйний* остается гадательным, несмотря на вариант *буйрян*, объясняющийся все-таки как поздняя народно-этимологическая трансформация *бур'ян*;

вак: ввиду распространенного перехода 'глаз(ок)' → 'цель', вероятно, что здесь — заимствование из восточнороманского, так как рум. *ochi* 'глаз' имеет морфонологический вариант *oac(h)*;

варнак: сюда же рус. (сибирское и уральское) *варнак* 'каторжник, хулиган', а также *варнак* 'петух', *варнатка* 'любимая подруга; курица', *варнаточка* 'курочка', бранное *варначий* (*сын*); вероятно, исходные значения здесь — 'петух', 'курица', заимствованные в восточнославянские арго из новогреч. *ὄρνιθα* 'курица';

варнякати: к приведенным здесь русским формам следует добавить донск. *варнякать* 'невнятно говорить';

васильки: предположение о контаминации *висулька* и *васильки* (название цветка) сомнительно ввиду рус. (влад.) *васильки* 'волосы';

ватoропка: неотделимо от группы слов с нерегулярными фонетическими изменениями, широко распространенной в русских говорах — ср. *ватарба* 'суматоха, тревога, суета', *ватерба* то же, *ваторба* 'ссора', *ватарга* 'суматоха, тревога, ссора', *ваторга* то же, *ваторпа* 'тревога' и под.;

ватлити: ср. рус. диал. *ватлать* 'говорить нескладно, пустословить, браниться', *ватлить* 'говорить', *ватолить* 'говорить невнятно';

веремій: подобно многим другим названиям (плохой) погоды, связано с названием времени вообще, ср. укр. диал. *верем'я*; связь с ЛИ *Веремія* имеет народно-этимологический характер;

*весь*²: алб. *vise* сюда не относится, см. *Çabej E.* — LP, VII, 1958, s. 145 f.; VIII, 1960, s. 71 f.;

викаблучуватися: сюда же рус. диал. *выкаблучиваться*; возможно, особенности семантического развития объясняются тем, что рус. *каблучок* известно в значении 'колпачок, надеваемый на голову ловчей птицы' (во время ее обучения), ср. еще *каблучечить сокола* 'приучать к каблучку' — тогда *выкаблучиваться* могло бы означать первоначально 'высовывать голову из-под каблучка' (о птице) → 'не поддаваться обучению';

винозір: поскольку в русских говорах слово *видный* известно в том же значении, что и укр. *винозір* — 'дальнозоркий', допустимо предполагать, что последнее продолжает более раннюю форму **виднозір*;

вирій: возможно, сюда же относится гапакс, зафиксированный в русском заговоре — (*царь*) *Ир* и (*царица*) *Ирица*, ср. еще польск. диал. *ir*, *jer* 'Fringilla montifringilla'; из литературы следовало бы еще учесть *Bezlaj* I, 234;

виспа: из польского заимствовано также в рус. диал. *выспа* 'остров', *высп* 'наносный маленький остров, песчаная отмель';

витребенька: известно также русским (донским и курским) говорам — *вытребеньки* 'выдумки, прихоти; гулянка';

вія: желательно было бы указать и прокомментировать этимологию, согласно которой *Вій* восходит к иран. *Vāyu-* (В. И. Абаев);

вйо: в произведениях художественной литературы фиксируется также рус. *вье*;

вогорити: значительный ареал распространения этой формы не может подтвердить суждения авторов о происхождении *вогорити* из **gov-* / **vog-* или из **vor-*; *вогорити* все-таки является метатезой из *говорити*;

водопілля: не учтена последняя по времени и наиболее убедительная этимо-

логия О. Н. Трубачева, указавшего латинскую и хеттскую параллели к славянским формам; приводимые в словаре балтийские соответствия ставятся под сомнение;

вулик: формы *уль* и *улень* могут рассматриваться как продолжения особых праславянских образований, **ulь* и **ulьnь* соответственно (материал см.: *Орел В. Э.* — Симпозиум по структуре балканского текста. М., 1976, 40—41);

вуркаган: известно и рус. *уркаган*;

вцинок: возможно, к слав. **cěnъ*, ср. рус. *цен*, *цены*, укр. диал. *чине*, *чини* в разнообразных значениях, связанных с тканьем («коренное значение этого слова утрачено, оно, должно быть, означало: ряд, ряска, порядок, слой, пучок» *Даль* IV, 578);

гава: пропущено рус. (южн., курск.) *гава* 'ворона';

гаваґати: ср. еще в близком значении рус. (донск.) *гавакать* 'говорить что-либо неожиданное';

галанка: все указанные в этой статье диалектные украинские формы имеют и русские соответствия, ср. хотя бы *голандцы* 'штаны, плотно обтягивающие ноги' при укр. *галанці* то же и под.;

галапас: это слово, в отличие от ЛИ *Галапайда*, нельзя отрывать от рус. (псков.) *голопас* 'неимущий человек';

гамела: более правдоподобно объяснение, принятое в ЭССЯ (VII, 18) — к слав. **gomola*;

гара: на наш взгляд, затруднительно отделять это слово от совпадающего по значению *ґара* [2];

гарцювати: венгерское происхождение этого слова вполне убедительно аргументировано в сб. «Этимология 1966» (М., 1968, с. 189 сл.);

гатра: объяснение из *ватра* с допущением семантического развития '(сигнальный) огонь' → 'сигнал, известие, новость' не кажется убедительным; возможно, *гатра* — праславянский локализм **gatra*, производный от **gatati*, ср. др.-рус. *гатити* 'подбадривать, воодушевлять' (далее см. ЭССЯ VI, 105);

ґиґнути: как и в некоторых других случаях, украинское слово явилось источником русского арготизма, ср. рус. вульг. *гигнуться* 'умереть';

ґидзила: довольно прозрачное производное от *гидза* 'нарост, шишка';

гиряка: вероятно, восходит к восточнославянским офенским словам *гиряк* 'старик', *гир* 'старый', *гирун* 'дед' и т. п. (к греч. γέρων 'старик');

гм: следовало бы учесть специально посвященную этому междометию работу В. А. Никонова (Этимология 1964. М., 1965, 127 сл.), где довольно убедительно аргументируется мысль о позднем заимствовании из западноевропейских языков;

ґоґа [2]: заимствование из восточнороманского, ср. рум. *coacază* 'красная смородина', производное *coсă* 'ягода';

гомила [1]: по всей видимости, нельзя отрывать от *гомила* [2], ср. еще выше *гамела*; сюда же относится и *гомілка*.

Несмотря на понятные трудности технического порядка, словарь издан на высоком полиграфическом уровне. Количество опечаток невелико; за вычетом отдельных мест, нет разнобоя в шрифтах, что, к сожалению, пока еще встречается при публикации сложных этимологических и сравнительно-исторических работ.

Несмотря на перечисленные выше поправки и дополнения, а также наши замечания более общего характера, совершенно очевидно, что рецензируемый труд — значительное явление в отечественной славистике. Новый «Этимологический словарь украинского языка» безусловно станет настольной книгой каждого слависта-этимолога: его появление будет способствовать не только ознакомлению с уже накопленными в области украинской этимологии данными, но и обязательной отправной точкой для любого ученого, ставящего перед собой задачу дальнейшего развития этой области славянской этимологии [1].

В. Э. Орел

---

[1] Автор настоящей рецензии признателен Г. П. Клепиковой, сообщившей ряд наблюдений и замечаний, включенных в текст.

F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. II: *K—O*. Ljubljana, 1982, 265 с.

Второй том «Этимологического словаря словенского языка» Ф. Безлая представляет следующий фрагмент словенской лексики в объеме *K—O*. При первом же знакомстве со словарем видно, что в нем в полной мере проявляются принципы, которые уже освещались нами в свое время в связи с выходом в свет первого тома словаря (1976 г.) [1]. Специального внимания и самого глубокого изучения в словаре заслуживает богатство лексического материала. Автор по-прежнему широко использует и включает в словник лексику многочисленных словенских диалектов, во многих случаях прослеживается представленность слова в старых словарях Похлина, Мегизера, Гутсманна и т. п., приводятся данные из древних рукописей с указанием времени первой фиксации. Эти сведения по истории слова в какой-то мере восполняют отсутствие исторического словаря словенского языка (ср. для примера *kdzen* II 'наем', *kladnica* 'топор' и т. п.). Ф. Безлай, известный исследователь и глубокий знаток славянской ономастики, привлекает данные словенской топонимии и гидронимии в качестве одного из источников утраченной или утрачиваемой аппелятивной лексики (ср. топ. *Kucelj*, *Kneja*, *Krog*, *Kujavič*, *Moste*, *Luttich* и т. п.). Важной составной частью словаря является ботаническая номенклатура, автор обнаруживает незаурядные познания в области народных названий растений. В целом опубликованные тома словаря являются ценным и, пожалуй, наиболее полным источником сведений о словенской лексике. Значительный слой лексики второго тома приходится на заимствования разных эпох преимущественно германского происхождения. Для нас наибольший интерес представляет исконная лексика, этимологизация которой тесно связана с проблемами внутриславянских соответствий и славянской лингвогеографии, праславянского лексического диалектизма и реконструкцией исходной основы. Словенская лексика, освещаемая в широком контексте славистических проблем, дает много нового, интересного материала для размышлений и выводов о диалектной структуре праславянского, взаимоотношениях праславянских диалектов с индоевропейскими языками и диалектами. Древние унаследованные явления, праславянское прошлое словенского языка в центре внимания исследователя.

В плане этногенеза словенского языка, и точнее тех диалектов, которые составили древнюю основу будущего словенского языка, решается проблема сепаратных изоглоссных связей словенского языка. В этимологических исследованиях Ф. Безлая, разрабатываемых под этим углом зрения, особо выделяются словенские лексемы с исключительно западно- или восточнославянскими соответствиями. Но, пожалуй, центральной для Ф. Безлая является проблема сепаратных словенско-балтийских изолекс. Словенский язык, обнаруживающий в ряде случаев соответствия только в балтийских языках, предстает как область консервации древних основ, утраченных на остальной славянской территории. Поискам таких лексических архаизмов словенского языка подчинены этимологические работы Ф. Безлая [2]. Во втором томе этимологического словаря можно найти немало словенских лексем, для которых ближайшие соответствия существуют только в балтийских языках. Таковы, по мнению Ф. Безлая, словен. *kárjice* мн. ч. 'клюка' и лит. *pakorė* 'виселица' (< и.-е.* (*s*)*ker-* 'резать'); *klátiti se* 'скитаться, бродяжничать' и лит. *klýsti*, *klajóti* то же; *lôditi* 'обмануть' и лит. *lósti*, *lódau* 'привередничать, быть распущенным' (< и.-е. **ləd-*); *odnēs* 'навес крыши' (< *o-dъmn-esъ*) и лтш. *nams*, лит. *nãmas* 'жилой дом, очаг'; *obnam* 'сначала' (<**nem-/nōm-*) и лит. *núomona*, *núomonė* 'взгляд, мнение'; *mólkel* 'глухой (о голосе)' и лит. *smė̃lkti* 'увянуть' и многие другие. Следует заметить, что выводы о характере языковых связей находятся в прямой зависимости от успехов этимологии, результатов этимологического анализа. Многие из сепаратных словенско-балтийских изолекс Ф. Безлая основываются на семантическом сходстве словенских и балтийских слов. Исключительно в силу неразработанности внутриславянских связей словенские лексемы получают статус изолированных праславянских лексических архаизмов. Если обратиться к упомянутым выше соответствиям, то нетрудно заметить, что при более глубоком и всестороннем рассмотрении они теряют изолированный характер и оказываются включенными в систему более широких славянских связей и отношений. Так, для словен. *mólkel* необхо-

димо исследовать возможность родства со слав. **тьlčati*, а словен. *lóditi* едва ли можно рассматривать в отрыве от слав. **ludъ* 'глупый'. Словен. *klátiti se* 'бродяжничать, скитаться' этимологически тождественно *klatiti* 'сбивать плоды с дерева', ср. семантически сходное рус. диал. *колотиться* 'стучаться, стучать' и 'шататься без дела, без цели, бить баклуши' (Филин 14, 180—181). Что же касается *odnês* 'навес крыши', то это, скорее всего, производное от гл. *odnesti* 'вынести, отнести в сторону'. В этимологических работах Ф. Безлая основной упор делается на поиски индоевропейских связей, на реконструкцию индоевропейской праформы. Процесс семантической эволюции, вопросы словообразовательной структуры слова, отношение производящей и производной основ, направление словообразовательных связей — эти и многие другие вопросы истории праславянского языка остаются за пределами внимания автора. И в этом, несомненно, сказывается слабая изученность словенской лексики, неразработанность исторической лексикологии, отсутствие диалектных словарей, т. е. отсутствие той материальной базы, которая обеспечивает надежность и достоверность этимологических решений. Большой опыт этимологических исследований, этимологическая интуиция и прекрасное владение фактическим материалом помогают автору преодолеть многие объективные трудности и наметить верные пути этимологических поисков.

Словарь несет на себе печать неповторимой творческой индивидуальности автора, одного из ярких последователей чешской этимологической школы. Методика этимологических исследований этого направления базируется на принципе семантического тождества сопоставляемых единиц, допущении нерегулярности фонетических изменений и контаминации основ. Особенно большая свобода фонетического варьирования допускается для звукоподражательных образований. Так, для примера укажем, что словен. *luskati* имеет в словаре несколько вариантов и в их числе *hlistati*, *hlískati*, *loskati*, *leskati*, *lupati*, *lopati*, *lepiti* (с. 157). В соответствии с концепцией автора для некоторых случаев допускается чередование *ē/ū*, *ō/ū*: ср. *kača* 'змея' < **kōkia* < и.-е. **keuk*-'кривить, изгибаться'; *mûlj* 'мелкий песок', связываемое чередованием с лит. *mẽlas*. Особенность второго тома, пожалуй, составляет то, что исследуемое слово подается нередко в окружении синонимов, но назначение их остается неясным. Так, для словен. *lêv* 'левый' даются синонимы *šuj*, *čumpa* (< ит. *zompo*), ст.-чеш. *kršně*, польск. *warda*, рус. *пакша*; диал. *lákotnica* 'почка' соотносится со словами *tišina* и *slabina*; рядом с *lîtka* 'голень' находим в том же значении *bodèl* и т. д. Во всех случаях (исключения единичны — ср. *mazúr*) автор ограничивается констатацией синонимов и не делает попыток выявить принципы семантической организации синонимического ряда. В словаре сочетается гнездовой принцип с аналитической, раздельной подачей отдельных лексико-семантических производных. По сравнению с первым томом немногочисленны случаи, когда лексикализованное производное рассматривается лишь в гнезде родственных образований и не имеет отдельной самостоятельной статьи. К числу таких случаев могут быть отнесены *kar* 'ссора', которое помещается в статье на *karati* II, *otàviti* 'окрепнуть', упоминаемое в связи *otava* 'трава, скошенная во второй раз'. Не всегда ясны принципы, которыми руководствуется автор при выборе слов, требующих самостоятельного рассмотрения. Так, из гнезда слов, объединяемых глаголом *klasti*, существительное *klaja* 'корм для скота' < * *kladja* выделено, оно получает отдельную статью, а синонимичное ему *klást* оставлено без внимания, хотя оно представляет старый тип отглагольных производных с суф. *-ть*, получившим некоторое развитие именно в словенском языке (ср. *obrest*, *opast*, *kolomast* и т. п.). При этимологизации автор в основном ограничивается обзором уже известных истолкований, в ряде случаев выделяя одно из них как возможное или вероятное. Значительная часть слов идет с пометами «неясно», «сомнительно». Этимологическая информация разными своими частями входит в статьи, посвященные родственным словам, но нередко наблюдается избыточное повторение цитируемой литературы (ср. *kâr* 'скала' и *karati*, *kapar* и *kršelj*, *krapavica* и *krapati* и др.).

Несомненным достоинством словаря является то, что он вводит в практику этимологических исследований большой пласт словенской лексики—редкие диалектизмы, архаизмы, почерпнутые из старых словарей, слова, не привлекавшие внимание этимологов. Среди них можно отметить *kaho* 'копыто', *kolinka* 'колыбель' (только в XVIII в. у Похлина и Гутсманна), *krhati* 'бить . толочь',

диал. *kāų*, *kōva*, *kōvu* < **kōv*, мест. (ср. у Плетершника *nékov*, *nekóv*), *kola* 'кличка овцы', *kras* 'circulus, orbis' (в начале XVIII в.), диал. *ložesna* 'uterus' (Триест), *oprati* 'поводья' (ср. у Плетершника *opŕta*), *lezika* 'щель, трещина', *lozen* 'потертый, изношенный', *opietje* 'окружность' (XVIII в., только у Гутсманна), *napost* 'тщеславие' (из словарной картотеки Миклошича), *nudmi* нар. 'vi necessario' (Фрейз. отр. III, 31), *osob* 'кнут, бич' (Гутсманн, Ярник) и т. п. Некоторые апеллативы восстанавливаются на основании топонимов: ср. *Kneja*, *Kujavic*, *Klek*, **opolje* и т. п. Впервые привлекаемые данные словенского языка в одних случаях позволяют расширить и уточнить ареал славянских соответствий (ср. *obruten*, *osoníti*, *Kneja*), в других дают новое подтверждение для редких, слабо засвидетельствованных основ (ср. **kōv*, *oprati*, *lozen*). Нередко словенские лексемы сохраняют архаичное состояние семантики, и этот момент очень важен при реконструкции исходного значения и общей семантической эволюции слова (ср. *mleden*, *molkel*).

Словенская лексика содержит много этимологически трудных случаев. И если этимологические истолкования, предлагаемые словарем, не всегда и не во всем удовлетворяют, то нельзя не признать, что они усиливают внимание к нерешенным вопросам, побуждают к новым поискам. Наши попутные замечания и уточнения касаются следующих слов.

karati 'крошить, зазубрить' (< и.-е. **(s)ker-* 'резать') дается с пометой «только словен.», но ср. укр. карп. *карати* 'бить, колоть (рогами)', н.-луж. *škaraś* 'ковырять', 'мешать, размешивать (угли)', 'подстрекать, возмущать', в.-луж. *škarać* с теми же значениями (Этимология 1978, 35—36).

К группе слов, объединяемых словен. *kávrna* 'шерсть, ворс', автор причисляет *zavŕnki*, *závrniki*, *zábrniki* 'бахрома'; последние входят, однако, в другое этимологическое гнездо с основой *vьrtě(ti)/vьrt(nǫti)*, ср. укр. *коворотoк* 'прядка'.

képa 'глыба, куча', *képiti (se)* 'собирать в кучу' идет с пометой «неясно, без определенных связей». Мало что объясняет предположение о вторичном характере начального *k-* по типу слав. **pęstь*: лит. *kùmstė*. Скорее всего словен. *képa* родственно *kup* 'громада, куча' (~лит. *kaũpas* 'куча') и отражает корень **kъp-* с гласным в ступени редукции, ср. лит. *kupetà* 'небольшая копна сена' (Фасмер II, 418—419).

Едва ли правомерно разграничивать *kila* I 'hernia' и *kíla* II 'слабый, трус'. Это этимологически тождественные основы, а взаимосвязь значений 'нарост' и 'слабый' хорошо прослеживается на примере рус. диал. *кúлéть* 'чахнуть от наростов — кил (о растениях)' (Филин 13, 207: «об особом роде болезни растений, когда недоразвившиеся вилки капусты как бы окаменевают»), *кúловáтый* 'болезненное вздутие, припухлость' и 'с наростами (о растениях)' (Там же, 208).

kînkati 'дремать, качать головой' в одном случае соотносится с **kyvati* (см. *kimati*, *kíniti*), в другом — с рус. *кунять* 'дремать'. Сближение с рус. *кунять* препятствует корневой вокализм. По всей видимости, словен. *kînkati* — экспрессивное преобразование *kímati*, *kíniti*. Семантически ср. рус. диал. *кивáться* 'качаться, шататься, колебаться', 'ходить медленно (о больном)', 'дремать', 'лениться' (Филин 13, 195).

kleštráti 'хромать, ковылять' связывается с польск. *kliszawy* 'хромой' и родственными ему образованиями, для которых Славский восстанавливает праслав. **kliša*: **klěša* 'клешня рака' (Sławski II, 228). Но при этом остается нераскрытой словообразовательная структура словенского слова. Вызывает сомнение реконструкция того же корня с гласным в ступени редукции **klĭ*-для словен. *koleštráti* 'неуклюже ходить'. Приведенное в этой же статье словен., с.-хорв. кайк. *klěh*, *klêha* 'клык у свиньи' имеет, как известно, другую этимологию: оно родственно рус. *клык* и связано чередованием со слав. **kolti* (Skok II, 92). Не совсем понятно, почему в этой статье (с. 143) словен., с.-хорв. кайк. *klisati* 'бежать, мчать' признается родственным польск. *kliszawy* 'хромой', а на с. 43 толкуется совершенно иначе.

klóča церковный колокол, как и *kloka* в том же значении, восходит, видимо, к ср.-лат. *clocca* и потому должно быть отграничено от *kločiti* 'сгибать, гнуть', которое автор, вслед за Славским, связывает со слав. **klękti*.

kob 'гребень горы, mons longe extensus' и, видимо, родственное ему *kobûl* 'глыба, куча; кисть' могут получить объяснение в рамках этимологического гнезда с корнем **(s)kob-* (<и.-е.* *(s)ke(m)b-* 'сгибать, искривлять'), объединяю-

щего рус. диал. *кобéня* 'крюк', *кобúцы* 'выбоины от лошадиных копыт', *кóбло* 'пень', 'ствол дерева', чеш. *kobiti se* (Этимология 1979, 34—37). Ту же основу с корневым *е* можно предположить для рус. диал. *чóблок, чёблок* м. р. 'слега, жердь' (астр., каз.) (Даль[3] IV, 1355).

kȏcna 'цепь, которой привязывают скот в хлеву' производится из *kotьcьna* < < *kotьcь* 'угол в хлеву'. Более вероятной представляется соотнесенность словен. *kȏcna* с *kocína* 'грубая, редкая шерсть', с.-хорв. *kocelj=kocalj* 'хвост', 'плетеная коса' (Skok II, 118), родственным слав. **kočanъ* (Фасмер II, 356).

kočljȉv 'привередливый в еде', *kočljivo vprašanje* 'вопрос, на который трудно ответить' едва ли связано с с.-хорв. (*u*)*kóčiti se* 'затвердеть' (ср. еще словен. *skočánjiti se, skócati* в том же значении), которое считается производным от *kȍčān* 'кочерыжка, стебель'. Для *kočljȉv* можно предположить развитие из **kostьlivъ*, ср. словен. *kȏcka* < *kostьka*.

kȍlk 'соха' этимологически должно быть отграничено от чеш. *kyčel* 'бедро', польск. *giczal* 'большая берцовая кость', которые, как можно думать, продолжают не основу **kъlk-* (Machek[2], 313), а **kyk-*, связанную чередованием с **kъkъ*, ср. серб.-цслав. *кькь* κόμη, словен. *kẽka, kȇčka* 'коса' и т. п. (Фасмер II, 231).

kolobár 'круг, обруч' не имеет ничего общего с рус. *колоб*(*ок*), которое восходит к и.-е. **(s)kelb-*[3]. Корень **(s)kelb-* отражает упоминаемое в этой статье словен. *sklabotína* 'нанос, наплыв', а также *šklabati* 'шлепать, шагать', *sklabušiti se* 'спутаться, смешаться'.

Нет необходимости выводить словен. *kolobótati se* из *kolo-mǫt-*. Сложение *kolo-botati* (ср. гл. *botati*) такое же полноправное, как и *kolomazati*, с.-хорв. *kalamútiti*, рус. *колобродить*.

Для *kolomâst* 'колесная мазь' предполагается первоначальная форма **kolomazь* или **kolomazъ*. Правильнее было бы определить словен. *kolomâst* как производное с суф. *-tь* от глагольной основы (Słownik prasłowiański II, 44).

koprnẹ́ti 'изнемогать (от ревности, страха, гнева); томиться, ждать', чеш. *koprněti* 'застыть в ужасе, нетерпеливо ждать' этимологически может быть истолковано как сочетание приставки *ko-/če-* с основой, известной в разных апофонических вариантах, в значении 'торчать, топорщиться'. Структурно и этимологически близкий тип основ представляют слав. **čepьrьnъjь/*čepъrьnъjь* (ЭССЯ 4, 56—60).

Для словен. *krécati* 'поворачивать (воз, сани)', *kréčati* 'избегать ч.-л.' и *króčiti* 'кривить, изгибать' неправильно, на наш взгляд, восстанавливается корень **kręk-/*krǫk-*. Основанием для реконструкции этого корня служит сравнение с рус. диал. *крякла* 'сани', *кряклы* 'род ошейника (для свиней)', но русские образования скорее связаны с **krakъv-/*krokъv-* 'станина, жердь, стропило'. Словен. *krécati, króčiti* принадлежат к другому этимологическому гнезду с корнем **kręt-/*krǫt-*, ср. рус. *крятать* 'трогать, двигать', словен. *kretati* 'поворачивать, вертеть' и рус. *крутой*.

kréčiti 'расставить ноги' следует отделить от предыдущего *krécati, kréčati* 'поворачивать'. Словенское слово вместе с.-хорв. *raskréčiti* 'расставить ноги', болг. диал. *крѐча се* 'ходить раскорячась', а также др.-рус. *крекнастый* 'коренастый' продолжают праслав. **krek-/*kreč-* 'раздвоенное дерево, разветвление', связанное чередованием с **krokъ* 'шаг'[4].

krada 'громада, куча' толкуется без учета новых диалектных данных, содержащихся в словаре Славского (Sławski III, 152).

kŕkniti 'окоченеть' едва ли может быть отнесено к изолированным фактам лексики словенского языка. Словенское слово родственно с.-хорв. *skȑknuti se* 'затвердеть (о тесте)', *skrkuljiti se* 'изогнуться', рус. диал. *окóркнуть* 'озябнуть', продолжающим **kъrk-/kъrč-* (ср. рус. *корчиться*).

Неубедительно сближение *krópa* в значении 'сильный источник' с ц.-слав. крѫпъ 'parvus', болг. диал. *крап, кръп* 'короткий'. Видимо, нельзя рассматривать *krópa* 'источник' в отрыве от *krȍp* 'кипящая вода', *kropati* 'клокотать'.

kršȇlj 'Pediculus pubis' и с.-хорв. *kȑšelj* 'Ixodes ricinus' даются в одном ряду со словен. *krpȇlj*, с.-хорв. *škȑpelj, krpuša*, болг. *кърлеж, кáпуш* с теми же значениями. Отношения этих слов остаются неясными. Сближая *kršȇlj* и *krpȇlj*, автор, видимо, исходит из предположения Скока о том, что с.-хорв. *kršelj* = *kršijelj* развилось из *krpelj* путем замены *p* > *š*, а *krpelj*, в свою

очередь, восходит к *krljep*, *kȑlja* (Skok II: *kȑpuša*, *kȑlj*, *kȑhak*). Этимология Скока, допускающего сложные фонетические преобразования и контаминацию основ, очень неубедительна. Можно допустить, что словен. *kršẽlj*, *krpẽlj* вместе с соответствующими сербохорватскими словами произведены от разных основ с общим значением 'нечто маленькое', а именно **kъrxa* (Berneker I, 630—631), **kъrpa* (ср. с.-хорв. *kȑpa* 'кусок', *kȑpatiti* 'мельчить, дробить'). Ср. семантически **moljь* ~ **melti*.

Трудно принять сближение словен. *lahȁt* прил. 'неровный, разбитый на части' с с.-хорв. *lahati* 'бежать', которое родственно словен. *lohnę́ti* 'хотеть, преследовать', польск. диал. *lochać* 'бегать, рыскать' и т. п. (Sławski IV, 3, 320). Не приводятся причины, по которым отвергается сопоставление словен. *lahȁt* с рус. *лохмотья*, польск. *łach*.

líhniti в значении 'оставить, отделаться от к.-л.' связано, видимо с *lišiti*, *lîh* (ср. Фасмер II, 507, 505). Сопоставление с чеш. диал. *liskati* 'треснуть' может быть принято лишь для словен. *lihniti koga za uho*, *lihati* 'дать пощечину'.

Нет необходимости принимать для словен. *lobánja* и *lubánja* 'calva' смешение разных основ **lъbъ* и **lubъ*. Обе основы развились из и.-е. **leubh-* 'лущить, снимать кору' и отражают разные ступени чередования корневого гласного. Семантическое обоснование см.: Sławski V, 2, 91—93.

Следует отделить словен. *lózen* 'потертый' (ср. suknja je *lozna*) от *položen* 'пологий', *zložen*, *položina* 'терраса', последние содержат корень **log-* (~*ležati*). Словен. *lózen*, для которого в словаре отмечена возможность родства с **lèzti*, *laziti*, интересно тем, что если это не заимствование (Sławski), то оно расширяет ряд продолжений апофонического варианта с корневым *o*: ср. чеш. диал. *loziti* 'лазить', с.-хорв. *loziti se* 'цепляться, взбираться — о горохе и под.,' возможно, рус. *елозить* (Этимология 1970, 57).

Трудно согласиться с этимологическим разграничением словен. *lono* 'лоно', *lônja* 'обруч на колыбели' и *lónica* 'копна сена на лугу', 'приспособление из веток для спуска груза с горы', 'округлость горы'. Можно считать вполне доказанной идею развития слав. *lono* из **logsno* (ср. ст.-слав. ложесно 'утроба, матка'). См. Фасмер II, 517[5]. Общее значение 'ложе, основание' позволяет объединить словен. *lono* и *lônja* 'обруч на колыбели', ср. семантически близкие укр. *лбнок* 'одна из перекладин в ткацком станке, через которую перетягивают полотно на навой', блр. *улóнкі* мн. ч. 'та часть руки, на которой носят ребенка'. Что касается словен. *lónica* и с.-хорв. чак. *lònica* в значении 'стог сена', для которых еще известны варианты *lomnica* и *lovnica*, то все эти образования тесно связаны с с.-хорв. *lòmača* 'куча, громада', *lomnica* с развитием *mn* > *vn* (ср. с.-хорв. *lomni*=*lovni* — Skok II, 316) и дальнейшим упрощением *vn* > *n*. Словен. *lónica* в качестве обозначения плетения, сооружения из веток (т. е. некой основы) для спуска грузов сохраняет исконную связь со слав. **lono*. Таким образом, можно думать, что в *lonica* произошло слияние двух омонимов: 1. *lonica* < *lomьnica* и 2 *lonica* < *lono*.

В связи со словен. *mẽvža* 'нерешительность; боязливый' заслуживают внимания близкие по структуре рус. диал. *мельзи́ть* 'казаться неясным, дрожащим вдали от преломления световых лучей', 'мелькать в воображении', *мелюзить* 'рябить в глазах; неясно виднеться; надоедливо мелькать перед глазами' (Филин 18, 104, 106). Русские диалектизмы проясняют внутреннюю форму этих слов, указывают на соотнесенность с гл. **melti*: ср. *мéлюз* 'крупный, плохо очищенный сахарный песок' (тул.), *мелюзá* 'мелкий окунь' (твер.), *мелюзоватый* 'мелкий' (пск., твер.) (Там же). В словен. *mẽvža*, рус. диал. *мéлюз*, *мелюзá* можно видеть экспрессивное производное от гл. **melti*. Такое истолкование снимает многие трудности, с которыми сопряжено, в частности, сближение рус. *мельзить* и *мелькать* (Фасмер II, 596).

Гл. *motáti* 'мотать, вертеть' рассматривается в кругу славянских и балтийских соответствий (ср. лит. *matúoti* 'мотать'), но при этом не учитывается производность слав. **motati* от **mesti*. Игнорирование этого факта приводит к ничем не оправданной реконструкции и.-е. корня **menth-*, который, как считает Ф. Безлай, отражается в слав. *motati* без назализации, с гласным *o* по чередованию.

Для *motovílo* 'устройство для наматывания ниток' правильнее было бы реконструировать праслав. **moto-vidlo* с суф. *-dlo*, а не *-tlo*.

Нет основания видеть в словен. *múriti se* 'прижимать уши (о лошади)', 'опускать голову' образование, этимологически отличное от гл. *murę́ti* 'хмуриться', прил. *murȁv* 'капризный', 'хмурый'. Несомненна производность тех и других словенских обазований от слав. **xmura* (ЭССЯ 8, 44—45).

Неубедительно объяснение словен. *natẹ́čen* 'надоедливый', *natek* 'зло, вред', *Netek*, имя демона, на основе сближения с гл. *tekniti* 'иметь вкус' < **tęknǫti*. Следует обратить внимание на то, что производные образования с корневым **tek-/*tok-* (**tekti*) в ряде славянских языков развивают значение 'злой, сердитый': ср. болг. диал. *стêкай се* 'сердиться, бесноваться', словен., хорв.-кайк. *tę́kel* 'бешеный, неистовый' (Skok III, 450), чеш. *vzteklina* 'бешенство'. Форма *Netek* (вм. *Natek*) отражает, видимо, ассимиляцию слоговых гласных.

Представляется ошибочным сближение словен. *oblâkovina* 'зеленая ореховая скорлупа' и *oblâtovje* 'орех в зеленой скорлупе' и допущение родства с *obel* 'округлый'. В действительности эти слова продолжают разные основы: *oblâkovina* соотносится с *vlakno*, *lákno* 'волокно', а *oblâtovje* тесно связано с *vlat*, *lât* 'колос; кукурузный початок'.

Непреодолимые трудности фонетического и семантического характера создает сближение словен. *oščę́vati* 'колебаться, медлить' с продолжениями слав. **o(b)-ščędati* < **skend-*.

otînek 'тлеющие угли' прямо соотносится с гл. **tęti*, *tьnǫ* 'резать'. Словарь не отмечает ближайшие соответствия для словен. *otînek*, а именно — словен. и с.-хорв. *tinjati* 'слабо гореть', с.-хорв. *tinjac* = словен. *tînjec* 'слюда', с.-хорв. *stinjati* 'тлеть (об огне)' (Skok III, 472).

Нельзя не отметить и некоторые противоречия в истолковании слов. Так, *krapoti* 'парша, чесотка' на с. 82 производится от **korp-*, а на с. 101 (см. *kȓp*) сближается с **krъpъ(kъ)* (ср. рус. *кропкий*). Прил. *lis* 'надоедливый, ленивый' на с. 143 сравнивается с лтш. *laiks* и возводится к и.-е. **lēid-*, а в статье на *lísiti se* (с. 144) соотносится с *lis* 'лиса', что представляется более правдоподобным.

Из приведенного материала видно, что автор во многих случаях прямо проецирует словенские лексемы на плоскость индоевропейского языка и реконструирует для них индоевропейскую праформу, оставляя, таким образом, нереализованными возможности внутренней реконструкции на разных уровнях: на уровне собственно словенского языка, на уровне сравнительно-сопоставительного изучения славянской лексики и далее на уровне праславянского языка. Вместе с тем словарь сочетает в себе традиционный подход к этимологии с идеями и принципами новейших этимологических исследований с их первостепенным вниманием к цельнолексемным соответствиям, истории словообразования, иерархии значений.

Опубликованные два тома «Этимологического словаря словенского языка» — итог многолетней, напряженной работы известного слависта Ф. Безлая. Этимологические исследования словенской лексики, несомненно, обогащают общую славянскую этимологию. И можно только пожелать Ф. Безлаю успешного завершения огромного предприятия, каким является первый в истории славистики «Этимологический словарь словенского языка».

Л. В. Куркина

Примечания

1 *Куркина Л. В.* Рец.: *F. Bezlaj.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga. *A—J.* Ljubljana, 1976. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, 166—172.

2 *Bezlaj F.* Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — Linguistica, VIII/1, 1966—1968, 63—81.

3 *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1975. М., 1977, 136—140.

4 *Куркина Л. В.* Славянские этимологии. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1982. М., 1984.

5 *Мартынов В. В.* Рец.: *Ю. В. Откупщиков.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 250—251.

В. Т. Коломиец. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.

Этимологическое исследование ихтиологической номенклатуры представляет значительные трудности. Это огромный материал, причем следует принимать во внимание, что степень владения этим материалом носителями языка очень невелика. Необходимо учитывать сложность и изменчивость ареалов распространения рыб, а с ними и их названий. Исследователь ихтиологической номенклатуры должен быть хорошо знаком и с экстралингвистическими данными. Что касается этимологической стороны проблемы, то нужно констатировать тот факт, что абсолютное большинство названий самых ценных и распространенных видов рыб не имеет этимологии или же этимологическое решение представляется исключительно трудным.

Автор монографии блестяще преодолел все эти трудности. Он сумел обработать огромный лингвистический материал, применив правильную методику исследования, проведя первоначальный анализ прозрачных наименований для установления основных принципов номинации. Автор демонстрирует прекрасное владение экстралингвистическими данными. Он приводит тщательную аргументацию при переносе названия с одного вида рыбы на другой. В. Т. Коломиец предлагает целый ряд новых этимологических решений, привлекает дополнительные данные относительно старых этимологий. В конце работы делаются капитальные выводы, вытекающие из проведенного анализа.

Книга состоит из предисловия и двух больших разделов. В первом разделе рассматриваются этимологически прозрачные названия рыб в славянских языках. Эти наименования разбиты на группы по принципу номинации.

1. Названия рыб по особенностям строения тела типа *острец*, *площица*, *вобла* и др.;
2. Названия рыб по окраске такие, как *бель*, *синец*, *пеструшка* и др.
3. Названия рыб по физиологическим особенностям (по характерным движениям, по способности нанести укол, по издаваемым звукам).
4. Названия рыб по вкусовым свойствам типа *горчак*.
5. Названия рыб по месту или среде обитания (*пескарь*, *ольшанка*, *быстрянка* и др.).
6. Названия рыб по времени нереста.
7. Названия рыб, производные от этнонимов.

В шестом разделе предложена оригинальная этимология слова *клень* от слова *клен*, рыба нерестится во время цветения клена.

Вторая часть книги посвящена этимологическому анализу непрозрачных названий рыб в славянских языках. Это следующие наименования: *вырезуб*, *лещ*, *окунь*, *плотва*, *болень*, *чехонь*, *ерш*, *линь*, *мень*, *густера*, *уклейка*, *угорь*, *щука*, *осетр*, *язь*, *елец*, *колбь*, *лосось*, *сом*, *карп* (*сазан*, *шаран*), *судак*, *сиг*, *марена*, *карась*. Всего двадцать четыре этимологических этюда. Этюды построены по одному принципу. Сначала даются все варианты наименования рыбы по всем славянским языкам, затем проводится анализ этих наименований с точки зрения исконности, устанавливается первоначальный ареал данного слова. Затем приводятся все известные этимологии слова. Литература подобрана очень тщательно. Потом, опираясь на реальные особенности рыбы, на географические данные, на показания лингвистические, автор принимает или отвергает ту или иную гипотезу, или предлагает свою.

В книге имеется целый ряд оригинальных этимологий. Слово *плотва* производится от глагола *плыть*, как первоначальное название мальков; *чехонь* — от несохранившегося праславянского *čехоnь* 'косарь, колун' (по внешнему сходству), последнее от **čexati* 'бить', *вырезуб* < *verozǫbъ* — от корня **ver-* 'изогнутый'.

Для слова *щука* автор принимает этимологию Г. А. Ильинского, возводящего слово к корню **skeu-k-*, **skeu-p-* 'резать, колоть'.

Значительная часть названий рыб является заимствованной из известных и неизвестных источников.

В своих этимологических выводах автор достаточно осторожен и в то же время старается объяснить все факты.

В результате анализа общеславянских названий рыб автор приходит к очень существенным этно-лингвистическим выводам. Он говорит о прародине славян, помещая ее на территории между верховьем Западного Буга и средним течением Днепра (с. 126—127).

В качестве приложения к книге дается этимология этнонима *čехъ. Автор очень детально разбирает все предлагавшиеся до сих пор этимологии слова *čехъ, соглашаясь с идеей, высказанной И. Первольфом, Я. Сутнаром и О. Н. Трубачевым о происхождении слова *čехъ от глагольной основы *čех-ati 'бить'.

Опираясь на словообразовательный и семантический анализ слова *čехоnь, автор делает вывод, что оно образовано с суф. *-onь* от несохранившегося существительного **čехъ 'секач, колун'. Ихтиологическое название имело значение 'похожий на секач, колун, имеющий вид секача'; «антропоним *čехъ происходит не от названия оружия, а подобно этнониму с тем же значением от названия деятеля» (с. 152). «Слово čехъ в значении 'рубака, боец' следует реконструировать не только для проточешских говоров, но и для говоров, легших в основу словенского языка. Впоследствии свойственное этому слову издавна значение 'боец' в словенском языке изменилось в значение 'парень' подобно тому, как в укр. *козак* на основании значения 'воин' возникло значение 'юноша' (с. 153).

В заключение хочется сказать, что работы такого рода, анализирующие детально определенную группу праславянской лексики, исключительно полезны. Они дают богатейший материал для этимологических словарей. Важны они для ответа на кардинальный вопрос о прародине славян.

Методологически очень интересны описанные автором вторичные связи деэтимологизированной основы: *линь* < *slei- 'слизь' вторично с *lin'ati, *плотва* < *plъt- 'плыть', вторично с основой *plosk-.

Замечания касаются частностей. В этюде, посвященном слову *щука*, вероятно, следовало бы более детально объяснить такие несвойственные славянским языкам отношения, как *щука — щурёнок* 'детеныш щуки, молодая щука'. В этюде о слове *плотва*, может быть, следовало бы обосновать возможность наименования рыбьих мальков, как 'то, что плавает', обычно мальки называются по своему размеру, ср. *малек*, *моль*, *мелузь* и др.

В. А. Меркулова

Р. Бернар. Българистични изследвания. София, 1982, 569 с.

Болгарская Академия наук опубликовала сборник трудов известного французского ученого Р. Бернара, посвятившего более полувека своей научной деятельности изучению болгарского языка и истории болгарской литературы. Сборник открывается указом и постановлением Государственного совета НРБ от 1979 г. о присвоении Р. Бернару почетного звания Лауреат Международной премии «Братья Кирилл и Мефодий» за выдающиеся заслуги в развитии болгаристики и славистики, в деле изучения и популяризации наследия основоположников славянской письменности. Высокая оценка деятельности французского ученого дана Т. Живковым при вручении высокой награды. Речь Т. Живкова и ответное слово Р. Бернара приведены в начале книги. В небольшом очерке, написанном Б. Тилковым, отмечаются основные вехи жизненного и творческого пути Р. Бернара, дается характеристика основных направлений его научной деятельности. Библиография трудов Р. Бернара за период 1946—1980 гг. достаточно полно отражает широту и многообразие научных интересов ученого.

Настоящая книга содержит, как сказано в предисловии, только часть работ Р. Бернара, опубликованных в разное время в различных и нередко труднодоступных изданиях. Собранные воедино, эти работы позволяют судить об особенностях научного подхода Р. Бернара, об основных темах, разрабатываемых им в последние двадцать лет и о тех результатах и достижениях, которые непосредственно связаны с именем французского ученого. В соответствии с направлениями научной деятельности Р. Бернара в книге выделены следующие четыре раздела: I Фонетика и акцентология, II Грамматика, III Этимология и лексикология, IV Литература.

Особое место в творчестве Р. Бернара занимают проблемы болгарской этимологии и лексикологии. Этот факт находит отражение и в структуре сборника: на долю третьего раздела приходится примерно половина общего объема книги. С 1962 г. Р. Бернар является постоянным членом и консультантом в коллективе, работающим над «Болгарским этимологическим словарем». Перу Р. Бернара принадлежит немало интересных, оригинальных этимологий, которые прочно вошли в практику этимологических исследований славянских языков. Р. Бернар, блестящий знаток болгарского языка и его диалектов, одним из первых сделал предметом всестороннего этимологического изучения лексику болгарских диалектов. Редкие диалектизмы, архаичные лексемы, слабо засвидетельствованные или вообще не имеющие продолжений в современном болгарском языке, оцениваются в его работах в плане отражения общеславянского наследия и наследия древнеболгарского языка. В своих исследованиях Р. Бернар в первую очередь учитывает генетические и семантические отношения слов на почве собственно болгарского языка. При этом Р. Бернара отличает умение выделить слово, интересное своей семантикой, связями с лексикой древнеболгарского языка и шире — славянских языков. Слова с затемненной внутренней формой или с необычной, неожиданной семантикой исследуются в самых разных аспектах: и в плане внутриболгарского развития, и на широком общеславянском фоне, и в контексте культурно-исторических условий развития болгарского языка. Другая важная особенность научного метода Р. Бернара состоит в том, что в его этимологических исследованиях решающее значение придается семантическому критерию. Опираясь на богатство и разнообразие семантики, представляемой болгарскими диалектами, Р. Бернар идет к установлению этимологического тождества через реконструкцию опорного, исходного значения и основных звеньев семантической эволюции изучаемых слов. Благодаря расширению семантической базы исследования получают убедительное этимологическое истолкование многие слова в работах Бернара и среди них *гужва* 'согнутый прут' (с. 237—239), *буга* 'болотистое место' (с. 254), *засмàдувам* 'укорять' (с. 265—267), *скули* 'нарывы' (с. 271) и т. д. В ряде случаев семантика слова, исследованная во всей полноте ее проявлений по болгарским диалектам, проливает свет на значение соответствующей лексемы древнеболгарского языка. Так, именно семантическое обоснование этимологии болг. диал. *слѐкав*, *слѐкна* 'умереть, околеть' из слав. **lęk-* 'гнуть, сгибать' (с. 250) позволяет более определенно судить о значении и происхождении ц.-слав. сълѧкнѫти, которое в словаре Миклошича определяется как сомнительное. Семантический критерий используется для разграничения омонимов, как в случае *гушка* 'намотанная на цев толстая пряжа' < *gǫžьka, и *гуша се* 'прижиматься' с широкими связями в балканских языках (с. 237—239). При обосновании семантической реконструкции Р. Бернар часто опирается на однотипные семантические структуры, которые он находит не только в болгарских диалектах, но и широко — в славянских и индоевропейских языках. Так, этимологически прозрачное *въжи се* 'тянуться, проходить длинный ряд', производное от *въже* (ср. др.-болг. ѫже 'funiculus') интересно с точки зрения Р. Бернара тем, что отражает довольно продуктивную семантическую модель, которая определяет отношения болг. *връв* 'веревка' и *вървя* 'идти', 'вдевать, нанизывать', *корда* 'струна' (<греч.) и *кòрдя се* 'ставить в ряд' и т. п. Р. Бернар рассматривает исследуемое слово в ряду синонимически близких однокоренных образований, которые с разных сторон уточняют и расширяют представление о семантической эволюции исходной для них основы. Так, в интересном этимологическом этюде, посвященном болг. диал. (Разлог) *дърлям* в необычном значении 'истощать', Р. Бернар убедительно показывает, что это слово этимологически тождественно *дърля се* 'ругать' (с. 239—241). Восстанавливая общее исходное значение 'рвать', он связывает эти образования со слав. *derǫ*, *dьrati*. С этим глаголом соотносятся еще два образования, отмеченные в диалекте Разлог: *дъртаф* 'слабый (о человеке и животном)' и *дрѣгла* 'женщина легкого поведения'. Р. Бернар, верно намечая общие этимологические истоки для этих слов, упускает из виду, что болг. *дърлям*, *дъртаф* и *дрѣгла* отражают древние основы с разными расширителями *-l*, *-t*, *-g*; эти основы уже в эпоху раннего праславянского выступали как самостоятельные лексико-семантические единицы с разными соответствиями в индоевропейских языках. Ср. болг. *дърля се* и лит. *nu-dìrlioti* 'сдирать кожу', слав. **dьrtь* и др.-инд. *dṛ́ti-* 'мех, бурдюк', слав.

dъrgati и лит. *dirginti* 'раздражать, возбуждать', др.-англ. *tergan* 'дергать' (ЭССЯ 5, 223, 221, 227). К указанному гнезду слов Р. Бернар относит и словен. *zdraha* 'ссора', *zdrahati* 'растрепать', но словенское слово, как показывают последние исследования, имеет, видимо, другую структуру и представляет собой сочетания основы *drap-* с показателем интенсива *-s* (ЭССЯ 5, 102).

Среди работ на этимологические темы находим в настоящей книге небольшие заметки, статьи, посвященные изучению определенных групп лексики, исследования словаря одного из архаичных диалектов области Разлог. Р. Бернар вводит в этимологические исследования много архаичных слов, засвидетельствованных только болгарскими диалектами. Ср. *плѐ*[а]*ше* 'чистить птицу', *пашник* 'маленький язычок' (с. 246—247), *пъргa* 'зрелое зерно' (с. 270), *свояк* 'вид червяка' (с. 340), *смуга* 'дорога по полю' (с. 341), *нишам* 'трясти' (с. 267), *кръкнуeам* 'нести на плечах' (с. 241) и т. д.

В ходе исследования выявляются весьма выразительные древние болгарско-русские изоглоссы. Ср. болг. *жубѐркам* 'слегка давить' и рус. диал. *жуборить* и *жубреть* (с. 264—265), болг. *буга* 'болотистое место' и рус. диал. *буга* то же (с. 254); болг. *гавре* 'мазать' и рус. диал. *гаврить* то же и т. п.

Значительная часть болгарского словаря сложилась под влиянием соседних балканских языков. Специальные работы посвящены изучению заимствований из греческого, румынского, турецкого. Вместе с тем для исконно славянской лексики прослеживаются продолжения в языках балканского ареала (ср. «Несколько слов греческого происхождения в болгарских диалектах»; «Четыре болгарских слова румынского происхождения»; «Семь балканских слов турецкого происхождения» и т. п.).

Большой интерес представляет статья «Болгарское *коледа*, провансальское *calendo*», впервые опубликованная в юбилейном сборнике в честь академика Вл. Георгиева [1]. В широком культурно-историческом контексте с учетом фольклора и обычаев славянских и романских народов автор исследует семантику слова *коледа*, пути миграции этого слова, связь его с языческими обрядами.

И хотя многие из этимологий, которые представлены в этой книге (ср. *чопòрест*, *у*(*х*)*лùбка*, *гавре*) с учетом новых данных пересмотрены в новейших работах (ср. ЭССЯ), тем не менее этимологические исследования Р. Бернара сохраняют непреходящую ценность как образец тонкого лингвистического анализа и как надежный источни фактического материала.

Л. В. Куркина

Примечания

1 *Куркина Л. В.* Рец.: Езиковедски проучвания. В чест на академик Владимир Георгиев. По случай седемдесят години от рождението му. София, 1980. — В кн.: Этимология. 1981. М., 1983, с. 166—167.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958—1979 —. Т. I—III—.

Барсов — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872—1882, т. I, II.

БД — Българска диалектология. С., 1962—1981 —. Т. I—X—.

БЕР — Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. С., 1962—1982—. Св. I—XIX—.

Богораз — *Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, 1901, т. 68, № 4.

БТР — *Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст. и др.* Български тълковен речник. С., 1955.

Булич — *Булич С. К.* Материалы для русского словаря. — Изв. ОРЯС, СПб., 1896, т. I, кн. 1.

Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря. СПб., 1843. Т. I, II.

Бычков — Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии, извлеченные А. Ф. Бычковым. . . — Сб. ОРЯС, 1872, т. 8.

Бялькевіч — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Варшавский словарь — *Karłowicz I., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. W-wa etc., 1904—1927 (1952—1953). Т. I—VIII.

Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Веселовский. Ономастикон. — *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Востоков — *Востоков А. Х.* Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858—1861. Т. I, II.

Геров — *Геровъ Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. Пловдивъ, 1895—1904 (С., 1975—1978). Т. I—V; *Панчевъ Т.* Допълнение на блъгарские рѣчникъ отъ Н. Геровъ. Пловдивъ, 1908 (С., 1978). Т. VI.

Гринченко — *Гринченко В. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907—1909. Т. I—IV.

Даль² — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1880—1882 (1955). Т. I—IV.

Даль³ — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. М., 1903—1909. Т. I—IV.

Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора: (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

Диттель — *Диттель.* Сборник рязанских областных слов. — ЖСт, год восьмой, СПб., 1898.

Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Донск. словарь — Словарь русских донских говоров / Авторы-сост. З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др. Ростов н/Д., 1975—1976. Т. I—III.

Дополнение к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1868.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. кол. О. С. Мельничук (гл. ред.), І. К. Білодід и др. Київ, 1982—. Т. 1—.

Жывое слова — Жывое слова/Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, І. Я. Яшкін. Мінск, 1978.

Иванова. Подмоск. — *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

И-С — *Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М.* Македонско-русский словарь. М., 1963.

Калининск. словарь — *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

Картотека БАС — Картотека Словаря современного русского литературного языка (Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания АН СССР).

Картотека ДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (Ин-т рус. яз. АН СССР, М.).

Картотека СДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Ин-т рус. яз. АН СССР, М.).
Картотека Словаря XVIII в. — Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания АН СССР).
Картотека СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания АН СССР)
Касьпяровіч — *Касьпяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік (матер'ялы) / Под рэд. М. Я. Байкова ї праф. Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск, 1927.
Климов — *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
Конески — *Конески Б.* Речник на македоскиот јазик со српскохорватски толкувања. Скопје, 1961. Т. I; 1965. Т. II; 1966. Т. III.
Красноярский словарь — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лисенко — *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.
Мельниченко — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Младенов — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. С., 1941.
Мордов. словарь — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Сост. Э. С. Большакова, Н. П. Кудряшова, Т. В. Михалева и др. Саранск. *А—Г*, 1978; *Д—И*, 1980; *К—Л*, 1982.
Народная словацворчасць — Народная словатворчасць / Рэд. Л. А. Крывіцкі, І. Я. Яшкін. Мінск, 1979.
Никончук — *Никончук М. В.* Матеріали до Лексичного атласу української мови: (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
Новосиб. словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.
Носович — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Паламарчук — *Паламарчук Л. С.* Словник специфичної лексики говіркі с. Мусіївки (Вчорайшеньского району Житомирської области). — Лексикографічний бюл., Київ, 1958, вып. VI.
Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. I, II; окончание — в кн.: Труды ИРЯ, М., 1949, т. I.
Псков. словарь — Псковский областной словарь. Л., 1967—1983 — . Вып. 1—5—.
Радлов — *Радлов В. О.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1983—1911. Т. I—IV.
Расторгуев Сев.-бел. — *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.
Речник РОДД — Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век / Съст. Ст. Илчев, А. Иванова, А. Димова и М. Палова; Под ред. на Ст. Илчев. С., 1974.
PCA — Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Београд, 1959—1973. Књ. I—VIII.
САР [1] — Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794. Ч. I—VI.
Словарь Оби — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964, 1965, 1967. Т. 1, 2, 3. Доп.: 1, 2 ч. — 1975, 1976.
Слоўн. паўн.-заход. Беларусі — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979—1982—. Т. 1—3—.
СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (1—6), Ф. П. Филин (7—10). М., 1975—1983—. Т. 1—10—.
Сл. Сред. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1981—.Т. 1—3—.
Соликам. Словарь — *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1903. Т. I—III.

СРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, М.; Л., 1950—1965. Т. 1—17.
Сцяшковіч — *Сцяшковиіч Г. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Толстой[3] — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. 3-е изд. М., 1970.
Топоров. Прус. яз. — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. М., 1975—1980.
Тупиков — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Тураўскі слоўнік — Тураўскі слоўнік / Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982—. Т. 1—2—.
Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1939. Т. I—IV.
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. I—IV.
Филин — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л., 1966—1983—.Вып. 1—19—.
Чучка — *Чучка П. П.* Українські говірки околиці Ужгорода (Фонетика і морфологія): Дис. . . канд. филол. наук (рукопись). Ужгород, 1958.
Шипова — *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
Элиасов — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1984—. Вып. 1—10—.
Юрчанка. Нар. вытвор. сл. — *Юрчанка Г. Ф.* Народнае вытворнае слова: З гаворкі Мсціслаўшчыны. А—Л. Мінск, 1981.
Янкоўскі II — *Янкоўскі Ф.* Дыялектны слоўнік. Мінск, 1960. Вып. II.
AGWB — Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyny / Red. St. Glinka. Wrocław etc., 1980—. T. 1—.
Bartholomae — Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.
Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913. *A—morъ.*
Bezlaj — *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976—1982—. T. I—II—.
Bezlaj. Eseji. — *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Boisacq — *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907.
Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (1970).
Buck — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949 (1965; 1971).
Du Cange. Gloss. graec. — Du Cange Ch. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688.
Ernout—Meillet[3] — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymoloque de la langue latine. 3 éd. P., 1951. T. I—II.
Falk—Torp[2] — *Falk H., Torp A.* Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Heidelberg, 1960. Bd. I—II.
Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Cöttingen, 1955—1965. Lfg. 1—18.
Friedrich — *Friedrich I.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954. Bd. I—IV.
Frisk — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954—1972. Bd. I—III.
Gebauer — *Gebauer J.* Slovník staročeský. Pr., 1903—1916. Díl. I—II.
Grassman H. — *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Unveränd. Aufl. Wiesbaden, 1955.
Grimm — *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1971. Bd. 1—16.
Holub—Kopečný — *Holub J., Kopečný F.* Etimologický slovník jazyka českého. Pr., 1952.

Hraste—Šimunović — Čakavisch-deutsches Lexikon. Von M. Hraste und P. Šimunović Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Köln; Wien, 1979 — .Teil. 1 — .
Chantraine — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. P., 1968, T. 1, 2.
Jungmann — *Jungmann J.* Slovník česko-německý. Pr., 1835—1839. Díl. I—V.
Kálal — *Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
Kluge—Mitzka [21] — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20 Aufl. / Bearb. von W. Mitzka. 21. unveränd. Aufl. B., 1975.
Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník. Pr., 1878—1893. Díl. I—VII.
Linde — *Linde S.* Słownik języka polskiego. Lwów, 1854—1860. T. I—VI.
LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941—1976. T. I—II / Red. L. Balčikonis; T. III—X / Red. kol. I. Kruopas, J. Kabelka, J. Ulvydas atsak red.
Lorentz. Pomor. — *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. B., 1958—1975. Bd. I—IV.
Lorentz. Sl. Wb. — *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch. St. Pb., 1908. Bd. I; 1912, Bd. II.
Machek [1] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.
Machek [2] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého: Druhé, opravené a doplněné vydání. Pr., 1968; 1971.
Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. Heidelberg, 1953—1980—. Lfg. 1—31—.
Meyer — *Meyer* G. Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Straßburg, 1891.
Miklosich — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP — *Miklosich F.* Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Mūlenbachs—Endzelīns — *Mūlenbachs K.* Latviešu valodas vārdnīca / Red. J. Endzelīns. Rīgā, 1823—1832. Sēj. I—XLV.
Muka — *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Пг., 1921. Вып. I; Pr., 1928. Вып. II.
Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894—1895 (1974). Кнј. I, II.
Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959. Bd. I—II.
PSJČ — Příruční slovník jazyka českého. Pr., 1935—1957. Díl. I—IX.
RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880—1976. Sv. I—XXXIII.
Russ. geogr. Namenbuch. — Russisches geographisches Namenbuch / Hrsg. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1962—1980—. Bd. I—X—. (Begründet von M. Vasmer. Hrsg. von H. Bräuer. Bd. II—X).
Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971—1974. Кнј. I—IV.
Sławski — *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1953—1982—. T. I—V.
Sł. gw. p. — Słownik gwar polskich / Pod kierunkiem M. Karasia. Wrocław etc., 1982—. T. I—.
Słownik prasłowiański — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974—1980—. T. 1—4—.
SSJ — Slovník slovenského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar. Br., 1959—1968. Diel. I—VI.
Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1967—1976. T. I—VII.
Sychta. Słown. kociewskie — *Sychta B.* Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1980—1982—. T. I—II—.
Trautmann — *Trautmann R.* Baltisch-slavische Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Языки и диалекты

авар.	аварский
авест.	авестийский
аджар.	аджарский
азерб.	азербайджанский
аккад.	аккадский
алб.	албанский
алт.	алтайский
амур.	амурский
англ.	английский
англо-сакс.	англосаксонский
андийск.	андийский
араб.	арабский
арав.	аравийский
арийск.	арийский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
арчин.	арчинский
астрах.	астраханский
афг.	афганский
балт.	балтийский
банат.	банатский
баш.	башкирский
бежт.	бежтинский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
ботевград.	ботевградский
брет.	бретонский
буков.	буковинский
валл.	валлийский
валаш.	валашский
в.-бал.	верхнебальский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
вост.-туркм.	восточнотуркменский
вост.-тюрк.	восточнотюркский
врач.	врачанский
гагауз.	гагаузский
ганац.	ганацкий
гег.	гегский
герм.	германский
гинух.	гинухский
голл.	голландский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунзиб.	гунзибский
гурийск.	гурийский
дарг.	даргинский
дат.	датский
джаг.	джагатайский
дигор.	дигорский
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-арм.	древнеармянский
др.-болг.	древнеболгарский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-герм.	древнегерманский
др.-груз.	древнегрузинский
др.-евр.	древнееврейский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-норв.	древненорвежский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-фриз.	древнефризский
др.-швед.	древнешведский
егип.	египетский
жемайт.	жемайтский
житом.	житомирский
забайкал.	забайкальский
закарп.	закарпатский
занск.	занский
и.-е.	индоевропейский
ингуш.	ингушский
иран.	иранский
иркут.	иркутский
ирл.	ирландский
ирон.	иронский
исп.	испанский
итал.	итальянский
ишкашим.	ишкашимский
казан.	казанский
казан.-татар.	казанско-татарский
казах.	казахский
калин.	калининский
караим.	караимский
каракалп.	каракалпакский
карп.	карпатский
картв.	картвельский
картл.	картлийский
кашуб.	кашубский
кимр.	кимрский
кирг.	киргизский
киров.	кировский
кист.	кистинский
колым.	колымский
костр.	костромской
костур.	костурский
кочев.	кочевский
крыз.	крызский
крым.-татар.	крымско-татарский
куман.	куманский
куманд.	кумандинский
кумык.	кумыкский
кург.	курганский
курд.	курдский
курск.	курский
кыпч.	кыпчакский
лазск.	лазский
лат.	латинский
лашх.	лашхский
лезг.	лезгинский
лемк.	лемковский

лент.	лентехский
лик.	ликийский
липец.	липецкий
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
ляш.	ляшский
макед.	македонский
мегр.	мегрельский
мил.	милийский
мирг.	миргородский
молд.	молдавский
морав.	моравский
моск.	московский
мтиульск.	мтиульский
н.-бал.	нижнебальский
неврокоп.	неврокопский
нем.	немецкий
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-нем.	нижненемецкий
нов.-в.-нем.	нововерхненемецкий
новгор.	новгородский
новосиб.	новосибирский
новоуйгур.	новоуйгурский
норв.	норвежский
общегерм.	общегерманский
о.-вост.-кавк.	общевосточнокавказ-ский
о.-даг.	общедагестанский
одесск.	одесский
олон.	олонецкий
осет.	осетинский
осташ.	осташковский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
полесск.	полесский
полтав.	полтавский
польск.	польский
праалб.	праалбанский
прагерм.	прагерманский
праслав.	праславянский
прус.	прусский
псков.	псковский
рачин.	рачинский
родоп.	родопский
рум.	румынский
рус.	русский
рус.-цслав.	русский-церковносла-вянский
рутул.	рутульский
ряз.	рязанский
самар.	самарский
сарат.	саратовский
сван.	сванский
сев.-байкал.	севернобайкальский
сев.-двин.	северодвинский
серб.	сербский
семипал.	семипалатинский

сиб.	сибирский
слав.	славянский
словац.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
ср.-англ.	среднеанглийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-лат.	среднелатинский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-обск.	среднеобский
ст.-блр.	старобелорусский
ст.-польск.	старопольский
страндж.	странджанский
ст.-рус.	старорусский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-франц.	старофранцузский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
табас.	табасаранский
тамб.	тамбовский
таранч.	таранчинский
татар.	татарский
твер.	тверской
телеут.	телеутский
том.	томский
тоск.	тосканский
тох.	тохарский
тульск.	тульский
тур.	турецкий
тюрк.	тюркский
узб.	узбекский
укр.	украинский
урал.	уральский
франц.	французский
харьк.	харьковский
хатт.	хаттский
хварш.	хваршинский
хевсур.	хевсурский
хетт.	хеттский
х.-сакс.	хотаносакский
цахур.	цахурский
цез.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
чагат.	чагатайский
чакав.	чакавский
чан.	чанский
череп.	череповецкий
черниг.	черниговский
чечен.	чеченский
чеш.	чешский
шадр.	шадринский
швед.	шведский
шорск.	шорский
ю.-слав.	южнославянский
ю.-чеш.	южночешский
язгул.	язгулямский
ярослав.	ярославский

«ЭТИМОЛОГИЯ» 1963—1984 гг.
(Указатель статей и рецензий)

В предлагаемый Указатель вошли статьи и рецензии, напечатанные в ежегоднике «Этимология» с 1963 по 1984 год. Указатель сохраняет разделы «Этимологии»: 1. Статьи; 2. Рецензии.

Указатель статей расположен в алфавитном порядке фамилий авторов; указатель рецензий — в алфавитном порядке фамилий авторов рецензируемых изданий. При этом авторы рецензий названы в скобках после названия рецензируемых изданий курсивом.

Слово «Этимология» сокращено — Э. Далее следует год, который входит в название ежегодника. После этого в скобках дан год выхода его в свет. Следующие цифры означают страницы.

Поскольку в названии первого выпуска «Этимологии» года не было, при указании на него проставлен только год выпуска в скобках.

I. Статьи

Абаев В. И. Из истории слов (русское и украинское *лудан*). — Э. (1963), 116—119.

Абаев В. И. К этимологии древнеперсидских имен *Kuruš*, *Ka^{m}bujiya*, Čišpiš. — Э. 1965 (1967), 286—295.

Абаев В. И. Из истории слов. К скифо-европейским лексическим связям (осет. *adæg* 'борона'; осет. *fætk'u* 'яблоко'; *таскать* — отыменный глагол?; русск. (диал.) *аланец* 'непоседа'; русск. (диал.) *варзать* 'сделать плохо'). — Э. 1966 (1968), 241—246.

Абаев В. И. О перекрестных изоглоссах. — Э. 1966 (1968), 247—263.

Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном. — Э. 1970 (1972), 322—332.

Абдуллаев И. Х. К истории названий пророка в дагестанских языках. — Э. 1970 (1972), 339—348.

Аникин А. Е. О праслав. **pelz-/*polz-/*pъlz*. — Э.1980 (1982), 41—49.

Аникин А. Е. Об и.-е. *pl̥g'h(ē)*. — Э. 1981 (1983), 131—140.

Аникин А. Е. К семантическому анализу некоторых славянских слов (Праслав. диал. (вост.-слав.) *(*vy*)*solpiti* (*ęzykъ*) 'высунуть язык' и др.; К генетическим связям блр. *ружа* 'суша'). — Э. 1982 (1984), 65—82.

Арапов М. В. К этимологии слова *офеня*. — Э. 1964 (1965), 120—126.

Белецкий А. А. Греческие элементы в географических названиях Крыма. — Э. 1967 (1969), 201—214.

Бондалетов В. Д. Греческие заимствования в русском, украинском, белорусском и польском арго (К проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков). — Э. 1980 (1982) 64—79.

Ван Виндекенс А. О некоторых необъясненных тохарских словах (1. B *akartte*; 2. B *aṅkāre*; 3. B *kapyāre*; 4. B *kär-*, B *kare*, *käre-*; 5. B *leswi*; 6. A *ortum* и т. п.; 7. *B raiwe*; 8. B *sār(r)i*). — Э. 1972 (1974), 141—147.

Варбот Ж. Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях. — Э. (1963), 194—212.

Варбот Ж. Ж. Слав. **vad-* ʽприучать; привычка, приучение'. — Э. (1963), 213—216.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (лав. **naglъjь*, **naprasьnъjь*, **pakostь*, **lězo*, **lězivo*). — Э. 1964 (1965), 27—43.

Варбот Ж. Ж. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка). — Э. 1965 (1967), 82—122.

Варбот Ж. Ж. Морфонологический анализ древнерусских корневых имен существительных, соотносительных с глаголами. — Э. 1965 (1967), 123—139.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (чеш. *perš(a)*, *tropiti*). — Э. 1966 (1968), 103—104.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (укр. *кочубей*, русс. *настырный*, *измываться*). — Э. 1968 (1971), 68—78.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. — Э. 1970 (1972) 55—64.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (слав. **koristь*; слав. *(*s*)*kręga*; русск. диал. *намóкнуть* ʽприучиться'; русск. *дроля*; русск. *-нáчить*). — Э. 1970 (1972), 65—84.

Варбот. Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I (**ščebati*; **storčiti* и **potorča*; **šarъpati*; **čьrsnǫti*, *čьrxati*/**čьrsati*; *prъtiti* и *prytь*; **mъxnǫti*, **mušiti*; **tьrxati*, **toršiti*; **o(b)tonъ*; **o(b)tara*; **pěšьjь* II). — Э. 1971 (1973), 3—19.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II (**slęnǫti*; **ratiti*; **ridati*; **ǫlajь*; **prilyka*, **lykadlo*, **lykati*; **zakъlo* и **nakъlo*; **zaǫkъ*; **zaromъ*, **děd(ъk)ъ*; **koporul'a*). — Э. 1972 (1974), 42—59.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III (**ročiti*; **tьrbati*; *(*s*)*koměti* и *(*s*)*koměz-*; **lojiti* I и II; *(*za*)*noviti* (sę) и *zanovetь*). — Э. 1973 (1975), 23—33.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV (**tipati*; **piščati* II и **piščalь* II; **vьrati* и **varati*; **sokorъ* и **sočiti* III). — Э. 1974 (1976), 32—43.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V (**pručiti* и *prǫčь*; **sьrtati*; **ružiti*, **ružъ* и *rǫžь*; **sojiti*; *(*sъ*)*klenь* и *(*sъ*)*klenъ*. -- Э. 1975 (1977), 29—41.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI (**vъrkočь*,

*_vъrčati_, *_vъlkati_/*_vьrkati_ и *_vъrka_/*_vьrca_; *_piskъ_/*_piska_; *_ščeka_, *_gološčekъ_/*_gološčeka_ и *_čekati_, *_čeka_). — Э. 1976 (1978), 31—42.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII (*_pъrkati_(_sę_), *_pъrpati_ и *(_po_)_parъ_/*_para_; *_ščigati_, *_ščьgnǫti_, *_ščigolь_(_je_). — Э. 1977 (1979), 21—32.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII (*_vъrdati_; *_sęčati_; *_plęgti_; *_kužati_ и *_kuža_; *_mъrx_/*_mьrx_ и *_myrěti_; *_plixati_). — Э. 1978 (1980), 19—31.

Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии (*_opoka_; *_nadovьsь_ и *_nadovьsьnь_; *_žęžel'ь_; *_kobica_, *_zakobenь_ и др.; *_xorošьjь_ и _xorxoriti sę_). — Э. 1979 (1981), 28—42.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IX (*_zoriti_/*_zariti_ II; *_obsogъ_ и *_obsožiti_; *_syknǫti_; *_rъvьnь_ и *_ruja_; *_guzlo_). — Э. 1980 (1982), 30—36.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. X (*(_s_)_kripati_, *_skripъ_ и др.; *_sǫdoma_ и *_sǫdomiti_; *_žьrxъ_). — Э. 1981 (1983), 16—23.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI (*_lybnǫti_; *_těr_(')_ati_; *_tьpati_; *_vьrskati_; *_męsnǫti_). — Э. 1982 (1984), 24—33.

Венедиктов Г. К. К истории болг. _часовник_. — Э. 1966 (1968), 81—89.

Венедиктов Г. К. Об одном аспекте изучения истории лексики современного болгарского литературного языка. — Э. 1982 (1984), 86—100.

Веселитский В. В. История раннего литературного употребления слова _факт_. — Э. 1965 (1967), 177—183.

Веселитский В. В. Ранняя литературная история слов (_положительный_, _отрицательный_). — Э. 1966 (1968), 138—148.

Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля. — Э. 1965 (1967), 267—285.

Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки (_письмоносец_; _светоч_; _почва_; _плюгавый_; _поединок_; _предвзятый_; _предумышленный_; _представитель_; _царедворец_). — Э. (1963), 85—109.

Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки. II (_начитанный_, _начитанность_; _переживание_; _интеллигенция_; _пресловутый_; _истошный_ [голос]; _дотошный_). — Э. 1964 (1965), 104—119.

Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки. III (1. _Закал_, _закалить_ (_закаленый_); 2. _Набожный_, _набожность_; 3. _Перелистывать_ — _перелистать_; 4. _Сосредоточенный_, _сосредоточенность_; 5. _Стрюцкий_) — Э. 1965 (1967), 161—176.

Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки. IV (I. _Кутить_; II. История слова _транжирить_; III. История слова _зависеть_; IV. Возникновение и развитие слова _сословие_). — Э. 1966 (1968), 111—137

Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки. V (I. *Зодчий*; II. *Поползновение*; III. *Стих нашел*; IV. *Отпетый* (человек, дурак и т. п.); V. *Хоть святых вон выноси*). — Э. 1968 (1971), 157—170.

Виноградова О. И., Климов Г. А. Об арменизмах в дагестанских языках. — Э. 1977 (1979), 154—158.

Влахов К. Упче ~ Родопи ~ Μερόπη. — Э. 1976 (1978), 66—72.

Ворт Д. С. О слове *futurama* в международной лексике. — Э. 1966 (1968), 192—193.

Воскресенский М. Л., Королев А. А. О составлении этимологического словаря италийских языков. — Э. 1967 (1969), 276—285.

Гавлова Е. Слав. *gъlьkъ* 'кувшин'. — Э. 1966 (1968), 97—99.

Гавлова Е. Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках. — Э. 1967 (1969), 36—39.

Гиндин Л. А. Из истории названий некоторых культурных растений. — Э. (1963), 52—71.

Гиндин Л. А. Этимология слов: 1. атт. τεῦτλον, ион. σεῦτλον; II. греч. νᾶπυ. — Э. 1964 (1965), 135—141.

Гиндин Л. А. Догреческо-малоазийские лексико-ономастические отношения (**Luk*(*a*)*i*-; **Hastal*(*i*)-). — Э. 1965 (1967), 211—228.

Гиндин Л. А. К методике выявления и стратификации лингвоэтнических слоев на юге Балканского полуострова (по данным древней топонимии). — Э. 1967 (1969), 215—224.

Гиндин Л. А. 'Αττική, 'Αττικός. — Э. 1968 (1971), 215—220.

Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. I. — Э. 1970 (1972), 272—321.

Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период). — Э. 1972 (1974), 148—159.

Гиндин Л. А. Фрако-анатолийская теонимическая основа **Hepta*-. — Э. 1973 (1975), 168—172.

Горячева Т. В. К этимологии выражения *под микитки*. — Э. 1970 (1972), 228—229.

Горячева Т. В. К этимологии русского диалектного *спорыдать*. — Э. 1971 (1973), 205—207.

Горячева Т. В. Материалы к изучению русской народной метеорологической терминологии. — Э. 1972 (1974), 129—135.

Горячева Т. В. К этимологии русск. диал. *стень* 'ледяное сало'. — Э. 1973 (1975), 95—97.

Горячева Т. В. К этимологии русск. диал. *сувéли*. — Э. 1974 (1976), 127—128.

Горячева Т. В. Этимологические заметки (некоторые продолжения праслав. **kъrz*-; русск. диал. *слеть*). — Э. 1976 (1978), 55—63.

Горячева Т. В. Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов (*хумячиться*; *хороветь*; *быша*?; *засполаживать*; *áбодье*?). — Э. 1977 (1979), 102—109.

Горячева Т. В. Этимологические заметки (*пичкать*; *щир*; *рамада*). — Э. 1978 (1980), 107—112.

Горячева Т. В. К этимологии русск. диал. *мотрошить*. — Э. 1979 (1981), 92—97.

Горячева Т. В. Этимологические заметки (*брутуха*; слав. **restiti*; *склидка*; *бáтружье*; *чипóр*; *чи́чмаря*). — Э. 1980 (1982), 103—114.

Горячева Т. В. Этимологические заметки (*молóнить*; *закри́на*; *перевя́ть*; *сертухá*; **sivati*; *лиять*). — Э. 1981 (1983), 66—76.

Горячева Т. В. К этимологии славянских метеорологических терминов (**sьrpnǫti*; **pěžiti*; *забурмáчивать*; рус. диал. *рычóк*, болг. *рич*; болг. *стéма*). — Э. 1982 (1984), 54—61.

Дадашев М. П. К этимологии индоевропейских слов **gel(ə)-do-/to-*, **mazdo*. — Э. 1968 (1971), 220—222.

Дадашев М. П. О некоторых германо-иранских лексических параллелях. — Э. 1975 (1977), 141—147.

Дегтярев В. И. О происхождении слова *люд*. — Э. 1979 (1981), 85—92.

Дегтярев В. И. О происхождении типа имен собирательных на *-ad* в сербохорватском и словенском языках. — Э. 1980 (1982), 79—87.

Дегтярев В. И. О происхождении и первоначальном значении праславянского типа имен собирательных на *-ик*. — Э. 1981 (1983), 50—58.

Денисов И. Г. Уклад 'сталь'. — Э. 1966 (1968), 159—166.

Дерягин В. Я. Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области. — Э. 1966 (1968), 167—188.

Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках. I (русск. *батог* и т. п.). — Э. 1967 (1969), 252—270.

Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках. II (русск. *чаша* и т. п.; русск. *сабля* и т. п.; русск. диал. *шурка* 'овца'). — Э. 1968 (1971), 189—196.

Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках. III (русск. *шапка* и т. п.; русск. *чабак* 'разновидность шапки'). — Э. 1970 (1972), 103—115.

Добродомов И. Г. Этимология и историческая лексикология (к изучению булгарских заимствований в славянских языках). — Э. 1979 (1981), 75—84.

Добродомов И. Г. О надежности топономических этимологий (гидроним *Оврад* на юге Украины). — Э. 1980 (1982), 93—102.

Добродомов И. Г. К этимологии церковнославянского хлѣба (хлѧба). — Э. 1981 (1983), 29—35.

Добродомов И. Г. Три невыявленных тюркизма русского словаря (*тюбяк*, *тюря*, *бандура*). — Э. 1982 (1984), 113—123.

Дукова У. Праслав. **čьrtъ* 'черт, злой дух' / герм. **skrat-* 'лесной дух, черт'. — Э. 1982 (1984), 61—63.

Журавлев А. Ф. К этимологии слав. **vorb-* 'птица Passer, воробей'. — Э. 1978 (1980), 52—58.

Жураелев А. Ф. Этимология русск. диал. *шня*. — Э. 1979 (1981), 98—99.

Журавлев А. Ф. К этимологии слав. **skotъ*. — Э. 1981 (1983), 38—44.

Журавлев А. Ф. Семантика и происхождение слова *обыденный*. — Э. 1981 (1983), 77—83.

Журавлев В. К. О внутренних причинах появления фонетических дублетов. — Э. 1967 (1969), 110—118.

Зализняк А. А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. I. — Э. (1963), 124—160.

Зализняк А. А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. II. — Э. 1964 (1965), 160—235.

Иванов Вяч. Вс. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. — Э. 1967 (1969), 40—56.

Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 1а—2. (1а. Еще раз об этимологии хеттского названия вечнозеленого дерева *ei̯a*; 2. Лувийское *kaši* и ст.-слав. **господь**, лув. *arii̯atali-* и др.-инд. *arí*). — Э. 1971 (1973), 298—306.

Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. **čelověkъ* 'человек'. — Э. 1973 (1975), 17—22.

Иванов Вяч. Вс. Названия слона в языках Евразии. 1—3 (1. Русск. *индрик*, *индер*; 2. Этимология русск. *слон*; 3. Хет. *laḫpa* 'слоновая кость' и греч. ἐλέφας). — Э. 1975 (1977), 148—161.

Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3—8 (3. Хатт. *ḫa-prašš-* 'леопард' как источник хетт. *paršana-* и евразийск. названий барса, тигра; 4. Лик. χθθα из хурр. *kate* 'зерно'; 5. Хетт. *šarpa-* и индоевропейские названия серпа; 6. Хетт. *šamal-w-ant-* 'яблоня' и индоевропейское название яблока; 7. Хетт. *anašša-* 'задний проход', лат. *ānus*; 8. Хетт. *mə(r)məra* 'болото', лит. *mãrės*). — Э. 1976 (1978), 153—162.

Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 9—16 (Лув. *parta/i-* 'сторона': лат. *pars*; 10. Хетт. *ḫappina* 'пламя очага': др.-исл. *ofn* 'очаг': 11. Хетт. *dandukeššar* 'смертные'; 12. Хетт. *ḫurki* 'колесо': тох. А *wärkänt*; 13. Хетт. *karatan dai-* 'вложить внутренность': лат. *crēdō*; 14. Хетт. *peda-* 'принести': прусск. *pīdai*; 15. Лув. *arma-* 'месяц'; 16. Хетт. *aniššan* 'тогда, в то время'). — Э. 1977 (1979), 145—149.

Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 17—19 (17. Хетт. *tuliya-* 'собрание': др.-исл. *þulr* 'произносящий культовую речь'; 18. Хетт. *galgalturi-* 'цимбалы', слав. **golgol-*; 19. Хетт. *šawitar* 'рог': и.-е. **sew-* 'принимать жидкость'). — Э. 1978 (1980), 170—177.

Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 15а, 18а, 19а, 20—24 (15а. Еще к этимологии хетт. *arma-* 'луна' и *irman-* болезнь; 18а. Хетт. *galgal-turi* : др.-инд. *gargara-*; 19а. Хетт. *šau̯itra* 'рог' : др.-инд. *sūtra-kaiṇa*; 20. Месопотам. арийск. *aika-u̯artanna* как архаизм индоевр. древности; 21. Еще о хетт. *ḫardu-*, лув. *ḫartu-* 'потомок' : ст.-слав. родъ; 22. Хетт. *nega-* 'сестра, дочь'; 23. Хетт. *lupanni* 'шапка, диадема' : ст.-слав. лъбъпъ; 24. Хетт. *šaku̯a-* : лув. *tau̯i* 'глаз') — Э. 1979 (1981), 130—138.

Иванов Вяч. Вс. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов (1. Лик. *teteri* 'город': урарт. *patari* 'город': этеокипр. *matori* 'город'; 2. Лув. *kumm-iya-*, лик. *kuma* 'священный': хурр. *Kuma/inni*: урарт. *Qumenu*; 3. Хаттские музыкальные термины в древневосточных языках; 4. Проблема древнего миграционного евразийского термина для 'зерна'; 5. Возможный евразийский миграционный термин для обозначения 'меди', 'кинжала из меди или оловянистой бронзы'; 6. Хетт. *tiyarit* 'колесная повозка': о.-драв. **tera* 'повозка'; 7. Австро-азиатский источник тох. A *oṅkaläm*, B *oṅkolmo* 'слон'). — Э. 1980 (1982), 157—166.

Иванов Вяч. Вс. Хурритские и хаттские этимологии (1. Хурр. *p/wandi* 'правый' : *šapḫali* 'левый'; 2. Хурр. *ti/ella* 'бык'; 3. Хурр. *šawali* 'год'; 4. Хурр. *dagi* 'красивый'; 5. Хатт. *-zip-* 'маленький, младший'; 6. Хатт. *zuḫ-* 'одежда; 7. Хатт. *ḫawit* 'быть как яблоня'; 8. Хатт. *wašḫab-ma* 'богами'). — Э. 1981 (1983), 140—151.

Иванова Т. А. Слав. *абрѣдь* (К вопросу о значении и этимологии). — Э. 1979 (1981), 51—58.

Иллич-Свитыч В. М. Чеш. *první* 'первый' — инновация или архаизм? — Э. (1963), 81—84.

Иллич-Свитыч В. М. Caucasica (1. кавк. **uγ(e)l* 'ярмо'; 2. дагестан. *-oš*, нахск. *-uoḥ* 'ребенок'; 3. 'Ιάζυγες; 4. тур. *zağar* 'гончая, охотничья собака') — Э. 1964 (1965), 334—337.

Иллич-Свитыч В. М. Алтайские гуттуральные **k'*, **k*, **g*. — Э. 1964 (1965), 338—343.

Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (инд.-евр., алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский). — Э. 1965 (1967), 321—373.

Иллич-Свитыч В. М. Соответствия смычных в ностратических языках. — Э. 1966 (1968), 304—355.

Камчатнов А. М. О неизвестном омониме слова *бразна*. — Э. 1982 (1984), 83—84.

Каралюнас С. К этимологии лтш. *luõps*. — Э. 1971 (1973), 281—285.

Каралюнас С. К этимологии лтш. *dàrgs*. — Э. 1973 (1975), 156—158.

Каралюнас С. К этимологии лит. *júodas* 'черный'. — Э. 1975 (1977), 129—137.

Каралюнас С. Лит. *pólymas* 'болотистое место'. — Э. 1979 (1981), 110—111.

Киш Л. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов. — Э. 1967 (1969), 68—70.

Клепикова Г. П. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства, I. *Urda*. — Э. 1966 (1968), 62—80.

Климов Г. А. О лексике осетинского происхождения в сванском языке. — Э. (1963), 180—186.

Климов Г. А. Об этимологической методике Карла Боуды (на материале кавказских языков). — Э. (1963), 268—274.

Климов Г. А. Абхазско-адыгские этимологии. I (исконный фонд). — Э. 1965 (1967), 296—306.

Климов Г. А. Заимствованные числительные в общекартвельском? — Э. 1965 (1967), 307—310.

Климов Г. А. Абхазско-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). — Э. 1966 (1968), 289—295.

Климов Г. А. Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели. — Э. 1967 (1969), 286—295.

Климов Г. А. Кавказские этимологии. 1—9 (1. Груз. *(m)xdal* 'трусливый'; 2. Груз. *bur(w)aḳ-* 'поросенок'; 3. Картв. *c̣$_1$*abl̥-* 'черешня' ~ нах.-даг. *c̣$_\gamma$*ubʌl-* 'виноград'; 4. Картв. **pir*(s$_1$)*ṭw-* 'легкое' ~ нах.-даг. **pirṭ* то же; 5. Нах.-даг. **marl'* 'серп'; 6. Нах. даг. **raḻw-* (*δaḻw-*) 'локоть' ~ картв. **daqw-* то же ~ абхаз.-адыг. **ṯaγʷ* 'локоть'; 7. даг. *warani-* 'верблюд'; 8. Абхаз.-адыг. *ccəγʷa* 'мышь, куница' ~ картв. **ciqʷ-* 'белка' ~ нах.-даг. **ciṭṭ'u-* 'куница'; 9. Абхаз.-адыг. **ʒaʒ-* 'шило' ~ карт. **ʒeʒ(w)-* 'колючник', 'шип' ~ нах.-даг. **ʒaʒ-* то же). — Э. 1968 (1971), 223—230.

Климов Г. А. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков. — Э. 1970 (1972), 349—355.

Климов Г. А. Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков. — Э. 1971 (1973), 356—367.

Климов Г. А. К этимологии двух картвельских глаголов обладания. — Э. 1974 (1976), 172—174.

Климов Г. А. Картвельское **otxo-* 'четыре' ~ индоевропейское **oḱto-*. — Э. 1975 (1977), 162—163.

Климов Г. А. Несколько картвельских индоевропеизмов. — Э. 1979 (1981), 167—173.

Климов Г. А. Три древних заимствования в картвельских языках. — Э. 1981 (1983), 152—157.

Климов Г. А. Дополнение к заметке «Картвельское **otxo-* 'четыре' ~ индоевропейское **oḱto-*. — Э. 1981 (1983), 157—158.

Климов Г. А. Еще одна индоевропейско-семитско-картвельская лексическая параллель. — Э. 1982 (1984),

Климов Г. А., Эдельман Д. И. К названиям парных частей тела в языке бурушаски. — Э. 1972 (1974), 160—162.

Кноблох И. *Kurd-Alægon* и *Volcānus*. — Э. 1972 (1974), 136—137.

Козлова Р. М. Образования с корнем *(*s*)*kork-* / *(*s*)*korč-* в славянских языках. — Э. 1982 (1984), 47—54.

Копечный Ф. Ф. К этимологии слав. *otrokъ*. — Э. 1966 (1968), 54—61.

Копечный Ф. Проблемы этимологии грамматических слов. — Э. 1967 (1969), 22—31.

Корнилов Г. Е. К этимологии русского диалектного *векша* 'белка обыкновенная, Sciurus vulgaris Linnaei'. — Э. 1971 (1973), 191—194.

Костов К. Макед. диал. *шошореа* 'прќан', *зајак*' < цыг. диал. šošoréa 'lepuscule!'. — Э. 1966 (1968), 107—110.

Костов К. Цыганские *č*(*h*)*ang* 'нога' * *č*(*h*)*angalo* 'с (длинными) ногами' как общие заимствования в некоторых европейских языках. — Э. 1975 (1977), 164—168.

Куркина Л. В. О некоторых поздних образованиях в системе славянских глаголов на *-i-*. — Э. 1964 (1965), 44—55.

Куркина Л. В. О типах отношений основ на -i- и -nǫ- в славянских языках. — Э. 1965 (1967), 140—152.

Куркина Л. В. Babакать. — Э. 1965 (1967), 184—188.

Куркина Л. В. Словенские этимологии (словен. bezati, bohôt). — Э. 1966 (1968), 105—106.

Куркина Л. В. Названия болот в славянских языках. — Э. 1967 (1969), 129—144.

Куркина Л. В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках. — Э. 1968 (1971), 92—106.

Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи. — Э. 1970 (1972), 91—102.

Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -u̯ (I. eu̯ : ou̯. *čula- : *kula-; *čum- : (s)kum-; *čur- : *kur-; II. u : y. *gur- : *gyr-; *guk- : *gyč-; *gula : *gyla; *guga : *gyga; (s)kul- : *kyl-; *pug-(z) : *pyž-; *ul- : *vyl; *ur- : *vyr-; *klup- : *klyp-; *kut- : (s)kyt-; *r'um- : *rym-; *(s)mul- : *(s)myl-; *gruz- : *gryz-ti; *tuta : *tyti; *tvor- : *tur-; *svěp- : *svap- : *sup-; *šu- : *sv-; kuka : kvek-). — Э. 1971 (1973), 58—79.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (укр. пixур; словен. smogor; словен. voleki; словен. ríbast; *rę̨b- / *rǫb-; *pel- / *pelv-; словен. skólke; словен. čûžje). — Э. 1971 (1973), 87—92.

Куркина Л. В. Славянские этимологии. II (русск. пéтать; слав. *muz(g)ati; слав. *luzgati / *lyzgati; укр. репатися; словен. lohnẹ́ti; словен. léhniti; словен. kvŕga). — Э. 1972 (1974), 60—80.

Куркина Л. В. Славянские этимологии. III (слав. *-moliti; праслав. *drъmati; с.-хорв. róziti se; праслав. lěviti). — Э. 1973 (1975), 34—43.

Куркина Л. В. Этимологические заметки (русск. тормошить; словен. otrkniti; укр. лécma; укр. стрибати; словен. rášiti; слав. *rešeto; в.-луж. skomorić; словен. trâbje). — Э. 1974 (1976), 44—59.

Куркина Л. В. Славянские этимологии. IV (словен. škȓt; с.-хорв. pȑtiti; слав. *strukъ/*strǫkъ). — Э. 1975 (1977), 13—28.

Куркина Л. В. Изоглоссные связи южнославянской лексики. II. — Э. 1976 (1978), 17—31.

Куркина Л. В. Названия горного рельефа (на материале южнославянских языков). — Э. 1977 (1979), 39—54.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (*-krějǫ, *krьjati; *perkъ / *pьrkъ; *(s)karati; слав. *slopьcь). — Э. 1978 (1980), 32—37.

Куркина Л. В. Заметки по болгарской этимологии (вȍрбъ; кȍпра̣ се; раскр̥́ства се; тȏвлêм; трѐта; штинѐц; шл'акам; шю́дравый). — Э. 1978 (1980), 38—43.

Куркина Л. В. Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков (ю.-слав. *mъrsiti; ю.-слав. *šupъ, *šuplь; словен. kópiti; словен. miljâra; болг. отчер; с.-хорв. ošćela; болг. щикълкъ; макед. шкебав; с.-хорв. škȑge; словен. snúditi se; словен. vada; словен. vẹ́gati; словен. vẹ́zniti). — Э. 1979 (1981), 15—28.

Куркина Л. В. Лексические архаизмы родопского диалекта (вардȕне; вȍже; жêлдѐ ме; ко̣нàдêм; лȕпка; парчȇсва — парчȇса; парт-

лѐвѐм са; пдтара; осм'анка; хдўпка, бл'пка; нащерва са). — Э. 1980 (1982), 16—30.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (**korda*; **moldъjь*; **pelti*, **peljǫ*; **pelti*, **pelvǫ*). — Э. 1981 (1983), 3—16.

Куркина Л. В. Южнославянские этимологии (**kujati* / **kaviti* и **kъvati* / **kyvati*; **mug-* / **mъž-*; **plesmo* и **ob-pletъ*; **pǫkati*, **pǫčiti* / **pęčiti*; **kujь*, **kuja*; **tulъ*, **tylъ*, **tvelъ*). — Э. 1982 (1984), 13—24.

Леонтьев А. А. К этимологии некоторых готских глаголов (1. *anahaitan*; 2. *uskiusan*; 3. *uswairpan*, *usdreiban*; 4. *fraþjan*). — Э. 1964 (1965), 255—258.

Лукина Г. Н. Названия тканей в языке памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. — Э. 1970 (1972), 242—262.

Лыткин В. И. К этимологии слов *угры* и *югра*. — Э. 1968 (1971), 197—206.

Львов А. С. К истории и этимологии слова *гулять*. — Э. (1963), 110—115.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (1. К этимологии ст.-слав. коумиръ, -ръ εἴδωλον; 2. Еще раз об этимологии *очень*). — Э. 1965 (1967), 189—195.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (3. О словах с основой *skarěd-* в славянских языках; 4. Об этимологии слова ковригъ, -га). — Э. 1966 (1968), 149—158.

Львов А. С. Об учете вспомогательных приемов при этимологизировании. — Э. 1967 (1969), 180—191.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (5. *Артачиться*; 6. Ст.-слав. соуе). — Э. 1970 (1972), 217—227.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (7. Нѣвѣгласъ/ невѣголосъ; 8. Праводшьна; 9. Скомрохъ; 10. Сжпостатъ). — Э. 1972 (1974), 103—113.

Львов А. С. Тюркизм ли старославянское тало? — Э. 1973 (1975), 61—64.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (11. Ст.-слав. обоуѣти; 12. Отъштепити). — Э. 1974 (1976), 76—80.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (13. ст.-слав. ꙗтъхоуланица). — Э. 1975 (1977), 77—80.

Львов А. С. К этимологии слав. *chrěnъ*. — Э. 1976 (1978), 73—76.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (14. Ст.-слав. Насжштаныи; 15. Намѣстьникъ; 16. О старославянских словах с основой багър-, передающих греч. πορφύρα). — Э. 1977 (1979), 60—65.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (17. Ц.-слав. нѣкъчина; 18. К этимологии тюрк. **qumlaγ* и слав. *chъmelь*). — Э. 1979 (1981), 60—67.

Львов А. С. Из лексикологических наблюдений (19. К этимологии слов с основой *моск-от'-*; 20. *Шупашкар* (Šubaškar.). — Э. 1980 (1982), 114—120.

Маковский М. М. Вариантность лексем в древнеанглийских глоссах как признак диалектной принадлежности словаря. — Э. (1963), 161—179.

Маковский М. М. Сравнительно-историческая диалектография английской лексики в пределах германской языковой области. — Э. 1964 (1975), 236—254.

Маковский М. М. Германские ареальные параллели в свете этимологии. — Э. 1965 (1967), 248—263.

Маковский М. М. Обзор германской ареальной лингвистики в 1963—1965 гг. — Э. 1966 (1968), 369—376.

Маковский М. М. Этимология и проблема филологической достоверности слова. — Э. 1966 (1968), 264—280.

Мароевич Р. Заметки по историческому словообразованию. 1—2 (1. Форма ꙗсынꙗ в древнерусских летописях; 2. Старославянские притяжательные прилагательные типа *Salańь*). — Э. 1981 (1983), 46—49.

Мартынов В. В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. — Э. 1968 (1971), 11—23.

Мартынов В. В. Прусско-славянские эксклюзивные изолексы (1. *accodis*; 2. *ayculo*; 3. *babo*; 4. *gabawo*; 5. *geits*; 6. *kiosi*; 7. *lauxnos*; 8. *luckis*; 9. *maldenikis*; 10. *mealde*; 11. *noūson*, *mennei*, *mais*; 12. *pokunst*; 13. *pausto-paustocaican*; 14. *saltan*; 15. *staytan*; 16. *wanso*; 17. *wutris*). — Э. 1982 (1984), 3—13.

Матвеев А. К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов. — Э. 1967 (1969), 192—200.

Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования. — Э. 1971 (1973), 332—355.

Мельничук А. С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — Э. 1966 (1968), 194—240.

Мельничук А. С. Об одном из важных видов этимологических исследований. — Э. 1967 (1969), 57—67.

Меркулова В. А. Слав. **-žab-*; праслав. **žarovъjь* 'высокий, прямой'. — Э. (1963), 72—80.

Меркулова В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений. — Э. 1964 (1965), 72—87.

Меркулова В. А. Об относительной хронологии славянских названий грибов (Вопросы лингвистической реконструкции и реконструкции материальной культуры). — Э. 1964 (1965), 88—99.

Меркулова В. А. Несколько диалектных названий растений (*гарлупа́*; *шишоба́р*; *княжи́ца*; *батла́чек*; *исто́д*). — Э. 1965 (1967), 153—160.

Меркулова В. А. Торпище. — Э. 1966 (1968), 100—102.

Меркулова В. А. Народные названия болезней. I (на материале русского языка). — Э. 1967 (1969), 158—172.

Меркулова В. А. Заметки по истории и этимологии слов (*замурзанный*; *козны*; *дёб*; *степь*). — Э. 1968 (1971), 79—91.

Меркулова В. А. Народные названия болезней. II (на материале русского языка) (*сыпь*; *оспа*; *цыпуха*; *обмет*; *прыщ*; *цвет*; *перхоть*; *поршни*; *парша*; *порпли*; *облива*; *восца*, *бобушки*; *папуша*; *лопуха*, *лаптуха*; *лепуха*, *краснуха*, *черемнуха*; *золотуха*; *огница*; *водрик*;

чесотка; *кошута*; *свороб*; *корь*; *кожух*; *плоть*; *плева*; *скорбость*; *шадра*; *хрупа*; *рябой*; *шорохой*; *деряба*; *корза*; *копыс*; *зуд*; *короста*; *шелули*; *струп*; *хруны*; *гостья*; *матушка*; *божье*; *нечисть*; *аредь*; *лишай*; *проказа*; *лемена*). — Э. 1970 (1972), 143—206.

Меркулова В. А. Мелкие заметки по истории и этимологии слов (*мормышка*, *бирюльки*). — Э. 1971 (1973), 183—190.

Меркулова В. А. Старославянское *двека* ‘жвачка’. — Э. 1972 (1974), 100—102.

Меркулова В. А. Украинские этимологии. I. — Э. 1973 (1975), 55—60.

Меркулова В. А. Украинские этимологии. II (*мерщій*; *регнути*; *прятати*; *смотолока*, *гоббу́диц'а*). — Э. 1974 (1976), 60—75.

Меркулова В. А. И.-е. **ten-* ‘тянуть, натягивать’, ‘плести’ в славянских языках. — Э. 1975 (1977), 52—63.

Меркулова В. А. Русские этимологии. I (*ликоваться*; *спацьливый*; *невенный*; *тоща*; *рягаться*; *недоскитить*; *пища*). — Э. 1976 (1978), 91—101.

Меркулова В. А. Русские этимологии. III (*нецевенье*; *хорь*; *сколудина*; *хмыз*; *верпеть*). — Э. 1977 (1979), 88—101.

Меркулова В. А. Русские этимологии. IV (*велидовать*; *заядь*, *наройный*; *истучиться*; *сугат*; *воронец*). — Э. 1978 (1980), 94—106.

Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. I (*прущ*, *уя́чить*, *кро́са*, *сту́бла*, *ча́сля*, *засту́ма*, *поторо́нки*). — Э. 1979 (1981), 3—14.

Меркулова В. А. Русские этимологии. V (*осетоваться*, *оглобень*, *кречелы*, *аглеть*, *обетон*). — Э. 1980 (1982), 87—93.

Меркулова В. А. Русские этимологии. VI (*кручина*, *дутри*, *прижолнуться*, *матинки*, *помередиться*). — Э. 1981 (1983), 58—65.

Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. II (*желуница*, *хмылить*, *хаут*, *шквора*, *скрень*). — Э. 1982 (1984), 39—47.

Микаилов К. Ш. Еще несколько дагестанских аланизмов. — Э. 1970 (1972), 333—338.

Михайлович В. Суффикс *-аča* в топонимии и микротопонимии Югославии. — Э. 1967 (1969), 225—235.

Михайлович В. Заметки по этимологии сербохорватских строительных терминов (*кућа* ‘domus’). — Э. 1968 (1971), 186—188.

Младенов М. Названия черепахи в болгарском языке. — Э. 1968 (1971), 106—113.

Мураяма С. Этимология русского слова *чай*. — Э. 1975 (1977), 81—83.

Мурьянов М. Ф. Семантика ц.-слав. хлабь. — Э. 1979 (1981), 58—60.

Мурьянов М. Ф. Сила (понятие и слово). — Э. 1980 (1982), 50—56.

Мурьянов М. Ф. К возникновению славянизма драгоцѣньнъ. — Э. 1982 (1984), 85—86.

Немировский А. И.*, *Харсекин А. И. Этр. *sal* и его возможные латинские дериваты. — Э. 1966 (1968), 281—285.

Никонов В. А. Поиски системы. — Э. (1963), 217—235.

Никонов В. А. Происхождение русского *гм*. — Э. 1964 (1965), 127—130.

Никонов В. А. Русское словообразование. — Э. 1967 (1969), 98—109.

Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий. I (*Аарáзев — Автамóнов*). — Э. 1970 (1972), 116—142.

Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий. II (*Автандúлов — Антомóнов*). — Э. 1971 (1973), 208—280.

Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий. III (*Антоненков — Арслáнов*). — Э. 1973 (1975), 131—155.

Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий. IV (*Арсю́ткин — Ая́нов*). — Э. 1974 (1976), 129—157.

Никонов В. А. Северные фамилии. — Э. 1978 (1980), 134—152.

Никончук Н. В. Приставки *ка-* и *ко-* в полесских говорах. — Э. 1977 (1979), 122—126.

Одинцов Г. Ф. Два ногайских заимствования в русском языке (1. *Бахмат*. 2. *Буланый*). — Э. 1971 (1973), 195—204.

Одинцов Г. Ф. Еще раз к этимологии слова *лошадь*. — Э. 1972 (1974), 114—128.

Одинцов Г. Ф. Из истории названий *тул*, *колчан*, *сайдак* (и его вариантов) в русском языке. — Э. 1973 (1975), 98—108.

Одинцов Г. Ф. Русские *зазноба*, *залётка*, *лапушка*. — Э. 1974 (1976), 117—126.

Одинцов Г. Ф. К истории старорусских названий копья (I. А. *Списы*, *шпицы*, *спицы*; Б. *Пика*; II. А. *Грот*, *гротик* и *дрот*, *дротик*; Б. *Джид*). — Э. 1975 (1977), 84—97.

Одинцов Г. Ф. К истории древнерусских названий метательного копья (*луща* и его варианты; *сулица*, *совь*, *копиице*). — Э. 1976 (1978), 101—111.

Одинцов Г. Ф. К истории древнейших русских названий копья. — Э. 1977 (1979), 110—121.

Одинцов Г. Ф. К истории русских военных терминов *пушка*, *тюфякъ*, *пищаль*, *винтовка*. — Э. 1978 (1980), 113—133.

Одинцов Г. Ф. К истории старорусских названий мечей. — Э. 1979 (1981), 99—110.

Одинцов Г. Ф. К истории древнерусских названий боевых ножей. — Э. 1980 (1982), 120—134.

Одинцов Г. Ф. История старорусского военного термина *самопалъ*. — Э. 1981 (1983), 83—97.

Одинцов Г. Ф. К истории древнерусского *мечь*. I. — Э. 1982 (1984), 104—113.

Оранский И. М. Indo-Iranica. 1—4 (1. Тадж. *kat*; 2. Тадж. обл. *tanǰa*; 3. Тадж. диал. *turūndan* / *turundan* ‘погнать’, ‘спугнуть’, ‘шугнуть (о животных)’; 4. Тадж. (диал.) (*h*)*uč*/*wuč kardan* ‘поднимать’). — Э. 1974 (1976), 158—171.

Оранский И. М. Есть ли этимологическая связь между русск. *береза* и тадж. *burs* ‘арча’? — Э. 1975 (1977), 138—140.

Орел В. Э. Слав. **udъ*. — Э. 1977 (1979), 55—59.

Орел В. Э. К гипотезе о фракийских реликтах в болгарской апеллативной лексике (I. Болг. *грив*; II. Болг. *катерица*, *катеря се*; III. Болг. *рофея*, *руфя*). — Э. 1980 (1982), 56—64.

Орел В. Э. Алб. *ha*, *hëngra*. — Э. 1982 (1984), 151—156.

Отин Е. С. Из этимологических исследований донской гидронимии (к вопросу о первичном звене в коррелятивной паре *битюг* / *Битюг*). — Э. 1970 (1972), 230—241.

Откупщиков Ю. В. Словообразовательные модели и этимология. — Э. 1967 (1969), 80—87.

Петлева И. П. Работы по изучению праславянского словарного состава. — Э. 1966 (1968), 356—369.

Петлева И. П. Дополнительные ресурсы для реконструкции праславянской лексики (на материале сербохорватского языка). — Э. 1967 (1969), 173—179.

Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка. I. — Э. 1968 (1971), 114—156.

Петлева И. П. О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке. — Э. 1970 (1972), 207—216.

Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка. II. — Э. 1971 (1973), 20—57.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. I (с.-хорв. *мрѐна*; с.-хорв. *га̏ба*, слав. **verdъ*). — Э. 1972 (1974), 81—99.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. III (русск. *нéжель*, *жáлеть* 'преть', слвц. *želiet'*, польск. *żeliwo*; с.-хорв. *гвдрило*; с.-хорв. диал. *да̏галь*; с.-хорв. *гум-*; с.-хорв. *гу̏ка*). — Э. 1973 (1975), 44—54.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. IV (и.-е. *(*s*)*ker-m-* в славянских языках: **skormъ/a*, **kroma*, **kъrmъ/a*, **kъrma*, **xromъ*, русск. диал. *кромы*, *коромышка*). — Э. 1974 (1976), 16—31.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. IV (с.-хорв. *забрѐјати се*, русск. *зареяться*; с.-хорв. *јапурити се*, *јапражити се*; с.-хорв. *ижу́њити*, *жу́њотина*; русск. *жол*(*о*)*н*; слав. **zьlna*; с.-хорв. *вра̏жа*, польск. *wierzgała*). — Э. 1975 (1977), 42—51.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VII (с.-хорв. *осуга*; болг. *красáт*, *красáф*; слав. **terzvъ*). — Э. 1976 (1978), 42—50.

Петлева И. П. К вопросу о *g-* протетическом в славянских языках. — Э. 1976 (1978), 51—55.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VIII (болг. *врѐне*, с.-хорв. *му̏кљив*). — Э. 1977 (1979), 33—38.

Петлева И. П. К вопросу о словах с усилительными (-)*to-*, ((-)*ta*, (-)*tu*) в славянских языках. — Э. 1978 (1980), 65—69.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. IX (с.-хорв. *гла̂њ*, болг. диал. *глан'*, польск. *gleń* и др.).— Э. 1978 (1980), 44—51.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике X (слав. *l'utъ*). — Э. 1979 (1981), 42—50.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XI. Континуанты **rǫd-* (к **ręd-*). — Э. 1980 (1982), 36—41.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XII (русск. диал. *вычурки*, *чурить*, укр. диал. *цуравий*; русск. диал. *кувердать*, слав. **vъrdati*). — Э. 1981 (1983), 23—28.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XIII (русск. диал. *курсúвый*, укр. диал. *корсонóгий*; чеш. диал. *vapavý*, укр. диал. *прихóрный*: русск. *хорóбрый* (слав. **xorbrъ*); русск. диал. *мотóны*). — Э. 1982 (1984), 34—38.

Пизани В. Etymologica parerga (1. О греческом и индоевропейском названиях ястреба; 2. Нем. *Gerte* и т. п. и русск. *жердь* и т. п.; 3. Нем. *Braut*; 4. Лат. *stīria*, *stilla* и скр. **sthīlā*; 5. Лат. *merenda*). — Э. 1973 (1975), 159—167.

Плевачева Г. К слав. **žabrъjь*. — Э. 1966 (1968), 90—96.

Полянский К. Материалы по полабской этимологии (1. *krǫpət*; 2. *mütaịstü*; 3. *pǫkəvaịćə*; 4. Запись Хеннига *Rise* 'Uneinig'). — Э. 1964 (1965), 100—103.

Полянский К. Проблемы полабской этимологии. — Э. 1967 (1969), 5—10.

Попов А. И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования. — Э. 1967 (1969), 119—128.

Раевский М. В. К этимологии немецкого прилагательного *gesund*. — Э. 1965 (1967), 264—266.

Рачева М. Д. К этимологической проблематике ранних тюркизмов в славянских языках (I. Рус. блр. *коврúга* 'круглый хлеб; каравай', болг. *коврѝг* 'бублик', болг. *кофрѐг* то же, болг. *коврѐх* 'раст. Scabiosa L.'; II. Болг. *кдлбаш* 'вид старинного женского головного убора или часть этого убора'). — Э. 1979 (1981), 68—74.

Риков Г. Т. Этимологические заметки (1. Др.-инд. *lā-* 'брать, схватывать', лув. *la-* 'брать'; 2. Индоиранское *yātu-* 'колдовство, волшебство'). — Э. 1982 (1984), 148—151.

Садник Л. К проблеме этимологическо-грамматических связей. — Э. 1968 (1971), 3—10.

Сараджева Л. А. К этимологии праславянской основы **zybь* и древнеармянского *cup/p'* 'зыбь'. — Э. 1976 (1978), 64—66.

Сараджева Л. А. Сравнительно-типологическое исследование индоевропейской ботанической терминологии в древнеармянском и славянском языках. — Э. 1979 (1981), 156—167.

Сараджева Л. А. О некоторых армяно-славянских лексических параллелях. 1—3 (Арм. *buṙn* 'бурный, буйный' и праслав. **burьnъ* 'бурный, грозовой'; 2. Арм. *p'ayl* 'блеск', праслав. **pol-men* 'пламя'; 3. Арм. *t'ezan* 'продольная нить, основа ткани', 'рукав'; праслав. **stegati* 'стегать'). — Э. 1981 (1983), 97—101.

Свадеш М. Лингвистические связи Америки и Евразии. — Э. 1964 (1965), 271—322.

Серебренников Б. А. Об уральской лексике восточного ареала. — Э. 1966 (1968), 296—301.

Серебренников Б. А. К этимологии некоторых названий лодки в уральских языках. — Э. 1966 (1968), 302—303.

Серебренников Б. А. Этимологические заметки (коми-зыр. *кар* 'город'; *корзоха* 'густера'; *курья* 'продолговатый речной залив';

коми-зыр. *кыдз* 'береза'; *лошадь*; *нерка* 'небольшая заросль карликовой ивы'; *согра* 'топкое болото, покрытое чахлым хвойным лесом'; эрзя-морд. *уча* 'овца', *шар* 'пролив' (диал.); *шимбарейка* 'ежевика'; *щелья* 'каменистый берег или мыс'). — Э. 1968 (1971), 207—214.

Стаховский Ст. Заметки о методологии этимологических исследований турецких заимствований в сербско-хорватском языке. — Э. 1964 (1965), 56—71.

Стаховский Ст. Турцизмы в словаре Я. Микали. — Э. 1965 (1967), 196—210.

Стеблин-Каменский И. М. Флора иранской прародины (Этимологические заметки) (1. Хвойник; 2. Тамариск). — Э. 1972 (1974), 138—140.

Сулейманов Я. Г. Об одном лингвистическом свидетельстве зороастризма у аварцев. — Э. 1977 (1979), 151—153.

Супрун А. Е. Системность лексики и этимологии. — Э. 1967 (1969), 88—97.

Терентьев В. А. Ностратические этимологии. — Э. 1977 (1979), 159—163.

Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. — Э. 1973 (1975), 109—130.

Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. II. — Э. 1975 (1977), 98—128.

Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. III. — Э. 1976 (1978), 112—135.

Толстой Н. И. Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька*. — Э. 1967 (1969), 145—157.

Топоров В. Н. Заметки по индоевропейской этимологии. 1—3 (1. Тохарский корень *warp-* и его балтийское соответствие; 2. Хеттское *tangarant-*: литовское *keñkras*; 3. Еще раз о хеттском *u̯au̯arkima*). — Э. (1963), 187—190.

Топоров В. Н. Исследования по балтийской этимологии (1957—1961). — Э. (1963), 250—261.

Топоров В. Н. К этимологии слав. *myslь*. — Э. (1963), 5—13.

Топоров В. Н. Тохарская этимология за двадцать лет. — Э. (1963), 236—249.

Топоров В. Н. Из этимологии енисейских языков (к вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому *t*). — Э. 1965 (1967), 311—320.

Топоров В. Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. — Э. 1967 (1969), 11 -21.

Топоров В. Н. О происхождении нескольких русских слов (к связям с индо-иранскими источниками) (1. *Пансура*; 2. *Парень, парни*; 3. *Паз, пазуха*). — Э. 1970 (1972), 21- 45.

Топоров В. Н. К семье анатолийск. *kat(a)*, др.-греч. κατά. — Э. 1971 (1973), 286—297.

Топоров В. Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. — Э. 1972 (1974), 3—19.

Топоров В. Н. Πύθων, *Áhi Budhnyà*, *бӑдњāк* и др. — Э. 1974 (1976), 3—15.

Топоров В. Н. Еще раз об и.-е. **budh-* (: **bheudh-*). — Э. 1976 (1978), 135—153.

Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. **trizna* и др.). — Э. 1977 (1979), 3—20.

Топоров В. Н. К объяснению нескольких «культурных» слов в прусском (1. Прусское название корюшки (Osmerus eperlanus L.); 2. Прусское название можжевельника (Juniperus communis L.); 3. О названии латуни в прусском). — Э. 1978 (1980), 153—169.

Топоров В. Н. Ведийское *ṛtā-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии. — Э. 1979 (1981), 139—156.

Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии. II. (1. Ведийское *vaṅkú-*; 2. Д.-греч. μάκαρ, μακάριος и др.; 3. **Spart-* в индоевропейских языках). — Э. 1980 (1982), 134—157.

Топоров В. Н. Marginalia к семантике троичности. — Э. 1980 (1982), 167.

Топоров В. Н. К семантике четверичности (анатолийское **meu-* и др.). — Э. 1981 (1983), 108—130.

Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии. III (1—2. Балто-балк. **kēt-*, *gaur-*; 3. Др.-инд. *linga-* в индоевропейском контексте). — Э. 1982 (1984),

Трубачев О. Н. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянских и некоторых других индоевропейских диалектах. — Э. (1963), 14—51.

Трубачев О. Н. О возможности венгерско-тохарских связей (I. Венг. *kert* 'сад' — тох. В *kercīye* 'дворец'; II. Венг. *talp* 'подошва' — тох. А *śalpem* 'подошва'; III. Венг. *orca* 'лицо' — тох. А *akmal* 'лицо'). — Э. (1963), 191—193.

Трубачев О. Н. Славянские этимологии. 41—47 (41. Укр. *бру́нька*; 42. Слав. *dvigati*; 43. Русск. *реполо́в* и вопрос отражения праслав. *rępь/ъ* в восточнославянском; 44. Русск. диал. *брыла́*, мн. *бры́лы*; 45. Сербско-хорв. *поре́кло*, *подриjѐтло*; 46. Русск. диал. *ле́ньга́с* 'лентяй'; 47. Болг. *було* 'покрывало невесты, фата'). — Э. 1964 (1965), 3—12.

Трубачев О. Н. Этимологические мелочи (1. *выпе́ндриваться*; 2. *гры́мза*; 3. *драндуле́т*; 4. *в пи́ку*; 5. *сту́колка*; 6. *фи́фа*; 7. *шкет*). — Э. 1964 (1965), 131—134.

Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. — Э. 1965 (1967), 3—81.

Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России). — Э. 1966 (1968), 3—53.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — Э. 1968 (1971), 24—67.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — Э. 1970 (1972), 3—20.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен (русск. диал. *чичер*, сербохорв. *чйч*, *цйч* и родственные; др.-русск. *очюнной* (русск. *очень*), в.-луж. *cuni*, словин. *cãnï*; укр. *Говерла*, название горы в Карпатах; восточнославянский гидроним *Суходров*). — Э. 1971 (1973), 80—86.

Трубачев О. Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (славянские этимологии. 48—52) (48. Праслав. диал. **gaziti* — **gazъ*; 49. Праслав. диал. **napъtъ* / **napъta* — **napъtati*; 50. Праслав. диал. **brusna*; 51. Праслав. диал. **perestъjь*; 52. Праслав. диал. **kъrmyslъ* / **čьrmyslъ*). — Э. 1972 (1974), 20—41.

Трубачев О. Н. Несколько древних латинско-славянских параллелей. — Э. 1973 (1975), 3—16.

Трубачев О. Н. Славянские и балтийские этимологии (слав. **xlębь* ʽзатвор, запор, сточное отверстие’ ~ балт. **sklemb*- ʽскользить’; слав. **bergt’i* ~ лит. *gerbti*; лит. *petrēlė* ʽбожья коровка’ — словообразовательно-семантическая калька блр. *пэтрык* / *пятрок* / *пятрук* / *пятрусь* ʽбожья коровка’). — Э. 1975 (1977), 3—12.

Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь: опыт параллельного чтения. — Э. 1976 (1978), 3—17.

Трубачев О. Н. Таврские и синдомеотские этимологии (1. **salā* ʽсток, склон’ > ʽ(Таврические) горы’; II. **pravlīn*(*a*)- ʽраздавленный, поверженный’; III. *(*č*)*ikita*- ʽ(письменный) знак’; IV. (*š*)*alatā* ʽкрыша’; V. **gand-aur*- ʽ(местность) с пробитыми каналами’; VI. *Минтана* < **multana*- ʽосновное, коренное место’; VII. Русск. диал. *тарапáн* < **tara-pāna*- ʽложе виноградного пресса’). — Э. 1977 (1979), 127—144.

Трубачев О. Н. Из балто-славянских этимологий. — Э. 1978 (1980), 3—18.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье (1. **artaka*- ʽмедведь, медвежий’; 2. **bahvarǰamin*- ʽбольшой город-двойник’; 3. **čili*- ʽорел’; 4. Название храма у тавров; 5. **managotra*- ʽвместилище Манаса, рода Манаса’; 6. **mukh-sari*-? ʽмыс’; 7. **raman*- ʽпокой, стоянка, привал’; 8. **saviā* ʽблагая, добрая’; 9. **tanumurakā* ʽпиратская’; 10. **tvak*- ʽ(кожаный) щит’; 11. Кто такие были Τοκανδεῖται?). — Э. 1979 (1981), 111—130.

Трубачев О. Н. Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на *-ěninъ*, **-janinъ*. — Э. 1980 (1982), 3—15.

Трубачев О. Н. Indoarica. Этимологии (*Кавказ*; *Самур*). — Э. 1981 (1983), 101—108.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Этимологии (Θαμιμασάδας — ’Οκταμασαδης; **aulan-samsara*- ʽшерстяной, волосяной мыс’; ΜΑΤΑΣΥΣ. ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ). — Э. 1982 (1984), 140—148.

Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. I (семейство Cyprinidae) (Елец Leuciscus Leuciscus L.; Голавль Leuciscus cephalus L.; Язь Leuciscus idus L.; Красноперка; Жерех

Aspius aspius L.; Линь Tinca Tinca L.; Верховка Leucaspius delineatus). — Э. 1971 (1973), 115—182.

Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. II. (семейство Cyprinidae) (Плотва Rutilus rutilus L.; Вырезуб Rutilus Friesii Nordmann; Подуст Chondrostoma nasus L.). — Э. 1973 (1975), 65—94.

Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. III (семейство Cyprinidae) (Уклейка Alburnus alburnus L.; Быстрянка Ablurnoides bipunctatus L.; Шемая Chalcaburnus chalcoides Güld.; Горчак Rhodeus sericeus amarus (Bloch.)). — Э. 1974 (1976), 81—116.

Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. IV (семейство Cyprinidae) (Карп Cyprinus carpio L.). — Э. 1976 (1978), 76—90.

Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. V (семейство Cyprinidae) (Лещ Abramis brama L.). — Э. 1977 (1979), 66—87.

Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. VI (семейство Cyprinidae) (Белоглазка Abramis sapa (Pall.); Синец Abramis ballerus L.; Густера Blicca bjoerkna L.; Рыбец (сырть) Vimba vimba L.). — Э. 1978 (1980), 70—93.

Фенрих Х. Об одной картвельской реконструкции. — Э. 1973 (1975), 173—174.

Фенрих Х. К картвельской лексике. — Э. 1978 (1980), 178—181.

Харсекин А. И. Этр. *meχ ϑuta*=оск. *meddíss túvtiks*. — Э. 1966 (1968), 286—288.

Харсекин А. И. К интерпретации и этимологии форм этрусского verbum substantivum. — Э. 1967 (1969), 271—275.

Харсекин А. И. Несколько замечаний о попытках интерпретации этрусских надписей из Пирги. — Э. 1968 (1971), 231—236.

Хубшмид И. Методы исследования дороманского и средиземноморского субстрата. — Э. 1965 (1967), 235—247.

Хубшмид И. Дославянские и дороманские этимологии. — Э. 1967 (1969), 236—251.

Хэмп Э. Miscellanea (I. Слав. **vymę*; II. О некоторых сложных моментах албанского консонантизма: 1. алб. *kohë*, слав. *časъ*. 2. Алб. *h(j)edh* 'бросать'; 3. Алб. *kashthë* 'солома' и группа *lst*). — Э. 1970 (1972), 263—271.

Хэмп Э. Дополнения к статье о слове **vymę*. — Э. 1972 (1974), 176.

Хэмп Э. Формы *tho / the* у Бусбека. — Э. 1977 (1979), 150.

Хэмп Э. Заметки (*жа́ба, жеребёнок*). — Э. 1981 (1983), 35—38.

Хэмп Э. Слав. **vonja*. — Э. 1982 (1984), 64—65.

Цейтлин Р. М. Заметки по старославянской лексикологии (1. Брѣгъ; 2. Дѣва — дѣвица; 3. Младъ). — Э. 1971 (1973), 102—114.

Цейтлин Р. М. О старославянских словах, которых нет в рукописях старославянского языка (1. Изащьникъ; 2. Соухоногъ; 3. Єдинакъ). — Э. 1975 (1977), 68—76.

Цейтлин Р. М. О значениях старославянских слов с корнем -прак-. — Э. 1978 (1980), 59—64.

Цельникер С. С. Некоторые дополнения к этимологии русск. *барсук*. — Э. (1963), 120—123.

Чайкина Ю. П. Еще раз о слове *кулига*. — Э. 1968 (1971), 176—185.

Чумакова Ю. П. Замечания к географии и этимологии слов *рядно, ряднина*. — Э. 1968 (1971), 171—175.

Чумакова Ю. П. Из этимологических примечаний к лексике рязанских говоров (*неткиголовки*; *зыбо*). — Э. 1982 (1984), 101—104.

Шагиров А. К. К выявлению генетически общих элементов лексики абхазо-адыгских языков. — Э. 1964 (1965), 323—333.

Шагиров А. К. Этимологический разбор кабардинской песенной фразы *уэрейдэ рейдэ оу* (или *у-э-э*) *редэдэ махуэ*. — Э. 1971 (1973), 368—371.

Шагиров А. К. К этимологии топонима *Мацеста*. — Э. 1973 (1975), 175—177.

Шагиров А. К. О тюркизмах в абхазо-адыгских языках. — Э. 1982 (1984), 159—165.

Шаур В. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев. — Э. 1971 (1973), 93—101.

Шустер-Шевц Х. Место и проблематика этимологического исследования (по материалам славянских языков). — Э. 1967 (1969), 71—79.

Шустер-Шевц Х. Сербо-лужицкие этимологии (1. В.-луж. *hwižd-žel* 'голень'; 2. Вост.-н.-луж. *hobisko* 'почка (в живом организме)'; 3. В. -луж. *kuntwora*, диал. *kuntora* 'комар'; 4. В.-луж. *liwki* 'тепловатый'; 5. В.-луж. *mjadro* 'катаракта, бельмо (глазная болезнь)'; 6. В.-луж. *ropr* 'длинный суконный мужской сюртук; воскресный сюртук'; 7. В.-луж. *zelić* 'браниться, громко извергать проклятья'; 8. Н.-луж. стар. *źrjon(o)* 'дерево'). — Э. 1970 (1972), 85—90.

Шустер-Шевц Х. В.-луж. *wjera*, *wjerbaba* 'Buschweib, ведьма' — неисследованный славянский лексический архаизм. — Э. 1975 (1977), 64—67.

Эккерт Р. Возможные отражения древнего корня **oụəd-* (ср. лит. *áusti* 'ткать') в праславянском языке. — Э. 1970 (1972), 46—54.

Якобссон Г. Этимология и семантика на примере нескольких древнерусских слов. — Э. 1964 (1965), 13—26.

Якобссон Г. Цели и методы этимологизации слов, выражающих некоторые абстрактные понятия (Примером служит понятие «время»). — Э. 1967 (1969), 32—35.

Рецензии

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II (*L—R*). Л., 1973 (*И. М. Оранский*). — Э. 1973 (1975), 193—196.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III (*S—T'*). Л., 1979 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1979 (1981), 177—179.

[Абрамян А. Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван. 1964] К дешифровке албанских надписей Азербайджана (*Г. Ворошил*). — Э. 1966 (1968), 392—400.

Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968 (*И. Г. Добродомов*). — Э. 1968 (1971), 270—272.

AIΩN. Annali del Seminario di Studi del Mondo Classico. Sezione linguistica. 1. 1979. Pisa, 1980 (*Вяч. Вс. Иванов*). —Э. 1981 (1983), 174—179.

A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerkesztő Benkő L., szerkesztők Kiss L., Papp L. I kötet (*A—Gy*). Budapest, 1967 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1968 (1971), 259—263.

A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerkesztő Benkő L., szerkesztők Kiss L., Papp L. II kötet (*H—O*). Budapest, 1970 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1970 (1972), 383—385.

Andriotis N. Lexicon der Archaismen in neugriechischen Dialekten (Österreich. Akad. der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Schriften der Balkankomission. Linguist. Abt. 22). Wien, 1974 (*В. П. Нерознак*). — Э. 1976 (1978), 171—175.

Az etimológia elmélete és módszere. Az 1974. augusztus 22. és 24. között rendezett nemzetközi konferencia előadásai. Szerk. Benkő L. és K. Sal É. Budapest, 1976 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1976 (1978), 176—177.

Baltistica. Baltų kalbų tyrinėjimai, I (1—2). Vilnius, 1965, 1966 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1966 (1968), 379—380.

Baltistica. Baltų kalbų tyrinėjimai, III (1, 2). Vilnius, 1967 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1968 (1971), 265—266.

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 350—351.

Bezlaj F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana. 1967 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1968 (1971), 266—268.

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga (*A—J*). Ljubljana, 1976 (*Л. В. Куркина*). — Э. 1977 (1979), 166—172.

Boryś W. Prefiksacja imienna w językach słowiańskich. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1976 (1978), 167—169.

Budziszewska W. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965 (*В. А. Меркулова*). — Э. 1966 (1968), 380—381.

Чабей Э. Этюды по этимологии албанского языка, I—III (*О. С. Широков*). — Э. (1963), 303—306.

Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe I—XXVIII (Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranes. Seria shkencat shoqërore, 1960—1964. — Studime filologjike, 1964—1968) (*В. П. Нерознак*). — Э. 1973 (1975), 196—200.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей (X—XI вв.). М., 1977 (*Т. А. Иванова*). — Э. 1978 (1970), 193—196.

Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen. Untersuchungen zum Deutschen Wortatlas, hrsg. von L. E. Schmitt. Bd. I, II, III.

Giessen, 1958, 1963, 1964 (*М. М. Маковский*). — Э. 1965 (1967), 374—378.

Devoto G. Origini indeuropee. Firenze, 1962 (*В. М. Иллич-Свитыч*). — Э. 1966 (1968), 386—388.

Dumézil G. Documents Anatoliens zur les langues et les traditions du Caucase. IV. Récits Lazes (dialecte d'Archavi). Bibliothèque de l'École des Hautes Études, vol. LXXIV. Paris, 1967 (*Г. А. Климов*). — Э. 1968 (1971), 257—259.

Еленский Й. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, 1980 (*Г. Ф. Одинцов*). — Э. 1982 (1984), 180—186.

Erhart A., Večerka R. Úvod do etymologie (Pro bohemisty i ostatní lingvisty). Brno, 1975 (*Ж. Ж. Варбот*). — Э. 1977 (1979), 174—177.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 1 (*А—Б*). Мінск, 1978 (*В. А. Меркулова*). — Э. 1979 (1981), 174—176.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 2 (*В*). Рэд. В. У. Мартыноў. Мінск, 1980 (*В. А. Меркулова*). — Э. 1981 (1983), 160—161.

Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy. Kabinet cizích jazyků ČSAV. Praha, 1978 (Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина). — Э. 1979 (1981), 179—182.

Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978 (*В. Я. Дерягин, И. Г. Добродомов*). — Э. 1979 (1981), 182—185.

Этимологические исследования. Свердловск, 1981 (*Т. В. Горячева*). — Э. 1982 (1984), 166—173.

Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. ČSAV. Ústav jazyků a literatur. Brno, 1966 (*Ж. Ж. Варбот*). — Э. 1967 (1969), 317—318.

Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Tento svazek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1974 (1976), 175—177.

Etymologie. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt. (Wege der Forschung. B. CCCLXXIII). Darmstadt, 1977 (*Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина*). — Э. 1978 (1980), 185—193.

Езиковедски проучвания. В чест на академик Владимир Георгиев. София, 1980 (*Л. В. Куркина*). — Э. 1981 (1983), 162—168.

Georgakas D. Ichtyological terms for the sturgeon and etymology of the international terms Botargo, Caviar and congeners (A linguistic, philological and culture-historical study). Athens, 1978 (*Я. Б. Рудницкий*). — Э. 1980 (1982), 177—179.

Georgiev Vl. Hethitisch und Etruskisch. Die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache. Sofia, 1962 (*А. И. Харсекин*). — Э. 1964 (1965), 373—376.

Георгиев Вл., Гълъбов И., Заимов Й., Илчев Ст. Български етимологичен речник, св. I (*а — бронз*), св. II (*бронхи — владея*). София, 1962, 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 353—354.

Георгиев Вл., Гълъбов И., Заимов Й., Илчев Ст. Български етимологичен речник, св. III (*владика — гиврътна*). София, 1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 381—382.

Георгиев Вл., Гълъбов И., Заимов Й., Илчев Ст. Български етимологичен речник, с. IV (*глагорина — дарма*). София, 1965 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1966 (1968), 378.

Георгиев Вл., Гълъбов И., Заимов Й., Илчев Ст. Български етимологичен речник, св. V (*дармадаана—доам*). София, 1966 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1967 (1969), 314—315.

Георгиев Вл., Гълъбов И., Заимов Й., Илчев Ст. Български етимологичен речник, св. VI (*доба — едър*). София, 1968; св. VII (*едюнч—журжовец*). София, 1969 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1970 (1972), 370—371.

Георгиев В., Гълъбов И., Заимов Й., Илчев Ст. Български етимологичен речник, св. VIII (*журжукалец — зярвам*). София, 1971 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1972 (1974), 179—181.

Георгиев М., Заимов Й., Илчев Ст., Чалъков М. Български етимологичен речник. св. IX—X (*И — калапу́шник*). София, 1974 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1975 (1977), 172—173.

Георгиев В., Заимов Й., Илчев Ст. и др. Български етимологичен речник, св. XI—XII (*каластѝр — кача́к*); XIII—XIV (*качама́к — клѝкам*). София, 1976, 1977 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1978 (1980), 183—184.

Георгиев В., Заимов Й., Илчев Ст., Чалъков М., Иванов Й., Михайлова Д. Български етимологичен речник, св. XV—XVI (*клика́р — компло́т*). София, 1978; Георгиев В., Илчев Ст., Иванов Й., Михайлова Д., Анастасов В., Дукова У., Рачева М., Тодоров Т. Български етимологичен речник, св. XVII—XVIII (*композѝрам — крепя́*). София, 1979 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1979 (1981), 176—177.

Георгиев В. [et al.]. Български етимологичен речник, св. XIX—XX (*крес — ку́три*). София, 1980 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1981 (1983), 159—160.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка, т. I (*А—Б*). Йошкар-Ола, 1979 (А. П. Феоктистов). — Э. 1980 (1982), 186—193.

Hass O. Das frühitalische Element. Versuch über die Sprache der ersten Indogermanen Italiens. Wien, 1960 (*Л. А. Гиндин*). — Э. 1964 (1965), 367—370.

Харсекин А. И. Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. Ставрополь, 1963. — Э. 1964 (1965), 370—373.

Houwink ten Cate Ph. H. J. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period. Leiden, 1961. — Э. 1964 (1965), 365—367.

Hubschmid J. Thesaurus praeromanicus, Faszikel 1. Grundlagen für ein weitverbreitetes mediterranes Substrat, dargestellt an romanischen, baskischen und vorindogermanischen *p*-Suffixen. Bern, 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 379—380.

Huxley G. Grete and the Luwians. Oxford, 1961. — Э. 1964 (1965), 382—384.

Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. Л., 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 355.

Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и сла-

вянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963 (*В. А. Редькин*). — Э. 1964 (1965), 347—350.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (*b—Ḳ*). М., 1971 (*Вяч. Вс. Иванов*). — Э. 1972 (1974), 182—184.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (*l—ʒ*). Указатели. М., 1976 (*Вяч. Вс. Иванов*). — Э. 1977 (1979), 179—184.

Историческое развитие лексики тюркских языков (сборник статей). М., 1961 (*С. С. Цельникер*). — Э. (1963), 300—302.

Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade. II dio. Rječnik. Zagreb, 1973; Čakavisch-deutsches Lexikon. T. I. Von Mate Hraste und Petar Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von Reinhold Olesch. Köln—Wien, 1979 (*Л. В. Куркина*). — Э. 1980 (1982), 180—186.

Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1979 (1981), 189—190.

Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974 (*Л. В. Куркина*). — Э. 1975 (1977), 173—175.

Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964 (*Е. А. Бокарев*). — Э. 1964 (1965), 377—378.

Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. Lief. 1. Zur Schreibung und Lautung des Hethitischen; Lief. 2—3. Wortbildung des Hethitischen. Wiesbaden, 1962—1964. — Э. 1965 (1967), 378—380.

Leder Irmgard. Russische Fischnamen. Weisbaden, 1969 (*И. Г. Добродомов*). — Э. 1970 (1972), 381—387.

Lehr-Spławiński T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich, zesz. 1 (*A—D'üzd*). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 351—353.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970 (*В. К. Кельмаков*, *Т. И. Тепляшина*). — Э. 1970 (1972), 388—397.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968 (*Ж. Ж. Варбот*). — Э. 1970 (1972), 374—381.

Malingoudis Ph. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. Wiesbaden, 1981 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1982 (1984), 176—179.

Malkiel Y. Etymological distionaries. A tentative typology. Chicago and London, 1976 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1977 (1979), 172—174.

Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск, 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 357—359.

Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch. Bd. I. Die altiranischen Namen. Fasz. 1, 2, 3. Wien, 1977, 1979 (О. Н. Трубачев). — Э. 1981 (1983), 170—172.

Meritt H. D. Some of the hardest glosses in Old English. Stanford (California), 1969 (*М. М. Маковский*). — Э. 1970 (1972), 387—392.

Mihăilă G. Împrumuturi vechi sud-slave în limba romînă. Studiu

lexico-semantic. Bucureşti, 1960 (*Н. И. Толстой*). — Э. (1963), 278—281.

Morgenstierne G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974 (*И. М. Стеблин-Каменский*). — Э. 1976 (1978), 169—171.

Naert P. La situation linguistique de l'aïnou. I. Aïnou et indoeuropéen. Lund, 1958. — Э. (1963), 293—299.

Опельбаум Е. В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971 (*В. А. Меркулова*). — Э. 1972 (1974), 181.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967 (*В. В. Мартынов*). — Э. 1968 (1971), 247—251.

Pfister M. Einführung in die romanische Etymologie. Darmstadt, 1980 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1981 (1983), 172—174.

Polański K. and Sehnert J. A. Polabian-English dictionary (=Slavistic printings and reprintings, ed. by. C. H. van Schooneveld, LXI). The Hague—Paris, 1967 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1967 (1969), 327—328.

Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zesz. 2 (*D'üzd—L'otü*). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1972 (1974), 178—179.

Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zesz. 3 (*l'ǫdü — perě*). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1973 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1973 (1975), 179—180.

Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zesz. 4 (*perět — ŕott'ə*). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1977 (1979), 165—166.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen. Helsinki, 1969 (*Л. С. Левитская*). — Э. 1970 (1972), 385—388.

Rudnyćkyj J. B. An etymological dictionary of the Ukrainian language, p. 1—3. Winnipeg, 1962—1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 382—383.

Rudnyćkyj J. B. An etymological dictionary of the Ukrainian language. P. 1—5. Winnipeg, 1962—1966; P. 1—5, second revised edition. Winnipeg, 1966 (*И. Герус-Тарнавецкая*). — Э. 1968 (1971), 243—247.

Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos leksikos raida. — Lietuvių kalbos leksikos raida. Vilnius, 1966 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1967 (1969), 318—320.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 1. Wiesbaden, 1963 (*О. Н. Трубачев*).-Э. 1964 (1965), 345-347.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 2. Wiesbaden, 1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 385—386.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 3. Wiesbaden, 1967 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1968 (1971), 263—264.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief. 4, 5. Wiesbaden, 1968, 1970 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1970 (1972), 373—374.

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief. 6. Wiesbaden, 1973 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1974 (1976), 178—179.

Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university, ročn. XIII, řada jazykovědná (A), č. 12. Brno, 1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 389—390.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, т. I—II (*А—Н*; *П*—I). М., 1977 (*А. И. Абдоков*). — Э. 1978 (1980), 197—201.

Šaur V. Etymologie slovanských příbuzenských termínů. Praha, 1975 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1976 (1978), 166—167.

Scholz F. Slavische Etymologie. Eine Anleitung zur Benutzung etymologischer Wörterbücher. Wiesbaden, 1966 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1968 (1971), 251—256.

Schulz G. V. Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler. Berlin—Wiesbaden, 1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 388—389.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. 1. (*A — bohot*). Bautzen, 1978 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1978 (1980), 184—185.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974 (*А. М. Щербак*). — Э. 1975 (1977), 176—180.

Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Uredili akademici Mirko Deanović i Ljudevit Jonke, surađivao u preradnjama i priredio za tisak Valentin Putanec; knj. I (*A—J*). Zagreb, 1971 (*Фр. Безлай*). — Э. 1970 (1972), 373—383.

Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. II (*K — poni*). Zagreb, 1972 (*Фр. Безлай*). — Э. 1973 (1975), 181—190.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 2 (7) (*kaznodzieja — klimkować*). Kraków, 1961 (*О. Н. Трубачев*). — Э. (1963), 282—283.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 3 (8) (*klimkować — kokornak*). Kraków, 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 354—355.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 4 (9) (*kokornak — kooperacja*). Kraków, 1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 380—381.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 5 (10) (*kooperatywa — kot*). Kraków, 1965 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1966 (1968), 376—377.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. III, zesz. 1 (11) (*kotar — krobia*). Kraków, 1966 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1967 (1969), 315—317.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. III, zesz. 2 (12) (*krobia — krzepnąć*). Kraków, 1967 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1968 (1971), 269—270.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. III, zesz. 3 (13) (*krzepnieć — kukurbita*). Kraków, 1968; zesz. 4—5 (14—15) (*kukurejka — kysz*). Kraków, 1969 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1970 (1972), 372—373.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. IV, zesz. 1 (16) (*la — legart*). Kraków, 1970 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1971 (1973), 372—373.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. IV, zesz. 2 (17) (*legartować — li*). Kraków, 1971 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1972 (1974), 177—178.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. IV, zesz. 3 (18); (*liana — loden*). Kraków, 1972 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1973 (1975), 178—179.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. IV, zesz. 4 (19) (*lodnica — łabędź*). Kraków, 1973 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1974 (1976), 182—183.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. IV, zesz. 5 (20) (*łabet — łapucha*). Kraków, 1974 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1975 (1977), 171—172.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. V, zesz. 1 (21) (*Łasia — łątka* 2). Kraków, 1975 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1976 (1978), 164—166.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. V, zesz. 2 (22) (*łątka* 3 — *łom*). Kraków, 1976 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1977 (1979), 164—165.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. V, zesz. 3 (23) (*łomać — łoźnik*). Kraków, 1977 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1978 (1980), 182—183.

Sławski Fr. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. V, zesz. 4 (24) (*łożny — *łyzgnąć*). Kraków, 1979 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1982 (1984), 165.

Славянская лексикография и лексикология. М., 1966 (*Л. В. Куркина*). — Э. 1967 (1969), 323—325.

Słownik prasłowiański, t. I (*A — B*). Pod red. F. Sławskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1975 (1977), 169—171.

Słownik prasłowiański, t. II (*C — davьnota*). Pod red. F. Sławskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1976 (1978), 163—164.

Słownik prasłowiański, t. III (*davьnъ — dobьrati*). Pod red. F. Sławskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1979 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1980 (1982), 168—170.

Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych. Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehra-Spławińskiego, t. I, część 1 (*A—B*). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961 (*О. Н. Трубачев*). — Э. (1963), 284—286.

Słownik starożytności słowiańskich. Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehra-Spławińskiego, t. I, część 2 (*C—E*); t. II, część 1 (*F—H*). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, 1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 386—388.
Słownik starożytności słowiańskich. Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehra-Spławińskiego, t. II, część 2 (*I—K*). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1967 (1969), 320—321.
Solta G. R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960 (*Л. А. Гиндин*). — Э. 1964 (1965), 362—365.
Solta G. R. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1981 (1983), 168—170.
Stang Chr. S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo — Bergen — Tromsø, 1972 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1974 (1976), 179—181.
Striedter-Temps H. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin—Wiesbaden, 1963, (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 359—360.
Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 5. Warszawa, 1965 (*Л. В. Куркина*). — Э. 1966 (1968), 382—386.
Szemérenyi O. Principles of etymological research in the Indo-European languages. II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 344—345.
Szemerényi O. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages with special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. — Acta Iranica. Textes et mémoires, V. VII. Extrait. Édition Bibliothèque Pahlavi. Téhéran — Liège, 1977 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1979 (1981), с. 185—189.
Szótörténeti és szófejtő tanulmányok, szerkesztette Pais. D. és Benkő L. Budapest, 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 380—381.
Tischler J. Hethitisches etymologisches Glosser. Lief. 1.2. Innsbruck, 1977, 1978 (*Вяч. Вс. Иванов*). — Э. 1981 (1983), 179—184.
Trier J. Venus. Etymologien um das Futterlaub. Köln—Graz, 1963 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 361—362.
Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1980 (1982), 170—177.
Unbegaun B. O. Russian surnames. Oxford, 1972 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1973 (1975), 191—193.
Vahros I. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna. Helsinki, 1966 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1967 (1969), 321—323.
Valtonen P. Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja. Helsinki, Suomalaisen kirjalisuuden seura, 1972 (*К. Костов*). — Э. 1975 (1977), 180—186.
Van Windekens A. J. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. Louvain, 1976 (*Вяч. Вс. Иванов*). — Э. 1977 (1979), 178—179.

Vasmer M. Wörterbuch der russischen Gewässernamen, I. Berlin — Wiesbaden, 1960 (*В. А. Никонов*). — Э. (1963), 275—277.

Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Studie sémasiologická se zřetelem jazykově zeměpisným. Bratislava, 1955 (*В. В. Лопатин*). — Э. (1963), 287—292.

Винник В. О. Назви одиниць виміру і ваги в українській мові. Київ, 1966 (*И. Г. Добродомов*). — Э. 1967 (1969), 325—327.

Volm M. H. Indoeuropäisches Erbgut in den germanischen und slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1962 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1964 (1965), 356.

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 1/2, 3/4. Heidelberg, 1979—1981 (*А. Е. Аникин*). — Э. 1982 (1984), 173—176.

Základní [všeslovanská slovní zásoba. Ústav jazyků a literatur ČSAV. Etymologické pracoviště v Brně [Brno], 1964 (*О. Н. Трубачев*). — Э. 1965 (1967), 384—385.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ